Е. М. КРАСНОУСОВ

ШАНХАЙСКИЙ

РУССКИЙ ПОЛК

1927 — 1945

Е. М. КРАСНОУСОВ

ШАНХАЙСКИЙ

РУССКИЙ ПОЛК

1927—1945

Е. М. КРАСНОУСОВ

ШАНХАЙСКИЙ

РУССКИЙ ПОЛК

1927 — 1945

Издательство «Глобус»
Сан Франциско
1984

E. M. KRASNOUSOV

SHANGHAISKII RUSSKII POLK

1927 — 1945

Globus Publishers, P. O. Box 27471
San Francisco, CA 94127. U.S.A. Tel. (415) 668-4723

E. M. Krasnousov

SHANGHAI RUSSIAN REGIMENT 1927 – 1945

Library of Congress Catalog Card Numfer: 84-081314

ISBN 0-88669-067-6

Printed in United States of America.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Идея создания книги-памятки «Ш.Р.П.» принадлежит последнему Адъютанту Полка капитану Е. М. Красноусову, который в течении всей его большей части 20-тилетней службы в Полку, кроме своих прямых обязанностей, заведовал всеми видами спорта, а равно был организатором и участником всех состязаний и выступлений спортсменов Полка.

Молниеносные события в Китае и смена правительства оказались фатальными для Полка, и в 1945 году Полк был расформирован, т. е. кончил свое существование.

Последовавшая эвакуация русских из Шанхая по разным странам распылила всех.

Евгений Михайлович с семьей поехал сперва на Филиппины, а затем в Австралию, где обосновался в г. Бризбане.

Мы узнали, что он хочет, по мере сил и возможностей, начать собирать и суммировать все имеющиеся у него материалы о жизни Полка. Весь официальный архив Полка погиб в Шанхае, и у него не было ничего, кроме его записок.

Пишущий эти строки капитан П. И. Гапанович, будучи командиром роты, по долгу службы должен был собирать материал из документов Полка для чтения лекций своей роты — так за несколько лет у него собрался официальный материал о всех выдающихся событий в Полку.

Списавшись с Евгением Михайловичем, я при первой же возможности отправил ему все документы, — чем сильно помог в его работе.

Книга была закончена, и Евгений Михайлович отправил ее для просмотра и утверждения К-ру Полка.

Через довольно непродолжительный период времени, к нашему глубокому горю, почил вечным сном автор ее, наш всеми любимый и уважаемый Евгений Михайлович.

Командир Полка, незадолго до своей кончины, передал все рукописи, касающиеся означенной книги, Леониду Петровичу Бентхену, который суммировал весь материал и сделал все предварительные приготовления для печатания.

Время шло и постепенно стали покидать наш свет старшие начальники Полка. И теперь, являясь последним представителем командного состава, я счел своим долгом и взял на себя бремя издания настоящей книги.

П. И. ГАПАНОВИЧ.

Шанхай

Шанхай, с именем которого связано много легенд, часто называют «Парижем Востока», но это сравнение, по-моему, очень односторонне.

Я-бы сказал, что Шанхай — это город контрастов; единственный город в мире, где так резко и в крупном масштабе сочетаются несочетаемые противоположности. В рамках этого города-гиганта старинная китайская культура уживается с современнейшей цивилизацией, неописуемая роскошь живет рядом с нищетой, рабский труд и легкая нажива, без особых затруднений, идут рука-об-руку, как два добрых друга-приятеля, рядом с роскошным особняком богача ютится жалкая хибарка китайского кули, по одной и той-же улице мчится автомобиль или грузовик последней марки и тащится жалкая, грязная рикша или вилбороу, а в нескольких шагах от величественных храмов находишь трущобы, где процветает разврат.

И все это, старое и новое, хорошее и плохое, зарегистрировано и своеобразно узаконено.

Этот город никогда не спит. Только дневная деловая жизнь его сменяется нездоровой ночной жизнью кабаков и притонов. Тихая, безлюдная днем «кровавая аллея» (Чу Пао Сан) шумит и волнуется, как море, наполняя воздух пьяными песнями, грубой бранью, тревожными свистками военной полиции самых различных национальностей и гудками-сиренами амбулансов.

Никогда не спит и всегда настороже защита Шанхая — его полиция. Разбой, похищения, грабежи, террористические акты, выполняемые по последнему слову современной криминальной техники, никогда не прекращаются, ни днем, ни ночью.

Шанхай — никогда не успокаивающийся город. Постоянные забастовки, демонстрации политические и рабочие, студенческие и просто хулиганские меняются только в размерах своей интенсивности, но они живут постоянно в этом городе противоречий.

Точное время основания Шанхая установить трудно, но, во всяком случае, это было до Рождества Христова.

В первые времена своего существования Шанхай развивался крайне медленно, так-как в течении веков, вся торговля нижнего Ян-Цзе-Цзяна была сосредоточена при впадении в него реки Лиу Хуэ, в 25-ти милях вверх по течению от городка Вузунга, но потом эта река превратилась в полузасорившийся приток, и с этого времени, судоходство перешло на реку Вампу, благодаря чему Шанхай сделался главным торговым центром всего района.

С тех пор, Шанхай удерживает свое значение, как видный торговый пункт, что несомненно явилось следствием близости его к морю и большому движению через него китайских судов.

Развивая свою торговлю, Шанхай стал быстро богатеть. Это обстоятельство, однако, имело для него и свою отрицательную сторону, так-как город начал привлекать к себе внимание морских пиратов, которые временами нападали на него, и жители города принуждены были отбивать эти нападения с оружием в руках. Впоследствии, однако, нападения эти настолько участились и усилились, что жители Шанхая уже не в состоянии были самостоятельно справляться с обороной города и обратились к Императору с просьбой разрешить им построить вокруг города стену.

Стена эта была построена во второй половине 16-го столетия и просуществовала до двадцатых годов настоящего столетия, когда ее снесли и на ее месте проложили бульвар, по которому сейчас идет одна из трамвайных линий. Так памятник старины был принесен в жертву прогрессу и уступил место новым требованиям, нарождающейся молодой китайской культуры, развивающейся под влиянием запада.

Впервые иностранные суда появились в Шанхае в 13-м столетии и возбудили громаднейший интерес среди китайцев.

Иностранцы, получившие кличку «заморских выходцев», привезли в Китай самые разнообразные товары, которые, однако, не были оценены в достаточной мере и были признаны китайцами как мало-пригодные для их обихода.

Любопытно отметить, что такое мнение создалось не потому, что действительно привезенные товары бы-

ли непригодными, а главным образом потому, что китайцы брезговали ими, считая себя людьми высшей расы, подданными «Срединного Царства», то-есть такого, которое является как-бы посредником между небом и землей и, следовательно, стоит во всех отношениях неизмеримо выше остальных государств.

Иностранцы, в глазах китайцев, являлись полнейшими варварами, иметь сношения с которыми было унизительно и не допустимо, и это создало с первых-же шагов затруднения на пути мирного развития торговых сношений с ними.

Чтобы охарактеризовать отношение китайцев к людям белой расы, интересно отметить, что им было дано прозвище «чужеземных чертей», термин, который, между прочим, и сейчас не совсем вышел из употребления.

Понятно, что при таких отношениях местного населения, первые шаги европейских купцов-пионеров были очень тяжелы, этим-же объясняется и то, почему впоследствии Китай, в свою очередь, подвергся большим унижениям со стороны иностранцев.

Сначала торговые сношения с Китаем были возможны лишь через Кантон, однако, предприимчивые коммерсанты того времени сделали должную оценку всем выгодам, которые могла-бы дать им торговля через Шанхай, и уже в 1756-м году один из членов Ост-Индской компании сделал предложение устроить в Шанхае товарный склад.

Однако, только лишь в 1832-м году эту мысль удалось до некоторой степени провести в жизнь, когда член этой компании Линдсей прибыл в Шанхай, где был принят крайне недружелюбно и даже обстрелян (правда холостыми зарядами) с фортов Вузунга.

Тем не менее, Линдсей посетил город, добился аудиенции у Губернатора и хотя ему и не удалось добиться разрешения начать здесь торговые операции. Он собрал много ценных сведений об этом городе и в достаточной степени оценил его будущее значение для торговли. Линдсей составил подробный отчет о своей поездке, и в этом отчете, между прочим, было указано, что в Шанхай за сутки приходило и уходило более 400 джонок. К сожалению, хотя этот отчет и заинтересовал директоров Ост-Индской компании, они не нашли нужным предпринять что-либо, и Шанхай продолжал оставаться закрытым для иностранцев.

В 1839-м году вспыхнула война между Китаем и Англией, закончившаяся взятием Гонконга (в 1841 г.), а затем Амоя и Нингпо.

По окончании военных операций на юге, британская эскадра появилась у фортов Вузунга, и 13-го июля 1842 г. англичане высадили около него десант в четыре тысячи человек, который, при поддержке эскадры, быстро покончил с фортами и 19-го июля, преодолев небольшое сопротивление, занял Шанхай.

После этого эскадра блокировала Императорский канал и прошла к Нанкину, где и был подписан знаменитый Нанкинский договор, по которому порты Сватао, Амой, Фучао, Нингпо и Шанхай были объявлены открытыми для иностранной торговли, а Гонконг перешел в полное владение Англии.

Некоторое время спустя после подписания Нанкинского договора, Английское правительство командировало в Шанхай Сэра Гарри Поттингер с поручением выбрать, совместно с назначенным на пост Английского Консула, капитаном Бальфур, место для образования нового английского поселения.

Выбор их пал на участок земли, лежащий между Сучжоусским каналом и теперешней Авеню Эдуарда VII.

Место это ни в коем случае нельзя было назвать особенно удобным для поселения, так-как оно представляло собой почти сплошное болото, в котором обильно размножались распространители малярийных заболеваний — комары, к тому-же и климатические условия были тяжелы для иностранцев благодаря изнуряющей жаре и сырости в летнее время.

На десятки миль кругом тянулась болотистая, пересеченная бесчисленными каналами безлесная равнина, с разбросанными тут и там могильными холмами.

Нужно отметить, что эти каналы имели громадное значение в истории развития города, так-как благодаря тому, что влияние морских приливов чувствовалось на пятьдесят миль вверх по течению Ян Цзэ Цзяна, каналы эти наполнялись пресной водой из этой реки и были судоходны. По ним проходило громадное торговое движение, конечным пунктом которого был Шанхай.

Эти-же каналы позволяли жителям два, а иногда и три раза в год, снимать великолепные урожаи.

Прежде чем приступить к постройкам, англичане провели значительные работы по осушению местности

и местами даже подняли ее уровень.

Только лишь к 1849-му году англичане начали селиться на выбранном для них участке. В этом году в Шанхае уже насчитывалось 25 иностранных фирм, а число живших в нем европейцев достигало ста.

В 1849 году Китайским правительством был уступлен Франции участок земли между стенами Китайского города и Английским Сеттлементом.

В конце пятидесятых годов Американское правительство тоже получило концессию, расположенную в приречной части Хонкью, по Сучжоусскому каналу и реке Вампу, там, где впоследствии были сооружены главнейшие пристани и доки Шанхая.

В 1863 году Американский Сеттлемент слился с Английским и создалась своеобразная автономная республика, получившая наименование «МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЕТТЛЕМЕНТ».

Французы отказались от слияния и сохранили свою Концессию, с особым управлением.

Со времени образования Сеттлемента, Шанхай начал быстро развиваться как в торговом, так и в культурном отношении, и мало-по-малу сделался одним из главнейших по своему значению городов Китая.

Однако, прежде чем оказалось возможным спокойно пользоваться плодами своих трудов, иностранцам пришлось пережить немало тревожных и тяжелых минут, ибо история Шанхая со времени образования в нем Сеттлемента, ознаменовалась кровавыми столкновениями, как китайцев между собой, так и европейцев с туземцами.

Наиболее выдающимися из этих событий были восстание триадов и борьба с тайпингами.

В сентябре 1852 года туземная часть города Шанхая была взята восставшими триадами — последователями одного из бесчисленных китайских обществ.

Императорское Китайское правительство послало войска для подавления этого восстания, однако, триады сумели выдержать осаду города, отсиживаясь за городской стеной, в течение семнадцати месяцев.

В этот период времени иностранцев больше всего тревожило присутствие осаждающих двадцати тысяч мало-дисциплинированных китайских правительственных войск, которые вначале относились к иностранцам

корректно, а потом начались грабежи, разбои и, в конце концов, открытые нападения на иностранных резидентов города.

Это вынудило Английского посла в апреле 1854 года потребовать от Китайского правительства удаления осаждающих войск из непосредственной близости к Сеттлементу, причем это требование было ультимативно и, в случае невыполнения его, англичане угрожали применением военной силы и уничтожением лагеря осаждавших.

В ответ на это китайский командующий правительственными войсками генерал ответил, что иностранцев слишком мало, чтобы они смогли привести в исполнение свою угрозу, а он не считает возможным убрать свои войска.

По получении этого ответа, представители иностранных держав послали ультиматум увести войска к 4-м часам дня 4-го апреля из окрестностей Сеттлемента.

Настроение иностранцев было приподнятое. Около двух часов дня 4-го апреля китайские солдаты напали на англичанку и ее спутника на одной из улиц Сеттлемента. Немедленно был высажен десант с английских и американских кораблей, который, вместе с отрядом волонтеров из числа жителей Сеттлемента, всего в числе трехсот человек, двинулся к району китайского лагеря, расположенного на месте нынешнего Шанхайского Рейс-Клуба, в самом центре Сеттлемента.

Этот Отряд Волонтеров положил основание ШАНХАЙСКОМУ ВОЛОНТЕРСКОМУ КОРПУСУ, на кокарде которого была выбита дата «4-е апреля 1854 года».

Впоследствии, **регулярной** частью этого Корпуса, с 1927 года и до начала 2-й мировой войны был РУССКИЙ ПОЛК, — краса и гордость Шанхая.

Наступавшая иностранная колонна предполагала, что китайцы не примут боя и отойдут, но получилось иначе и небольшая горсточка иностранцев столкнулась лицом к лицу с десятитысячной армией, открывшей по ним огонь.

Положение иностранного отряда было критическое, но несколько удачных выстрелов из десантного орудия, внесли смятение в рядах китайских правительственных войск, чем воспользовались иностранцы и бросились в стремительную атаку.

Видя происходящее, осажденные революционеры-

триады, в свою очередь, бросились в атаку на правительственные войска, которые через два часа боя обратились в бегство.

Это дело получило название сражения при «Мадди флат» (болотистая равнина).

После этих событий нормальная жизнь Шанхая была быстро восстановлена и мирное течение ее не нарушалось в течение шести лет, до восстания тайпингов.

История этого восстания такова: в начале пятидесятых годов один китаец, по фамилии Хуан Сю-цан, получивший некоторое представление о сущности христианства, основал религиозное общество, назвав его «Обществом Всевышняго», и повел самую активную проповедь против идолопоклонства.

Неудовлетворительное внутреннее положение Китая вскоре изменило характер движения, примешав к религиозным делам политические, направленные против правившей в то время Маньчжурской Династии, и мало-по-малу движение это превратилось в настоящую революцию.

Восстание быстро охватило весь Центральный Китай. Восставшие захватили все большие города и, наконец, захватили Нанкин. Хуан Сю-цан провозгласил себя «Небесным Императором» и «Братом Иисуса Христа», а новую династию назвал тайпингской, то-есть «небесной». Нанкин был объявлен столицей.

Этот год (1853) был кульминационным могущества тайпингов, так-как после своих головокружительных успехов главари движения потеряли энергию и предались роскоши и излишествам, а сам Хуан Сю-цан превратился в типичного военного деспота.

Императорское Китайское правительство в то время очень неразумно ввязалось в войну с Англией и Францией, и не могло справиться с тайпингами.

Воспользовавшись положением, тайпинги направили свое движение к морю — на Шанхай, рассчитывая захватить там большие склады товаров, а также и суда.

В 1860 году революционеры, приближаясь к Шанхаю, подошли к городу Сучжоу. Видя надвигающуюся опасность, французский адмирал Монтабан предложил английскому посланнику, проживавшему в Шанхае, послать на помощь Сучжоу отряд, но английский посланник, ссылаясь на объявленный нейтралитет, отказался.

Сучжоу был взят без сопротивления и тайпинги

вырезали около ста тысяч населения. Шанхай переполнился беженцами, среди которых была масса очень богатых людей. Вслед за этими богачами, в город проникли темные и преступные элементы, и вскоре стало известно, что при приближении тайпингов к Шанхаю в городе произойдет погром.

Чувствуя свою беззащитность, состоятельные классы населения Шанхая образовали лигу для защиты города, собрали крупные средства и пригласили на службу одного храброго американца — искателя приключений, по фамилии Ворд, которому и поручили сформировать отряд и выступить против тайпингов.

Благодаря энергии и опыту, Ворд из подонков общества, дезертиров и авантюристов сумел создать дисциплинированную, сплоченную боевую единицу, которая одержала ряд крупных побед и получила от Китайского правительства официальное наименование «Всегда побеждающей армии».

В то время англичане и французы все еще придерживались нейтралитета, и не только не поддержали Ворда, но потребовали его ареста и предания суду.

Ворд, однако, сумел убежать, принял китайское подданство и вновь появился во главе своего отряда.

Любопытно отметить, что не прошло и десяти месяцев после побега Ворда, как сами англичане признали его отряд образцовым и пожелали воспользоваться им, как ядром для создания международной военной силы, без которой внести успокоение в Китае, по-видимому, становилось невозможно. Ворд был оставлен во главе отряда и ему был дан чин бригадного генерала.

В феврале 1862 года Ворд, во главе своего отряда и китайских правительственных войск, наголову разбил двадцатитысячный отряд тайпингов и уничтожил флотилию, с помощью которой они предполагали произвести десант у Шанхая. Вслед за этим он очистил от тайпингов весь правый берег реки Вампу.

Однако, в конце апреля 1862 года, тайпинги подошли к Вузунгу, с целью занять форты этой крепости и отрезать Шанхай от моря, но понесли поражение и отступили. Вскоре после этого они снова появились на правом берегу Вампу, носящем название Путунг, то-есть подошли вплотную к Сеттлементу, от которого их отделяла только река.

Шанхай лихорадочно готовился к обороне, но в го-

роде было очень мало войск: один пехотный английский полк, один индусский и французские моряки.

Шанхай оказался со всех сторон окруженный революционерами, которые отрезали его от всего остального Китая; подходил голод и городу угрожало возникновение голодных бунтов, справиться с которыми наличными иностранными силами было невозможно.

Английский адмирал Хор и французский адмирал Протэ, командовавшие иностранными войсками в Шанхае, пришли к заключение, что поддерживать нейтралитет больше было нельзя и нужно было открыто выступить против тайпингов.

Они усилили отряд Ворда еще на 400 человек при трех орудиях, но местные победы Ворда не разрешали положения. К этому времени иностранный гарнизон Шанхая был увеличен до 4.000 человек при тридцати орудиях, и решено было очистить от тайпингов местность на 30 миль вокруг Шанхая.

Операция эта была выполнена, но при этом погиб адмирал Протэ.

Благодаря полной индефферентности китайских правительственных войск во время этой борьбы с тайпингами, иностранному отряду приходилось выделять группы войск, как гарнизоны очищаемых городков, и силы отряда быстро таяли.

Россия сделала предложение Англии и Франции послать на помощь значительные подкрепления войсками и флотом, но это предложение было отклонено.

Между тем, тайпинги опять появились уже в непосредственной близости к Шанхаю, в районе Зикавейского монастыря, а потом и в районе теперешней Немецкой школы (в конце авеню Фош).

Иностранный отряд перебрасывался с места на место, очищая местность от тайпингов. В одном из таких боев был убит Ворд, по сие время считающийся героем Китая.

Смерть Ворда, по-видимому, побудила китайское правительство проявить большую энергию в компании против тайпингов, так-как им вскоре после этого было решено отправить сильную экспедицию для взятия Нанкина.

Во главе всех войск, назначенных для этой операции, был поставлен английский генерал Гордон, который совершенно реорганизовал «Всегда побеждающую армию», состав которой в то время превышал уже 5.000

человек, и после ряда блестящих побед взял в 1864 году Нанкин.

Так было ликвидировано восстание тайпингов, продолжавшееся четырнадцать лет. Это восстание опустошило богатейшие провинции Китая, уничтожило 600 городов и стоило жизни 20.000.000 людей.

Шанхай с 1854 по 1864 год являлся островком среди океана разрушений, и спасен был исключительно силой иностранного оружия и талантливостью и храбростью руководителей его защиты — Ворда и генерала Гордон.

Тайпингское восстание было последним крупным испытанием для Шанхая. В дальнейшем были незначительные столкновения между китайцами и европейцами, но все они носили местный характер.

Были беспорядки в 1897 году, вызванные увеличением налога на тачки («вилборроу»); для усмирения бастующих был высажен десант, который без кровопролития ликвидировал беспорядки.

В 1898 году Французский муниципалитет решил снести китайскую кумирню, что было необходимо для прокладки новой улицы. Произошли беспорядки, подавленные на этот раз силой оружия, причем пятнадцать человек китайцев было убито и много ранено.

Во время «боксерского восстания» в 1900 году порядок в Шанхае не нарушался, так-как в городе в это время находились большие гарнизоны английских, французских, германских и японских войск. Войска эти оставались в Шанхае до 1902 года.

В декабре 1905 года в Шанхае возникли трения по поводу юрисдикции английского судьи в местном «Смешанном Суде». Появились пламенные статьи в китайских газетах и ряд прокламаций, призывавших к защите яко-бы попранных прав китайцев. Пришлось снова прибегнуть к высадке десанта с военных кораблей.

Китайская революция 1911 года совершенно не отразилась на Шанхае, и только летом 1913 года, когда началась война между Северным и Южным Китаем, жители Сеттлемента и Французской Концессии испытали на себе снаряды и пули китайских войск, сражавшихся в черте китайского города.

В 1924-25 г.г. Шанхай был снова затронут междоусобной войной китайских политических групп. Был

мобилизован Волонтерский Корпус, в то время уже представлявший из себя солидную воинскую единицу, и высажены десанты с военных кораблей.

Шанхай покрылся баррикадами. Находившиеся в это время в Шанхае, Кадеты Омского и Хабаровского Корпусов, эвакуированные сюда с Белой Армией из Владивостока, тоже получили винтовки и вошли в состав Иностранного гарнизона. Наступило кажущееся, временное успокоение.

Усиленная агитация среди студентов и рабочих против иностранцев достигла высшей точки 30-го мая 1925 года, когда толпа китайцев собралась около полицейской станции Лауза, требуя освобождения арестованных агитаторов, и угрожала сжечь эту полицейскую станцию, находившуюся почти в центре Сеттлемента. Был открыт огонь, в результате которого четыре китайца были убиты.

Китайцы невероятно озлобились и начали проявлять ничем неприкрытую вражду ко всем европейцам.

На следующий-же день, то-есть 31-го мая, была объявлена всеобщая забастовка, были отмечены многочисленные случаи столкновения китайцев с полицией.

1-го июня Шанхай был объявлен на военном положении и Волонтерский Корпус был снова мобилизован.

С китайской стороны были предъявлены требования об уничтожении всех концессионных прав иностранцев и восстановление суверенной власти Китая над всеми иностранными концессиями.

Начались длительные дипломатические переговоры, в результате которых от китайского населения в состав Муниципального Совета Международного Сеттлемента были приглашены три советника.

Но уже в 1926 году над Шанхаем начали снова собираться грозовые тучи: в Кантоне, при содействии русских большевиков, образовалось новое «Национальное правительство» (во главе с ген. Чжан Кай-шеком), решившее предпринять карательную экспедицию против Северного Пекинского правительства.

Эти «националисты» раздавили сопротивление пекинских правительственных войск и достигли Ханькоу, в которое Английское правительство, по требованию китайцев, отказалось от своих концессионных прав.

Китайцы не скрывали своих намерений и в отношении Шанхая, в направлении которого двинулась

другая значительная группа войск южан.

Однако, здесь им решено было оказать самое решительное сопротивление.

На «северные китайские» части генерала Сун Чуан-фана, находившиеся в Шанхае, в состав которых, между прочим, входили и русские добровольцы (белые эмигранты), пришедшие в Шанхай с частями «белого» маршала Чжан Цзо-лина, правителя «Трех Восточных Провинций» Северного Китая (части отряда ген. Нечаева), — не было обращено никакого внимания, как на защитников Шанхая. Наоборот, им даже было предложено держаться подальше от Шанхая, чтобы предотвратить возможность столкновения вблизи или внутри города.

В Шанхай потянулись военные транспорты англичан, американцев, французов, японцев и итальянцев. Однако, до прибытия этих войск Шанхай сам, как мог, стал готовиться к обороне. Опять был мобилизован Волонтерский Корпус и усилен при этом созданием Особого Русского Отряда, позднее носившего название «РУССКИЙ ПОЛК ШАНХАЙСКОГО ВОЛОНТЕРСКОГО КОРПУСА».

Русские на Международном Сеттлементе Шанхая

До приезда в Шанхай массы русских беженцев из Приморья, русский Шанхай, в смысле коммерческих дел, имел почти нулевое значение, так-как, кроме отделений Ханькоусских русских чайных магнатов, никакой другой торговли, и тем более промышленности, здесь не было.

Даже существовавший с 1896 года Русско-Азиатский банк не имел большого значения, так-как обслуживал только интересы тех нескольких десятков человек русских резидентов, которые жили в Шанхае в те отдаленные времена.

В Ханькоу, чайные русские магнаты Губкин-Кузнецов, Молчанов-Печатнов, Литвинов, тогда действительно представляли солидную русскую коммерческую силу, делая много-миллионные годовые обороты.

Первое, правда ничтожное, оживление в русской торговле, отметилось в период Русско-Японской войны 1904-5 г.г., когда в Шанхае появилось значительное число военных русских, но оживление это прошло сразу-же после войны, когда русские снова уехали на родину.

К 1908 году, помимо Русско-Азиатского банка и Конторы Добровольного Флота, существовали уже коекакие русские частные предприятия.

Следующим моментом оживления было время 1-й Великой войны с 1914 года, когда в Шанхай нахлынуло значительное число русских торговцев, коммерсантов, агентов по закупкам и поставщиков Правительства. В это-же время в Шанхае производилась постройка ледоколов для нужд Владивостокского порта. Большое количество сырья: джутовых мешков, резины и проч. направлялось из Шанхая в Россию.

Это оживление в торговле Шанхая с Россией имело результатом увеличение числа русских резидентов этого города, главным образом, торгово-промышленного класса.

Во время революции 1917 года, в Шанхай стали съезжаться русские беженцы и, кроме того, «Белые Правительства» стали производить в Шанхае большие закупки товаров на военные нужды. Торговую жизнь в то время регулировала Торговая Палата, открытая при Российском Генеральном Консульстве. И Консульство и Торговая Палата были закрыты в 1924-м году.

К 1919-му году в Шанхае было уже до 1.000 русских и несколько русских торговых предприятий.

23-го сентября 1920 года Президентом Китая был издан декрет, которым были упразднены Российские Дипломатические консульские учреждения в Китае.

Издавая этот декрет, Президент одновременно подчинил всех русских, проживающих в Китае, юрисдикции китайских законов.

В ответ на этот декрет, Российский посланник князь Кудашев не протестовал против лишения права дипломатического представительства себя и консулов, находя это в соответствии с истинным положением вещей, но настаивал на сохранении за русскими их прав экстерриториальности.

В этом он был поддержан дипломатическими представителями других иностранных держав, которые боялись, что одностороннее нарушение договора Китаем в отношении России может создать опасный прецедент и для них.

В результате, Китайское правительство издало временные правила о применении иностранных законов в Китайских Судах и учредило Бюро по русским делам, в которых бывшие русские консульские чины были зачислены на службу китайскими чиновниками, но без содержания от китайской казны.

Права и обязанности русских консульских чинов были совещательно-исполнительного характера. С этого момента русские начали регистрироваться по китайским законам, они судились в «Смешанном Суде» с участием бывшего русского Консульского Ассэссора и Китайского Судьи. Так продолжалось до мая 1924 года, когда Китай признал СССР.

Советское правительство отказалось от прав экстерриториальности для русских и одновременно объявило всех русских граждан, проживающих на территории Китая и не возбудивших ходатайство о предоставлении им советского подданства, лишенными прав рус-

ских граждан и отказалось от какой-либо защиты или представительства их интересов.

Бюро по Русским Делам были упразднены и ведение русскими делами полностью перешло к Китайским Комиссарам по Иностранным Делам, а там, где их не было — к Китайским Губернаторам и Полиции.

Китайское правительство формально прекратило всякие сношения с бывшими дипломатическими и консульскими чинами России, но, по старой памяти, в силу личных отношений, оно оказывало им те или иные услуги в частном порядке.

Вот поэтому-то, после упразднения Бюро по Иностранным Делам, по инициативе бывшего Императорского Генерального Консула в Шанхае, Виктора Федоровича Гроссе, в июле 1924 года был образован Комитет Защиты Прав и Интересов Русских Эмигрантов в городе Шанхае, во главе которого встал сам Гроссе.

На первых порах Комитет этот был организован по принципу личных приглашений самого Гроссе, но после его конфликта с генералом Ф. Л. Глебовым, он был преобразован на началах привлечения представителей общественных организаций, уже образовавшихся к тому времени.

Реорганизованный Комитет принял огромное участие в деле поддержания порядка в Шанхае в 1925-м году, во время всеобщей забастовки, направленной к ущемлению иностранных интересов города.

Иностранцы по заслугам оценили деятельность Комитета, отпустив большую сумму денег на благотворительные нужды, а самого В. Ф. Гроссе пригласили на службу при Шанхайском Муниципальном Совете заведующим «Добровольческими службами», с крупным окладом содержания.

Разногласия между Гроссе и эмигрантской общественностью продолжались, и в 1926-м году вылились в форму полного разрыва, когда Гроссе и всему Правлению его Комитета было выражено явное недоверие.

В. Ф. Гроссе ушел, организовав Эмигрантский Комитет и Другое Благотворительное Общество, тем самым создав параллелизм существования двух организаций, претендующих на представительство и защиту прав и интересов русских эмигрантов в Шанхае. Одна, основанная на принципе преемственности власти от прежнего Российского Генерального Консульства, а другая — на принципе выборной власти, опиравшейся

на представителей общественных организаций.

Несмотря, однако, на различие внутреннего их построения, они, все-же, действовали в обще-эмигрантских интересах и трудно сказать, кто из них приносил больше пользы.

Обе эти организации несли функции близкие к консульским: ни один из белых русских эмигрантов не мог миновать их при оформлении своих документов. В тех случаях, когда необходимо было объединенное выступление русских, обе организации собирались на совместные заседания и дружно вели общую работу.

Иностранные власти Международного Сеттлемента и Французской Концессии нисколько не стесняли белую русскую эмиграцию и вполне доверчиво относились к ее представительным органам.

Факт существования в Шанхае органов представительства русской эмиграции, признанных Китайским правительством и иностранными властями, является большим плюсом в эмигрантской жизни.

Правовое положение эмигрантов определялось так: эмигранты могли свободно работать там, где хотели, иметь собственное движимое и недвижимое имущество, собственные школы, храмы, госпиталя, имели свободу слова и печати, а равно и право на созыв общих собраний и создание общественных организаций.

Все это свободно разрешалось властями в рамках законов страны.

Бесправного положения русская эмиграция в Шанхае не знала.

Налог-же большинство из эмигрантов платили только квартирный. Необходимо добавить, что каждый русский налогоплательщик, наравне с иностранными налогоплательщиками, участвовал в выборах Муниципального Совета — фактического Правительства иностранного города Шанхая.

После крушения «Белого Приморья», в середине ноября 1922 года, остатки «Приамурской Земской Рати» (так называлась Белая Армия Приморья, когда Правителем этого края был «Воевода — ген. М. К. Дитерихс) оставили русскую территорию и ушли в Китай тремя путями: сравнительно небольшая часть войск 1-го и отчасти 2-го корпусов, почти без бежен-

цев, вышли в Северную Маньчжурию через станцию «Пограничная», и после многих злоключений рассосались по линии Китайской Восточной железной дороги (К.В.ж.д.), перейдя на положение «белых русских эмигрантов»; главные силы 2-го и 3-го корпусов отступали с боями походным порядком, и перешли границу у города Хунчун, недалеко от корейской границы. По распоряжению китайского губернатора «Трех Восточных Провинций», маршала Чжан Цзо-лина, эти остатки белых воинских частей, вместе со следовавшими за ними гражданскими беженцами, общим числом около 7.000 человек были расквартированы в районе г. Гирина, где они находились в течение года, а потом постепенно рассосались по всему Северному Китаю, главным образом на той-же К.В.ж.д.

Остальные части Дальневосточной Белой Армии и главная масса гражданских беженцев, общим числом около 9.000 человек, эвакуировались из Владивостока морским путем на борту тридцати военных транспортов, пароходов и катеров.

Первой остановкой этой «флотилии» был ближайший от Владивостока порт Гензан, в Корее. Из Гензана часть этой флотилии, под командой адмирала Старк, двинулась на Шанхай.

Переход от Владивостока до Шанхая этой флотилии, состоявшей в большей своей части из неприспособленных и негодных к длительному морскому переходу суденышек, был чрезвычайно тяжел. Бурное море, недостаток пресной воды и провианта, а также перегруженность «пассажирами», усугубились еще разразившимся вскоре по выходе из Гензана штормом.

Не дойдя до Шанхая сто миль, погибли во время этого шторма тралер «Аякс» и канонерская лодка «Лейтенант Дыдымов», на которой, вместе с командой, погибла и группа мальчиков-кадет.

В конце ноября 1922 года, все-же, остальные суда флотилии адмирала Старка бросили якоря в Вузунге, близ Шанхая.

Контр-адмирал Старк, с таким трудом приведший свою разнокалиберную флотилию в Шанхай, был встречен здесь, как иностранными, так и русскими официальными лицами крайне недружелюбно. После долгих переговоров, во время которых на судах был сделан необходимый ремонт и пополнены судовые запасы, Шанхайские власти настояли на уходе из Шанхая всех

судов флотилии, разрешив, скрепя сердце, высадить желающих из пассажиров, а также воспитанников двух Кадетских Корпусов (Омского и Хабаровского).

Адмирал Старк покинул Шанхай и направился на Филиппины.

В это время другая часть флотилии, вышедшая из Владивостока под командой контр-адмирала Безуар, в составе военных транспортов «Охотск» и «Монгугай» и патрульных катеров «Защитник» и «Пушкарь», оставалась в Гензане до августа месяца 1923 года.

На борту этих кораблей, помимо гражданских беженцев, находилась Дальневосточная Казачья Группа под командой генерал-лейтенанта Ф. Л. Глебова.

Из Владивостока на этих судах вышло около 6.000 человек, включая беженцев. В распоряжение Командующего Группой, генерала Глебова, Правитель Приморья и Воевода Земской Рати, ген. Дитерихс, выдал аванс в шесть тысяч иен. Шесть тысяч японских иен на шесть тысяч человек!! На какой срок?: на неделю, на месяц, на год?!! Кто мог это предсказать?!

За девять месяцев стоянки в Гензане ген. Глебов, установив хорошие отношения с японскими властями, поставил часть людей Дальневосточной Казачьей Группы на работы по рытью оросительных каналов, добывая этим средства на прокормление чинов всей остальной группы. Он сумел переотправить гражданских беженцев в Северную Маньчжурию, где они осели впоследствии в городах Харбине, Хайларе и Чаньчуне. На судах осталось лишь около 850 человек молодежи и бессемейных.

С этой группой он и направился на Шанхай, выйдя из Гензана 7-го августа 1923 года.

14-го сентября 1923 года, около 5 часов вечера, встала на якорь, на внешнем рейде Вузунга, флотилия из трех кораблей под флагом Военных Транспортов Российского Императорского флота.

Появление в шанхайских водах вооруженных судов несуществующей уже державы, с поднятыми трехцветным и Андреевским флагами на мачтах, с вооруженными часовыми на постах, вызвало в Шанхае сенсацию.

Кто были эти люди? Каковы были их намерения? Что им нужно в огромном, богатом и сытом Шанхае, который, казалось, в те дни так прочно отгородил се-

бя от всяких войн, разрух и тому подобных бедствий?!

Это были остатки Белой Русской Армии, составлявшие Дальневосточную Казачью Группу, сформированную в июне 1922 года из частей Гродековской группы войск Приморья, и находившиеся в тот момент под командой ген. Ф. Л. Глебова.

Позиция, занятая местными властями в отношении этой флотилии, была очень недружелюбной: генералу Глебову было сразу-же предложено покинуть порт в течение 48 часов.

Русские люди, перенесшие так много страданий и лишений на своей Родине и в тяжелом пути до Шанхая, неожиданно попали в новую беду там, где они надеялись отдохнуть и душой, и телом.

Это требование властей оставить порт в 48 часов явилось неожиданным, ошеломляющим ударом, громом в ясный тихий день. Настроение людей упало, все почувствовали себя никому ненужными, гонимыми.

Но, со свойственной ему решимостью, ген. Глебов отказался выполнить это требование властей, так-как, по его мнению это было равносильно тому, чтобы обречь его людей на гибель или голодную смерть.

Следующим требованием властей было требование — спустить Национальный Русский и Андреевский флаги и сдать оружие. Но это ген. Глебов нашел несовместимым с понятием о русской воинской чести. Чины его группы решительно высказали свою готовность идти на все могущие быть впереди неприятности, но не принять этого требования.

Генерал Глебов отказался исполнить приказ Шанхайских властей, несмотря на то, что это их требование сопровождалось угрозой ввиде английских военных кораблей, ставших на якорь вблизи «глебовской флотилии» и направивших на нее свои орудия.

Стойкость, высказанная ген. Глебовым и его частями, заставила власти идти на компромисс, и они оставили суда там, где они находились, на положении блокированных.

Но уже через две недели ген. Глебов сумел добиться разрешения на выход чинов группы на берег партиями по 24 человека. Для этих «отпускных», на Французской Концессии была снята специальная квартира, там-же постоянно жили и больные чины группы, проходившие амбулаторное лечение.

Однако, это мало изменило положение группы, так-

как, все-же, город был закрыт для нее, а жизнь на транспортах становилась просто невозможной: питаться было нечем и люди умирали от недоедания и связанных с ним болезней.

Желая хоть отчасти облегчить положение людей, ген. Глебов, простояв год на «внешнем» Вузунгском рейде (примерно в двадцати милях от Шанхая), отдал приказ судам войти на «внутренний рейд», в реку Вампу, несмотря на то, что разрешения властей на это не имел.

Суда вошли и остановились на полпути между Вузунгом и Шанхаем, против Карантинной станции. Часть людей была спущена на берег и разместилась в бараках пустовавшего в то время Карантинного городка. Все это было сделано «явочным порядком», без разрешения на то властей.

Решительность и твердая воля ген. Глебова заставила местные власти пойти и на дальнейшие уступки: одиночные чины группы получили возможность «демобилизоваться» и сойти с кораблей на берег, получив в городе службу или работу.

Дальневосточная Казачья Группа простояла в водах Шанхая сорок месяцев!! Недоедание, болезни и гнетущая однообразная повседневность рассеяли эту массу людей: одни ушли на заработки в город, другие уехали в армию маршала Чжан Цзо-лина, который боролся с красным югом Китая, около сорока человек умерло от болезней, были случаи умопомешательства и самоубийств.

В/т. «Монгугай» 10-го марта 1925 года был уведен в СССР взбунтовавшим свои части против генерала Глебова и предавшимся большевикам бывшим ген. Анисимовым, Оренбургского Казачьего Войска.

Трения между ним и ген. Глебовым начались вскоре после прихода судов в Шанхай. Будучи недоволен тяжелыми условиями существования, Анисимов стал сеять смуту среди подчиненных ему людей, а затем вошел в контакт с представителями местного советского консульства.

Как только ген. Глебов заметил, что на «Монгугае» творится что-то неладное, он отдал приказ «Охотску» охранять это судно, а в случае его попытки к уходу, открыть по нему огонь.

Тем временем, Анисимов заручился уже помощью нескольких советских агентов, которые ловко повели

свою работу. Момент для увода «Монтугая» был выбран удобный: ген. Глебов лежал больной в своей квартире в Шанхае, причем болезнь эта являлась результатом какого-то страшного отравления.

Пользуясь отсутствием ген. Глебова, Анисимов отдал приказ рубить трос, соединявший «Монгугай» с «Охотском».

На «Охотске» немедленно поднята была тревога, и десантная команда его с оружием в руках заняла свои места на палубе. Попытка начальника «Охотска», полковника С. Д. Иванова (впоследствии Командира Русского полка Ш.В.К.) вызвать Анисимова для переговоров не увенчалась успехом: последний скрылся в трюме и не вышел... С «Охотска» открыли ружейный огонь по «Монгугаю», последний ответил, произошел бой, в результате которого «Монгугай» потерял семь человек убитыми и ранеными, а из состава десанта «Охотска», пытавшегося на шлюпках подойти к «Монгугаю», были ранены двое.

В это время к «Монгугаю» подошел портовый катер «Александра» под английским флагом и увел его в один из доков Шанхая для ремонта перед дальнейшим его «пробегом» во Владивосток с 240 чел., которые вверили свою судьбу Анисимову и отправились искать счастья в СССР. Как выяснилось впоследствии, катер этот был специально заарендован Анисимовым и командовал им в этот момент коммунист.

В целях изыскания средств на содержание Группы, в/т «Защитник» был продан маршалу Чжан Цзолину, и совершил свой последний поход под Российским Императорским флагом с русской командой, состоявшей из двадцати семи сухопутных офицеров, трех солдат и только двух специалистов-моряков: командира лейтенанта русского военного флота Б. М. Вихмана и механика. Этот поход из Шанхая в Тяньцзин, через Дайрен, был совершен с 26-го ноября по 29-е декабря 1924 года.

27-го ноября, застигнутый штормом «Защитник», едва не утонул и только благодаря спокойствию, находчивости и распорядительности лейтенанта Вихмана и героической работе всей команды, ему удалось добраться до одной из небольших бухт острова «Росс» и там переждать ураган. 4-го декабря, на пути между Вей Хай Веем и Дайреном, он снова попал в шторм и, потерпев аварию, со сломанной мачтой, весь покрытый

льдом, все-же добрался до Дайрена, где, починив котлы, благополучно дошел до Тяньцзина и был сдан покупателям.

В/т. «Охотск», остававшийся последним, был продан в Шанхае судовладельцу, г. Эдди, 26-го ноября 1926 года, и с этого дня оставшиеся чины Дальневосточной Казачьей Группы, в числе шестидесяти человек, с разрешения портовых властей, поселились в Карантинном городке, а некоторые из них уходили на частные заработки в город, оставаясь в списках группы...

Главной причиной нежелания со стороны консульского корпуса и муниципальных властей дать разрешение на высадку нескольких сотен эмигрантов в Шанхае была полнейшая растерянность при мысли: что-же делать с этими сотнями русских беженцев, прибывших без средств, без знания английского языка и казавшихся совершенно бесполезными.

Тем не менее, факт совершился: на улицах Шанхая стали появляться русские эмигранты, одетые крайне бедно, нередко в потрепанной русской военной форме, являя собой резкий контраст с вылощенными, дышавшими полным довольством иностранцами.

Положение этих белых русских эмигрантов в Шанхае в первое время было исключительно тяжелым: иностранные предприятия не принимали их на «черные работы», так-как это, по их мнению, роняло престиж европейцев в глазах китайцев, да и трудно было-бы конкурировать в области физического труда с неприхотливыми китайцами, которые работали целые дни за несколько медяков. Незнание-же английского языка являлось препятствием к их определению на «чистую работу».

Русские старожилы Шанхая отнеслись к вновь прибывшим, как к «бедным родственникам». Они боялись, что с прибытием этих совершенно необеспеченных материально и неприспособленных к местным условиям жизни людей, в городе начнется нарушение законов и рост преступности, что могло-бы дискредитировать всю русскую колонию.

Но уже через год всем, опасавшимся роста преступности, пришлось убедиться, что, несмотря на свое крайне-бедственное положение, белые эмигранты, сжи-

маясь в своем бюджете, отказывая себе решительно во всем, голодая, все-же, не шли по порочному пути, а всеми силами старались добиться хотя-бы тяжелого, плохо оплачиваемого, случайного, но честного труда.

Статистические полицейские и судебные данные за 1923, 1924 и 1925 гг. доказывают справедливость вышесказанного. Эта статистика показала, что на долю белых русских эмигрантов не падало никаких серьезных правонарушений. И только лишь позднее, когда из Харбина и из СССР понаехали в Шанхай преступники-профессионалы, лишь с того времени судебная хроника запестрела русскими фамилиями.

Иностранные резиденты Шанхая, вначале совершенно не зная русских и не доверяя им, их честности и работоспособности, избегали нанимать их или оплачивали их труд (в тех редких случаях, когда они им пользовались) чуть не наравне с китайским.

Русские эмигранты работали за гроши на выгрузке пароходов, служили сторожами на жалованьи в 25 долларов в месяц при двенадцати-часовом рабочем дне, работали кочегарами. Словом, предпочитали всякий честный труд, хотя и плохо оплачиваемый, преступному заработку.

Это упорство в приискании труда и это добросовестное отношение к нему понемногу стали ломать лед недоверия и равнодушия предпринимателей иностранцев к белой русской эмиграции. Иностранный Шанхай уже начал видеть в каждом белом русском эмигранте прежде всего, честного труженника.

В 1925-м году китайские коммунисты, по указке Москвы, провели в Шанхае всеобщую забастовку, направленную к ущемлению иностранных интересов. Город сразу остался без китайских служащих, без контракторов, без рабочих почти всех категорий, пароходы — без команд, электрическая и водопроводная станции — без кочегаров. Ушла квартирная прислуга, ушли шоферы. Вот тогда-то иностранные фирмы и резиденты, почувствовав себя плохо, обратились за помощью к «Комитету защиты прав и интересов русских в Шанхае», к организации, объединявшей белых русских эмигрантов и являвшейся как-бы продолжателем выполнения функций прежнего Российского Императорского Генерального Консульства. Председатель этой организации, наш бывший Генеральный Консул В. Ф.

Гроссэ, организовал подачу русской рабочей силы во все ответственные пункты, обслуживающие население: на электрическую, водопроводную и газовую станции и в пароходные компании.

Белые русские эмигранты тем более охотно откликнулись на этот призыв, что, помимо хорошего заработка, представлялась возможность лишний раз ущемить коммунистов — организаторов забастовки.

Весть о Шанхайской забастовке быстро долетела до Харбина и оттуда, на хорошие заработки, двинулась молодежь, увеличившая русскую колонию Шанхая сразу почти на две тысячи человек.

Забастовщики не выдержали и вышли на работы. Вожаки движения были уволены со службы и на их место, зачастую, были взяты хорошо зарекомендовавшие себя русские. Хотя после прекращения забастовки временно взятые на работы русские, в своем большинстве, были уволены, но сотни их, все-же, были оставлены на службе и работах. Старавшиеся до этого не замечать русских, иностранцы подошли к ним ближе, почувствовав в них полезный элемент. Среди видных и влиятельных иностранцев появились друзья и доброжелатели русских, в том числе и Вице-Председатель Шанхайского Муниципального Совета, г-н Бэлл.

Непрекращавшаяся в течение нескольких лет ожесточенная борьба китайских «северных» маршалов с красными «южанами», к концу 1926 года и началу 1927 г. разразилась жестокой войной на плацдарме Центральных и Южных провинций Китая. Этим моментом воспользовались агенты 3-го Интернационала и перешли от пассивной агитаторской митинговой работы, восстанавливавшей китайцев против иностранного влияния в их стране, к активной, призвав их к разбоям и грабежам.

Разгулявшийся в бесчинстве китайский пролетариат, захватил в свои руки иностранные концессии в Ханькоу, Киукианге и Нанкине. Ужасы, пережитые населением этих концессий, стали известны всему миру и понудили иностранных резидентов других городов Китая искать средств для защиты себя, своих семейств, своего имущества.

Великие державы мира, имевшие свои концессии в

Китае, срочно выслали войска и эскадры для защиты своих подданных и их имущества. Но войска и эскадры еще находились далеко от Шанхая, в пути, когда городу стала угрожать очевидная опасность быть захлестнутым волной организованного разбоя и грабежа.

Январь 1927-го года. С юга к Шанхаю подходят части только что родившегося «Национального правительства Китая». Организованы и обучены эти части с помощью советских советников (Бородин, Карахан) и инструкторов.

Командует «южанами» ген. Чжан Кай-шек, не скрывавший своих неприязненных отношений к иностранцам. Анонсированная цель движения этих войск — «карательная экспедиция против северян», против маршала Чжан Цзо-лина и его шанхайского ставленника, ген. Сун Чуан-фана. Скрытая же цель — захват Шанхая, подобно тому, как это произошло с Ханькоу.

Учащаяся китайская молодежь и рабочие, распропагандированные красными агитаторами, уже предвкушали тот момент, когда с подходом южан к городу, они получат возможность начать террор и предаться грабежу в богатом Шанхае, одновременно отомстив иностранцам за 1925-й год.

Муниципальный Совет Международного Сеттлемента Шанхая мобилизовал все имевшиеся в его распоряжении силы самообороны, состоявшие главным образом из Волонтерского Корпуса и полиции, но этих сил было далеко недостаточно для охраны территории Сеттлемента и Французской Концессии. Иностранные-же войска и эскадры, двигавшиеся на помощь, были еще где-то далеко.

16-го января 1927 года Шанхайский Муниципальный Совет собирается на экстренное заседание и решает вопрос: «Что предпринять для защиты Сеттлемента?» Вице-Председатель Совета, г-н Бэлл, вносит проект предложить генералу Ф. Л. Глебову, использовав чинов своей Дальневосточной Казачьей Группы, как кадр, сформировать русскую воинскую часть из белых русских эмигрантов и влить эту часть в состав Шанхайского Волонтерского Корпуса.

Решительность и настойчивость ген. Глебова, выказанные им с момента прихода его частей из Гензана в Шанхай, создали ему репутацию отличного начальни-

ка; еще свежий опыт гражданской войны говорил за то, что чины его группы представляют из себя ценный материал, и созданная из них воинская часть будет боеспособной.

Но, в то же время, недавнее еще невыполнение генералом Глебовым требования о спуске русских флагов и сдаче оружия, вызывает вопрос: «а сумеем-ли мы, дав временно русским оружие для защиты Шанхая, получить его обратно по миновении в нем надобности? Не используют-ли они его в своих, чисто русских интересах?».

Заверения Вице-Председателя Совета, г-на Бэлл, и его личная гарантия в том, что русские не нарушат закона и порядка и подчинятся требованиям властей, взяли верх, и Муниципальный Совет вынес решение немедленно сформировать «РУССКИЙ ОТРЯД» в составе двух рот и пулеметного взвода и подчинить эту часть Командиру Шанхайского Волонтерского Корпуса, полковнику Гордон, влив ее в состав Корпуса.

21-го января 1927 года РУССКИЙ ОТРЯД начал свое существование под командованием капитана 1-го ранга Н. Ю. Фомина, который в своем приказе по Отряду от того же числа за № 1 объявил:

> «Во исполнение постановления Муниципального Совета Международного Сеттлемента г. Шанхая, подтвержденного Командиром Шанхайского Волонтерского Корпуса, полковником Гордон, сего числа к формированию РУССКОГО ОТРЯДА, Ш.В.К. приступил и в командование оным вступил сего числа».

Утром 21-го января 1927 года. Алкок род. Узенькая улица в районе Вейсайда, около муниципальной тюрьмы для китайцев; район населен китайской беднотой. Старый трехэтажный кирпичный «годуан» (склад), превращенный сначала в исправительный дом для китайских малолетних преступников, а сейчас спешно освобожденный и наскоро оборудованный под казарму Русского Отряда .

Сегодня на этой, обычно тихой, улице необычное движение: почти беспрерывно въезжают и выезжают

с небольшого двора казармы грузовики «Карьеры» (видевшие еще Первую мировую войну в составе транспорта Британской армии) Шанхайского Волонтерского Корпуса, подвозящие кровати, матрацы (вернее, наволочки для матрацев и подушек), солому для их набивки, старое обмундирование, кухонную и столовую посуду, винтовки и патроны.

Со всех сторон тянутся группами и в одиночку белые русские эмигранты всех возрастов, чинов и положений. Здесь не только безработные, но и люди, имевшие приличную службу, но решившие ее бросить ради того, чтобы снова встать в ряды белой воинской части, предназначенной для борьбы с коммунистами, ибо, несмотря на объявленный «национализм» южан, все были уверены в их коммунистическом настроении.

Чины Дальневосточной Казачьей Группы, переброшенные из Карантинного городка еще ночью, уже разместились в казарме, создав костяк двух рот и пулеметной команды.

Вновь прибывающие «волонтеры» спешно опрашиваются в канцелярии Штаба Отряда и сразу же направляются в одну из рот или команду.

Офицерский и унтер-офицерский состав уже назначен. Поступающие простыми волонтерами, бывшие офицеры Русской Армии назначаются в «офицерские взводы». В каждой роте 1-й взвод — «офицерский».

Все остальные взводы пополняются приблизительно равномерно людьми разных возрастов, роста, физического сложения, и поэтому взводы не представляют больших контрастов. Большинство волонтеров — еще молодежь. Ведь не нужно забывать, что это было в январе 1927-го года, когда средний возраст бывших рядовых чинов Белой Армии определялся в 23-27 лет.

Вглядываясь в этот поток волонтеров, заполнивших казарму на Алкок род, невольно вспоминаем поэму А. С. Пушкина «Братья-разбойники»: «...какая смесь одежд и лиц, племен, наречий, состояний...». В особенности это заметно в Офицерских взводах. Вспоминаю свой взвод 1-й «офицерский» 1-й роты, взводным унтер-офицером которого я был назначен утром в первый день формирования Отряда. Вот старый жандармский полковник Патрик, ему уже за пятьдесят, он слабого сложения, маленький, невидный; вот полковник Императорской Гвардейской кавалерии Нестеров, кадровый офицер Николаевец, он оставил службу в Школе Вер-

ховой езды, где прекрасно зарабатывал, и пошел опять служить «белому делу»; вот другой кавалерист помоложе — ротмистр Курченко, прихрамывающий еще после последнего ранения, полученного в гражданской войне, он тоже ушел с хорошей службы; вот ветераны Ижевцы и Воткинцы, полковник Солдатов (один из организаторов и руководителей восстания рабочих на Ижевском заводе) и полковник Матросо; вот капитан Тихонов — сильный физически, флегматичный офицер из бывших солдат; вот артист по профессии — пехотный поручик Щавинский, окончивший зубоврачебную школу в Харбине и потом практиковавший в Шанхае, он бросил свою лечебницу и пошел туда, где снова готовились к борьбе с коммунистами; вот юркий прапорщик Иогансон — с лицом мальчика, но успевший захватить конец мировой войны и всю гражданскую... и многие-многие другие,

Все являются налегке: одна-две пары белья, подушка-«думка», полотенце да пара платков в чемоданчике, а то и просто в узелке. У многих это и вообще все их движимое и недвижимое имущество, приобретенное за время эмигрантских скитаний.

Взводные и отделенные унтер-офицеры принимают своих людей, спешно организуют для них приемку обмундирования и размещают их по кроватям. Наскоро кормят обедом и сразу-же посылают на работы: одни едут на склады Ш.В.К., за новыми получками снабжения и обмундирования, другие оборудуют отрядную кухню и помещения взводов. Так проходят два дня.

Отряд быстро пополняется, люди обмундированы, и все опять стали как-то «на одно лицо» — военные. Нужно начинать обучение.

К этому делу тоже подходили по-особенному: ведь большинство офицеров и унтер-офицеров Отряда служили раньше в казачьих, кавалерийских и артиллерийских частях или «на флоте», и пехотного строя не знали.

На второй-же день вечером, в обширной столовой Отряда собирается весь командный состав во главе с Начальником Отряда, капитаном 1-го ранга Фоминым; командиры рот, старшие и младшие офицеры, фельдфебеля, взводные и отделенные унтер-офицеры; все выстроены в одну шеренгу «по ранжиру», и настоящая «крупа-пехота», бывший кадровый старший унтер-офицер Лейб-Гвардии Московского полка (окончивший

великую войну офицером этого полка), капитан П. К. Поронник (мой командир 1-го взвода 1-й роты), приступает к обучению этих командиров пехотному строю с самых «азов». А на завтра, они сами должны будут вести занятия со своими людьми. Присутствует на занятиях и ген. Глебов, официально являющийся «Инспектором Отряда». Так продолжалось в течение нескольких дней: вечерами учились командиры, а днем обучали своих людей.

Принимали в Отряд со строгим отбором, но, все-же, к 5-му февраля численность Отряда уже превышала 150 человек.

1-й ротой командует полковник С. Д. Иванов, 2-й полковник М. И. Мархинин. В этот день в казарме Отряда, Архимандритом Макарием, был отслужен первый молебен и освещены все помещения Отрядной казармы.

Через несколько дней после этого, командир ШВК, полковник Гордон, производит Отряду первый инспекторский смотр. Оставшись доволен воинским видом, дисциплиной и обучением, он приказал выдать всем чинам Отряда на руки полагающееся им оружие, до того времени хранившееся на складе Отряда и выдававшееся только в случае встречающейся к этому необходимости.

19-го февраля 1927 г. Отряд получает первую ответственную задачу — охрану Муниципальной Электрической станции, и в тот-же день к винтовкам были выданы боевые патроны на руки. Состав караула: 1 офицер, 3 унтер-офицера и 21 волонтер.

Шанхайская электрическая станция, в то время одна из самых больших в мире, расположена почти на окраине города, в районе Янцепу, на берегу р. Вампу. Среди громадных бетонных зданий станций, почти на самом берегу реки, спешно построено «караульное помещение». Это бамбуковый барак, с циновочными стенами и крышей. В нем поставлены походные кровати для «отдыхающей» смены караула, стол и несколько скамеек для сменившихся с постов людей, караульного начальника, унтер-офицера и разводящих.

Я имел честь первым попасть в этот караул, в ка-

честве караульного унтер офицера, с караульным начальником капитаном П. К. Поронник, а караул состоял из людей нашего 1-го «офицерского» взвода 1-й роты.

Стояла сырая, холодная Шанхайская зима. С реки постоянно тянуло холодом. Шинелей не было, а старое, поношенное, промокшее под непрерывно моросящим дождем, обмундирование грело плохо, и люди, стоя на постах, промерзали до костей. Поэтому смену часовых на постах ночью производили через каждый час, а днем — через два, как полагается по уставу.

Службу несли строго по Русскому Гарнизонному Уставу, соблюдая все требования его до мельчайших подробностей: разводящие разводили свои смены по постам, сменяли часовых по всем правилам Устава, сменившаяся с постов смена «отдыхала», сидя в караульном помещении у стола, а очередная смена имела право отдыхать «лежа» на кроватях.

Но лежать было невозможно: по бараку гулял холодный ветер, пронизывая до костей. Администрация электрической станции снабдила караул большим количеством электрических печей, но это не помогало, так-как циновочные стены и крыша барака не держали тепла, а «весь Божий свет не натопишь». Поэтому, обогревались по-русски: чайком, который беспрерывно кипятился на печках. Служили полные сутки и смена караулов происходила в полдень.

Сменившийся караул, на двух грузовиках, перебрасывался в свою казарму на Алкок род, где имел право отдыхать до следующего утра. А утром — строевые занятия, хозяйственные работы и т. д.

25-го февраля 1927 года. Командир Корпуса приказывает всему Отряду пешим порядком, в полном составе, перейти в Муниципальные казармы, находившиеся на Муниципальном стрельбище, в районе Хонкью Парка, продемонстрировав этим маршем свою мощь, а потом взять на себя оборону всей этой северной части Сеттлемента, граничащей с китайской частью города — Чапеем и железной дорогой, ведущей к Вузунгским фортам.

Район Хонкью очень густо заселен японцами, но в то время их воинские части были весьма незначительны по силам, а поэтому Русский Отряд представлял из себя единственную надежную воинскую силу на самой

опасной окраине Международного Сеттлемента.

Разместились в кирпичных, прекрасно оборудованных, казармах Ш.В.К., которые обычно пустовали, так-как ими пользовались роты Корпуса только в дни, когда они проходили стрельбы и проводили свои лагерные сборы, т. е. по субботам и воскресеньям. Сейчас весь Корпус был мобилизован, поэтому учебные стрельбы и лагерные сборы были отменены, и бараки всецело представлялись Русскому Отряду.

Разместились очень удобно... и немедленно приступили к саперным работам: на стрельбищном валу (примерно в тысяче ярдов от казарм в сторону Вузунга) вырыли глубокие окопы для стрельбы «стоя» и пулеметные гнезда. Это была наша первая линия обороны и там постоянно находилась застава, взвод под командой офицера, при одном пулемете «Люиса».

Вторая линия обороны шла непосредственно перед окнами наших казарм, представляя из себя ряд окопчиков, имевших взаимную огневую связь. К этому времени в Отряд уже были выданы четыре пулемета «Люиса».

Перейдя на стоянку на Муниципальное Стрельбище, Отряд продолжал нести охрану электрической станции, высылая туда пешим порядком (идти нужно было около пяти миль) ежедневно караул на полные сутки. В то-же время, Отряд беспрерывно патрулировал район Хонкью Парка и выставлял ночные караулы на соседнюю с казармами полицейскую станцию «Диксвель род».

Службы было очень много, отдыха мало, но все-же умудрялись урывками вести строевые занятия, таккак Отряд все еще продолжал пополняться, приближаясь к своему штатному составу: офицеров — 23, прочих чинов — 278.

К началу марта, 1927 года Отряд пополнился до своего штатного состава и представлял из себя следующее (все чины, упоминаемые ниже — по Русской Армии):

Штаб Отряда.

Начальник Отряда — капитан 1-го ранга Н. Ю. Фомин (моряк).

Адъютант Отряда — капитан А. А. Билюкович (моряк).

Завед. хозяйством — полковник Н. М. Степанищев (пехота).

Врач Отряда — доктор Р. С. Дадай-Дадаевский
(врач Дальневосточной Каз. Группы).
Штаб-офицеры для поручений: полковник Унтербергер
(пехота).
Войсковой Старшина Н. М. Красноперов
(казак).
Обер-офицеры для поручений: мичман Козлов (моряк),
мичман Филиппов (моряк).
Всего: офицеров — 8, волонтеров — 4.

Строевые роты.
1-я рота.
К-р роты — полковник С. Д. Иванов (артиллерист).
Старший офиц. роты — полк. А. М. Горбовский (казак).
Младш. офицеры: капитан Ключарев (пехота),
капитан П. К. Поронник (пехота),
есаул А. Эммих (казак),
корнет М. Падревский (кавалерист).
Фельдфебель-поручик Л. Соловьев (пехота).
Взводные унт-офицеры: сотник Е. М. Красноусов
(казак),
сотник К. Н. Попов (казак),
сотник Д. К. Кротков (казак),
поручик Балтин (пехота).
Отделенных унтер-офицеров — 8.
Рядовых волонтеров — 112.

2-я рота.
К-р роты — полковник М. И. Мархинин (казак).
Старший офицер — Войсковой Старшина Г. К. Бологов
(казак).
Младш. оф: Войсковой Старшина П. Н. Галкин (казак),
ротмистр П. И. Гапанович (кавалерист),
есаул А. И. Курочкин (казак),
есаул С. Макеевский (казак).
Фельдфебель — сотник А. А. Васильев (казак).
Взводные унтер-оф.: поручик М. П. Смирнов (пехота),
хорунжий Н. В. Харин (казак),
хорунж. В. Ф. Корнилов (казак),
хорунж. В. М. Красноперов (каз.).
Отделенных унтер-офицеров — 8.
Рядовых волонтеров — 112.

Пулеметная команда.
Нач. команды — полковник М. М. Вдовенко (пехота).
Младших офицеров — 2 (не было).

Взводный унтер-оф. — поручик Н. Голощапов (пехота).
Отделенных унтер-офицеров — 3.
Рядовых волонтеров — 20.

Кроме того, была утверждена сверхштатная должность «Заведующего оружием», каковую занимал полковник А. В. Корнилов (казак).

Все унтер-офицеры, начиная с «отделенных», были офицерами Русской Армии. Обращение к начальникам тоже было по чинам Русской Армии. Многие из офицеров оказались на положении рядовых волонтеров, составив первые взводы в ротах — «офицерские».

При таком контингенте чинов Отряда можно было не опасаться за невыполнение боевых приказов или трусости в серьезной боевой обстановке, ибо и рядовой состав Отряда на девяносто процентов получил боевой опыт во время Великой или Гражданской войны в России.

К этому времени в Шанхай уже начали прибывать батальоны английских и американских войск, военные корабли. Опасность, угрожавшая Сеттлементу, уменьшалась с каждым днем. Международный Сеттлемент начал принимать свой обычный «мирный вид» и жизнь постепенно стала переходить в свое нормальное русло.

13-го марта 1927 г. состоялся даже обычный «годовой парад» Шанхайского Волонтерского Корпуса — «Рут марш», причем в этом «уличном марше» участвовал и весь Русский Отряд.

Парад принимал Командующий Английскими Экспедиционными войсками в Китае, генерал Дункан. Это был первый в истории Шанхая марш, в котором участвовала отдельная Русская воинская часть.

Несмотря на свое бедное, потрепанное обмундирование, Отряд произвел отличное впечатление, и на другой день вся Шанхайская пресса уделила ему большое внимание, отмечая воинскую выправку, четкий шаг и молодецкий вид.

В своем письме Начальнику Отряда, Командир Корпуса писал:

> «...строевая выправка, спаянность и чисто-воинский вид были великолепны, и я могу

> поздравить Вас и Русский Отряд с тем превосходным впечатлением, которое Вы произвели вчера»...

А Вице-Председатель Шанхайского Муниципального Совета, г. Бэлл, писал Начальнику Отряда по поводу этого парада:

> «...все газеты отзываются о Вашем Отряде с большой похвалой, и во всех наших клубах много разговоров о прекрасной внешности Отряда. Мне было приятно слышать рукоплескания, когда Вы проходили место салюта. Ни одна часть, кроме вашей, не удостоилась такой чести. Отряд имеет право гордиться достигнутыми результатами»...

В этот-же день, 13-го марта 1927 года, с благословения Его Преосвященства Епископа Шанхайского Симона и с согласия Муниципального Совета, священник отец Евгений Яхонтов был назначен Отрядным священником.

21-го марта, распоряжением Штаба Корпуса, был снят отрядной караул с Муниципальной электрической станции, но зато утверждены караулы по охране мостов через Сучоусский канал, отделяющий северную часть города от центра Сеттлемента.

С самого раннего утра в этот день слышна была сильная орудийная, пулеметная и ружейная стрельба в стороне северного вокзала Шанхай-Нинкинской ж. д. (всего-лишь в нескольких кварталах от Сучоусского канала). Там русская команда одного из бронепоездов «северян» безуспешно пыталась задержать наступление «южан», подошедших к Шанхаю.

«Северный вокзал» находится на границе Сеттлемента с китайским городом и всего-лишь в трех-четырех кварталах от Сучоусского канала — центра Сеттлемента. В районе Хонкью Парка, около стрельбища, где были казармы Отряда, и по всему прилежащему к этому району китайскому городу («Чапею») шла беспорядочная ружейная и пулеметная стрельба. Русский Отряд занял свою линию обороны и готов был к отражению наступления противника со стороны Вузунга, но было получено распоряжение из Штаба Корпуса: «1-й роте Отряда, спешно, на грузовиках переброситься со Стрельбища на Сучоусский канал». Во время движе-

ния этой автомобильной колонны вдоль Норд Сечуэн род (улица, идущая параллельно и всего лишь в одном квартале от китайской границы Чапея), она неоднократно попадала под обстрел каких-то снайперов, но по счастью обошлось без потерь.

Сразу-же по прибытии на Сучоусский канал, рота была разбита на караулы по 10-15 человек, занявшие все мосты на этом канале, на южном его берегу. Северный берег канала вымер: там не видно было никакого движения.

Мой караул был на центральном участке, а правее меня, со второй половиной нашего «офицерского» взвода находился сам взводный командир, капитан П. К. Поронник. Ко всем мостам, распоряжением Отдела общественных работ Муниципалитета, подвезли мешки с песком и рогатки-концертины из колючей проволоки и мы немедленно приступили к оборудованию своих позиций. «Окопавшись» стали ждать развязки боя около Северного вокзала. Там, по-видимому, южане уже добивали северян. Слышна была лишь беспорядочная ружейная и пулеметная стрельба и взрывы ручных гранат. Броневики уже молчали.

Вскоре после полудня из пустынных улиц северной стороны Сучоусского канала, от Северного вокзала и из Чапея показались сначала одиночки, а потом и большие группы солдат «северян», которые, побросав оружие и сорвав с себя воинские отличия, бежали искать убежища на Сеттлементе от преследовавших их «южан».

Заставам от Отряда на мостах отдано было распоряжение пропускать бегущих, обыскивая их и отбирая у них оружие. В течение нескольких часов продолжалась эта «фильтровка», и через заставы Отряда прошли на Сеттлемент многие сотни солдат-северян (были среди них и русские, служившие в армии маршала Чжан Цзо-лина).

«Южане» не пытались вслед за ними войти на Сеттлемент. Может быть, они побоялись вооруженного конфликта с иностранцами, которые показали им свою решимость оказать сопротивление военной силой.

Район Сеттлемента между Северным вокзалом (Чапеем) и северной стороной канала Сучоу снова замер.

Всю ночь простояли на мостах заставы от Отряда, неусыпно наблюдая за противоположным берегом кана-

ла, откуда можно было ожидать нападения «южан», но ночь прошла благополучно.

С утра, с Сеттлемента на северную часть канала, через мосты потянулись одиночки — жители этого района, покинувшие свои жилища вчера вместе с толпами солдат северян. Они пытались пробраться к себе домой и спасти от разграбления южан хотя-бы остатки своего имущества.

По-видимому, этот участок между Чапеем и северной стороной канала остался как-бы «но мэн'с ланд»: там не было ни южан, ни иностранцев, и китайская беднота, обычно населявшая этот район, скоро перешла к нормальной повседневной жизни. Чины Отряда на мостах продолжали обыскивать довольно многочисленных пешеходов, проходивших взад и вперед через эти мосты. Согласно новой инструкции, полученной начальниками застав, караулы от Отряда, помимо обычных обысков, должны были не допускать студенческих и рабочих демонстраций, обыскивать всех подозрительных лиц, отбирать оружие, контрабанду и наркотики.

Этот наряд роты Отряда несли поочередно, назначаясь на неделю, и рота, заступавшая в такой наряд, на время несения службы расквартировывалась в палаточном лагере, разбитом в «наружном дворе» Муниципальной тюрьмы для европейцев, на Амой род. Другая-же рота и Штаб Отряда продолжали стоять на охране Муниципального стрельбища и района Хонкью Парка.

Март — самый дождливый период года в Шанхае. На дворе слякоть и грязь, старые полотнища палаток протекают насквозь, на мокром деревянном полу палаток положены соломенные тюфяки и одеяла, в палатках горят «хибачи» (открытые китайские печки-жаровни), не раз являвшиеся причиной угаров и даже небольших пожаров. Люди спят нераздеваясь, готовые в любой момент выйти «по тревоге».

Сыро, холодно, грязно, но здоровая сытная пища и своевременная «чарка водки», разрешенная начальством (за собственный счет пьющего) в часы отдыха, спасают от желудочных заболеваний, простуд и различных эпидемий.

В дневные часы отдыха, если нет дождя, греются на солнышке, собираясь группами, поют песни, играют

в чехарду, толкают ядро, найденное во дворе тюрьмы, играют на струнных инструментах, организуя экспромтные концерты.

Наши волонтеры-«артисты», Щавинский и Кольцов-Блохин, немало доставили удовольствия своим сослуживцам в эти томительно неприятные мокро-холодные часы отдыха: декламация, мело-декламация и даже отдельные небольшие сценки картины, которые они ставили тут-же на открытом воздухе, на фоне тюремного здания, доставляли огромное удовольствие не только чинам роты, но и тюремной администрации.

Однако, отдых в этом палаточном лагере не был настоящим отдыхом, и люди лучше отдыхали в караулах на мостах. Там, около каждого моста было отведено караульное помещение в одной из ближайших китайских лавок или «контор», где, во всяком случае, можно было укрыться от дождя и было сравнительно тепло.

Палаточный лагерь на Амой род почти ежедневно навещал Начальник Штаба Ш.В.К., майор английской армии Стюарт, который диву давался, видя цветущие физиономии волонтеров, наблюдая их беззаботное время-препровождение и слушая их музыку и залихватские песни. «Да, крепок русский солдат и может жить он в любой обстановке» — частенько высказывал свои мысли этот старый кадровый офицер англичанин.

Однако, скоро «служба на мостах» потеряла свою «остроту», так-как после занятия Шанхая Чжан Кайшек и его южане навели порядок в китайском городе и уже не было надобности от него отгораживаться. Южане, по-видимому, решили оставить Сеттлемент в покое и начать нормальные взаимоотношения с иностранцами. К этому времени уже Сеттлемент и Французская Концессия были просто забиты батальонами войск, продолжавших прибывать из колоний на военных транспортах, а на рейде реки Вампу, против Банда, стояли десятки крупных и мелких военных кораблей.

Однако, иностранное военное командование и Муниципальные власти понимали ту роль, которую сыграли и продолжали играть в этом конфликте русские большевики-коммунисты, поэтому их особое внимание было обращено на деятельность советского консульства, засевшего с 1925 года в здании бывшего Императорского Российского Генерального Консульства, на берегу реки Вампу, около «Гарден Бридж».

7-го марта 1927 года Русский Отряд получил задание выставить «по тревоге» караул для оцепления... советского консульства, в составе одного офицера и семнадцати волонтеров. Обязанность караула: помогать чинам муниципальной полиции при производстве обысков всех входящих и выходящих из здания консульства, а с 11 ч. ночи и до 4 ч. утра арестовывать всех, выходящих из консульства. Уже 9-го апреля, однако, этот наряд на службу был передан чинам Американской роты Ш.В.К., так- как Отряд получил охрану нескольких электрических подстанций на Сеттлементе.

25-го марта 1927 года, по распоряжению Муниципального Совета, в Отряд прибыл сержант Муниципальной Конной Полиции, русской службы гвардии полковник Герман Германович Тимэ, с назначением на должность Помощника Начальника Отряда и с производством в чин капитана по Шанхайскому Волонтерскому Корпусу.

19-го апреля 1927 г., приказом по Ш.В.К., все должностные лица Отряда были утверждены в занимаемых ими должностях и получили производство в соответствующие чины и звания по Ш.В.К.

В этот же день, по семейным обстоятельствам, капитан 1-го ранга Фомин ушел в отставку, а во временное командование Отрядом вступил капитан Тимэ. Уже 22-го апреля он был утвержден в этой должности.

24-е апреля 1927 г. Первая Пасха в Русском Отряде. Чины Отряда, по случаю наступающего праздника, были сняты со всех постов в Великую Субботу, и вечером 1-я рота, несшая службу по Сучоу крик, пешим порядком перешла на Муниципальное стрельбище, где стоял Штаб Отряда и 2-я рота.

Из казармы-столовой вынесли всю мебель и в ней, плечо-к-плечу, собрали весь отряд. Священник отец Евгений Яхонтов провел «общую исповедь», а затем отслужил Пасхальную Заутреню, во время которой причастил всех чинов Отряда Св. Тайн.

Эта «общая исповедь» оставила незабываемое впечатление: отец Евгений был прекрасный проповедник и заслуженный военный священник, имевший наперстный крест на Георгиевской ленте за Великую Войну.

Он очень убедительно говорил о значении исповеди в жизни каждого православного христианина, о наших грехах вольных и невольных, обременяющих душу человека, о том, что чистосердечное и искреннее раскаяние дают душе то облегчение, которого она жаждет и позволяет человеку «достойно причаститися Божественных и Животворящих Таин».

Общий земной поклон, молитва о. Евгения о «прощении и оставлении грехов» (каждый назовите свое имя — сказал он), и люди вышли из казармы во двор для короткого отдыха и чая. Потом чтение «Правил», опять короткий отдых, за которым последовало Пасхальное богослужение. Пел собственный хор, наскоро составленный, молились усиленно и истово, несмотря на то, что окружающая обстановка ничем не напоминала православную церковь.

После заутрени — разговены. Г.г. офицеры разговлялись в отдельном бараке, у них было много официальных гостей. Волонтеры разговлялись в общей столовой. Но уже около 3-х часов утра 1-я рота снова ушла пешим порядком на Амой род, а в 6 часов уже заступила на посты по Сучоу крик.

25-го апреля караулы с электрических подстанций были сняты, но зато учрежден новый караул для охраны здания Муниципалитета, в составе двух офицеров и тридцати пяти волонтеров. «Была-бы шея, а хомут найдется!». Одна служба заменялась другой и скучать было просто некогда.

В течение всего апреля месяца, в «наружном дворе» тюрьмы для европейцев на Амой род, где чины Отряда продолжали жить в палатках, производилась постройка постоянных деревянных бараков, из расчета по одному бараку на взвод.

К 26-му апреля постройка бараков была закончена и весь Отряд перешел на стоянку на Амой род. Всего построено было двенадцать бараков, из них восемь — для взводов двух рот, один под кухню, один под общежитие для г.г. офицеров, один под столовую, которой роты пользовались поочередно, а двенадцатый барак был занят медицинским околодком, Штабом Отряда и складом. Отдельно построена была баня-душ с кабинками на двенадцать человек, умывалка на двадцать кранов и большая промывная уборная.

Люди разместились довольно свободно: у каждого своя отдельная койка.

От Амой род было совсем недалеко до Рейс-Корса, на поле которого предполагалось вести строевые занятия. У наружных, выходных ворот (постоянно закрытых) установлен был караул от Отряда, там-же постоянно находился на службе один из тюремных сторожей-полицейских.

Свободная от служебного наряда рота, сразу после утреннего завтрака, выходила на строевые занятия на Рейс-Корс: маршировка, ружейные приемы, рассыпной строй, штыковой бой, общая гимнастика — чередуются одно за другим, и незаметно подходит 12 часов — время обеда. После обеда «развод караулов», и назначенные в наряд люди (побывавшие на утренних занятиях) разводятся по своим караулам, а оставшиеся свободными от службы, после небольшого перерыва, с 2-х часов дня занимаются «словесностью», проходя русские воинские уставы, и подготовительными к стрельбе упражнениями.

Тесновато для занятий, но приходится с этим мириться: ведь Отряд должен быть готов к смотрам и парадам в любой момент.

Взвод, имеющий наибольшее число людей для занятий занимает «главную аллею», ведущую от главных ворот тюрьмы к наружным воротам, остальные ютятся между бараками. С 2-х часов дня и до 5 часов вечера беспрерывно слышны команды обучающих, лязг и щелканье винтовочных затворов, тяжелое притаптывание и своеобразное «кряканье» при колке соломенного чучела: ох, много «соломенной крови» пролили чины Отряда в эти послеобеденные часы занятий, изучая «уколы» (по английскому наставлению для «штыкового боя») и «в живот», и «в грудь», и «в горло». Кололи усердно, обливаясь пóтом, но с нетерпением ждали сигнала дежурного горниста «отбой».

Во всех уголках двора группы людей: вон там, лежа на циновках, проходят стрельбу «лежа», целясь в глазную мишенку, через которую проверяет стрелка́ инструктор; там, около «умывалки», установили станок и по-русски наводят «треугольники», это самая неприятная часть занятий, так-как инструктор (обыкновенно офицер или взводный сержант), увидев «большой треугольник», неизменно назначал незадачливого стрелка́ на «дополнительные занятия», а ведь результат всегда

был налицо: не умея наводить, маленького треугольника не сделаешь.

«Словесностью» (уставами) занимаются в бараках, собравшись около койки своего взводного сержанта. «Что такое дисциплина?», «кто такой начальник?», «кто такой часовой», «что такое знамя?», и прочие «мудреные» вопросы словесности раздаются в этих группах, тянет ко сну, но нужно с ним бороться, так-как можно получить «без отпуска» или «внеочередной наряд» на службу или на работу, которые имел право «раздавать», согласно русского устава, унтер-офицер.

Изучение винтовки и взаимодействие ее частей проходит в такой-же томительно-сонливой атмосфере. В дождливую-же погоду вообще все занятия, включая и строевые, производились в бараках. По стенам бараков развешаны мишенки для наводки и есть мишени-ландшафты.

Наконец-то пять часов вечера. Слышен хриплый сигнал на рожке — «отбой».

«Встать!» — слышится громкая, радостная команда обучающего. Люди вскакивают и замирают в положении «смирно». «Разойтись!», «отпускным записаться в отпуск!».

Бараки сразу загудели, как пчелиный улей. Винтовки быстро протерты и поставлены в пирамидки, фуражки положены на полки, люди раздеваются и бегут под душ или в умывалку, готовясь идти в отпуск, а взводные сержанты, со списками «отпускных» и с «листами наряда» идут к фельдфебелю своей роты для составления наряда на службу на завтрашний день. По составлении наряда, фельдфебель (сержант-майор) идет к командиру роты, представляя ему на подпись список отпускных, который потом передается дежурному унтер-офицеру в караульное помещение у выходных ворот казармы, через которое проходят все отпускные и идущие «в командировку», причем дежурный делает отметку о времени их ухода и прибытии, и следит за тем, чтобы они были чисто и по форме одеты.

Семь часов вечера — сигнал горниста «на ужин» («бери ложку, бери бак, хлеба нету — беги и так»), строем, взводами идут в столовую.

В 8 ч. 30 м. новый сигнал — «на поверку и вечернюю молитву». Весь наличный состав Отряда выстраивается на главной аллее и выравнивается по команде старшего из сержант-майоров, который отдает необхо-

димые распоряжения на ночь, напоминая обязанности чинов дежурного взвода на случай «пожарной тревоги», и приказывает производить перекличку людей. Как гуси на гумне, гудят голоса взводных сержантов или их заместителей, выкликающих фамилии людей своего взвода, в ответ несется «я». Закончив перекличку, со своих мест взводные сержанты докладывают сержант-майорам о состоянии своих взводов.

«Смирно!», «Горнисты, зарю!» — слышится команда старшего сержант-майора. Хрипит незатейливая трель ротных горнистов-«архангелов», исполняющих «вечернюю зорю», люди замерли в положении «смирно», сержант-майоры, перед фронтом, держат «руку под козырек». Горнисты замолкли. «На молитву шапки долой!» — несется команда сержант-майора. Дружно и согласованно поют все «Отче Наш» и «Спаси Господи». «Накройсь!», «разойтись!». Сержант-майоры идут с рапортом к дежурному по Отряду офицеру. Люди расходятся медленно, как-бы нехотя: спешить больше некуда, рабочий день закончен, через полтора часа (в 10 ч.) погасят огни в казармах, оставив лишь ночники, и наступит полная тишина до 6 ч. утра, когда опять послышится хриплый звук рожка и раздастся властный голос «взводного» — «ну, ну, поднимайтесь, нечего валяться, не успеете умыться перед гимнастикой».

Люди, нехотя, слезают с кроватей, заправляют одеяла и простыни и идут умываться. «Строиться на гимнастику!» — слышен голос дежурного унтер-офицера. Гимнастика проводится, обычно, всей ротой, по команде одного из офицеров или сержант-майора: «вольные движения», «фразы», «бег на месте», так-как бегать по-настоящему негде. Через полчаса занятия закончены и люди расходятся по своим баракам, готовясь к завтраку. После завтрака, бритье, чистка пуговиц, медных блях, кокард, ботинок; протирают винтовки, выравнивают «по веревочке» кровати и даже полоски на одеялах, и ждут «осмотра», который производит сначала взводный сержант, а потом офицер — командир взвода.

После осмотра небольшой перерыв, и в 8 часов роты выстраиваются для выхода на занятия на Рейс-Корс. Там сначала идет «шереножное», «взводное», потом «ротное» ученье, потом «рассыпной строй»: делают перебежки, камнем падают на землю, щелкают затворами винтовок, «прикрывая» перебежки своих соседей, хрипло кричат «ура» (уже жарко и вода из фля-

жек вся выпита), переходя в атаку, ожесточенно «колют воздух» и, наконец... «смыкаются» для отбития контр-атаки противника, украдкой поглядывая на большие башенные часы Иностранного YMCA, на соседней с Рейс-Корсом Бабблинг Уэлл род, стрелка которых приближается уже к 11 ч. 45 м.

Горнист играет «отбой». Роты выстраиваются и получают разрешение «стоять вольно», «оправиться»... «быстро, покурить».

Все это проделывается очень быстро, так-как всем, включая и г.г. офицеров, хочется есть. «Кончать курить» — слышится команда командиров рот. «Становись», «равняйсь», «смирно»... одна за другой несутся команды, и рота, повернувшись направо и вздвоив ряды, берет «на плечо» и вытягивается по дороге к выходным воротам Рейс-Корса. «Песню!» — командует командир роты. Слышится голос ротного запевалы «Взвейтесь, соколы, орлами...» и рота с песнями выходит на шумную Бабблинг Уэлл род, где индус-полицейский услужливо останавливает уличное движение, пропуская роту, и, улыбаясь, отдает честь командиру роты. С Бабблинг Уэлл род рота поворачивает на Тибет род, а дальше на Амой род. Так протекал, обычно, день чинов Отряда.

К июню месяцу 1927 года Шанхай совершенно успокоился. Красная угроза миновала, а город был переполнен иностранными войсками, прибывшими «на защиту Международного Сеттлемента». В кинематографах, школах, годаунах, наскоро приспособленных под казармы и в деревянных бараках английского военного образца стояли батальон «Колдстрим гардс», батальон «Скотч гардс», батальон «Грин Хоуардс», несколько батальонов «Пэнджабцев» и «Гуркас», прибывших из Индии, в отличных каменных казармах разместился 4-й полк американских марин, впервые за всю историю Шанхая на его улицах появились, одетые в серо-стальную форму и черные полу-сапожки, «Савойские гренадеры» (батальон «Сэн Марко»), прибывшие из Италии, на улицах Хонкью всюду видны были японские марины и моряки, обосновавшиеся в районе Хонкью Парка, французы также очень значительно увеличили гарнизон своей Концессии.

Частично даже уже начался разъезд этих частей

обратно по местам их постоянного квартирования в различных колониях.

Шанхайский Муниципальный Совет, почесывая затылок, подсчитывал убытки: мобилизация Ш.В.К. стоит очень дорого, а оплата 300 человек русских чинов Отряда грозит большим дефицитом в муниципальном бюджете. В газетах уже начали появляться заметки о необходимости сократить расходы, распустив Русский Отряд, надобность в котором миновала.

Так рассуждал обыватель, опасавшийся того, что расходы на содержание Отряда тяжело лягут на его карман. Но командование Ш.В.К. смотрело на это дело совершенно по иному: оно убедилось, что Русский Отряд являлся единственной реальной военной силой, на которую мог-бы опереться Международный Сеттлемент в случае возникновения нового военного конфликта или беспорядков на его территории. Такого-же мнения придерживалось и большинство членов Муниципального Совета и Иностранное (английское) военное командование.

Но «воля народа-хозяина» — муниципальных налогоплательщиков — обывателей, не могла быть оставлена без внимания, и стороны пришли к компромиссному решению: 9-го июня 1927 года, согласно постановления Муниципального Совета, за № 3150, Русский Отряд сокращался в своем численном составе до пяти офицеров и ста двадцати волонтеров. Все, увольняемые от службы, чины получали жалование за месяц вперед и им разрешалось до 15-го июня оставаться на довольствии в Отряде, приискивая себе службу или работу. Часть муниципального имущества, выданного на руки волонтерам, как-то: ботинки, простыни, наволочки и белье, оставались у увольняемых.

Проведение в жизнь этого постановления Муниципального Совета не носило болезненного характера, таккак после объявления этого постановления, очень многие ушли со службы добровольно, считая, что свои обязанности в отношении службы городу, они выполнили до конца, прослужив в Русском Отряде, пока в них имелась необходимость. Только 15-20 человек были уволены принудительно по причине дурного поведения, или плохого состояния здоровья.

С 11-го июня 1927 года, Отряд был сведен в одну

роту, сохранив свое прежнее наименование.

После переформирования, роте в течение двух недель был дан полный отдых: ни занятий, ни службы. Но после этого перерыва началась опять воинская страда — занятия усиленным темпом.

24-го августа, после непродолжительной болезни, умер Отрядной священник, о. Евгений Яхонтов. Похороны носили торжественный характер. Это были «военные похороны»: небольшие почетные караулы от всех частей Ш.В.К., а Русский Отряд в полном составе провожал его гроб, установленный на лафете орудия батареи Ш.В.К.

После сокращения Отряда, отрядной врач, доктор Р. С. Дадай-Дадаевский, покинул службу, так-как по новому штату этой должности не полагалось. Больные чины Отряда пользовались амбулаторным лечением в Дженерал Госпитале, что на практике оказалось очень неудобным. Поэтому уже 1-го ноября, после соответствующего представления капитана Тимэ, Муниципальный Совет зачислил на должность Отрядного врача Действительного Статского Советника, доктора медицины профессора А. Э. Бари, с производством его в чин капитана Ш.В.К.

С первого дня формирования Отряда и до 19-го апреля 1927 года, когда Муниципальный Совет утвердил «Положение о Русском Отряде Ш.В.К.», чины Отряда получали не жалование, а «табачные деньги», так-как чины прочих рот Корпуса, во время мобилизации и службы, жалования не получали, считаясь добровольцами-волонтерами. С 19-го апреля, однако, чины Отряда стали официально получать «жалование» (те-же табачные деньги). На довольствие каждого чина Отряда отпускалось Муниципальным Советом ежедневно пятьдесят центов, и на эту сумму можно было довольствоваться хорошо, но, к сожалению, Отряд в то время не имел поваров и пищу готовили солдаты-кашевары. Было сытно, но однообразно и слишком «просто».

После сокращения Отряда до одной роты, по инициативе сержант-майора роты (сотника Васильева) и с утверждения капитана Тимэ, была создана особая комиссия из волонтеров, под председательством А. А. Васильева, которая занялась вопросом улучшения довольствия. Был найден приличный повар, поставщик продуктов, а из числа волонтеров был выбран, на должность артельщика, русской службы штабс-капитан А. А.

Шимордов, в прошлом «опытный завхоз». Эта же комиссия занялась вопросом улучшения быта волонтеров и, по ее рекомендации, при роте была открыта солдатская лавка («кантин») содержателем которого был приглашен Союз Русских Военных Инвалидов. Командир Ш.В.К. утвердил рекомендации этой комиссии, и с 26-го ноября 1927 г. рота перешла на новый способ довольствия и с этого же дня начал функционировать и кантин, в котором продавалось все необходимое для повседневной жизни волонтеров, включая и напитки, причем водка продавалась с особого разрешения начальства и только в строго определенные часы.

По примеру Императорской Российской Армии, где каждая воинская часть имела свой «полковой праздник», с октября месяца 1927 г. капитан Тимэ стал просить об утверждении такого праздника для Отряда, избрав Небесным Покровителем Отряда Святителя Николая Чудотворца Мирликийского, память которого наша православная церковь отмечает 19-го декабря.

Командир Ш.В.К. утвердил этот праздник, поняв духовные потребности русского солдата. Чины Отряда собрали 120 долларов на сооружение иконы, которую писал волонтер (русской службы поручик) В. А. Пляскин, на что получил благословение от Епископа Симона Шанхайского, и работал он при покоях Архиерея, под постоянным наблюдением самого Владыки. Киот иконы был выполнен китайской столярной мастерской по чертежам и эскизам, составленным волонтером (русской службы подъесаулом) Пановым.

19-го декабря 1927 года состоялось освящение иконы и был отслужен первый молебен в День Отрядного праздника. На молебне присутствовали Командир Ш.В.К. со своим штабом и много иностранных и русских друзей Отряда.

После молебна, Командир Корпуса обошел строй волонтеров, поздравил их с праздником и пожелал им «служить Муниципальному Совету вплоть ДО ВОЗВРАЩЕНИЯ НА РОДИНУ РОССИЮ, КОТОРАЯ, ПО МОЛИТВАМ ВЕЛИКОГО ЧУДОТВОРЦА НИКОЛАЯ, ЧТИМОГО ВСЕМИ НАРОДАМИ МИРА, ВСЕ-ЖЕ ВЕРНЕТСЯ К ПОРЯДКУ И ПРИЗОВЕТ НА СЛУЖЕНИЕ СЕБЕ ВЕРНЫХ СВОИХ СЫНОВ»...

После этого состоялся парадный завтрак для чи-

нов Отряда и всех гостей. Г.г. офицеры и их гости завтракали в кантине Отряда, красиво убранном флагами всех наций, включая и русский национальный флаг, и цветами. После завтрака, по просьбе К-ра Корпуса, хор волонтеров исполнил ряд народных и военных русских песен, а три волонтера лихо сплясали гопак.

Первый Отрядный праздник оставил прекрасное впечатление.

— 1928 год —

7-го января 1928 года, в первый день православного Рождества Христова, Командир Корпуса, полковник Гордон, производил смотр роте на Рейс-Корсе, в 10 ч. утра.

Рота проделала для него штыковой бой, ружейные приемы и все эволюции ротного учения. Полковник Гордон остался очень доволен этим смотром и благодарил командира и г. г. офицеров и волонтеров за сделанный ими большой прогресс в строевой подготовке. После смотра, в столовой роты, был отслужен молебен по случаю Ротного праздника, после которого был «улучшенный» праздничный обед для всех чинов Роты.

Вечером в тот же день состоялся первый в Отряде бал, устроенный силами волонтеров, с приглашением артистических сил города.

К этому балу волонтеры готовились с большим старанием. Один из жилых бараков был освобожден от кроватей и в нем была устроена гостиная с мягкой мебелью, коврами, красивыми уголками, украшенными зеленью и цветами. Стены и потолок деревянного барака были декорированы цветами, гофрированной бумагой и цветными электрическими лампочками. Посредине гостиной стояла огромная ёлка, убранная «снегом», «блестками» и электрическими лампочками.

Во втором бараке, против гостиной, была устроена сцена, и там же шли танцы. В кантине сервировался чай и прохладительные напитки. В офицерском бараке был накрыт общий стол с закусками, «а-ля-фуршет», для почетных гостей и приглашенных для участия в программе артистов.

Вечер прошел очень удачно и закончился около 3-х часов утра. Разговоров потом об этом вечере в городе было очень много.

13-го января 1928 г. Отряд провожал, уходившего в отставку, и уезжавшего в Англию, полковника Гордон, который пробыл в должности К-ра Ш.В.К. пять лет. Обычно, эта должность занималась одним и тем

же лицом только три года, но Муниципальный Совет очень ценил заслуги полковника Гордон и добился разрешения у «Лондона» удержать его у себя на службе еще на два года.

Полковник Гордон был пятым офицером регулярной английской армии, командовавшим Волонтерским Корпусом в Шанхае. При нем сформировался Русский Отряд и при нем этот Отряд прошел свое так сказать «боевое крещение» на защите Сеттлемента.

В честь отъезжающего рота устроила ужин, во время которого полковнику Гордон поднесли подарок от «Русского Отряда Ш.В.К.» — кожаный бювар с золотой монограммой и с вылитой из золота массивной кокардой «Ш.В.К.».

При подношении подарка, по команде капитана Тимэ, все г. г. офицеры и волонтеры, ужинавшие вместе, поднялись и один из волонтеров прочел «адрес», фельдфебель роты вручил полк. Гордон подарок. Дружное троекратное (по английским правилам) «ура» и, растроганный до слез, полк. Гордон, приняв подарок, был подхвачен на руки и под громкое, несмолкаемое, «русское ура», был вынесен и посажен в свой автомобиль.

Добрая память о полковнике Гордон, как о строгом начальнике, но очень внимательном и заботливом отце-командире осталась в душах старослужащих чинов полка и они, наверное и по-сейчас, вспоминают его имя, вспоминая, теперь уже далекое, прошлое. Он умер у себя на родине в Англии, в конце 1930 года, в возрасте около 65 лет. В одном из писем, полученных от него из Англии, Командиром Отряда, имеются такие строки:

> «В моем сердце всегда найдется место для МОЕЙ Русской роты. Этим письмом я еще раз хочу выразить Вам, как глубоко ценю я ту отличную работу и дисциплину роты, которые всегда были в ней с самого ее основания. Желаю Вам и всей роте наилучшего будущего и СКОРОГО ВОЗВРАЩЕНИЯ НА СВОЮ РОДИНУ».

«Король умер — да здравствует Король!»

Уехал от нас полковник Гордон. Ждем приезда нового Командира Корпуса, усиленно готовимся к первому инспекторскому его смотру, который он, конечно, должен будет произвести вскоре по своем прибытии,

чтобы ознакомиться с «РЕГУЛЯРНОЙ ЧАСТЬЮ» своего Ш.В.К.

Смотр этот состоялся на Рейс-Корсе 10-го марта 1928 года, и новый Командир Корпуса, полковник Орпен-Пальмер, остался очень доволен строевой подготовкой роты.

Двумя неделями позже, он инспектировал казарменное расположение рот и пробовал пищу. Чувствовался внимательный строевой начальник, а ведь он был «генштаба».

Полковник Орпен-Пальмер, офицер Генерального Штаба Английской армии, производил на волонтеров впечатление «большого барина и сноба». Его фигура, высокий рост, манера держать себя и разговаривать с подчиненными, — создавали впечатление, что он делает все, как будто-бы, небрежно, свысока. В действительности же он замечал и понимал все детали и тонкости военной службы, жизни солдата, о чем свидетельствуют его дальнейшие распоряжения.

15-е апреля 1928 г. Православная Русская Пасха. В Русском Стряде заутреня и разговены. За официальным столом гости и друзья Отряда. Разговены закончились в 2 часа ночи, а к 9 ч. 30 м. утра, рота уже была на сборном месте всего Волонтерского Корпуса, на Рейс-Корсе, откуда выступила, в составе общей колонны Корпуса, в ежегодном Корпусном военном параде — «рут марше».

Несмотря на бессонную ночь и разговены, марш прошел отлично, и Отряд, как и в прошлом году, был встречен бурными овациями зрителей.

4-е мая 1928 года. Новый Командующий Британскими экспедиционными войсками в Китае, генерал Уордроп, производит инспекторский смотр Русскому Отряду на Рейс-Корсе. Смотр проходит отлично.

А уже на следующее утро, 5-го мая, Отряд снова принимает участие, на этот раз, в общем параде Ш.В.К., который принимал ген. Уордроп.

В отличие от других частей Корпуса, проходивших церемониальным маршем в колонне «по взводно», Русский Отряд проходил «развернутым строем роты» и прошел отлично.

Впервые резиденты Шанхая видели свои части марширующие в развернутом строю, и имели случай воочию убедиться насколько лучше других частей был

обучен Русский Отряд, имевший свой «фронт» почти в два раза шире, чем другие части Корпуса. Отряд прошел перед ген. Уордроп своим фронтом «в ниточку». Местная Шанхайская пресса долго потом писала об этом параде и о Русском Отряде.

Налогоплательщики постепенно убеждались в большой ценности «своей регулярной воинской части», а Английское военное командование, видя дисциплину и отличную выучку чинов Отряда, горячо поддерживало Командира Ш.В.К. в его борьбе за сохранение Русского Отряда на службе Муниципалитета.

Ведь вопрос о расформировании Отряда (а потом и Муниципального Симфонического оркестра) ежегодно поднимался перед выборами нового состава Муниципального Совета на предстоящий год. При этом сторонники расформирования Отряда основывали свои требования на видимой ненужности его в данный момент и на огромных расходах, связанных с его содержанием.

6-е мая 1928 года «Церковный парад» Ш.В.К., после которого во дворе Английского Консульства, на Банде, все г. г. офицеры и унтер-офицеры Ш.В.К. обычно снимались в общих группах и по своим частям, в этих снимках принимали участие Командир Корпуса и чины его штаба. В этом году впервые г. г. офицеры и унтер-офицеры Русского Отряда приняли участие в этих фотосъемках.

30-е мая 1928 г. Третья годовщина печального инцидента, имевшего место на Нанкин род, близ полицейской станции Лауза, происшедшего в 1925 году и имевшего своим последствием всеобщую забастовку китайских служащих и рабочих. Для китайцев это — «День траура». Идут бесконечные митинги, собрания, возможны демонстрации против европейцев. Поэтому Русский Отряд сидит в своих казармах «в минутной готовности» к вызову на место беспорядков и для помощи усиленным нарядам полиции, патрулирующим улицы Сеттлемента в этот день. Во дворе казармы стоят грузовики «Карьеры» Ш.В.К., чины Отряда не только не раздеваются, но даже не снимают своего снаряжения. По счастью, день проходит благополучно, и вечером, по приказанию штаба Ш.В.К., Отряд снова переходит на «нормальное» положение — «станд бай» отменяется.

28-го июля 1928 года Отряд получил от генерала

Уордропа подарок — Православный древне-греческий крест, вылитый из меди и вделанный в резной кипарисовый футляр. По этому случаю, в столовой Отряда служится молебен и проводится чин освящения креста. На богослужении присутствует сам ген. Уордроп с чинами своего штаба. Командир Корпуса, при приезде был встречен «почетным караулом» Отряда.

Отличное несение службы, блестящий воинский вид и прекрасное строевое обучение, уже не раз продемонстрированные Русской ротой Ш.В.К., завоевали симпатии членов Муниципального Совета и создали себе сильного союзника в лице Английского Военного Командования.

Несмотря на дороговизну содержания Роты, неоднократно поднимавшийся вопрос о ее расформировании «в целях экономии», по-видимому, по настойчивой рекомендации Английского Военного командования, предполагавшего начать «разгрузку» своих воинских частей, присланных в Шанхай в связи с событиями 1927 года, Муниципальный Совет на своем заседании решил не только не распускать Русской Роты, но увеличить ее состав до 250 человек, переформировав ее в «Русский Отряд» двух-ротного состава.

28 июля 1928 г. приказом по Ш.В.К. за № 25/Т 459, Русская рота была развернута в «Русский Отряд» двухротного состава, общей численностью в 250 человек.

1-го августа началось переформирование. Начальником Отряда назначен был капитан Г. Г. Тимэ, командиром 1-й роты лейтенант С. Д. Иванов, командиром 2-й роты лейтенант М. И. Мархинин, младшими офицерами: в 1-ю роту — лейтенант П. Н. Галкин, во 2-ю — лейтенант Н. М. Степанищев. Сержант-майором Отряда назначен А. А. Васильев.

С этого же числа учреждено наименование начальников всех степеней и рангов не по чинам Русской армии, а по чинам и званиям Шанхайского Волонтерского Корпуса, (т. е. английской армии).

В штабе Отряда закипела работа: туда потянулись добровольцы, желавшие поступить на службу.

Медицинский осмотр, опрос, поверка документов — кропотливая, но необходимая работа, так как служба требовала физически здоровых людей, а девиз Отряда «Русский», — требовал отбора «белых русских эмиг-

рантов», не имевших за собой хвоста «предосудительных поступков».

По новому штату, кроме командиров рот, в каждой роте полагалось иметь двух младших офицеров. Поэтому, бывший раньше (до сокращения штата Отряда) младшими офицерами, сержанты П. К. Поронник и Н. И. Курочкин, 7-го августа были допущены к исполнению обязанностей младших офицеров, первый в 1-ю, а второй — во 2-ю роты.

Несмотря на эти большие пертурбации, Отряд, попрежнему, не отрывался от жизни Русской Зарубежной воинской семьи.

9-го августа, по случаю Дня Тезоименитства Е. И. В. Великого Князя Николая Николаевича назначен был молебен, на котором присутствовал Командир Ш.В.К, полк. Орпен-Пальмер, имевший за 1-ю Великую Войну Российский Императорский орден Св. Станислава 3-й степени. После молебна, пользуясь случаем, Командир Корпуса производил смотр рекрутам формировавшейся 2-й роты.

Вспоминая сейчас это, казалось бы, небольшое по своему значению, чисто семейное русское событие, невольно обращаешь внимание на то, что Командование Шанхайского Волонтерского Корпуса, в лице его командира, полк. Орпен-Пальмер и его штаба (все офицеры регулярной английской армии), понимали всю важность и значимость этого события для нас белых русских эмигрантов и, желая придать Дню Рождения нашего Верховного Вождя вид праздника, они даже освободили в этот день 1-ю роту от несения патрульной службы.

28-го августа 1928 года, Приказом по Ш.В.К. за № 25/Т 507, были утверждены в занимаемых должностях оба командиры рот, С. Д. Иванов и М. И. Мархинин, с производством в капитаны. Тем же приказом, сержанты П. К. Поронник и М. И. Курочкин, исполнявшие обязанности младших офицеров, были произведены в чин 2-х лейтенантов и утверждены в занимаемых должностях, одновременно были утверждены в занимаемых должностях с производством в соответствующие звания: сержант-майор Отряда А. А. Васильев, квартер-мастер сержант А. В. Корнилов, заведующий довольствием Отряда сержант А. А. Шимордов. Сержант-майорами рот назначены: 1-й П. И. Гапанович, 2-й И. С. Лобанов.

10-го сентября 1928 г. 1-я рота была укомплектована до своего штатного состава в 3 офицера и 115 волонтеров, а 2-я (еще не полного состава) перешла в место своего нового квартирования, на Тунглианг род, в район Янцепу, в казармы, освобожденные одной из рот английских войск, начавших «разъезд» из Шанхая по местам своих постоянных стоянок.

14-го сентября 1928 г., Приказом по Ш.В.К., объявленным в муниципальной газете за № 81151 от 14/9/28, Начальник Отряда, капитан Г. Г. Тимэ, был произведен в чин майора.

К 17-му сентября 1928 г. формирование 2-й роты было закончено, набран был полный штат и рота перешла на усиленные строевые занятия.

20-го сентября 1928 г. Муниципальный Совет назначил Помощником Начальника Отряда, с производством в капитаны, Ш.В.К., русской службы полковника Л. И. барона Жирар-де-Сукантон, который энергично приступил к исполнению своих обязанностей. Он обращал главное свое внимание на реорганизацию хозяйственного аппарата и в короткий срок наладил взаимодействие хозяйственной части Отряда с отделами снабжения.

Прекрасное знание английского языка и широкие знакомства, много способствовали успехам его в этой работе. Но он не ограничил свою работу хозяйственной частью Отряда, а вникал во все подробности строевой подготовки и службы, давая ценные указания и советы.

Широко образованный, с блестящим знанием многих иностранных языков, с большим служебным стажем и обширными знакомствами среди иностранцев, он много помог Русскому Отряду в эти дни развертывания и закрепления своих служебных позиций.

9-го октября 1928 г. Командир Корпуса производил первый строевой смотр только-что сформированной 2-й роте. Рота показала себя с отличной стороны и Командир Корпуса нашел возможным назначить ее на службу наравне и поочередно с 1-й ротой.

14-го октября 1928 г. бывш. Российский Генеральный Консул в Шанхае, В. Ф. Гроссэ, известил Начальника Отряда о кончине в Копенгагене Ея Императорского Величества Вдовствующей Императрицы Марии Феодоровны.

15-го октября в Отряде была панихида по почившей Императрице и объявлен траур на две недели. В Отряде запрещены были музыка и пение на весь период траура. Приказ по Отряду гласил об этом так:

> «По Высочайшему Приказу Сен-Джемский Двор наложил траур по в Бозе почившей Вдовствующей Императрице Российской, Ея Императорском Величестве Государыне Императрице Марии Феодоровне, на четырнадцать дней, считая со дня Ея кончины, с распространением ношения установленного траура вооруженными силами Великобританской Империи на тот-же срок.
>
> В соответствии с этим и согласно Приказа Штаба Корпуса, вверенному мне Отряду принять к исполнению тот-же срок ношения траура, каковой сложить в полдень 27-го октября.»

19-го октября, в день погребения останков в Бозе почившей Императрицы, в Отряде была отслужена панихида в 7 часов вечера, т. е. в час, соответствующий Ея похоронам по Копенгагенскому времени (3 ч. 15 м.) в Усыпальнице Датского Королевского Дома.

В тот же день, 19-го октября 1928 г., в Приказе по Корпусу объявлено о формировании «РУССКОЙ ВОЛОНТЕРСКОЙ РОТЫ, Ш.В.К.», на общих основаниях с ротами других национальностей, составлявших Шанхайский Волонтерский Корпус. Приказом по Ш.В.К. за № 1156 от этого числа английское наименование Отряда — «Russian Unit S.V.C.», в отличие от вновь формируемой Русской волонтерской роты, изменялось в «Russian Detachment S.V.C.», и трафарет, «V» носимый на погонах чинами Отряда, снят.

Мы стали РЕГУЛЯРНОЙ ЧАСТЬЮ Шанхайского Волонтерского Корпуса.

Вновь формируемая «Русская волонтерская рота Ш.В.К.» являлась бесплатной и несла службу городу только по особому приказу на то Муниципального Совета или Командира Корпуса.

Самое деятельное участие в формировании этой

роты, конечно, принял Начальник Русского Отряда, майор Г. Г. Тимэ. Командиром этой Русской волонтерской роты назначен был, служащий муниципалитета, русской службы гвардии полковник К. П. Савелов, младшими офицерами — капитан Н. П. Баженов и поручик Н. И. Доманский, с производством по Корпусу: первый в капитаны, а вторые два — в лейтенанты.

Все это происходило в 1928 г., всего лишь через десять лет после окончания 1-й Великой мировой войны. Среди иностранной колонии Шанхая были многие сотни (даже тысячи) тех, кто принимал участие в этой кровавой бойне.

К этому времени, конечно, естественное озлобление между недавними врагами уже сгладилось, и нынешние шанхайские «бизнесмены», бывшие военные противники, наладили между собой нормальные довоенные отношения, хотя каждая национальность и предпочитала «жить в своем клубе». Но у всех, без исключения, осталась в памяти геро́ика только что закончившейся войны.

Как символ этой геро́ики, на границе Международного Сеттлемента и Французской Концессии, упирающейся в реку Вампу, на Банде был воздвигнут величественный памятник «Победы», у подножья которого ежегодно, 11-го ноября, в день заключения Перемирия с Австро-Германией, возлагались венки в память героев, погибших в борьбе за свою родину.

Величественна была эта церемония: около 10 час. утра в этот день к памятнику начинали прибывать и выстраиваться, в порядке вступления наций в войну с Австро-Германией, небольшие почетные караулы от воинских частей различных национальностей. Прибывали военные оркестры англичан, американцев, французов, японцев, итальянцев, от их частей расквартированных в Шанхае и с военных кораблей, стоявших на Шанхайском рейде.

Площадь, занятая этими почетными караулами и оркестрами, оцеплялась канатным барьером, за который не допускались посторонние зрители. К 11 часам, т. е. к часу фактического заключения перемирия, к месту церемонии собирались старшие начальники войск Шанхайского гарнизона, весь Дипломатический Кор-

пус, Председатель Муниципального Совета и Командир Шанхайского Волонтерского Корпуса. В числе этого «генералитета» были и русские: бывш. Российский Императорский Генеральный Консул, В. Ф. Гроссэ, и генералы Вальтер и Гафнер. Ровно в 11 час., после сигнала сводного хора трубачей «ласт пост», «генералитет», в порядке вступления наций в войну, возлагал венки к подножию памятника под величественные звуки своих национальных гимнов.

В этот день, 11-го ноября 1928 г. особенно радостно было нашему русскому сердцу, так-как наш Национальный гимн «Боже Царя Храни» игрался первым и наш венок был первым, ибо Россия первой вступила в борьбу с Австро-Германией в 1914 г.

В этом, 1928-м году, церемония эта для нас, русских, была особенно торжественной еще и потому, что кроме наших «постоянных» русских представителей на этой церемонии, Гроссэ Вальтера и Гафнера, в этом году, в общем строю почетных караулов, на их правом фланге, стоял и караул от Русского Отряда, в составе одного офицера и двадцати «прочих чинов».

Звуки величественного русского гимна «Боже Царя Храни», отчетливый ружейный прием «на караул», принятый всеми почетными караулами одновременно — эта сцена заставила очень многих из русских резидентов, присутствовавших на параде, заплакать от радости. В Шанхае это был праздничный день, и весь район Банда был запружен тысячами зрителей всех национальностей, следившими внимательно за военной церемонией.

В этот день, как никогда, разноплеменный Шанхай сливался в одну семью, вспоминая своих героев, погибших на полях сражения 1-й Мировой войны.

В общественно-церковной жизни русского Шанхая в 1928 г. происходили нелады: Епископ Шанхайский и Глава Пекинской Духовной Миссии, Епископ Симон, почему-то неладили со Свято-Николаевским военно-приходским советом, который принял решение (и начал проводить его в жизнь) о постройке Храма-Памятника мученически погибшему Государю Императору Николаю II Александровичу. Эти нелады очень больно отзывались в сердцах православной белой русской ко-

лонии Шанхая. «Свято-Николаевцев называли, почему-то, «дырниками». Может быть потому, что их первая временная церковь, была открыта в захолустном месте, в «дыре», но это название широко, широко-распространенное среди белой русской колонии Шанхая, конечно, вело к разъединению.

Весть об этом печальном событии, естественно, распространилась далеко за пределами Шанхая и докатилась до Харбина, где в то время особым авторитетом пользовался Епископ Камчатский Нестор.

Епископ Нестор решил попытаться уладить эти церковные раздоры, и в ноябре 1928 г. прибыл в Шанхай. Его миссия закончилась успехом. Благополучно завершив это великое церковное дело, Владыко Нестор начал свои визиты в русские национальные и общественные организации, и, конечно, первым долгом посетил Русский Отряд, Ш.В.К., о котором много слышал еще в Харбине. Это было 15-го ноября 1928 г., когда он, вместе с Епископом Симоном, посетил обе казармы Отряда и везде был встречаем подобающим этому случаю пением и церемонией.

Шанхай — «город-гигант» (почти четыре миллиона населения в то время), был городом контрастов: рядом с «мраморным дворцом» миллионера, сирийского еврея Эзра, сделавшего себе состояние на торговле наркотиками, ютятся бамбуковые хибарки китайской бедноты; огромное поместье Хардуна (тоже сирийский еврей, имевший несколько десятков приемных детей разных национальностей, главным образом китайцев, и женатый на китаянке) пустовало, а рядом, в полуразрушенных двух-трех этажных деревянных домишках, с покосившимися балконами, выбитыми стеклами и прогнившими полами, готовыми обвалиться каждую минуту, ютились десятки китайцев, набивавших эти домишки на подобие сардин в консервной банке.

Прекрасный автомобиль последней модели обгонял по дороге деревянную арбу, которую с трудом тащила пара изможденных китайцев-кули и целые сотни рикш и «билборроу», запряженных человеком китайцем.

«Пекинг род» — одна из наиболее шумных и многолюдных улиц Сеттлемента — шикарный автомобиль дает оглушительные гудки, пытаясь обогнать современ-

ный электрический автобус («кукушку»), но, обогнав, неожиданно наталкивается на «непроходимое препятствие»... стадо буйволов, которых гонят на бойню на Фирон род. Впереди идет постоянный, «штатный» буйвол-вожак, который доводит этих «смертников» до места назначения, а потом возвращается за новой партией.

Шикарные европейские рестораны, и тут же около входа в них, чадящие удушающей вонью дешевого горелого бобового масла, «походные кухни» разносчиков китайцев, на которых они готовят для своих «клиентов»-кули лапшу и «козы».

Современная парикмахерская, с десятками прекрасных удобных кресел, парикмахеры в белоснежных халатах, шампу, электрическая завивка, маникюр и проч. достижения современной техники и культуры, а у входа в парикмахерскую, на тротуаре улицы, на деревянном треножнике, в небольшом тазике, подогревается жаровней с горящими в ней «брикетами» вода «походной парикмахерской», а сам парикмахер, усадив своего клиента на пустой ящик из под мандаринов, бреет ему голову каким-то куском остро отточенного железа.

Прекрасные кинематографы и театры, с мягкими удобными креслами, с полами устланными коврами..., а у входа..., на тротуаре «кинематограф-ящик», в котором, заплатив коппер, прохожий китаец, приблизив глаз к небольшому наблюдательному отверстию, может увидеть «живую картину» и... получить «трахому» глаза — этот бич китайской бедноты.

Толстый, разодетый в шелка, китаец коммерсант или компрадор, важно следующий к своему автомобилю, под охраной нескольких вооруженных револьверами «мабянов»-бодигардов (много русских было на этих службах), проходит, не замечая лежащего прямо на тротуаре, почти совсем голого, калеку нищего, хриплым голосом просящего себе подаяние.

Огромные океанские пароходы, горящие тысячами огней в ночное время, стоят на рейде Вампу, а мимо них, пронзительно гудя, с трудом тащатся небольшие китайские катера, перегруженные «до отказа» пассажирами и тянущие за собой две-три баржи с грузом. Эти баржи загружены настолько, что их палубы почти наравне с уровнем воды в реке и захлестываются каждой волной, набежавшей от пролетевшего мимо моторного катера одного из иностранных военных кораблей,

стоящих на рейде, который везет на берег несколько человек «отпускных» матросов.

Красота и убожество, роскошь и нищета, современная культура и архаизм в Шанхае шли рядом, рука-об-руку.

Деловая жизнь города кипела почти круглые сутки: ведь помимо торговых интересов были еще и житейские. Нужно было кормить эти миллионы населения, нужно было держать народ в рамках санитарной безопасности, нужно было сохранять жизнь и имущество его обитателей, нужно было создавать условия благоприятные для жизни каждого города, то-есть следить за порядком.

Эта последняя задача, в местах расселения иностранцев, то-есть на Сеттлементе и Французской Концессии, ложилась на плечи Муниципальных Советов, поневоле вынуждая их держать в своем распоряжении большие силы полиции и волонтерские корпуса. Задача была огромна и требовала большого числа работников.

Грабежи, разбои, киднаперство цвели пышным цветом; полная противоположность идей и «взглядов на жизнь» у колонизаторов европейцев и природных хозяев страны китайцев, вызывали беспрерывные, почти ежедневные вспышки рабочих забастовок и политических демонстраций, нарушавших нормальную жизнь города и требовавших немедленного вмешательства властей.

Вооруженная револьверами или карабинами, полиция на всех перекрестках улиц, вооруженные полицейские патрули по всем улицам, «красные и черные Марии», наполненные преступниками и арестованными, беспрерывно носились по улицам города, перевозя свой криминальный груз на полицейские станции, в суд или в тюрьму на Вард род.

«Вард род джэй» — это огромнейшая (кажется, самая большая в мире) тюрьма, в которой постоянно обитали до десяти тысяч насельников, от мелких уличных воришек до убийц включительно. Два ряда стен окружали несколько десятков каменных зданий «блоков», с решетчатыми клетками-камерами, в которых помещались преступники группами или в одиночку, в зависимости от своей «категории».

Здания блоки построены так, что снаружи, через огромные окна (доступ к которым для арестантов отго-

рожен внутренними решетками), видно все, что творится в этих камерах-клетках. Все устроено так, что возможность самоубийства преступника совершенно исключалась. У наружных ворот охрана из стражников китайской национальности, у внутренних — индусы, а внутри, во дворе тюрьмы и в блоках руководят всей работой надзиратели европейцы, имеющие при себе помощников индусов и китайцев.

По наружной стене тюрьмы (высотой около 20-25 футов) устроены наблюдательные вышки, на которых стояла вооруженная винтовками стража, а сами стены, кроме того, в ночное время, патрулировались вооруженной охраной внутри двора.

Вот для этой-то службы, в помощь полиции, 26-го ноября 1928 года и потребовали впервые постоянный наряд от Русского Отряда, Ш.В.К., в составе одного офицера, двух унтер-офицеров и двадцати семи волонтеров.

Штаб Корпуса отдал приказ, и 2-я рота приняла на себя охрану тюрьмы, в то время, как 1-я продолжала нести службу «на мостах» и охранять «Муниципалитет».

Далеко не все чины Отряда имели возможность ходить в отпуск в свободное от занятий и службы время: ведь у многих, в особенности тех, кто приехал из Харбина, в Шанхае не было ни родных, ни знакомых, и они поневоле постоянно сидели в бараках.

Скучно такое сидение, в особенности в воскресные дни. Ведь в то время мы еще не имели радио, редкостью были даже граммофоны: имели по одному в кантинах рот, но ведь не все были любителями кантинов.

На эту сторону волонтерской жизни, конечно, обратило внимание отрядное начальство, и кем-то был предложен проект организовывать по воскресеньям в кантине 1-й роты «Ти Дансы», на которые чины отряда имели право приглашать своих гостей. Горячее участие в этом деле приняла супруга Начальника Отряда, Анна Ивановна Тимэ.

В воскресенье 2-го декабря 1928 г. состоялся первый такой «Ти Данс», устроительницей и распорядительницей которого была сама А. И. Тимэ. Гостей было много и «Ти Данс» прошел с большим успехом. В про-

межутках между танцами, силами самих волонтеров, была организована программа: пение, декламация, анекдоты. За столиками сервировался чай, кофе и прохладительные напитки.

По примеру английской армии, в которой, для поощрения развития в той или иной отрасли военного дела, применялась система соревнования на переходящие кубки призы, в Русском Отряде тоже были введены ежегодные состязания между взводами рот в строевой подготовке. Лучший взвод должен был получить на год «переходящий кубок», подаренный для этой цели Отряду Штабом Ш.В.К.

Первое такое состязание в Отряде состоялось 18-го декабря 1928 г. В нем приняли участие все восемь взводов Отряда. Судьями на состязаниях приглашены были офицеры 2-го батальона Шотландской Гвардии, квартировавшего тогда в Шанхае.

Судьи признали лучшим взводом по строевой подготовке 2-й взвод 2-й роты, под командой сержанта Д. К. Кроткова, которому и был присужден серебряный переходящий кубок.

На следующий день, 19-го декабря, был Отрядный Праздник. Утром был отслужен по этому случаю молебен, а после молебна 2-й взвод 2-й роты был выстроен во дворе казармы на Амой род и Командир Корпуса вручил сержанту Кроткову приз-кубок.

По случаю Отрядного праздника был улучшенный стол для волонтеров, а на завтраке у офицеров Отряда присутствовали официальные гости и приглашенные «друзья Отряда». Присутствовали: командующий английскими экспедиционными войсками в Китае, генерал Уордроп, много офицеров Шотландского Гвардейского батальона, члены Муниципального Совета, редакторы русских газет Л. В. Арнольдов («Шанхайская Заря»), П. И. Зайцев («Слово») и Б. А. Суворин («Вечернее Время») и от английской газ. «Норд Чайна Дэйли Ньюс» — г-н Пэйтон-Гриффин, один из помощников редактора этой газеты, большой друг русских вообще и Русского Отряда в частности.

Конец этого 1928-го года принес некоторые изменения в составе Штаба Отряда: 28-го декабря ушел в отставку, получив хорошую службу в Шанхайской Те-

лефонной Компании, Помощник Начальника Отряда, барон Жирар-де-Сукантон. Одновременно с этим, Штаб Корпуса отдал приказ о производстве во 2-е лейтенанты Отрядного сержант-майора А. А. Васильева, с назначением его «Обер-офицером для поручений по строевой части, и сержант-квартирмейстера А. А. Шимордова — с назначением его «Квартирмейстером» Отряда. Должность-же сержант-майора Отряда была упразднена.

Заканчивая описание жизни и службы Русского Отряда в 1928 г., хочу предложить вниманию читателей две выписки из Приказов по Отряду; первая из них характеризует духовный облик Отряда, как воспреемника былых традиций Великой Русской Армии, вторая-же дает краткую оценку деятельности в Отряде барона Л. Л. Жирар-де-Сукантон.

Выписка из Приказа по Отряду
от 19-го декабря 1928 г. за № 115, § 1.

«Сегодня, в День Святителя Николая Чудотворца Мирликийского, избранного нами Покровителем Отряда, мы празднуем, за два года существования Отряда в рядах Шанхайского Волонтерского Корпуса, наш второй Отрядный Праздник.

В былое время этот День праздновала вся Россия, как День Тезоименитства ЕЕ МОНАРХА, ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА.

Сегодня мы будем молиться об упокоении душ нашего Императора и Его Августейшей Семьи, принявших мученическую кончину за беспредельную Их любовь к нашей Родине.

Вспомним-же сегодня заключительные слова последнего, прощального приказа нашего Государя и Верховного Главнокомандующего к Русской Армии, отданного Им 8-го марта 1917 г., за № 371, и да будут эти слова постоянно живы в наших сердцах:

> «ТВЕРДО ВЕРЮ, ЧТО НЕ УГАСЛА В ВАШИХ СЕРДЦАХ БЕСПРЕДЕЛЬНАЯ ЛЮБОВЬ К НАШЕЙ РОДИНЕ.
>
> ДА БЛАГОСЛОВИТ ВАС ГОСПОДЬ БОГ И ДА ВЕДЕТ ВАС К ПОБЕДЕ СВЯТОЙ ВЕЛИКОМУЧЕНИК И ПОБЕДОНОСЕЦ ГЕОРГИЙ».

Выписка из Приказа по Отряду от 31-го декабря 1928 г., за № 169, § 4.

«Приказом по Отряду от 28-го декабря объявлено об уходе в отставку помощника моего, капитана барона Жирар-де-Сукантон.

Прибытие последнего и вступление в должность совпало с моментом развертывания Отряда и с необходимостью, вследствие этого, организации хозяйственного и строевого управления.

Дав правильное направление деятельности хозяйственного аппарата Отряду, ему в краткий срок удалось урегулировать взаимодействия последнего со снабжающими учреждениями.

Простота установленного им способа устранения нужд Отряда соответствующими учреждениями и полная с ними согласованность в служебных отношениях, дали весьма высокие практические результаты.

В области строевой капитан барон Жирар-де-Сукантон, своими ценными указаниями, немало содействовал деловому совершенствованию и духовному процветанию части.

Особенно ценна его помощь была в приобретении необходимого знакомства среди представителей иностранного контингента и Английского Военного командования, каковое является чрезвычайно важным в целях популяризации и освещения истинной ценности Отряда.

Широкое образование, блестящее знание языков, огромный служебный стаж и знакомства с особенностями жизни иностранцев, всегда являлись залогом успешного проведения всех возлагаемых на него поручений.

Глубокоуважаемый Лев Львович,

Высоко ценя потраченные труды и достигнутые результаты в порученном Вам деле, я от лица службы приношу Вам сердечную благодарность и искреннюю признательность.

Расставаясь, не могу воздержаться от выражения своего соболезнования по поводу оставления Вами Отряда и душевных пожеланий счастливого и полного успеха в предстоящей деятельности.»

— 1929 год —

Шанхайский Волонтерский Корпус, чины которого, в частной своей жизни, являлись крупными и мелкими служащими иностранных и китайских предприятий Международного Сеттлемента (от директоров компаний до мелких чиновников включительно), проводил обучение чинов своих рот в их свободные от службы часы и дни, то-есть по вечерам, а в субботы, воскресенья и праздничные дни, обычно, роты Корпуса проводили свою учебную стрельбу, разного рода состязания и «лагерные сборы».

Поэтому нет ничего удивительного, что в день Нового года, 1-го января 1929 г., и Русский Отряд, отмечая этот праздник, все-же провел, впервые за свое существование, индивидуальные стрелковые состязания, в которых приняли участие лучшие стрелки обоих рот Отряда. Победители получили денежные призы.

Приближался праздник Православного Русского Рождества Христова, и Отряд готовился к устройству вечеринки, которая должна была иметь место в расположении 1-й роты, на Амой род.

Неожиданно было получено извещение о кончине в Каннах Верховного Главнокомандующего Е. И. В. Великого Князя Николая Николаевича, и вечеринка была отменена. Вместо этого, днем 8-го января состоялась панихида по усопшем и был назначен (с ведома, конечно, Штаба Ш.В.К.) траур для г. г. офицеров и сержант-майоров на месяц, а для прочих чинов — на три дня. А 12-го января, в Приказе по Отряду было объявлено о добровольной подписке на сооружение венка на могилу в Бозе почившего Великого Князя Николая Николаевича и назначен конкурс на проект этого венка, каковой должен был исходить от чинов Отряда.

Своим наружным видом ничем не отличаясь от английских частей Ш.В.К., Отряд, однако, не порывал духовной связи с Русской Армией, и свято чтил и отмечал все важнейшие события, имевшие место в истории

России. Английское командование Корпуса не только не чинило к этому препятствий, но даже шло навстречу, давая иногда необходимые освобождения или сокращения служебных нарядов. Так, 9-го февраля 1929 г., например, Отряд служил панихиду по Верховном Правителе России, адмирале А. В. Колчак.

Тяжелые наряды на службу и постоянные строевые занятия для несостоящих в наряде чинов, почти не оставляли свободного времени и поэтому в Отряде не было того, что было в других регулярных частях Шанхайского гарнизона: спортивных команд, которые своими выступлениями на спортивных полях города сближали эти части между собой и, в то-же время, знакомили с собой местное население, которое всегда и в большом числе посещало спортивные состязания.

Несмотря на это, конечно, все части, Шанхайского гарнизона знали о Русском Отряде, соприкасаясь с ним во время несения совместной службы по охране границ Международного Сеттлемента и на смотрах и парадах, в которых Отряд участвовал.

Английские батальоны в Шанхае менялись дватри года, «постоянной» же частью Шанхайского гарнизона являлся 4-й полк американских марин, который не менял своей Шанхайской стоянки в течение уже многих лет и простоял в Шанхае до самого начала 2-й Мировой войны.

С этим полком Русский Отряд «был знаком» с самого начала своего существования, но знакомство это было «шапочное». Однако, в 1929-м году, вскоре после Рождества, Штаб Ш.В.К. и штаб 4-го полка марин както сговорились пригласить «солдатский хор» Отряда на «смокер» марин, имевший место в здании старого Таун-Холла.

«Смокер» — это обычное у американцев развлечение для солдат, когда им представляется обширная программа, в которой участвуют певцы, музыканты, рассказчики, фокусники и т. п. Выступление Отрядного хора под управлением волонтера Курдюмова было очень удачным, и американские марины долго еще после этого вечера напевали мотив «Эй, ухнем!».

21-го февраля 1929 г., в знак искреннего расположения к Отряду, 4-й полк американских марин сделал Русскому Отряду дружеское подношение — большой серебряный кубок, который и был вручен майору Ти-

мэ командиром этого полка, полковником Килгор.

Собрание ценных сувениров Отряда увеличивалось, и хранились они в особом шкафу, под стеклом, в кантине Отряда на Амой род.

24-го февраля 1929 г. особая комиссия рассматривала, представленные чинами Отряда, проекты венков на могилу Великого Князя Николая Николаевича. В качестве эксперта специалиста по художественной архитектуре был приглашен военный инженер-архитектор, полковник А. И. Ярон, давший ценные указания по устранению допущенных технических ошибок и уклонений от идейной стороны. Комиссия избрала и утвердила проект, составленный волонтером 1-й роты Валентином Соколовым (позднее — лейтенантом 3-й волонтерской роты полка), по которому и был впоследствии сооружен в Париже серебряный венок, лично генералом Кутеповым возложенный на могилу Верховного Вождя в первую годовщину Его смерти.

Служба роты Отряда, расквартированной на Амой род, т. е. вместе со Штабом Отряда, была несравненно более тяжелой, так-как эта работа беспрерывно «была на глазах у начальства»: почти постоянное присутствие в расположении роты Начальника Отряда, имевшего свою квартиру в одном из бараков на Амой род, и частые «налеты» старших чинов Ш.В.К., заставляли командный состав и чинов этой роты «быть постоянно начеку», лишая их свободы (хотя-бы даже в отдыхе) даже в те часы, когда они бывали свободны от службы и занятий.

Рота же, расположенная на Тунглианг род, в районе Янцепу, на далекой окраине города, находясь очень далеко от своего штаба и от Штаба Ш.В.К., «блаженствовала», полностью используя свое свободное время так, как она это хотела. У этой роты был свой хороший кантин, размещалась она в отличных благоустроенных бараках казармах (ранее занятые одной из рот английских регулярных войск), по-взводно, причем у взводного сержанта в каждом бараке была даже отдельная комната, в то время, как на Амой род, койка сержанта находилась в одном помещении с чинами его взвода, и он постоянно «был на виду» у своих людей, что его, конечно, сильно стесняло.

Это полное отсутствие даже самой элементарной «интимности» и «приватности» в казарменном расположении взводного сержанта на Амой род иногда являлось причиной комических казусов, в которых взводный сержант — этот фактический «царь и бог» в своем взводе, оказывался в смешном положении.

Помню, еще до появления кантина на Амой род, летом 1928 г., после сокращения штата Русского Отряда до одной роты, когда я был отделенным командиром 1-го отделения 1-го взвода этой роты, а сержант П. К. Поронник, взводным сержантом этого взвода, наши койки стояли рядом у самого входа в наш взводный барак, и в нашей общей «тумбочке» (ночном столике), стоявшей между нами, мы хранили небольшой запас... водки во фляжке, позволяя себе вольность выпить рюмку перед обедом и ужином, хотя хранение спиртных напитков в казарме было запрещено: ведь и «начальство» — тоже люди и им присущи слабости, которые они допускают, но... не в ущерб службе и установленному порядку.

Но как же выпить рюмку водки, незамеченным чинами взвода, которые, обычно, собирались в бараки перед сигналом «на обед»? Питьевой воды в бараках не держали, поэтому никто не поверил бы, что «взводный и отделенный» пьют «для здоровья» перед обедом воду, а не водку.

Налив в эмалированную кружку из фляжки, прямо в тумбочке, не вынимая наружу фляжки, свою «водочную порцию», осторожно поглядывая по сторонам и улучив (как ему казалось!) удачный момент, Поронник сгибался «в три дуги», сидя на своей койке, и в чрезвычайно неудобной позе для питья, выпивал свою порцию, не морщась, чтобы не вызвать подозрения у чинов своего взвода. То же самое проделывал потом и я. Иногда это сходило незаметно, но в большинстве случаев, неизменно из одного из дальних углов барака, доносилось негромкое, с ноткой зависти, «будьте здоровы», и «начальство», делая вид, что не слышало этого пожелания, краснея и ругаясь в душе, «усиленно начинало приводить в порядок» у себя в тумбочке, где и до этого все было в блестящем порядке.

Высшее начальство почти никогда не посещало роту на Тунглианг род из-за дальности расстояния, и рота жила «самостоятельно», не стесняясь. В ночное время жизнь этого района города замирала совершенно, и

рота отдыхала спокойно, не тревожимая городской сутолокой и шумом.

Учитывая это положение, Начальник Отряда решил чередовать роты, меняя их квартирование каждый год. С переменой барачного расположения этих рот, соответственно изменялся и наряд на службу: «казарма на Тунглианг род» давала караул на охрану тюрьмы на Вард род, а «Амой род» — нес караульную службу на мостах и охранял Штаб Корпуса.

Закрепляя, все еще довольно шаткое, положение Русского Отряда, который стоил городу (налогоплательщикам) чрезвычайно дорого, командование Волонтерского Корпуса охотно выполняло просьбы Муниципальной Полиции, которая, не увеличиваясь в своем составе, принуждена была нести много дополнительных обязанностей, о назначении чинов Отряда в помощь полиции при, так называемых, «сэрчь парти»; т. е. при облавах и обысках.

К назначенному времени, необходимое число чинов Отряда, под командой одного из своих офицеров, прибывало на корпусных грузовиках транспортерах во двор указанной в приказании полицейской станции, где офицер, начальник этой группы, получал от полицейского начальства инструкции и указания, что требовалось от чинов Отряда. После этого вся «сэрчь парти», которой обычно командовал один из начальников полицейских «дивизионов» (районов), включавшая одну-две «красных мрии» с легкими пулеметами «Томпсон» и с двумя-тремя десятками полицейских китайцев и индусов, под командой сержантов европейцев, посаженных в черные полицейские линейки, выезжала к первому пункту, назначенному для облавы или обыска.

Как только эта колонна останавливалась по прибытии на место действия, чины Отряда быстро соскакивали со своих грузовиков и, под командой своих унтер-офицеров и общим наблюдением своего офицера, оцепляли район, в котором полиция, разбитая на небольшие группы, производила обыски.

Обычно, за четыре часа этой службы, обыскивались три, четыре района, не расположенные по соседству друг с другом.

Помимо помощи полиции при этих облавах, от От-

ряда потребовали также высылки особых патрулей, под командой унтер-офицеров, состоявших исключительно из чинов Отряда, в обязанности которых входило патрулирование районов различных полицейских станций, тех станций, которые сами они не могли покрыть благодаря недостатку людей. Чины Отряда, назначаемые для этой патрульной службы, получали на соответствующих станциях револьверы «Веблей» или пистолеты «Кольт».

В связи с этим, все чины Отряда должны были пройти, под руководством полицейского инструктора, курс стрельбы из револьверов на полицейском стрельбище при «Гордон род дэпо».

Разнообразие службы, выпавшей на Отряд, и добросовестность, с которой эта служба чинами Отряда выполнялась, дали возможность Командиру Корпуса ходатайствовать перед Муниципальным Советом об улучшении условий службы для чинов Русского Отряда.

24-го марта 1929 г. Муниципальный Совет утвердил ежегодные прибавки к жалованию чинов Отряда за выслугу лет: г. г. офицерам по десять долларов, а прочим чинам — по пять долларов.

8-го апреля 1929 г., при письме Начальника Отряда майора Тимэ, на имя Начальника Канцелярии Председателя Русского Обще-Воинского Союза, генерала Кондзеровского, было переведено 909 франков 70 сантимов, как посильная лепта от чинов Отряда на сооружение мраморной доски к могиле почившего Верховного Вождя и Верховного Главнокомандующего Великого Князя Николая Николаевича. На оборотной стороне этой доски перечислены все воинские организации, принявшие участие в ее сооружении.

Русский Отряд на ней записан так: «От чинов Русской Армии и Флота, состоящих в марте месяце 1929 г. в Русском Отряде Ш.В.К., в Шанхае.»

9-го апреля уезжал из Шанхая в Англию, получив новое назначение, Командующий Английскими войсками на Востоке, генерал Уордроп. Среди почетных караулов, высланных по этому случаю от всех частей гарнизона Шанхая (Международного Сеттлемента и Французской Концессии) была 1-я полурота 2-й роты Русского Отряда.

В этот же день, в тюрьме для китайцев на Вард род произошел бунт, во время которого арестанты одного из тюремных блоков «для смертников» напали на тюремную стражу, убили и ранили нескольких индусов надзирателей и пытались призвать к бунту всех заключенных.

Наружный караул на Вард род в этот день был от 1-й роты, под командой сержанта М. П. Смирнова, который принял энергичные меры к подавлению бунта и помог тюремной администрации быстро ликвидировать беспорядки.

За это доблестное дело сержант Смирнов и весь караул получили письменную благодарность от Начальника Муниципальных тюрем, капитана Мартин.

18-го апреля 1929 г. Новый Командующий Английскими войсками в Китае, бригадир Баррет, производил инспекторский смотр всему Русскому Отряду на поле Рейс-Корса.

Смотр прошел отлично: 1-я рота демонстрировала «разгон уличных толп» и гимнастику, а 2-я — «штыковой бой» и ротное учение.

Многотысячная толпа зрителей восхищалась работой чинов Отряда. Особенно понравились им гимнастика — выполнение всей ротой вольных движений «сокольской гимнастики» и «штыковой бой», заключавшийся в том, что все чины роты, перестроенной «для гимнастики», в шахматный порядок, одновременно проделывали целые «фразы» приемов штыкового боя, по команде одного из офицеров роты.

«Это был красивый солдатский балет, где главную роль выполнял солдат, имевший своей партнершей винтовку» — так отмечено было на следующий день в местных иностранных и китайских газетах.

Закончился смотр церемониальным маршем в развернутом строю по-ротно и в колонне по-отделениям. На этом смотру Русский Отряд еще раз продемонстрировал прекрасную выучку и дисциплину.

Через девять дней, 27-го апреля — Общий парад Шанхайского Волонтерского Корпуса, который принимал генерал Баррет. Снова Русский Отряд показал себя лучшей в строевом отношении частью Ш.В.К., и своим церемониальным маршем в развернутом строю рот вызвал бурю аплодисментов со стороны многочисленных зрителей.

На следующий день, 28-го апреля, был ежегодный «церковный парад» Ш.В.К., в котором впервые принимали участие сорок чинов Отряда под командой одного офицера, а после этой церемонии, все г. г. офицеры и унтер-офицеры Отряда снимались в общих группах с офицерами и унтер-офицерами других рот Корпуса во дворе Английского Генерального Консульства. В дальнейшем Отряд ежегодно участвовал в этих традиционных фотосъемках.

Иностранная пресса Шанхая была настроена к Отряду весьма благожелательно и не скупилась на лестные отзывы о службе и строевом обучении Отряда в своих статьях, периодически помещавшихся на страницах местных газет.

Особенно благожелательно относился к Отряду один из редакторов самой большой местной английской газеты «Норд Чайна Дэйли Ньюс», г-н Пэйтон-Гриффин.

30-го апреля 1929 г. он подарил Отряду большой и ценный серебряный кубок «имени 1927 года» (год основания Отряда) с целью «поощрения военного спорта».

5-е мая 1929 г. — Русская Православная Пасха. В казармах на Амой род служилась Заутреня, на которой присутствовали все чины Отряда и почетные гости. После Заутрени, 1-я рота, на корпусных грузовиках транспортерах, уехала разговляться к себе в казармы на Тунглианг род, а 2-я разговлялась у себя в столовой. Для г. г. офицеров Отряда и почетных гостей был накрыт стол в кантине на Амой род. Очень полюбивший Отряд и нередко в него «заезжавший запросто», Командующий английскими войсками, ген. Баррет, однако, на этих разговенах отсутствовал, сообщив, что какое-то важное служебное дело лишило его этой возмости.

Получение кубка «1927 г.» от Пэйтон-Гриффин побудило корпусное начальство устроить состязания на этот кубок, и Штаб Корпуса решил провести между всеми взводами рот состязания в стрельбе из винтовок после четырехмильного форсированного марша.

В этих состязаниях от каждого взвода принимала участие команда в составе десяти человек под командой своего взводного сержанта.

Команды 1-й роты, расквартированной «на Кам-

чатке» на Тунглианг род имели неограниченные возможности к подготовке к форсированному маршу и на состязания выходили увереными в своем успехе.

Рано утром 21-го мая команды 1-й роты прибыли на Рейс-Корс, где уже находились команды 2-й роты. Там-же собралось и все начальство, включая Адъютанта Ш.В.К., который руководил этими состязаниями и являлся их главным судьей.

Плохо понимали в то время английский язык офицеры и чины Отряда. Поэтому, полученные им инструкции от Адъютанта Корпуса были просто непоняты взводным сержантом 1-го взвода 1-й роты, Е. М. Красноусовым, который со своей командой должен был начать движение первым. Он понял лишь одно, что со своей командой он должен как можно быстрее пройти от Рейс-Корса, по указанному маршруту, до Муниципального стрельбища около Хонкью Парка и там произвести какую-то стрельбу. Что это будет за стрельба? — объяснить ему не могли.

Знал он только лишь одно, что отметки будут ставить и за время, потраченное на переход, за дисциплину во время движения и при проведении стрельбы, и за самую стрельбу.

Остальные команды, в порядке номеров своих взводов, должны были двигаться по тому-же маршруту, через интервалы в десять минут. С каждой командой следовал на автомобиле один из «наблюдающих» из числа чинов Штаба Корпуса.

Отдав нужные распоряжения и оставив «стартера» на Рейс-Корсе, Адъютант Корпуса, отдал приказание команде сержанта Красноусова двигаться вперед, а сам поехал наблюдать за ней во время движения и на стрельбище.

Команда покрыла расстояние до стрельбищ в 50 с половиной минут и, уже двигаясь по дороге на самом стрельбище, получила приказание выпустить с дистанции в 500 ярдов по пять патронов по «появляющимся» мишеням. Вполне естественно, эти «дополнительные приказания» и пояснения на мало-понятном английском языке замедлили движение команды на стрельбище, а равно и задержали открытие огня.

Однако, эта команда, все-же, оказалась лучшей, выбив 225 очков. На втором месте оказались команды 2-го и 3-го взводов той же 1-й роты, покрывшие расстояние в 49 мин., но выбившая по 211 очков. Их встре-

чал один из чинов команды сержанта Красноусова у входа на стрельбище, на ходу поясняя по-русски, что они должны были делать дальше. Им, конечно, было много легче.

«Кубок 1927 г.» Командиром Ш.В.К. был присужден 1-му взводу 1-й роты, и в Приказе по Отряду сержанту Красноусову и чинам его команды была объявна благодарность «за выдержку во время движения и хорошую дисциплину огня».

Согласно условий службы «штатных» чинов Муниципалитета, Начальника Отряда, майор Тимэ, как штатный служащий по контракту «А» (сержант конной полиции), имел право на восьмимесячный отпуск за каждые пять лет службы.

Приближался срок его отпуска, и офицерский состав Отряда временно должен был уменьшиться на одного. Но, пользуясь тем, что Отряд своей примерной службой уже достаточно укрепил свое положение, Командир Ш.В.К., полковник Орпен-Пальмер, добился разрешения на производство в офицеры одного из чинов Отряда, и 23-го мая 1929 г. сержант-майор 1-й роты П. И. Гапанович, приказом по Ш.В.К., был допущен к исполнению обязанностей младшего офицера с производством во 2-е лейтенанты и с переводом во 2-ю роту.

25-го мая 1929 г. Начальник Отряда, майор Тимэ, выбыл в восьмимесячный отпуск в Европу, и во временное командование Отрядом вступил капитан С. Д. Иванов (командир 1-й роты), а во временное командование 1-й ротой — лейтенант Н. М. Степанищев, с присвоением ему чина «временного капитана».

Командир Шанхайского Волонтерского Корпуса, Начальники Штаба, Адъютанты Корпуса и батальонов, входивших в состав Корпуса, а равно и сержант-майоры Корпуса, были чинами регулярной английской армии и прикомандировывались лишь временно для службы в Ш.В.К., на определенный срок, по-прежнему оставаясь в списках английской регулярной армии.

6-го июля 1929 г. окончился срок службы в Ш.В.К. Адъютанта Корпуса, капитана Англэзи-Сандлс, и он выехал в Англию.

Он был первым Адъютантом Корпуса, при котором сформировался и начал свою службу Русский Отряд. Человек исключительно сердечный, он искренне привязался к Отряду и много способствовал улучшению

жизни его чинов. В течение двух лет он популяризировал Отряд в кругах английского военного командования и много способствовал улучшению и налаживанию деловых отношений Отряда с Муниципальными учреждениями.

Часто, и при этом «запросто» посещая Отряд, он давал ценные указания, касающиеся как внутренней жизни, так и строевой подготовки, применительно к жизни и службе английской армии.

Отъезд в Англию капитана Англэзи-Сандльс произошел настолько «скоропостижно» (по-видимому, сыграло роль пристрастие этого прекрасной души человека к спиртным напиткам), что Отряд даже не имел возможности проводить его достойным образом.

Согласно положения, существовавшего в Ш.В.К., 2-е лейтенанты, прослужившие в этом чине один год, представлялись к производству в 1-е лейтенанты. 1-го августа 1929 г. 2-е лейтенанты П. К. Поронник и Н. И. Курочкин, приказом по Ш.В.К., были произведены в чин 1-го лейтенанта.

21-го августа врач отряда, капитан Бари (профессор-психиатр), занимавший эту должность на положении «почетного», т. е. без жалования (пользуясь только лишь некоторыми особыми привилегиями), выбыл в кратковременный отпуск, пригласив своим заместителем доктора хирурга Н. Н. Кузнецова, пользовавшегося в Шанхае большой известностью. Хотя др. Кузнецов прослужил в то время в Отряде всего лишь до 3-го сентября (когда возвратился из отпуска проф. Бари), но этот короткий период был лишь «вступлением» для его дальнейшей многолетней службы в Русском Отряде (Полку).

Следуя православному русскому обычаю, 1-я рота Отряда избрала своим Небесным Покровителем Святого Благоверного Великого Князя Александра Невского, и Штаб Корпуса утвердил ротный праздник ее в день 12-го сентября. В этот день в роте отслужен был молебен и освещена икона Святого Покровителя роты, построенная на средства чинов роты.

Добрые взаимные отношения Отряда с иностранной колонией Шанхая постепенно укреплялись, появлялись все новые и новые друзья Отряда: 6-го октября 1929 г. английская фирма «Джардин энд Матэсон», владевшая целым рядом бумагопрядильных и других фаб-

рик и заводов в Шанхае, сделала Отряду подарок — 300 штук одеял, что было весьма нелишним, так-как, положенное по штату от Муниципалитета, одно одеяло плохо грело в сырую и холодную шанхайскую зиму.

11-го октября 1929 г., в День Ангела Председателя Русского Обще-Воинского Союза, генерала А. П. Кутепова, Вр. Командующий Отрядом, капитан С. Д. Иванов, подчеркивая неразрывность Отряда с Российской Армией зарубежом, послал ему приветственную телеграмму от имени г. г. офицеров и чинов Отряда, на которую 26-го ноября было получено письмо от ген. Кутепова:

> «Начальнику Отдельного Русского Отряда, Ш.В.К. —
>
> Сердечно благодарю Вас и чинов Отряда за поздравление с Днем моего Ангела. Рад видеть и знать, что чины Отряда чувствуют себя неразрывной частью нашей общей дорогой воинской семьи.
>
> Ген. Кутепов.»

23-го октября 1929 г. 1-й роте, размещавшейся в бараках на Тунглианг род, в районе Янцепу, на дальней окраине города, было приказано перейти в военные английские бараки, расположенные в самом центре Сеттлемента, против здания Муниципального Совета, на углу Фучао и Киангси род.

Неохотно меняла 1-я рота свой «Тунглианг род камп» на «Фучаи род камп»: с благодатной «камчатки» рота сразу попадала в самый «центр внимания», так сказать «под нос» к своему хозяину — Муниципальному Совету и Командиру Ш.В.К., который ежеминутно (даже из окна своего служебного кабинета) видел жизнь этой казармы.

Отдавая это распоряжение, Командир Корпуса, полк. Орпен-Пальмер, конечно, руководствовался особыми соображениями, и одним из них было наглядное напоминание муниципальным властям о том, что жизнь Русского Отряда нуждается еще в очень и очень многих улучшениях, в частности в одежде.

Старое обмундирование, полученное со складов Ш.В.К., было неудовлетворительно, так-как находилось в плохом состоянии и не могло быть подогнано по

фигуре и телосложению каждого отдельного чина Отряда.

Вскоре после перехода 1-й роты «на глаза» Муниципалитету, Командир Корпуса возбудил ходатайство (энергично поддержанное Командующим английскими войсками, ген. Баррет) о пошивке Отряду специального нового обмундирования. Ходатайство это было удовлетворено, и Отряд получил новое обмундирование, сшитое по мерке, из отличного темно-зеленого сукна, по цвету напомившего форму американских марин 4-го полка, расквартированного в Шанхае, но по образцу английской армии.

Декабрь месяц, был месяцем состязаний между взводами Отряда по строевой подготовке. К этим состязаниям готовились усиленно, отдавая подготовке к ним все свободное от службы время.

14-го декабря состязания закончились, и на первом месте оказался 1-й взвод 1-й роты под командой сержанта Е. М. Красноусова, которому и присужден был переходящий кубок «За строевую подготовку». Судьями на этих состязаниях были офицеры английской регулярной армии.

15-го декабря 1929 г. возвратился из заграничного отпуска майор Тимэ, а 19-го декабря Отряд праздновал свой «Отрядный праздник».

31-го декабря 1929 г. впервые знакомился с Отрядом новый Адъютант Корпуса, капитан Хинчлифф, и получил полное удовлетворение от образцовой выправки и дисциплины, царивших в Отряде.

— 1930 год —

Жизнь Отряда в течение 1930-го года ничем не отличалась от предыдущего года: служба чередовалась с занятиями, чины Отряда совершенствовались в своем строевом обучении и прочно удерживали за Отрядом почетное место «лучшей и самой надежной части Ш.В.К.».

Обе роты проводили свои строевые занятия на поле Рейс-Корса, куда роты прибывали, обычно, к 8:30 утра.

«Взводное учение» сменялось «ротным», а потом обе роты сводились вместе для «батальонного учения».

Огромная площадь шанхайского Рейс-Корса и, в то-же время, наличие некоторых «клубных» построек на ней и дорожек, давали возможность проводить занятия по «разгону уличных толп» и «боев в улицах города», входивших в программу обучения рот Ш.В.К.

Перед самым концом занятий, обычно, проводился «рассыпной строй», заканчивавшийся «атакой на воображаемого противника»: красные и синие флажки, имевшиеся в каждой роте, обозначали огневые точки и пехоту противника, а, сделанные самими волонтерами рот трещетки, создавали звуковой эффект. «Ура» атакующих слышалось далеко за пределами Рейс-Корса, привлекая к забору Рейс-Корса толпы китайцев, с любопытством следивших за занятиями чинов Отряда.

В этом «ура» всегда звучали нотки радости, таккак вместе с «ура» приходил и конец строевых занятий.

Сигнал горниста «сбор», роты выстраиваются приводят себя в порядок «после атаки», получают разрешение «покурить» и с песнями идут по своим казармам.

Почти неизменно, к моменту выхода рот из ворот Рейс-Корса на Бабблинг Велл род, на задней веранде здания китайского кинематографа «Нью Ворлд», занятого под казарму 2-м батальоном Шотландской гвардии, появлялись их волынщики, которые играли ротам Отряда свои, непонятные для нас, мотивы. Они хотели отметить этим свое дружеское к нам отношение, но за-

частую... «сбивали нас с ноги». Иногда на этой веранде появлялся сам командир батальона, полковник, которому роты Отряда отдавали положенную честь по командам своих командиров.

Примерная служба Отряда дала возможность К-ру Корпуса добиваться от Муниципального Совета дальнейшего улучшения условий службы и жизни волонтеров. В этом отношении сильным союзником Командира Корпуса всегда бывал Командующий английскими войсками, который неоднократно видел Отряд на смотрах и парадах, а также и в бараках, которые он посещал, иногда даже без предупреждения, запросто.

Временно выполнявший обязанности Начальника Отряда, во время долгосрочного заграничного отпуска майора Тимэ, капитан С. Д. Иванов, так и остался на должности Помощника Начальника Отряда, хотя этой должности по штату и не полагалось.

Жалование чинам Отряда было увеличено настолько, что сделало службу в Отряде «мечтой» русской молодежи, стремившейся «попасть на военную службу». Разрешенные же чинам Отряда ежегодные двухнедельные отпуска с сохранением содержания делали эту службу еще более привлекательной.

Вкратце, этот 1930-й год прошел так:

7-е января. Русское Православное Рождество Христово. Молебен, улучшенный обед (хотя в Отряде в то время вообще кормили отлично) и вечеринка в расквартировании 1-й роты на Фучао род. Эта рота имела очень большой кантин, дававший возможность устраивать танцы.

10-го января вступил в командование Отрядом май ор Тимэ, а капитан Иванов оставлен временно исполняющим обязанности Помощника Нач. Отряда.

21-е января — трехлетний юбилей Отряда. Молебен, улучшенный стол и парадный завтрак с почетными гостями у г. г. офицеров.

6-го февраля получено уведомление от ген. Миллера из Парижа о том, что серебряный венок от Отряда на могилу Великого Князя Николая Николаевича возложен лично Председателем Русского Обще-Воинского Союза, генералом от Инфантерии Кутеповым, в первую годовщину смерти Его Императорского Высочества.

13-го февраля 2-е лейтенанты А. А. Васильев и А. А. Шимордов, приказом по Корпусу за № 25/Т/71 произведены в лейтенанты.

3-го марта получена благодарственная почто-грамма от Вдовствующей Великой Княгини Анастасии Николаевны по поводу возложенного от Отряда художественно и богато-исполненного венка на могилу, в Бозе почившего супруга.

9-е апреля. Инспекторский смотр Отряду на Рейс-Корсе, произведенный ген. Баррет. Командующий английскими войсками в Шанхайской эре с восторгом отозвался о строевой подготовке отряда и выразил свою благодарность Командиру Ш.В.К. и Начальнику Русского Отряда. Этим парадом командовал капитан Иванов.

13-го апреля — Отряд принимает участие в «годовом рут-марше» всего Ш.В.К. Салют принимал генерал Баррет.

20-е апреля — Русская Пасха. Заутреня в расквартировании 1-й роты. Разговены по-ротно в своих «лагерях». Г. г. офицеры разговлялись в помещении Штаба Отряда, в «Центральном лагере», со своими семьями, но без гостей.

26-го апреля — инспекторский смотр всему Волонтерскому Корпусу, произведенный ген. Баррет на Рейс-Корсе.

13-го июня — инспекторский смотр Русскому Отряду на Рейс-Корсе Командующим английскими войсками в Китае, генералом Сандиланс.

30-го июня сержант-майор 1-й роты Т. П. Москалев уволен по собственному желанию от службы в Отряде, а сержант И. М. Бородин назначен на его место.

3-го июля были объявлены новые ставки жалования волонтерам:

сержант-майор.	60 долларов;
сержант.	55 долларов;
капрал.	50 долларов;
ленц-капрал.	45 долларов;
волонтер.	40 долларов.

В то время, русский «вочман» в Шанхае, «на всем своем» (за исключением формы), получал около 30-35 дол-

ларов. Чины же Отряда, помимо жалования, имели отличный стол, прекрасное обмундирование и жили в хорошо оборудованных казармах, дававших даже некоторый комфорт.

Помимо увеличения жалования, чины Отряда, попрежнему, получали «годовые» прибавки к своему основному жалованию.

7-го июля разрешены двухнедельные ежегодные отпуска всем чинам Отряда, прослужившим не меньше года, с сохранением содержания и выдачей «квартирных и кормовых денег» на время отпуска.

23-го июля объявлен новый оклад жалования г. г. офицерам Отряда:

помощник нач. Отряда. . . .	175 долларов;
командир роты.	150 долларов;
младший офицер.	100 долларов.

1 сентября сержант Бородин, исполнявший должность сержант-майора 1-й роты, утвержден в должности с производством в соответствующее звание.
12-го сентября, в 1-й роте, по случаю ротного праздника, молебен и улучшенный стол.

11-е ноября — почетный караул от Отряда участвует в параде у «Памятника Войны».

12-е сентября, в 1-й роте, по случаю ротного праздника, молебен и улучшенный стол.

14-го декабря 1-я рота участвует в «рут-марше Корпуса», а 2-я несет все караулы.

12-го декабря заканчиваются состязания взводов Отряда в строевой подготовке, первое место занимает 4-й взвод 2-й роты, под командой сержанта Н. В. Харина, которому и присужден переходящий кубок.

19-е декабря — Отрядный праздник. Молебен, улучшенный стол и выдача кубка 4-му взводу 2-й роты Командиром Корпуса. За офицерским столом «большое начальство», почетные гости и друзья Отряда.

— 1931 год —

В этом году заканчивается срок службы в Шанхайском Волонтерском Корпусе Командира Корпуса, полковника Орпен-Пальмер, он получил производство по английской армии в чин бригадира и должен был выехать из Шанхая к месту своего нового назначения, в Англию.

Как иногда обманчива бывает наружность человека!! Полковник Орпен-Пальмер — «сноб», свысока и как-бы нехотя и небрежно разговаривавший со своими подчиненными, оказался одним из лучших (если не лучшим) и наиболее заботливых Командиров Корпуса, при которых нам пришлось служить.

Штабной офицер английской регулярной армии — он отлично знал и строевую службу, жизнь и нужды офицера и солдата и, не доходя до «панибратства» (что было нередкостью среди старших начальников иностранных частей Корпуса), он сумел вызвать в своих подчиненных уважение к себе и беспрекословное выполнение своих приказаний «добровольцами», составлявшими Корпус. Наружно, «не вливаясь в жизнь части», он делал для нее все возможное, и даже маловозможное, если видел, что часть в этом нуждается и этого заслуживает.

При полковнике Орпен-Пальмер, Русский Отряд окончательно закрепил свое положение и получил такие улучшения в своем материальном положении, что служба в Отряде стала мечтой каждого белого русского эмигранта, подходившего по возрасту и физическому сложению для военной службы.

Слава об Отряде и о привлекательных условиях службы в нем разнеслась далеко за пределы Шанхая, и из далекой Северной Маньчжурии потянулись сначала десятки, а потом и сотни юношей, стремившихся прежде всего поступить на службу в Отряд.

Поступали «сверхштатными», т. е., не получали жалования, но проходили обучение и жили в бараках, ожидая свободной вакансии, которая появлялась в ре-

зультате увольнения со службы (добровольного или в дисциплинарном, принудительном порядке) одного из штатных чинов Отряда.

«Сверхштатные» (число их было определено приказом по Отряду) донашивали наше старое обмундирование, сданное нами на склады Корпуса, питались из общего ротного котла, проходили усиленную строевую подготовку, и к моменту освобождения вакансии, были готовы сразу же «встать в строй» и нести службу наравне с прочими чинами Отряда.

Выбор был отличный и поэтому Отряд пополнялся исключительно хорошим материалом. В то же время, наличие «сверхштатных» заставляло старослужащих, имевших за собой «грешки и пороки», подтягиваться и исправлять свое поведение, так-как, в противном случае, им угрожало увольнение со службы в дисциплинарном порядке для освобождения вакансии одному из достойных «сверхштатных». Бывали случаи, когда «сверхштатными» служили по три месяца, прежде чем попадали в штат.

При полковнике Орпен-Пальмер состоялся перевод группы чинов Отряда на службу в «антипиратскую охрану» иностранных пароходов, курсировавших между Гонконгом и северными портами Китая.

Давно уже исчезнувшее в Европе и Америке, пиратство процветало в китайских водах. Вооруженные огнестрельным оружием, пираты садились на пароход под видом пассажиров, а потом, в намеченном ими пункте, захватывали пароход в свои руки и, заняв капитанский мостик и машинное отделение, заставляли командира корабля вести судно туда, где пиратов уже ожидали мореходные джонки, на которые они перегружали свою добычу и пересаживались сами.

Администрация английских пароходных компаний «Чайна Мерчантс» и «Чайна Навигэйшен» обратились к Гонконгским властям с просьбой дать им вооруженную европейскую охрану на пароходы. На таких пароходах капитанский мостик и машинное отделение и прочие «жизненные пункты» были обнесены специальной стальной сеткой и входы на них постоянно охранялись вооруженными стражниками. Пассажиры китайцы, при посадке на пароход, тщательно осматривались и обыскивались чинами этой вооруженной охраны и во время движения парохода оставались под неослабным ее наблюдением. Пиратство прекратилось.

В поисках надежных и опытных охранников Гонконгские власти, конечно, в первую очередь обратили свое внимание на Русский Отряд Ш.В.К., и, через английское военное командование, возбудили ходатайство об откомандировании постоянной команды волонтеров Отряда (в составе, приблизительно, двадцати человек) в их распоряжение, для несения охранной службы на пароходах.

Чины «антипиратской команды» числились на службе при Гонконгской полиции, но, прибывая со своим пароходом в Шанхай, во время стоянки парохода в этом порту, они размещались и жили в бараках Отряда, подчиняясь Отрядным правилам и дисциплине. Впоследствии, чины этой охраны были переведены на службу в регулярную полицию Гонконга.

Таким образом, слава о Русском Отряде пошла и в английской колонии, чему, конечно, способствовало непосредственное знакомство с Отрядом Командующих английскими войсками в Китае генералов, которые при всех своих визитах в Шанхай неизменно получали возможность сделать смотр Русскому Отряду Ш.В.К. — этой регулярной части Шанхайского Волонтерского Корпуса.

Полковник Орпен-Пальмер много способствовал установлению этих «полезных знакомств».

При полковнике Орпен-Пальмер, Отряд получил отличное, новое, сшитое по мерке обмундирование, при нем же был увеличен отпуск денег на довольствие чинов Отряда, позволявший даже такую роскошь, как жареная утка или гусь и сладкое в воскресном и праздничном меню волонтера.

Можно сказать уверенно, что полковник Орпен-Пальмер не только ценил, но и любил «свой» Русский Отряд, хотя никогда и не проявлял этой любви, всегда наружно оставаясь «снобом».

Вкратце перечислю события, имевшие место в 1931 году, характеризующие жизнь и службу этой воинской части, русской не только по своей национальности, но и по духу, но носившей «английский военный мундир».

7-е января — Православное Русское Рождество Христово. В Отряде молебен, улучшенный стол и полное освобождение от всех служебных нарядов на целые сутки.

7-е февраля — 11-я годовщина смерти Верховного

Правителя России, адмирала А. В. Колчака. В Отряде служилась панихида.

6-е марта — Проводы, отъезжающего в Англию Командира Корпуса, полковника Орпен-Пальмер, произведенного в чин бригадира. Проводы происходили в «Дрилл Холле», где собрались все части Корпуса. От Отряда присутствовали все г. г. офицеры и свободные от службы чины, сведенные для этой церемонии в одну «свободную роту». Командиру Корпуса был вручен подарок от чинов всего Корпуса.

Незадолго до этой церемонии, г. г. офицеры Русского Отряда устраивали прощальный ужин бригадиру Орпен-Пальмер на квартире Начальника Отряда, майора Тимэ, находившейся тогда при бараках Отряда на Амой род. Во время ужина отъезжавшему Командиру был вручен подарок от Отряда — золотая спичечница с кокардой «Ш.В.К.». Подарок этот очень тронул генерала и он сердечно благодарил офицеров и чинов Отряда за оказанное ему внимание.

8-го марта бригадир Орпен-Пальмер, на пароходе «Эмпресс оф Канада», отбыл из Шанхая в Англию. На пристани, против главного здания Морских Таможен, был выстроен почетный караул от Волонтерского Корпуса, в составе которого находились один офицер и двенадцать волонтеров Русского Отряда.

В офицерском составе Отряда произошла неожиданная перемена: «по возбужденному им ходатайству» (в действительности же, по «усиленной рекомендации» начальства) уволился от службы лейтенант П. Н. Галкин, исполнявший должность младшего офицера 2-й роты.

Вместо Галкина, к исполнению должности младшего офицера 2-й роты допущен был сержант-майор И. С. Лобанов, а к исполнению должности сержант-майора 2-й роты — сержант Е. М. Красноусов, переведенный из 1-й роты.

10-го марта прибыл из Новой Зеландии подполковник Томс и вступил в командование Шанхайским Волонтерским Корпусом. Для встречи нового Командира Корпуса, на пристани, был выставлен почетный караул от Русского Отряда.

Новый Командир немедленно «взялся за дело», и уже 18-го марта производил инспекторский смотр 1-й

роте Отряда в Дрилл Холле, а 19-го марта инспектировал 2-ю роту на Рейс-Корсе. Оба смотра прошли отлично.

20-го марта исполнявший обязанности младшего офицера 2-й роты, сержант-майор И. С. Лобанов, был произведен во 2-е лейтенанты и утвержден в занимаемой должности.

6-го апреля состоялась стрельба на индивидуальные призы между лучшими стрелками («марксменами») рот Отряда. Призы были предоставлены майором Штаба Корпуса, португальцем Лейтао, и переходили в собственность получивших их. 1-й приз (серебряный кубок) получил волонтер 1-й роты Петр Зейля, 2-й приз (серебряная спичечница) получил волонтер 1-й роты А. Стразов.

9-го апреля и. д. сержант-майора 2-й роты, сержант Е. М. Красноусов, утвержден в занимаемой должности с производством в соответствующее звание.

10-го апреля произведен смотр Отряду на Рейс-Корсе Командующим английскими войсками в Шанхае, ген. Флеминг, который поблагодарил Отряд за отличный воинский вид и хорошее строевое учение.

12-е апреля. Православная Русская Пасха. Отряд освобожден от службы на целых три дня. Заутреня в Отрядной церкви и разговенье, на котором присутствовал ген. Флеминг, обратившийся к волонтерам с небольшой речью-поздравлением... на русском языке, которым он немного владел.

Генерал Флеминг, еще довольно молодой, небольшого роста и очень подвижный и веселый по характеру, как-то особенно быстро привязался к Русскому Отряду и частенько посещал казармы, без всякого предупреждения. Он очень охотно беседовал не только с офицерами, но и с рядовыми волонтерами, любил русские песни и пляску.

Вспоминается один из его неожиданных приездов в казармы Отряда на Амой род. Был ранний вечер. Рота была «в наряде» и поэтому в казармах оставалось только лишь два-три десятка людей, не ушедших в отпуск. Я сидел в своей «вахмистерке», отдыхая от законченного трудового дня, когда ко мне прибежал дежурный по роте капрал и доложил, что только-что приехал генерал Флеминг и прошел в барак к Началь-

нику Отряда, майору Тимэ. Вместе с Флемингом приехал и Начальник Штаба Войск Шанхайского района, какой-то майор (забыл его фамилию), который довольно прилично говорил по-русски.

Отдав распоряжение быстро прибрать в бараках и предупредив заведывающего кантином о приезде генерала, я приказал волонтерам роты, сидевшим в кантине, одеться по форме и тогда продолжать «развлекаться». Рота уже поужинала и ожидала только «вечерней переклички», после которой разрешалось ложиться спать, хотя кантин продолжал оставаться открытым еще до 10 часов вечера. Через полчаса во всех ротных помещениях был полный порядок, а чины роты, одетые по форме, даже при поясных ремнях, почти в полном составе, собрались за столиками в кантине.

Неожиданно открывается дверь и в кантин входит ген. Флеминг в сопровождении майора Тимэ, своего Начальника Штаба и еще какого-то офицера Шотландского гвардейского батальона (2-й батальон), расквартированного на Рейс-Корсе. Подаю команду «встать, смирно!». Генерал любезно отвечает отданием чести, и вся группа направляется к стойке, где, под смех и шутки, пьют холодную водку, закусывая «пыжами».

Начальник Отряда, обежав глазом помещение, подзывает меня и отдает распоряжение установить посредине и вдоль всего кантина один общий стол, так-как «генерал Флеминг приглашает всех волонтеров роты разделить с ним рюмку русской водки с закуской».

Стол моментально установлен, накрыт чистыми скатертями и через четверть часа уже заполнен тарелками с закусками, бутылками водки и пива. Уже «пропустивший у стойки по-второй, а может быть и по-третьей», генерал Флеминг, по-русски, приглашает всех за стол и усаживается в середине стола.

Сначала все шло как-то немного вяло, так-как волонтеров смущало присутствие большого начальства, но постепенно «атмосфера разгорелась»: послышалась русская песня, сменявшаяся солдатской, выступила пара плясунов, довольно прилично сплясавших гопак, причем к ним присоединился в пляске и сам ген. Флеминг.

Офицер шотландец вышел из кантина, но скоро вернулся и сел на свое место. В кантине было уже непринужденно весело, но сильно накурено.

Неожиданное явление: за дверями кантина разда-

лись звуки шотландской волынки, и в кантин один за другим, вошли четыре волынщика гвардейца и, продолжая играть, обошли вокруг стола несколько раз.

Оказывается, офицер шотландец, вероятно по рекомендации ген. Флеминга, а может быть и по собственной инициативе, прошел в рядом расположенную казарму английской военной полиции и оттуда вызвал по телефону своих ротных волынщиков, чтобы отблагодарить Русский Отряд за радушие и гостеприимство.

Время летело быстро, подходил час закрытия кантина, волынщики уже тоже «закусили и выпили» настолько крепко, что были просто пьяны. Генерал встал, поблагодарил волонтеров за радушный прием и за «компанию» и направился к выходу. Проходя мимо волынщиков, он задержался, чтобы поблагодарить, вероятно, и их, но, заметив, что они почти пьяны, он отдал распоряжение проводить их... на английскую гауптвахту, которая была при казарме военной полиции, добавив при этом по-русски, что это не арест, а он хочет избавить их от неминуемого ареста, если они явятся в таком виде сейчас к себе в казарму: пусть проспятся, а потом пойдут к себе в казарму, а «я позвоню по телефону командиру их батальона, и все будет в порядке» — добавил он и ушел, провожаемый громким «ура» волонтеров.

7-го мая уволился от службы в Отряде, согласно его рапорта, врач Отряда капитан Бари (профессор), в признание его заслуг он был оставлен почетным членом общества офицеров Отряда и Корпуса. Врачом Отряда был назначен доктор Н. Н. Кузнецов, старый морской военный врач, имевший к тому времени уже чин лейтенанта Ш.В.К.

17-го июня должность обер-офицера по строевой части Отряда была упразднена, но утверждена должность Адъютанта Отряда, на каковую назначен был лейтенант П. И. Гапанович.

В середине июня 1-я рота Отряда производила показное ротное учение для чинов 2-го батальона Королевских Шотландских стрелков и получила высшую оценку от присутствовавших офицеров и чинов батальона, о чем командир этого батальона уведомил своим письмом Командира Ш.В.К.

29-го июня Командир Ш.В.К., подполковник Томс, был произведен в чин полковника.

5-го августа Штаб Русского Отряда был переведен в здание Муниципалитета, по соседству со Штабом Корпуса.

12-го сентября — ротный праздник 1-й роты. Молебен и улучшенный стол.

14-го октября учрежден праздник 2-й роты, «Покров Пресвятыя Богородицы». На средства чинов роты сооружена икона в красивом, массивном киоте. Молебен и освещение иконы, у волонтеров улучшенный стол.

Отголоски военных событий, имевших место в Северной Маньчжурии, где произошло вооруженное столкновение китайцев с японцами, а потом китайцев и японцев — с советскими войсками, не замедлило сказаться и в Шанхае, где была очень многочисленная японская колония и имелось несколько десятков больших японских бумагопрядильных фабрик, которые обслуживались рабочими китайцами.

Главная масса японских резидентов Шанхая проживала в районе Хонкью Парка и Муниципального Стрельбища («Райфл Рендж»), где у них размещался в казарме танковый отряд и какая-то пехотная часть.

Японские фабрики были разбросаны по окраинам Сеттлемента: в районах полицейских станций Янцепу, Путу и Гордон.

Возбуждаемые студентами агитаторами, китайские рабочие на этих фабриках устраивали демонстрации, забастовки, ломали и портили машины и фабричное оборудование и устраивали поджоги. Участились также грабежи и поджоги частных домов, в которых жили японцы, и весьма нередки были случаи нападений и даже убийств японских граждан.

Муниципальная Полиция была не в состоянии справиться с выпавшей на ее долю огромной дополнительной задачей по охране жизней и имущества японцев, проживавших на территории Сеттлемента. Поэтому Начальник Полиции обратился с просьбой о помощи к Командиру Ш.В.К., и на сцене снова появился Русский Отряд Ш.В.К.

По приказанию Штаба Корпуса, Отряд выделил часть людей из обеих рот на формирование особой «Охранной команды», которая была переброшена в казармы на «Райфл Рендж» (около Хонкью Парка).

Начальниками этой команды, поочередно, назначались командиры рот Отряда, которые, с помощью одного младшего офицера, следили за несением службы, выпавшей на долю этой команды. Бесконечные вооруженные посты и патрули от этой команды, днем и ночью сохраняли район Хонкью и предотвращали и прекращали возникавшие там беспорядки.

В то же время, основная часть Отряда, по-прежнему, несла свои обязанности по охране тюрьмы на Вард род и муниципальных зданий и имущества, получив дополнительную задачу патрулировать районы полицейских станций Гордон, Путу и Янцепу, где находилась главная масса японских фабрик.

Служили почти беспрерывно, но не роптали на тяжесть службы.

К концу этого 1931-го года в воздухе уже определенно запахло новым военным конфликтом между китайцами и японцами, на этот раз уже в районе Шанхая, и Русский Отряд, конечно, должен был снова явиться «первой линией обороны Международного Сеттлемента».

«Особая команда» была сформирована 17-го октября. Постоянным младшим офицером этой команды был назначен лейтенант Гапанович, а командовали ей командиры рот по-очередно. Каждая рота дала в состав этой команды по двадцать пять человек, а 1-я рота, кроме того, дала фельдшера и шофера для обслуживания данного команде грузовика.

Кроме охраны Муниципального Стрельбища, на эту команду возложено было патрулирование улиц районов полицейских станций Диксвел род и Хонкью. Задача патрулей: совместно с полицией, предотвращать беспорядки и враждебные выступления китайцев против японцев.

20-го октября, от основной части Отряда, учрежден был ежедневный патруль, в составе одного офицера, двух унтер-офицеров и семнадцати волонтеров, для патрулирования района полицейской станции Гордон род, с 5 и до 7 часов утра и с 5 и до 7 часов вечера, то есть на тот период времени, когда рабочие собирались на фабрики или после работы расходились по домам. Задача патрулей — воспрепятствовать могущим произойти беспорядкам, в связи с все возраставшей враждебностью между китайцами и японцами.

27-го октября, утром, на поле Рейс-Корса состоялось показное учение сводной роты в присутствии Командира Корпуса, высших чинов американского военного командования в Шанхае и делегатов Тихо-Океанской конференции от Канады, Австралии и Новой Зеландии.

Командир Корпуса передал, от своего имени и имени гостей, присутствовавших на этом учении, восхищение и благодарность всем чинам Отряда, принимавшим участие, за отличное выполнение как ружейных приемов, так и перестроений, а равно и полное удовлетворение бравым видом людей. Этой сводной ротой командовал лейтенант Поронник.

Несмотря на очень большой служебный наряд, Отряд, напрягая силы, все же, сумел выставить сводную роту и показать свою строевую подготовку «заморским гостям». От мала до велика, все чины Отряда понимали значение этого показного учения в целях популяризации своего имени заграницей, и с большим напряжением, но без малейшего ропота или неудовольствия, несли возложенную на Отряд службу и в то же время готовились к смотру. Численно состав нарядов на службу не был сокращен, в период подготовки к этому смотру, поэтому для той половины Отряда, которая поднимала этот наряд, было очень тяжело, так как людям приходилось, после суточного караула, отдохнув 4-5 часов, снова идти на службу, большей частью в патрули.

Этим напряжением чины Отряда показали, что они не только знали, но и отлично понимали параграф Русского Устава, в котором говорится, что «солдат должен безропотно переносить все тягости и лишения военной службы»...

4-го ноября «Особая команда» была расформирована и люди возвратились в свои роты, но зато увеличен патрульный наряд, присовокуплением районов полицейских станций Путу, Вейсайд и Янцепу.

Через три дня, однако, «Особая команда» была снова сформирована и размещена на Муниципальном Стрельбище, получив прежнюю задачу.

Участившиеся случаи столкновений между китайцами и японцами, убийства и поджоги японских фабрик и других коммерческих предприятий, вызвали необходимость усилить полицейские наряды, и в по-

мощь полиции снова пошли чины Отряда. Наряд на службу настолько возрос, что не представлялось возможным держать постоянно «Особую команду» на Муниципальном Стрельбище и поэтому она, простояв там 2-3 дня, возвращалась на двое суток в места квартирования своих рот и оттуда несла службу особых «летучих патрульных партий», которые получали задания от Штаба Муниципальной Полиции и должны были быть готовы, в любое время суток, выехать или выйти в район, назначенный для патрулирования.

Такое частое перебрасывание «Особой команды» с одного места на другое, и при этом в неопределенные часы и дни, достигло своей цели: многие из могущих возникнуть беспорядков ликвидировались чинами Отряда еще до начала их, но зато чины Отряда находились в большом напряжении, будучи готовы выйти в любую минуту для выполнения данной им задачи. Эта система «перебрасывания» продолжалась до 4-го января, 1932 г., когда «Особая команда» была окончательно расформирована.

Ввиду большого наряда на службу младших офицеров, лейтенант Гапанович, сдав должность лейтенанту Шимордову, был переведен в строй и прикомандирован ко 2-й роте. Постоянным младшим офицером в «Особую команду» был назначен 2-й лейтенант Лобанов.

Усиление общих нарядов на службу отразилось не только на чинах Отряда, но и на г. г. офицерах: на капитана С. Д. Иванова возложено было составление оперативных приказов и вычисление равномерного распределения нарядов между ротами, а лейтенант Шимордов стал совмещать в Штабе Отряда две должности: заведующего хозяйством и Адъютанта. Начальник Отряда, майор Тимэ, утверждал назначения и контролировал несение возложенной на Отряд службы. Командиры рот, помимо своих прямых обязанностей во вверенных им ротах, поочередно являлись начальниками «Особой команды», а младшие офицеры несли караульную службу в тюрьме на Вард род и назначались начальниками патрульных партий в различных районах города.

И вот, несмотря на эту полную нагрузку службой, Отряд нашел время, хотя и урывками, готовиться к ежегодным строевым состязаниям и подготовлять молодых волонтеров к классификационным стрельбам.

Престиж и репутация Отряда, благодаря дружной совместной работе всех его чинов, в глазах иностранцев поднялись еще выше, о чем свидетельствует, состоявшийся 13-го декабря, в порядке «пробной мобилизации» и демонстрации сил Волонтерского Корпуса, его очередной Рут-марш. Вот, что говорило об этом официальное письмо Штаба Ш.В.К. к Начальнику Русского Отряда:

> «Командир Корпуса приказал мне просить вас объявить всем чинам Русского Отряда о том, какое большое удовольствие получил он от прекрасного вида чинов Отряда, с которым представился Отряд на вчерашнем параде.
>
> Все, кто видел чинов Отряда вчера, были поражены их выправкой и молодецким видом, которые создают большое впечатление об Отряде и внушают большое доверие к каждому отдельному чину его.
>
> Подписал:
>
> капитан Хинчклифф, адъютант Ш.В.К.

15 и 16-го декабря состоялись состязания между всеми взводами рот Отряда в строевой подготовке. На первом месте оказался, второй год подряд, 4-й взвод 2-й роты под командой сержанта Харина. Как обычно, судьями на состязаниях были офицеры английской армии и капитан Хинчклифф.

19-е декабря. Отрядный праздник. Молебен, улучшенный стол. День отдыха от нарядов. Командир Корпуса вручил переходящий кубок сержанту Харину, а капитан Хинчклифф поднес ему именной кубок за умелую подготовку своего взвода в строевом отношении.

В тот же день, Приказом по Корпусу, доктор лейтенант Кузнецов, был произведен в капитаны.

С 6 часов утра 20-го декабря, однако, Отряд снова приступил к несению возложенной на него службы, но, согласно приказа по Отряду, до 11-го января 1932 г., в ротах строевых занятий не производилось.

— 1932 год —

1932-й год был годом «больших событий» в жизни Отряда.

В этом году произошел вооруженный конфликт между китайцами и японцами в районе Шанхая, и горячие бои происходили в китайской части города Чапее, в непосредственной близости к северной границе Международного Сеттлемента.

Отряд, как обычно, был послан первым для занятия этой границы и оборонял ее до конца конфликта, чередуясь с другими ротами Волонтерского Корпуса, регулярными английскими батальонами и 31-м полком американской пехоты, вызванным в Шанхай с Филиппин ввиду особо тревожного положения.

На Баундари род, являвшейся границей между Чапеем и Сеттлементом, на китайской стороне этой улицы, расположен «Северный вокзал» Шанхай—Нанкинской железной дороги, являвшийся главным объектом борьбы между китайцами и японцами в черте города, в течение нескольких месяцев.

Вокзал этот ежедневно обстреливался японской артиллерией и бомбардировался с воздуха. Здание вокзала было почти совершенно разрушено этими бомбардировками, но во всех прилегающих к нему домах, домишках и лавчонках китайцы устроили прекрасно закамуфлированные опорные пункты, о которые разбивались все попытки японцев захватить этот район в свои руки.

Несколько десятков ярдов расстояния, отделявшие передовую линию обороны Сеттлемента от вокзала, конечно не гарантировали безопасности тех, кто, хотя и не принимал непосредственного участия в этой вооруженной борьбе, но был поставлен на охрану границы Сеттлемента.

Сразу же с началом конфликта, Волонтерскому Корпусу была объявлена «мобилизация», а пока части корпуса собирались на свои сборные пункты, Русский Отряд уже был выслан на границу и, совместно с по-

лицией, закрыл железные ворота, установленные при выходе всех поперечных улиц, упиравшихся в Баундари род. Чины Отряда после этого немедленно приступили к постройке дополнительных проволочных заграждений у этих ворот, используя для этой цели «рогатки» и «концертины» из колючей проволоки, подвезенные распоряжением Штаба Ш.В.К., а потом из мешков с песком соорудили окопы и ходы сообщения, в которых можно было укрываться от ружейного и пулеметного огня и от осколков снарядов и ручных гранат.

В этом же 1932-м году состав Отряда сначала был усилен на шестьдесят человек путем сформирования «особого резерва» (на время конфликта), а потом развернут в три роты усиленного состава, по сто пятьдесят человек каждая.

Вскоре после этого, Отряд, состоявший уже из трех «регуляных» рот (№№ 1, 2 и 4-й), был переименован в «РУССКИЙ ПОЛК Ш.В.К.», после того, как к нему присоединили «Русскую Волонтерскую роту» Ш.В.К., получившую наименование «3-й роты», но продолжавшей служить на общих основаниях со всеми остальными ротами Ш.В.К., т. е. не получая жалования, и только лишь во время общей мобилизации Волонтерского Корпуса.

Отличная служба Русского Полка в период этого японо-китайского конфликта не осталась незамеченной, и в этом же году, Полку было пожаловано особое знамя.

В Шанхайском Волонтерском Корпусе было корпусное знамя, но роты отдельных национальностей своих знамен не имели, и только Русский Полк удостоился этой чести, заслужив ее своей доблестной и усердной службой Муниципальному Совету и иностранной колонии Международного Сеттлемента.

В этом же году в полку зародился любительский спорт, впоследствии создавший «имя полку» на спортивных полях иностранного и китайского Шанхая, и много способствовавший популяризации полка не только в Шанхае, но, и далеко за его пределами, в особенности в Северной Маньчжурии, откуда потянулись сотни отличного качества молодежи, стремясь попасть на службу в полк.

В этом же 1932-м году наметились резкие расхождения между Командиром Полка, майором Тимэ и Штабом Ш.В.К., приведшие к тому, что майор Тимэ

вынужден был оставить службу и уйти в отставку.

Этот разрыв между Штабом Корпуса и Командиром Полка, конечно, до некоторой степени отразился на быте и службе чинов Полка и имел своим последствием «временную потерю» некоторых из полезных и влиятельных друзей Полка. Но снова, отличная служба под командой нового, очень энергичного командира, майора С. Д. Иванова, вернула полку временно утерянные им симпатии и навсегда закрепила его положение, как «постоянной, регулярной воинской части Международного Сеттлемента».

Вкратце, события этого 1932-го года разворачивались и протекали так:

7-е января — православное русское Рождество Христово. Отряд освобожден от несения нарядов на два дня. Вечером, в гимнастическом зале Штаба Корпуса состоялись танцы и ёлка для обеих рот Отряда.

В прилегающих к гимнастическому залу комнатах были сервированы чай и прохладительные напитки. Командир Корпуса, полковник Томс, и его супруга присутствовали на вечере. После 11 часов супруга Командира Корпуса, очень милая старушка, раздавала подарки для детей всех семейных чинов Отряда, которых Командир Корпуса сам приглашал лично за получением этих подарков. Дети на ёлке не присутствовали, но были их родители, и такое внимание Командира Корпуса и его супруги их, конечно, очень тронуло. Подарки были подобраны с большим вниманием и любовью, сообразно возрасту и полу ребенка — это были ценные и увлекательные игрушки.

Командир Корпуса, полковник Томс, несмотря на краткость его пребывания в Шанхае, уже успел завоевать расположение всех чинов корпуса, которые считали его настоящим «отцом командиром», а его супруга — очень спокойная, по-видимому, интересная в молодости дама, являла собой образец хорошей хозяйки.

9-го января были упразднены патрули в районах Хонкью и Диксвелл род полицейских станций, где было наибольшее расселение японских граждан. В воздухе «пахло» вооруженным конфликтом между китайцами и японцами. Японская пехота и морский десант с военных кораблей все больше и больше заполняли район Хонкью Парка.

20-го января в городе было очень тревожно. Русский Отряд был приведен в «состояние полной боевой готовности», прекращены увольнения из казарм для всех чинов Отряда, а в кантинах рот запрещена даже продажа обычной «перед обедом и ужином» стопки водки.

27-го января, в предвидении назревавших событий, по распоряжению Штаба Корпуса, помощник начальника Отряда, капитан Иванов, с командиром рот осматривал границу Сеттлемента и Чапея, по Баундари род, где были построены бетонные блокгаузы «A, B, C, D, E, F, и L» и ворота за №№ 7 — 22. Целью этого осмотра являлось выяснение возможностей наискорейшего приведения этих опорных пунктов в боевую готовность. В роты Отряда, распоряжением Штаба Корпуса, было выдано по одному пулемету «Люис» и по 1.000 патронов к ним.

28-го января, с самого утра, с китайской территории города на Сеттлемент потянулись тысячи китайских «беженцев» — первый признак того, что «конфликт» уже где-то рядом и можно ждать его начала в любой момент. По приказанию Командира Корпуса, Русский Отряд занял участок границы по южному берегу Сучоусского канала и по Баундари род — границе с Чапеем. Это было в 16 часов 28-го января, 1-я рота Отряда заняла «левый участок», а 2-я «правый» участок оборонительной линии, одновременно была объявлена общая мобилизация всему Волонтерскому Корпусу.

В 20 часов Отряд сдал свои участки уже мобилизовавшимся ротам Ш.В.К.: 1-я рота — Шотландской роте и роте «A», а 2-я Американской и Португальской ротам Ш.В.К., и роты Отряда возвратились в свои казармы. Но уже в 23 часа, 1-я рота выслала команду в восемь человек для производства саперных работ на углу Хонан и Баундри род, около блокгауза «B», эту команду прикрывали три бронированных автомобиля Ш.В.К. Работы эти продолжались всю ночь, а на утро 29-го января команда была увеличена до двадцати человек и продолжала строить блиндажи и ходы сообщения из мешков с песком, под огнем китайцев со стороны Чапея, временами отвечая на этот огонь.

В 8 ч. 30 м., по распоряжению Штаба Корпуса, взвод 1-й роты, под командой одного из своих офице-

ров, занял все пристани на Банде, получив задачу не пропускать на Сеттлемент китайских солдат и беженцев с противоположной стороны реки Вампу (из Путунга). Как обычно, «наладив» эту работу, в 15 часов чины Отряда сдали свои обязанности Кадетской роте Ш.В.К. и возвратились в свои казармы, готовые к новому «заданию» Штаба Ш.В.К.

В 21 час ротам было приказано занять оборонительные участки, сданные ими вчера «волонтерам». В этот день, во время саперных работ около блокгауза «В» был ранен в плечо капрал 1-й роты А. Ленков.

30-е января 1932 г. Выписка из Приказа по Отряду за № 30:

> «Ввиду самовольного занятия японскими войсками блокгауза «В» и ворот № 7 (что на перекрестке Норд Хонан и Баудари род), а равно возведения ими блиндажей и открытия огня по китайцам в означенном районе, исключенном (по состоявшемуся соглашению между Японским Командованием и Шанхайским Муниципальным Советом) из зоны военных действий, чинам Отряда надлежит быть чрезвычайно осторожными и бдительными. Этот вопрос мною представлен на рассмотрение Командиру Корпуса и, по получении окончательного по содержанию сего решения, привести таковое незамедлительно и точно в исполнение».

Это означало, что Отряд должен будет или окончательно покинуть занимаемый им участок, где в то время находились и чины Отряда и японцы, в случае, если японцам будет разрешено пользоваться этим участком для выполнения своих военных задач, или же потребовать от них немедленного оставления этого участка границы Сеттлемента.

Пока в «высших сферах» разрешался этот щекотливый вопрос, у блокгауза «В» с утра 30-го января разыгрался бой между китайцами и японцами, в который невольно были втянуты и чины Отряда, продолжавшие постройку укреплений на этом участке. В 8 ч. 30 м. были ранены два волонтера 1-й роты: В. Протодьяконов — в ногу (отправлен на излечение в госпиталь) и В. Рымович — в левую щеку (остался в строю).

В этот же день, согласно распоряжения Штаба Корпуса, было приступлено к формированию при каждой роте Отряда по одному «резервному взводу» в составе 30 человек каждый, а в 22 часа из Штаба Корпуса были получены 10.000 боевых патронов и выданы поровну в роты Отряда: Отряд готовился к активным действиям.

Уже на следующий день, 31-го января, в резервные взводы рот были полностью набраны шестьдесят человек, разбитых по ротам и зачисленных на положенное довольствие в Отряде. Взводными сержантами «резервных взводов» были назначены: в 1-ю роту — доброволец Б. Кольцов, а во 2-ю — волонтер Штаба отряда В. Сергеев. «Резервистов» начали спешно и усиленным темпом «обучать».

1-го февраля инцидент с самовольным занятием японцами блокгауза «В» и ворот № 7 был разрешен: японцы оставили этот участок и Командир Корпуса отдал нижеследующую инструкцию «Командиру блокгауза „В"»:

> «Ворота у блокгауза «В» на Норд Хонан род не могут быть открыты без письменного приказания Штаба Корпуса, и войска любой национальности, не принадлежащие к той, которая занимает этот участок в настоящую минуту, не могут быть допущены к воротам. Командиру каждого Отряда, который будет стремиться занять этот участок или часть его, или блокгауз, должно быть показано настоящее предписание, дабы он был поставлен в известность о данном распоряжении Штаба Корпуса».

В 16 ч. 30 м. в этот день, полурота 1-й роты, под командой одного из своих офицеров, получила приказание занять здание главной почты и Дженерал Госпиталь, расположенные на северном берегу Сучоусского канала, дабы предотвратить занятие этих муниципальных зданий японцами. В 24 ч. полурота сдала охрану этих зданий резервной роте Ш.В.К.

В 14 ч. в этот день Штаб Корпуса нашел возможным сменить Отряд на передовой линии и дать ему заслуженный, хотя и короткий отдых: «правый участок»

приняла «группа № 1 Ш.В.К.», а левый — Португальская рота Ш.В.К.

По прибытии в места своего квартирования, чины Отряда с большим удовольствием принимали горячий душ, меняли белье и, выпив разрешенную им перед ужином стопку водки, засыпали непробудным сном, наверстывая пропущенное за двое суток стояния на позициях. На утро, чистка оружия и снаряжения, починка обмундирования: ведь нужно быть готовыми к новому вызову! Однако, даже и во время этого отдыха, Отряд не оставили в полном покое: 1-я рота должна была выслать одно отделение для охраны муниципальной бойни на Фирон род.

В 19 ч. 2-го февраля вся 1-я рота отправлена была в распоряжение начальника «группы № 1», который немедленно отправил один взвод этой роты на блокгауз «В», а остальные взводы оставил в резерве, выделив необходимое число людей для патрулирования близ лежащих улиц. 2-я рота продолжала отдыхать в своих казармах, но 4-го февраля сменила 1-ю роту.

5-го февраля 2-й взвод этой 2-й роты занимал участок у блокгауза «В», исправляя проволочные заграждения у ворот № 7. В это время шла сильная бомбардировка японцами китайских позиций у Северного вокзала. Китайская артиллерия отвечала. Снаряды рвались в непосредственной близости от работавшего взвода и осколки их летели во все стороны. Почти перед самым концом работы, в 13 ч. 30 м., одним из этих осколков был ранен в правое ухо волонтер В. Манушкин, отправленный в госпиталь для операции. Утром 6-го февраля 2-я рота сдала свой участок обороны и район патрулирования роте «А» Ш.В.К. и возвратилась в свои казармы.

7-го февраля 1-я рота выслала рабочую партию в одиннадцать человек для производства работ у блокгауза «В», причем старшему этой команды было приказано закончить эту работу к 10 ч., что он и выполнил, хотя работать приходилось под огнем.

8-го февраля от 1-й роты была выслана рабочая команда, в составе 11 человек, для саперных работ около Английского Консульства и кино-театра «Капитол». Работами руководил лейтенант инженерных войск Стандер. Английское Консульство и расположенный у

него «на задах» «Капитол» находились в непосредственной близости к «Гарден Бридж» мосту, который пересекал Сучоусский канал у самого впадения этого канала в р. Вампу.

На северной стороне моста расположено здание бывшего Российского Генерального Консульства и рядом с ним, на берегу Вампу, Японское Ген. Консульство — постоянный объект китайских артиллерийских бомбардировок со стороны Путунга (с противоположной стороны реки). Прямо против Японского Консульства стоял на якоре японский крейсер «Идзумо».

После блокгауза «В» и «Северного вокзала», это было «самое оживленное место» в оборонительной линии Международного Сеттлемента: китайские летчики ежедневно пытались (правда, неуспешно) бомбить «Идзумо», а их артиллерия, по несколько раз в день, открывала огонь по Японскому Консульству, крейсеру и беспрерывно патрулировавшим этот район реки Вампу японским военным катерам. Засевшие где-то на том берегу реки, китайские «снайперы» вели почти беспрерывный огонь из пулеметов и автоматов, и их пули нередко залетали во двор Английского Консульства. Поэтому караул, охранявший это консульство и театр «Капитол», в котором были размещены беженцы-китайцы, сидел в специально вырытых чинами Отряда окопах, оставляя их только лишь в минуты затишья.

8-го февраля, в 17 ч. 30 м., 2-я рота Отряда прибыла в распоряжение начальника «группы № 2» и сменила на позициях резервную и американскую роты Ш.В.К.

На следующий день, 9-го февраля, Штаб Корпуса послал в обе роты Отряда по два пулемета «Люис». В этот же день, в 10 час., 1-я рота получила «специальное задание»: выслать команду в 11 человек для погрузки и перевозки скота на муниципальную бойню из района Хонкью, т. е. из района постоянных боевых действий между японцами и китайцами. От успеха этой операции зависело, будет-ли население Международного Сеттлемента есть мясо или сидеть на вегетарианском столе. Чины Отряда с честью выполнили эту задачу, хотя и с большим риском, так как были под обстрелом китайских снайперов, плохо разбиравшихся в запутанной обстановке боев на территории Сеттлемента.

10-го февраля 1-я рота прибыла в распоряжение начальника «группы № 1» и сменила на позициях роту «А» Ш.В.К.

11-го февраля 2-я рота сдала свой участок только что прибывшим с Филиппин частям 31-го американского пехотного полка и возвратилась в свои казармы. Забавно было видеть чинов этого полка, прибывших в Шанхай с «теплых» Филиппин. Они не имели хорошего обмундирования, которое могло-бы защитить их от промозглой шанхайской зимы. С местных складов им выдали старые, изношенные шинели разных образцов, и они напоминали своим видом «воинство», подобное «сволочи Петра Амьенского», известной нам из мировой истории. Значком на головных уборах этого полка был «медведь», и полк этот, во время гражданской войны в России, побывал на Амуре, где его изрядно пощипали красные партизаны. В его составе было много русских американцев.

Имея в виду приведение в жизнь уже задуманных, но еще не опубликованных, видоизменений в структуре Отряда, Начальник Отряда перевел лейтенанта Гапановича из 2-й роты в 1-ю, а «временно состоявшего на службе «в Отряде лейтенанта Ш.В.К. М. М. Соколова (русской службы генерал-майора и гвардейского кирасира) послал в распоряжение командира 2-й роты.

С 15-го февраля и «впредь до отмены» на Отряд возложена была обязанность выставлять посты на углах улиц, выходящих на Банд и на углах этих же улиц, выходящих на Сэчуен род. Это был «банковский» район и там предполагались эксцессы между китайцами и японцами. Помимо этого, Отряд выставил посты у отдельных крупных банков.

16-го февраля 1932 г., согласно предписания Штаба Ш.В.К., «Русская Волонтерская рота Ш.В.К., под командой капитана К. П. Савелова, присоединялась к Русскому Отряду Ш.В.К. и Русскому Отряду предписывалось именоваться впредь: «ШАНХАЙСКИЙ РУССКИЙ ПОЛК».

Приказ по Шанхайскому Русскому Полку от 16-го февраля, гласил так:

«По строевой части.

§ 1

Объявляю текст (перевод с английского) предписания Штаба Корпуса от 16 сего февраля: «Начальнику Русского Отряда Ш.В.К. и Командиру Русской роты Ш.В.К.

Как временная мера и на период мобилизации, Русская рота Ш.В.К. будет прикомандирована к Отдельному Русскому Отряду Ш.В.К.

Обеим частям иметь общее наименование: «Шанхайский Русский Полк», каковому быть под командованием майора Тимэ.

Русская рота, однако, и поныне будет регулироваться положениями о Шанхайском Волонтерском Корпусе. Чины роты не будут получать жалование, белье, обувь, постельные принадлежности и пр., но кормовые деньги, обмундирование и снаряжение будут выдаваться им в обычном, как для прочих частей Корпуса, порядке.

Русская рота будет размещаться в расположении 1-й роты, в Централ Камп.»

Подписал — капитан Косгрэв,
за Адъютанта Корпуса.

§ 2

Во исполнение § 1 настоящего Приказа, с сего числа Отряду именоваться

«ШАНХАЙСКИЙ РУССКИЙ ПОЛК».

Подписал — Командир Полка
майор Тимэ.

С этого дня началась новая эра в жизни тех русских людей, которые посвятили себя службе по охране закона и порядка на территории Международного Сеттлемента г. Шанхая.

17-го февраля 1-я рота сменила 2-ю роту и одновременно приняла все помещения и обязанности от начальника «группы № 1». В распоряжение командира

1-й роты назначена была полурота от Русской роты под командой одного из своих офицеров.

Командир 1-й роты становился начальником боевого участка № 1, принимая на себя охрану всего правого фланга обороны. 2-я рота, по смене, вернулась в свои казармы, на отдых, но уже в 20 ч. того же дня, она должна была выслать караул на электрическую подстанцию на Фирон род, сменив там караул от роты «Эйч» Ш.В.К. Караул был суточный.

Русская рота, вошедшая в состав полка, ежедневно с 9 до 17 час. выставляла одиночные посты к девяти китайским банкам в центральном районе города.

19-го февраля в 15 ч. командиру 1-й роты приказано было сдать боевой участок частям 31-го американского полка и возвращаться в свои казармы.

Дальше пошла караульная служба в Дженерал Госпитале, на муниципальной скотобойне, в здании Муниципалитета, у китайских банков. Во всех ротах полка свободные от наряда чины находились в «пятиминутной готовности» к выходу «по тревоге». Так продолжалось до 9-го марта.

В конце февраля стало известно, что «за отличную службу» Полку даруется особое, «свое полковое знамя».

Весть эта, конечно, была принята с радостью, но предстоящий по этому случаю парад, сильно беспокоил командный состав полка и всех его чинов: ведь к этому параду нужно было усиленно готовиться, а времени для занятий не было, так как Полк продолжал нести очень тяжелый наряд по службе.

Однако, 29-го февраля в Приказе по Полку было объявлено:

> «Ввиду предстоящей церемонии освящения и вручения Знамени Полку, согласно распоряжения Командира Корпуса, в ротах ежедневно с сего числа производить строевые занятия, применительно к требованиям предстоящей церемонии. Начало занятий в 8 час. 30 мин., место занятий — в местах квартирования рот, в Дрилл Холле и на Рейс-Корсе.

Кончать занятия не позднее 11 ч. 30 мин. С малоуспевающими заниматься также и после обеда, как позволит время и обстановка. Особенное внимание должно быть обращено на занятия с чинами «специального резерва», так как таковые должны тоже присутствовать на церемонии. На занятиях должно присутствовать, по возможности, наибольшее число людей.»

Началась «предпарадная страда»: занимались до 11 ч. 30 м., в 12 ч. обедали и, сразу после обеда, производился «развод караулов», после которого очередная смена выходила по постам и караулам, сменившиеся с постов и караулов люди, отдыхали ночью, а утром выходили на строевые занятия. Дальше повторялась одна и та же картина: служили, немного спали, усиленно «занимались» и опять служили.

«Резервистов» гоняли на строевые занятия и после обеда, причем занимались с ними сами сержанты-майоры рот, и вскоре «резерв» достиг необходимого стандарта строевых рот и только жалкое на вид, истрепанное обмундирование, в которое одеты были чины этих «резервных взводов», отличало их от строевых чинов Полка.

1-го марта, согласно распоряжения Штаба Корпуса, «специальный резерв» при Полку был расформирован. Чинам его, изъявившим желание служить в Полку, после медицинского осмотра, было дано право идти на пополнение 1-й и 2-й рот до численного состава, каждая в 150 человек, причем имеющие рост выше 5 футов 8 дюймов, назначались в 1-ю роту, все-же остальные — во 2-ю.

Военные события, между тем, продолжали развиваться своим чередом. На границе Чапея и Ханкью шли ежедневные ожесточенные бои. Еще до начала конфликта, как говорили, под руководством немецких военных специалистов, каждая китайская лавчонка, каждая «харчевка» (а их были сотни на протяжении Пао-Шан род) была приспособлена, как опорный пункт: грязный деревянный прилавок скрывал железо-бетон, а скромный выдвижной ящик этого прилавка, фактически, был бойницей, из которой сейчас высовывалось дуло пулемета.

Артиллерийским огнем была разрушена кирпичная православная русская церковь, построенная заботами и попечением Российской Православной Пекинской Духовной Миссии. Церковь эта находилась на самой границе Чапея, невдалеке от Хонкью Парка, и около нее ютилась русская беженская беднота, которую, как мог, поддерживал материально Владыко Епископ Симон.

Большинство гражданского населения Хонкью (главным образом японцы) эвакуировались в центральные или западные районы Международного Сеттлемента, побросав свое имущество в наскоро заколоченных домах.

На главной улице района Хонкью, Сэчуен род, шли ожесточенные бои: ночью японцы вели «очередное» наступление по небольшим, узеньким улочкам, алливеям, или просто через дома, пробиваясь с Норд Сэчуен род на параллельно ей идущую Пао-Шан род, главную улицу китайского Чапея, являвшуюся в то же время границей с Сеттлемента, а утром, под нажимом китайцев, откатывались обратно, для того, чтобы с наступлением темноты, снова идти в подобное наступление.

Кинотеатр «Одеон», на Норд Оэчуен род, в районе которого шли особенно ожесточенные бои, был разрушен артиллерийским огнем китайцев и сгорел, в таком же положении было и большинство зданий, находившихся на Норд Сэчуен род и принадлежавших японцам.

Эти неуспехи японцев, по-видимому, являлись результатом совершенно бессмысленной и непонятной в военной обстановке «враждебной ревности» между регулярной японской пехотой и морскими десантными частями, высаженными с военных кораблей.

Позднее, по долгу службы, готовясь к занятиям со своими людьми, я прочитал книжку на английском языке, как пособие к изучению тактики «уличных боев в городе», написанную каким то офицером японцем, участником этих боев в районе «Одеона». В своем описании ночных наступлений на Пао-Шан род и утренних отступлений к «Одеону», он говорил, между прочим, о тех жертвах, которые понапрасну несла, совсем немногочисленная в то время в Шанхае, японская пехота, не получая поддержки от многочисленного морского десанта, который (конечно, высшее начальство) настаивал на том, чтобы все ведение военных операций в районе Шанхая было предоставлено им-морякам. Я не

имею права не верить этому, хотя и считаю подобный подход к ведению военных операций совершенно ненормальным и даже преступным.

Высшее японское начальство ссорилось между собой, стремясь единолично заполучить лавры еще не выигранной войны и победы, японская пехота несла ненужные тяжелые потери в людском составе, военная операция затягивалась и не приносила желаемых результатов, а мирное население (женщины и дети) должны были покинуть свои жилища и имущество и искать пристанище «за линией фронта» — на Международном Сеттлементе, перейдя на совсем незавидное положение гражданских беженцев. Мужское же гражданское население Хонкью, надев на свое штатское платье красные повязки «специального резерва», обслуживало свои японские части и гибло вместе с солдатами от снарядов и пуль китайцев.

Разразившаяся над Шанхаем военная гроза настойчиво требовала усиления численного состава Русского Полка, так как появлялась все большая и большая необходимость помогать полиции на территории самого Международного Сеттлемента, запруженного десятками тысяч китайцев беженцев из районов военных действий. Эти беженцы, главным образом, китайские рабочие и учащаяся молодежь (студенты) выражали ничем не прикрытую вражду и ненависть к японцам, и кровавые инциденты могли вспыхнуть в любой момент на территории Сеттлемента.

Первоначальное решение Муниципального Совета увеличить численный состав Полка на 60 человек, путем упразднения «специального резерва» и распределения «резервистов» по кадровым ротам (1-й и 2-й), по-видимому, по настоянию английского военного командования, и Командира Ш.В.К., было изменено: решено было формировать еще одну «кадровую» (платную) роту полного состава.

4-го марта 1932 г. Штаб Ш.В.К. отдал следующее распоряжение:

1. 1-я и 2-я роты полка увеличиваются в численном составе только на 25 человек каждая.
2. Приступить к формированию «4-й роты», в составе 3 офицеров и 150 чел.

3. Вновь формируемую роту временно расквартировать при 1-й роте.
4. 3-ю «волонтерскую» роту перевести в здание Муниципалитета, в комнату № 367.
5. Лейтенанта М. М. Соколова откомандировать из 2-й роты и назначить на должность командира 4-й роты.
6. Старшинство формируемой роты считать с 1-го марта 1932 года.

С 4-го и по 12-е марта, от первых двух рот Полка, ежедневно с 9 ч. и до 17 ч., высылался наряд в составе одного офицера и 50 волонтеров, в Дрилл Холл, для поддержания порядка при выдаче паспортов беженцам китайцам.

В этот день, 4-го марта, в городе (на Сеттлементе) ожидались беспорядки, и в 20 ч. 30 м. от 1-й роты были наряжены три патруля по 6 человек для патрулирования центральных улиц Сеттлемента и выставлена охрана в составе 20 человек к зданию Муниципалитета.

2-я рота выслала два патруля по 5 человек на центральные улицы Сеттлемента и выставила два взвода под командой офицеров: один на угол Нанкин/Чекианг род, в помощь полиции, а другой — в Дрилл Холл, в качестве резерва.

Действительно, вечером стали собираться тысячные толпы демонстрантов китайцев по всем центральным улицам Сеттлемента, и своевременно выставленный наряд от Полка принял участие, совместно с полицией, в разгоне этих толп. На Киангси род со стороны демонстрантов были произведены несколько выстрелов, но стрелявшие китайцы были пойманы волонтерами Полка и переданы на полицейскую станцию. К 24 часам на всех улицах Сеттлемента был восстановлен полный порядок, и наряды от Полка возвратились в свои казармы.

В этот же день, 4-го марта, врач лейтенант Шишло, состоявший при 3-й роте Приказом по Корпусу, был произведен в чин капитана, 2-й лейтенант И. С. Лобанов — в чин лейтенанта, а на должность сержант-майора 4-й роты назначен был сержант В. Сергеев.

6-го марта в Приказе по Полку было объявлено:

«Капитану С. Д. Иванову впредь именоваться „Помощником Командира Полка", заведующему хозяйством, лейтенанту А. А. Шимордову — „Начальником Хозяйственной части".»

В этот же день, лейтенант М. М. Соколов был произведен в чин капитана.

К концу первой недели марта, японцам, все же, удалось сломить сопротивление китайцев и оттеснить их из района Чапея и Хонкью. Непосредственная угроза Международному Сеттлементу отпала.

Мобилизация и содержание «под ружьем» Волонтерского Корпуса стоила Муниципальному Совету больших денег и поэтому, конечно, сразу-же по миновании надобности в службе волонтеров, Корпус был демобилизован.

7-го марта домбилизована была и 3-я «волонтерская» рота Полка.

10-го марта, на должность младших офицеров в 4-ю роту были назначены: русской службы полковник Р. А. Черносвитов, с производством в лейтенанты Ш.В.К., и В. Л. Кузьмин — во 2-е лейтенанты.

11-го марта, согласно поданного им рапорта, 3-й волонтерской роты лейтенант Н. П. Баженов уволен в отставку, вместо него, на должность младшего офицера назначен русской службы поручик Н. И. Даманский, с производством во 2-е лейтенанты.

С 10-го марта, роты Полка, снова, по-очередно, стали нести караул в китайской тюрьме на Вард род. Состав караула — один офицер и 27 волонтеров.

15-го марта было отменено мобилизационное состояние полка. Полк перешел на нормальное положение мирного времени, но постовая и патрульная служба в центральном районе Сеттлемента были оставлены за Полком.

22-го марта, 1-я и 2-я роты Полка принимали участие в похоронах умершего полковн. Маркери, командира французских войск в Шанхае. От Полка в почет-

ном карауле участвовали 8 офицеров и 250 волонтеров, участвовали также и все остальные части Ш.В.К. Последний земной путь тело покойного совершало вдоль шпалер войск от его резиденции до самой могилы.

28-го марта, в Приказе по Полку за № 88, было объявлено:

> «На днях, по постановлению Муниципального Совета Международного Сеттлемента, Командиром Корпуса будет пожаловано вверенному мне Полку знамя. Полотнище знамени представляет из себя Национальный флаг Императорского Российского Государства, как признак национальности части, с вышитыми на обеих сторонах его (флага) Муниципальными трафаретами, являющими собой знак власти, закону коей Полк подчиняется.
>
> Церемония прибивки знамени к древку состоится в гимнастическом зале Корпуса, в пятницу 1-го апреля, в 12 ч. 15 м. На означенной церемонии будут присутствовать члены Муниципального Совета, командующий английскими экспедиционными войсками в Шанхае, Командир Корпуса с офицерами Штаба, командиры частей Корпуса, начальники английских войсковых соединений в Шанхае, представители русской колонии, как военных группировок, так и гражданских. От вверенного мне Полка надлежит присутствовать на церемонии: всем г. г. офицерам (включая врачей), знаменщику и по одному от роты (от четырех рот) и команды — сержант-майору, сержанту и волонтеру.
>
> В воскресенье 3-го апреля, в 12 ч. 15 м., на Рейс-Корсе, (в дождливую погоду — в Дрилл Холле) состоится освящение знамени и церемония вручения его полку.»

1-го апреля, в 12 ч. 15 м., в гимнастическом зале Корпуса, состоялось прибивка знамени к древку.

Посреди зала был поставлен большой стол, накрытый Муниципальным флагом.

Перед столом, в трех шагах, находились 4 сержант-майора, 4 сержанта и 4 волонтера (по одному от

каждой роты), выстроенные в одну шеренгу, лицом к столу.

Знамя было внесено капралом Ленковым в сопровождении лейтенанта Гапановича и положено с развернутым полотнищем на столе. Здесь полотнище было окончательно пригнано к древку и прикреплено 80-ю недоколоченными на одну треть гвоздями.

По прибытии всех почетных гостей в офицерскую столовую Корпуса (комнату смежную с гимнастическим залом) началась церемония прибивки знамени (окончательная забивка гвоздей).

Первый гвоздь было предложено вбить Председателю Муниципального Совета, генералу Макнотен, а затем — всем остальным присутствующим, в порядке старшинства их чина или положения.

Каждый из присутствовавших, вбив гвоздь, расписывался на особом листе, находившемся на столе неподалеку от знамени.

3 апреля 1932 года, в Приказе по Полку за № 94/А объявлялось:

§ 1. Объявляю перевод текста Специального Приказа Командира Шанхайского Волонтерского Корпуса от 1-го апреля с. г.:

ПОЖАЛОВАНИЕ ЗНАМЕНИ
ШАНХАЙСКОМУ РУССКОМУ ПОЛКУ.

Настоящим актом узаконивается пожалование знамени Шанхайскому Русскому Полку.

Знамя состоит из горизонтальных полос одинаковой ширины Белого, Синего и Красного цветов с накладным гербом, состоящим из восьмиконечной золотой звезды с наложенным на нее диском со словами «Шанхайский Русский Полк». Внутри диска, на белом поле расположены три щита, имеющие флаги всех национальностей, занимающих Сеттлемент, а также слова, изображенные китайскими иероглифами.

Освящение и вручение знамени будет иметь место 3-го апреля, в 12 ч. 15 м., в присутствии всего Полка.

§ 2. Сего числа, в 12 ч. 15 м., на Рейс-Корсе, у «Памятника Вдов», состоялась церемония освящения и вручения знамени.

Полк был представлен в составе четырех рот, общей численностью в девятнадцать офицеров и 438 волонтеров.

Полку был придан оркестр 1-го батальона Восточного Ланкашайрского полка английских Королевских войск в Шанхае.

Знамя вручил Командир Шанхайского Волонтерского Корпуса, полковник Томс, он же принимал парад.

На церемонии присутствовали Председатель Муниципального Совета, генерал Макнотен, с членами Совета и Секретарем, командующий английскими экспедиционными войсками в Шанхае с командиром частей и г. г. офицерами и много других почетных резидентов Шанхая.

§ 3. Г. г. офицеров и всех чинов Полка поздравляю с пожалованием знамени. Неустанными трудами Полк стяжал славу своему имени и оправдал доверие населения и властей Шанхая.

Официальными представителями большинства Великих наций открыто признаны заслуги Полка перед иностранным обществом и законом.

С нескрываемым чувством национальной гордости сего числа Полк принял освященное знамя и величественным актом отдания почестей Ему выразил готовность честно служить во славу русского воинства в изгнании и на благо культурного общества Международного Шанхая.

К знамени своему всех от мала до велика призываю: —

Проникнуться священной любовью и готовностью нелицемерного служения Ему.

Хранить честь и непрестанно следовать немому девизу Его: под трехцветным национальным стягом будь великим русским солдатом, соблюдай чужой закон, защитой которого пользуешься, уважай власть, которой временно покровительствуешься, и честно служи во славу своего Полка и на благо общества, оберегать которое призван.

Да станет знамя для нас символом национальной гордости, наградой за совершенные труды, честью родного Полка, и пусть Оно ведет Полк

по пути духовной спайки и служебного совершенствования.

За славу и честь Полка — УРА!

Подписал: Командир Полка
майор Тимэ.

Церемония освящения и вручения знамени Полку была исключительно красивой. Почти пятьсот человек в прекрасно наглаженном обмундировании, с начищенным «до блеска» кожаным и медным прибором, выравненные в ниточку, с полным (приблизительно в сорок человек) оркестром регулярного английского батальона на своем правом фланге, выстроенные развернутым фронтом с разведенными на три шага шеренгами, представляли величественное, незабываемое зрелище!

Торжественная церковная служба и прекрасная проповедь отца протоиерея Сергия Бородина придали этой церемонии еще большую значимость и слили Полк и присутствовавших на параде зрителей в одно целое.

«Полк, под знамя, слушай на-караул!» — раздалась команда Помощника Командира Полка, капитана Иванова, командовавшего этим парадом. Отчетливый прием, и две ощетинившиеся штыками шеренги замерли, встречая «СВОЕ», заслуженное ими ЗНАМЯ.

Оркестр английского батальона заиграл «медленный марш», и лейтенант Гапанович повел знамя, несомое знаменщиком, капралом Ленковым, при двух ассистентах офицерах вдоль фронта и между разведенными шеренгами Полка.

Эта часть церемонии оказалась «немного затянутой», так как наш русский «медленный марш» (вернее, похоронный) не имеет ничего общего, ни по смыслу, ни по исполнению, с английским «медленным маршем», в котором движение производится шагом обычного размера, только лишь в замедленном темпе, в нашем же марше шаг не только замедлялся в своем темпе, но и уменьшался в своем размере, замедляя движение почти вдвое против обычного.

Знаменщик вынес знамя перед фронтом Полка.

«К церемониальному маршу, по-ротно» — несется

команда капитана Иванова, и Полк перестраивается в ротную колонну, а затем начинает движение под бравурные звуки марша «Под Двуглавым Орлом», специально выбранным для этого случая капельмейстером английского оркестра.

Ровная линия штыков, тяжелый отчетливый шаг, и, рота за ротой, Полк проходил мимо Командира Корпуса и всего «генералитета», «давая ногу» при приближении к месту салюта.

Громкое «УРА!» зрителей и их аплодисменты провожали каждую роту, которая, пройдя место салюта, находу перестраивалась во взводную колонну, а потом вытягивалась в колонну «вздвоенными рядами» и направлялась к выходу с Рейс-Корса, имея в своей голове СВОЕ ЗНАМЯ.

Долго и с большим восхищением писала об этой церемонии вся Шанхайская пресса, как английская, так и китайская, отмечая заслуги Полка и его блестящую выучку.

10-го апреля, на Рейс-Корсе состоялся парад всего Волонтерского Корпуса, на котором Полк, как обычно, представился отлично Командующему английскими экспедиционными войсками в Шанхае, генералу Флемингу.

14-го апреля, доктор Г. М. Криворучко, распоряжением Штаба Корпуса, был назначем врачом 3-й (волонтерской) роты Полка, с производством в чин лейтенанта Ш.В.К.

18-го апреля Командир Корпуса производил инспекторский смотр казенному имуществу Полка и нашел все в блестящем порядке.

19-го апреля г. г. офицеры Полка и по четыре волонтера от каждой роты провожали на Таможенной пристани, отъезжавшего в Англию, в долгосрочный отпуск, Председателя Муниципального Совета, ген. Макнотен.

25-го апреля, в день смерти генерала барона Врангеля, в расположении 1-й роты, была отслужена по покойном панихида.

30-го апреля 1932 г. Православная Русская Пасха.

С благословения правящего Владыки, Епископа Иоанна Шанхайского, заутреня для всего Русского Полка была отслужена в Англиканском Соборе Св. Троицы, расположенном против здания Муниципалитета. Служил заутреню Архимандрит Макарий в сослужении с тремя священниками и протодиаконом. Пел хор, составленный из волонтеров Полка, под управлением сержанта Смирнова. Православным священнослужителям «сопутствовал» в их службе сам настоятель Англиканского Собора, «Дин» Триветт и его соборный хор. Огромный собор, масса цветов, украшавших амвон и алтарь, большое число духовенства и два хора, создавали внушительное впечатление: служба протекала исключительно торжественно.

Кроме чинов Полка, на заутрени присутствовали несколько сот человек, включая все высшее начальство Шанхайского гарнизона и Ш.В.К., почетные гости, родственники, друзья и гости волонтеров Полка.

По окончании заутрени были общие разговены в здании Муниципалитета, в помещениях Волонтерского Корпуса.

У г. г. офицеров за столами, накрытыми в гимнастическом зале, присутствовали члены Муниципального Совета, начальники его департаментов, чины Штаба Корпуса во главе с Командиром Корпуса, полк. Томс, командующий английскими войсками и офицеры английских батальонов, командир и офицеры 4-го полка американских морских стрелков, общественные деятели, как иностранной, так и русской колонии, представители прессы и гости г. г. офицеров Полка. Разговены были многолюдные и очень пышные.

Чины Полка и их гости разговлялись в близ расположенных комнатах. Командир Корпуса и его супруга обходили столы, поздравляли волонтеров с большим русским праздником. Обстановка была непринужденной. На первый день Пасхи весь Полк был освобожден от несения нарядов.

10-го мая, на Адъютанта Полка, лейтенанта Гапановича, возложены были обязанности «наблюдающего за полковым струнным оркестром и светским и церковным хорами», чем придан был характер «обязательности» для чинов, составлявших их, в отношении трени-

ровок и выступлений по указанию начальства. До лейтенанта Гапановича за этим оркестром и хорами неофициально «наблюдал» лейтенант Лобанов, который с 11-го апреля был назначен инструктором в 4-ю роту, для скорейшего окончания ее строевой подготовки.

В этот же день 11-го апреля, произведено перемещение рот по стоянкам: 1-я рота — Амой род, 2-я — Алкок род, 4-я — Райфл-Рендж, Штаб Полка — в здание Муниципалитета.

21-го мая были учреждены и функционировали в Полку унтер-офицерские курсы, целью которых было установить в ротах полное однообразие в строевой подготовке волонтеров.

Стояло исключительно жаркое лето. Утром, все сержант-майоры и сержанты рот Полка собирались на Райфл-Рендж, имея с собой винтовки и полное снаряжение. Там они сводились в одну команду, которую «обучал» лейтенант Поронник. При свыше стаградусной жаре, эта команда сначала разбирала во всех деталях каждый прием или перестроение, а потом «отшлифовывала» его на практике «до идеальности»,... обливаясь потом. Но общая цель была достигнута: во всех ротах занятия пошли по общей совершенно одинаково выработанной программе для всего Полка, что обеспечивало успех любого смотра или парада, на который Полк должен был бы выйти в полном составе, без предварительных «общих» репетиций.

Кроме ружейных приемов и перестроений, в программу обучения чинов Полка входили английские ружейные приемы, штыковой бой, гимнастика, стрелковое дело, сомкнутые, разомкнутые и рассыпные строи, атака и оборона, тактика ведения уличных боев и «разгон толпы», на который обращалось особое внимание, так как применять его на практике приходилось довольно часто.

Впоследствии Полк неоднократно демонстрировал «уличные бои» и «разгон толп» не только другим ротам Корпуса, но и регулярным батальонам английских войск.

Подтянутые, в отлично сшитом обмундировании, чины Полка получили право ходить в отпуск «в фор-

ме», хотя младшее «взводное начальство» иногда и запрещало это некоторым из своих подчиненных, опасаясь, что они, злоупотребив спиртными напитками в отпуску, могут опозорить мундир Полка.

Английский солдат, находясь в отпуску в форме, имел «стэк», который как бы дополнял его «отпускную форму».

Несколько таких стэков, конечно, неофициально, появилось в ротах Полка у «наиболее отчетливых» и щеголеватых унтер-офицеров. Ротные командиры, узнав об этом, отнеслись к этому сначала неодобрительно, но, узнавший об этом Командир Полка посмотрел на это иначе: «стэк» заставлял волонтера в отпуску быть более подтянутым, хотя бы по одному тому, что исчезла возможность держать руки в карманах, и в то же время украшал его форму.

Соответствующий доклад в Штаб Корпуса встретил поддержку со стороны Командира Корпуса, и 26-го мая установлен был образец «стэка» для всех чинов Полка: головка шарообразная, литая из желтой меди, посеребренная, с припаянной на вершине уменьшенного размера кокардой «Ш.В.К.». На боковой поверхности головки было выгравировано: «Русский Полк» (по-английски), а на шейке головки — личный № волонтера. Черень, длиной в 28 инчей, с посеребренным медным наконечником сделан из хард-вуд и вычернен.

18-го июня Командир Корпуса произвел инспекторский смотр 4-й роте и нашел ее строевую подготовку удовлетворительной.

21-го июня закончился курс подготовки инструкторов пулеметчиков по пулемету ««Люис». Этот курс успешно прошли 20 волонтеров. Курсами руководил лейтенант Черносвитов.

23-го июня, в Приказе по Полку объявлена была выписка из письма Председателя Обще-Воинского Союза, ген. Миллера, на имя майора Тимэ:

> «Читал в газетах о службе Вашего Отряда, ныне Полка, и теперь передал, присланные Вами газетные сведения и фотографии в журнал «Часовой».
>
> Вашей образцовой службой и примерным поведением, Вы делаете честь русскому име-

ни»... «Если среди Ваших чинов есть кто-либо, кто знает меня и с кем меня служба когда-либо сталкивала, то передайте пожалуйста мой сердечный привет и мою радость, что Отряд завоевал себе такую лестную репутацию и имя...

...Искренне Ваш Е. Миллер.»

2-го июля в Приказе по Полку объявлена была почто-грамма Е. И. В. Кирилла Владимировича:

«Гвардии полковнику Тимэ. Сердечно поздравляю Вас и чинов Русского Полка с пожалованием знамени за доблестную службу. Мне очень приятно знать, что бывшие чины Российской Армии, служа на иностранной службе, так хорошо себя зарекомендовали. Благодарю Вас и всех чинов Полка и шлю искренний привет.

Кирилл.»

12-го июля лейтенант Черносвитов переведен в 1-ю роту.

16-го июля капитан Соколов, с разрешения Штаба Корпуса, отбывает в отпуск, во временное командование 4-й ротой вступает лейтенант Поронник. Сержант-майор 4-й роты Сергеев переводится в Штаб Полка, а исполняющим обязанности сержант-майора 4-й роты назначается сержант Харин.

Готовились «большие перемены»: 4-ю роту начали «оснащать» действительно строевым начальством, чтобы поставить ее наравне с 1-й и 2-й ротами в строевом отношении.

17-го июля, в расквартировании 1-й роты, была отслужена панихида об убиенном Государе и Его Августейшей Семье.

27-го июля 4-я рота перешла на квартирование вместе со 2-й ротой, в казарму на Алкок род.

31-го июля капитан Соколов, по собственному желанию, уволен от службы в Полку и 4-ю роту сдал лейтенанту Поронник. Блестящий офицер-кавалерист (кирасир) М. М. Соколов (русской службы генерал-майор) был слаб для командования пехотной ротой.

1-го августа выбыл в месячный отпуск Командир Полка, майор Тимэ, и во временное командование Полком вступил капитан Иванов.

В этот же день было объявлено в Приказе по Полку, что Муниципальный Совет решил держать Полк трех-ротного состава, общей численностью в 323 чина, все на платном положении.

3-го августа, распоряжением Штаба Корпуса, роты Полка перешли на новый строевой расчет, принятый в английской регулярной армии: каждая рота состояла из трех взводов, взвод — из четырех отделений, причем первые и третьи отделения были стрелковыми, а вторые и четвертые — пулеметными. Полк дополучил необходимое число пулеметов «Люис» до полного комплекта — восемнадцать пулеметов

Исключительно добросовестное отношение к своим служебным обязанностям, уже не раз продемонстрированное чинами Полка, конечно, не осталось незамеченным в Штабе Ш.В.К., и когда понадобилось увеличить штат Корпусного Интендантства, то, вместо найма служащих со стороны, Штаб Корпуса приказал командировать из Полка «достойных и соответствующих» людей.

20-го августа, по приказанию Командира Корпуса, были утверждены в Штабе Корпуса три новых должности «квартермастеров», и для занятия этих должностей из Полка были командированы три волонтера.

1-го сентября возвратился из отпуска майор Тимэ и вступил в командование Полком.

12-го сентября — ротный праздник 1-й роты, как всегда, молебен и улучшенный стол.

14-го октября. Покров Пресвятые Богородицы — ротный праздник 2-й роты. По инициативе сержант-майора этой роты, Е. М. Красноусова, и с одобрения командира роты, капитана М. И. Мархинина, рота решила отметить этот праздник «по-особенному». Рота в это время размещалась, вместе с 4-й ротой, в казарме на Алкок род. В распоряжении рот имелась огромная столовая, часть которой сержант-майор Красноусов решил превратить в гимнастический зал, рассчитывая на то, что чины роты, проходя через столовую в комнату душей и умывальную, будут пользоваться гимнастиче-

скими приборами, что было бы вполне естественно для полной энергии молодежи. Польза от этого казалась несомненной.

Задавшись этой целью, сержант-майор сумел увлечь своей идеей взводных сержантов своей роты, а они, в свою очередь, и всех чинов роты. Негласно собрали необходимую сумму денег и, испросив разрешение у командира роты, установили в зале турник, кольца, трапеции, шесты, канаты, наклонную и вертикальную (двойную) лестницы, исправили имевшиеся в Полку старые (еще вывезенные с «Охотска») параллельные брусья; сами (силами своих плотников) соорудили «кобылу» и «козла», сделали трамплин, и получился прекрасный гимнастический городок. Вся эта работа началась еще задолго до октября месяца.

Вообще, вся обстановка этой столовой — гимнастического зала располагала к тому, чтобы в нем проводили время. Рота перешла на стоянку в запущенный «годаун» (склад), с грубыми полами, облезлыми, давно небеленными стенами, а через пару месяцев внутренний вид этого годауна изменился до неузнаваемости, представляя собой чистое, красиво убранное жилое помещение.

Силами и на средства чинов своей роты сержант-майор Красноусов сумел установить в дальнем правом углу зала амвон и иконостас «ротной церкви». Рядом с иконостасом стоял большой образ Покрова Пресвятой Богородицы, в богатом, художественно выполненном деревянном киоте, стояли чистенькие подсвечники, аналой и прочая церковная обстановка.

По стенам зала развешены были портреты всех Российских Императоров, выполненные (хотя и не особенно художественно) своим «ротным художником», волонтером Соколовым, им же написан был и запрестольный образ «Св. Троицы». Прекрасный гипсовый бюст Государя Императора Николая II (тоже работы одного из волонтеров полка) на деревянном постаменте, украшенном резными деревянными, позолоченными двуглавыми орлами, массивные, литые медные двуглавые орлы (взятые из бывшего Российского Генерального Консульства еще до передачи его советским) развешены были по колоннам зала, а фехтовальные принадлежности (нагрудники, маски, рукавицы и особые ружья с пружинным стволом), взятые из Штаба Кор-

пуса, были развешены по стенам, дополняя украшение этого зала.

Особенно «уютным» был «Суворовский» уголок, занимавший большую нишу в правом переднем углу зала: огромный портрет, в рост, генералиссимуса А. В. Суворова, украшенный национальными флагами, а вокруг него большие доски, отделанные под белый мрамор, с георгиевскими крестами наверху и обрамленные георгиевской лентой, а на досках написаны замечательные «суворовские» изречения и его «заповеди для солдата», взятые из Суворовской «Науки побеждать». У подножья, во всю ширину ниши, стояли живые цветы, росшие в деревянных красиво декорированных ящиках с землей, представляя собой как бы цветочную оградку памятника.

В зале стояли ровными рядами большие обеденные столы и скамьи, из расчета полностью на две роты, а в самом центре столовой, «унтер-офицерский» стол для двух сержан-майоров и восьми сержантов. Все было идеально чисто, прибрано и украшено. В такой обстановке приятно было провести свободное от службы и строевых занятий время, и поэтому волонтеры обеих рот частенько забегали в столовую и... неизменно попадали на гимнастический городок.

Скоро уже определилась группа ротных гимнастов-аппаратистов.

В часы «послеобеденных занятий», ротные командиры стали разрешать выводить людей «на аппаратную гимнастику» в гимнастический зал.

Вот в такой обстановке и пришла мысль сержант-майору 2-й роты отметить ротный праздник своей роты «по особенному». Поделился он своей мыслью со своими взводными сержантами, и встретил с их стороны горячую поддержку.

Согласно разработанного плана, рота, утром в день праздника должна была продемонстрировать в «Вейсайд Парке», находившемся не очень далеко от казармы, «сокольскую гимнастику» всем своим составом, а потом отдельные гимнасты должны были выступить со своими «номерами» на параллельных брусьях, кобыле и козле (перевезенных для этой цели из гимнастического зала роты), в прыжках в длину и в вышину, в общих «пирамидах» и проч. После этого следовали «военные игры» — состязания между взводами и коми-

ческие номера, вроде «цыганской борьбы» и бега в мешках или с яйцом.

По окончании этих состязаний и игр, рота должна была вернуться в казарму и, быстро переодевшись в строевую форму, присутствовать на молебне, который в этот день служился перед ротным образом, а потом — обычный «парадный обед».

Выработав этот план совместно с взводными сержантами, сержант-майор сумел «уговорить» своего командира роты, капитана Мархинина, согласиться на это «новшество» и испросить на это соответствующее разрешение у Командира Полка.

Штаб Полка отнесся к этому весьма благожелательно. Предполагалось, что на этот «гимнастический праздник» будут приглашены все г. г. офицеры Полка и их семьи, а также и гости и родственники самих волонтеров, но никто не предполагал, что Командир Полка пригласит на этот скромный праздник Командира Корпуса и его Штаб.

«Старый солдат» и «Отец-командир», полковник Томс, оценил инициативу 2-й роты Полка, и решил отметить это своим личным присутствием, захватив с собой чинов своего Штаба и некоторых из старших офицеров Корпуса.

Несмотря на то, что никаких освобождений и даже послаблений по службе рота не получила, она хорошо подготовилась к своему празднику, отдавая на эту подготовку все свое свободное время, даже в ущерб своему отдыху после нарядов.

За собственный счет чины роты приобрели однообразные майки безрукавки и белые резиновые туфли. Казенные, наглаженные трусики дополняли «спортивную форму» роты и придали ей отличный вид.

«Вейсайд Парк — небольшой, но очень уютный садик, с массой деревьев, кустов, цветочных клумб и лужаек, был прекрасной ареной и давал красивое оформление.

К назначенному часу, в Парк начали собираться и рассаживаться на, специально для этой цели установленных, стульях и скамьях г. г. офицеры Полка и «гости», потянулась и посторонняя публика, случайно узнавшая об этом празднике волонтеров.

Рота, одетая в свою «спортивную форму», выстроилась и ожидала приезда Командира Полка. Совершенно неожиданно, вместе с ним, в воротах Парка появился

Командир Корпуса со своим Штабом. «Смирно!» Рота замерла, отдавая честь своему высшему начальнику. Ответив на салют, Командир Корпуса прошел на места «для гостей» и дал разрешение «начинать».

По команде сержант-майора, рота рассчиталась «для гимнастики», а потом отчетливо проделала «выход для гимнастики» и провела несколько «гимнастических фраз». По окончании этого «показа», рота свернулась в развернутый строй, а потом разошлась по взводам.

Начались состязания между отдельными спортсменами и целыми взводами. Судьями были офицеры других рот Полка. Все шло очень гладко и красиво, хотя программа и оказалась немножко длинной.

Никто не заметил, как во время этих состязаний Командир Корпуса отправил куда-то своего Адъютанта, который вскоре вернулся с довольно большим количеством серебряных кубков, спичечниц и проч. призов. Это была приятная неожиданность, и внимание «старика-командира» было оценено чинами роты.

Командир Корпуса сам выдавал призы победителям.

После окончания программы и молебна, Командир Корпуса обедал, вместе со всеми офицерами Полка, в офицерской столовой 2-й роты и там, конечно, разговор шел о только что виденном и о тех возможностях на спортивных полях Шанхая, которые мог дать людской материал Полка.

Результат этого «особенного ротного праздника» сказался уже через несколько месяцев, когда в Полку появились спортивные команды по всем видам спорта, постепенно завоевавшие себе славу лучших из любительских спортивных команд международного Шанхая. Впоследствии слава эта разлетелась далеко за шанхайские пределы, а полковые команды дали ряд «чемпионов» не только Шанхая, но и Китая. И 2-я рота Полка вправе считать себя основоположницей любительского спорта в Русском Полку.

К концу 1932 года Полк уже прочно закрепил за собой репутацию лучшей и наиболее надежной части Ш.В.К., по-видимому, так же рассматривали его и начальники регулярных английских войсковых частей, расквартированных в районе Шанхая:

В Приказе по Полку 14-го октября, например, было объявлено, для сведения, письмо Командира батальона «Ланкаширцев», уходивших из Шанхая на новую стоянку в Тяньцзин:

«Дорогой Тимэ,

Я пишу, чтобы поздравить Вас с великолепным видом почетного караула, выставленного Вами в день отъезда батальона, и дабы пожелать Вам всего хорошего.

Все люди моего батальона были восхищены видом такой прекрасной в строевом отношении части.

Наша новая стоянка находится невдалеке от Вас, и я надеюсь, что мы будем иметь возможность встретиться с Вами вновь.

Если будете проезжать мимо, не забудьте посетить нас — Ваших соседей, что безусловно сделаю и я, если отправлюсь опять на север.

Искренне преданный Вам,
подполковник Войс.»

А вот, другое письмо, объявленное в Приказе по Полку 13-го ноября; от командира батальона «Улстер Райфлс»; посланное им Командиру Ш.В.К.:

«Дорогой полковник Томс,

Перед отъездом из Шанхая я считаю своим долгом написать и поблагодарить Вас от имени всех чинов моего батальона за великую честь, оказанную Вами нам посылкой почетного караула от Русского Полка на Бродвей, вчера после обеда.

Внешний вид, построение и выправка караула возбудили во мне глубочайшее восхищение, и я буду очень признателен, если Вы передадите майору Тимэ, офицерам, унтерофицерам и волонтерам, принимавшим участие, мои сердечные поздравления за превосходный вид.

Искренне Ваш,
полковник МИ.»

◈

Начиналась сырая и холодная Шанхайская зима и 7-го ноября, Приказом по Корпусу, Полк перешел на ношение зимнего обмундирования.

По-видимому, спортивный праздник 2-й роты, дал основание Командиру Корпуса, полковнику Томс, задуматься над развитие спорта в Полку в широком масштабе, по образцу английских войсковых частей, команды которых выступали на спортивных полях международного Шанхая.

Кажется, в ноябре месяце он договорился с командиром одного из батальонов английских «регуляров» (я думаю, что это были Улстер Райфлс) и последний организовал показную «аппаратную гимнастику» для всего Русского Полка.

К моему великому недоумению (я никогда не считал англичан любителями аппаратной гимнастики), в этом батальоне оказалась прекрасная команда гимнастов-аппаратистов, в составе примерно 20-25 человек.

Этот «показ» происходил где-то в районе Киао-Чиао Парка.

Роты нашего Полка, прибывшие на место «походным порядком», с трех сторон окружили площадку, на которой установлены были турник, параллельные брусья и несколько «кобыл».

Англичане-гимнасты очень «чисто» и красиво проделали довольно трудные упражнения, вызвав нескрываемый восторг у зрителей волонтеров Полка. Красивая гимнастическая форма и исключительный порядок, царившие в команде, оставили незабываемое впечатление и впоследствии послужили «канвой» и примером при организации публичных выступлений наших собственных полковых спортивных команд. После «показа» хозяева англичане очень любезно угощали весь Полк чаем, сандвичами и софт дринками.

22-го ноября в Приказе по Полку объявлена была выписка из Приказа по Ш.В.К. за № 143, от 21-го ноября:

> «Формирование **Русского Полка** утверждено с 16-го февраля 1932 г. Русский Полк составлен из Русского Отряда (регулярного), который образуют 1-я, 2-я и 4-я роты, и русской

роты (волонтерской), которая образует 3-ю роту Полка.»

Ноябрь месяц, как обычно. был месяцем разного рода состязаний: строевые, стрелковые (ружейные и пулеметные), в штыковом бое, походном марше и проч.

Командир Корпуса, полковник Томс, все больше и больше «привязывался сердцем» к Русскому Полку и, требуя от него идеальной строевой подготовки, образцового порядка и железной дисциплины, он старался предоставить для этого все возможности и всегда отмечал в своих письмах и приказах по Корпусу те стороны жизни и службы Полка, которые он считал «образцовыми» и полезными для прочих частей Корпуса.

29-го ноября, например, было объявлено в Приказе по Корпусу за № 151:

> «Пулеметная стрельба Русского Полка.
>
> Уровень дисциплины на стрельбище был превосходный. Совмещалась точность строевых перестроений с немедленным и успешным исполнением подаваемых команд.
>
> Было дано полное доказательство, что инструктора уделили много внимания тренировке людей в обращении с пулеметом, которое со всех точек зрения было выполнено в высшей степени хорошо.
>
> Заслуживает внимания то обстоятельство, что во время стрельбы у пулеметов не было ни одной «задержки».
>
> Резко выражена была характерная черта, которую я желал-бы видеть в других частях Корпуса при пулеметных стрельбах: был соблюден принцип стрельбы очередями не менее четырех патронов, который дал очень хорошие результаты. Это полностью разбивает ложный взгляд некоторых, что при состязаниях более действительна стрельба очередями по два патрона.»

18-го декабря 1932 г., на плацу, на углу Сингапур и Киао-Чиао род, в 10 ч. 30 м. состоялся полковой парад, который принимал Командир Корпуса, а после парада он раздавал переходящие кубки и личные призы, выигравшим их во время годовых состязаний.

19-е декабря. Полковой праздник. Молебен, с провозглашением «Вечной памяти» убиенным Царственным Мученикам. За завтраком у г. г. офицеров было много официальных гостей.

21-го декабря было отдано, в Приказе по Полку, о предоставлении отдыха регулярным ротам Полка до 9-го января 1933 г. включительно: подъем в 7 ч., занятий только два часа, остальное время — на спорт.

— 1933 год —

Причины неприятного конфликта между Командиром Полка, майором Тимэ, и Штабом Ш.В.К., лежали, мне кажется, в самом Тимэ, вернее, заложены они были в его характере.

Тимэ был назначен командовать Русским Отрядом Ш.В.К. в 1927 г., после ухода в отставку капитана 1-го ранга Н. Ю. Фомина, отчасти «из экономии» расходов по содержанию Отряда, так как приглашение на эту должность офицера «со стороны» требовало от Шанхайского Муниципалитета дополнительного расхода на его содержание. Тимэ же уже был муниципальным служащим (сержантом конной полиции) и поэтому его перевод из одного отдела Муниципалитета в другой (из Муниципальной полиции в Ш.В.К.) не вызывал никаких, или почти никаких, дополнительных расходов.

На службе Шанхайского Муниципалитета в то время было уже довольно много русских бывших офицеров Императорской Российской Армии и, конечно, Муниципалитет всегда мог найти среди них «достойного», но их выбор остановился на Г. Г. Тимэ, главным образом, потому, что он и его супруга были в дружеских отношениях с семьей тогдашнего Вице Председателя Муниципального Совета, г-на Бэлл, который и выдвинул кандидатуру Тимэ.

Кадровый офицер конной гвардии, Г. Г. Тимэ, конечно, мало понимал и, к сожалению, мало интересовался «пехотной службой». «Барин» и «сибарит» — он не считал для себя необходимым на все сто процентов войти в жизнь той пехотной части, которой он назначен был командовать, и которая в то время, своей тяжелой жертвенной работой и верной службой Муниципалитету, закрепляла шаг за шагом свое шаткое положение «временных» (на период опасности, угрожавшей городу) служащих и постепенно превращалась в «необходимую и надежнейшую» силу, на которую Международный Сеттлемент мог опереться в случае любых беспорядков и даже военного конфликта.

Тимэ не был строевым начальником, и его служебные интересы концентрировались в Штабах Отряда и Волонтерского Корпуса, где он чувствительно (иногда даже чрезмерно чувствительно) переживал успехи и неуспехи вверенной ему воинской части в служебном и строевом отношениях, хотя сам в этом направлении он не мог сделать ничего, не будучи даже знаком с «пехотным строем» и с жизнью «пехотной казармы».

Тимэ резко выговаривал, лично и в Приказах по Отряду, как г. г. офицеров, так и прочих чинов, за малейшие промахи или неуспехи, не вдаваясь в причины их вызвавшие. Наказания, иногда очень строгие, сыпались как из «рога изобилия» и сильно нервировали всех подчиненных ему чинов, заставляя их постоянно «быть настороже», даже в свободное от службы и строевых занятий время. В зависимости от своего настроения, он мог сделать резкий выговор командиру роты за то, что его люди «не дают ему покоя» своими командами «смирно» даже тогда, когда он идет в уборную, а в то же время он готов был поставить «под ружье» зазевавшегося волонтера, который в ночной темноте не заметил его и не отдал ему положенную по уставу «честь».

На обычных, ежедневных занятиях Тимэ никогда не присутствовал и никогда не поверял несение службы чинами Отряда на постах, но зато всегда выходил на общие репетиции перед парадами и смотрами, хотя и не принимал в них непосредственного участия. На этих смотрах и парадах он сам никогда не командовал Отрядом, предоставляя делать это своему помощнику, капитану Иванову. Голос у Тимэ был очень слабый и, мне кажется, он не знал и не мог правильно подать «пехотную команду». Только во время корпусных «рутмаршей» он всегда ехал верхом в голове Отряда.

«День» Тимэ начинался много позднее, чем рабочий день его Отряда, но зато и заканчивался он много позднее, иногда захватывая утро следующего дня, таккак все вечера он, обычно, проводил вне казармы, в кругу своих знакомых и в клубах.

Довольно часто, но не ежедневно, он выезжал в Штаб Корпуса, всегда в сопровождении ординарца-переводчика, так-как говорил по-английски довольно слабо, и проводил в Штабе Корпуса почти все дообеденное время, а после обеда начиналась его «общественная жизнь», которой он отдавал остаток дня и ночь.

Г. Г. Тимэ не «командовал», а «управлял» Русским Отрядом путем строжайшей дисциплины, и в этом отношении Русский Отряд «периода Тимэ» довольно сильно напоминал Французский Иностранный Легион. Цель достигалась: Отряд совершенствовался и закреплял свои служебные позиции, но «средства» были далеко несообразные моменту и положению. Ведь строгое «отсеивание» при приеме на службу в Отряд давало исключительно хороший людской материал, который вовсе не нуждался в грубой палке, а мог понять слово, а, главное, — «пример начальника», но этого у Тимэ не было.

Вероятно единственным положительным качеством Тимэ, как командира части, была его «независимость», с которой он умел и всегда держал себя в своих сношениях с «высшим начальством» англичанами. В этом отношении он был образцом: он точно знал свое место на иерархической лестнице офицеров Ш.В.К. и не спускался ниже ни на одну ступеньку, ни при каких обстоятельствах.

Во второй половине 1932 г. благоприятная для Тимэ «атмосфера в Муниципальных верхах» изменилась к худшему: Председателем Муниципалитета был избран бригадир Макнотен, не особенно любивший русских, Белл же отошел от работы в Муниципальном Совете. В то же время, из Англии прислали нового Командира Ш.В.К., подполковника Томс, который по своему характеру и типу представлял из себя полную противоположность Тимэ.

«Противоположности» не сошлись, начались нелады, в усилении которых, конечно, немалую роль сыграл и новый Адъютант Ш.В.К., капитан Филипп Кэтт.

Для того, чтобы яснее представить картину происшедшего, считаю необходимым дать короткие характеристики подполковника Томс и капитана Кэтт, при которых эти «нелады» начались и вылились в принудительное увольнение Г. Г. Тимэ не только от службы в Отряде, но и в Муниципалитете вообще.

Подполковник Томс — кадровый офицер английской армии, командир батальона, новозеландец по рождению, участник 1-й Мировой войны, во время которой он был неоднократно и тяжело ранен. Высокого роста (выше шести футов), хорошо сложенный, уже довольно пожилой (лет около пятидесяти) офицер, он, по-видимому, был тем «отцом-командиром», которого так

любит и уважает солдатская масса всех народов и армий. Он жил жизнью солдата с утреннего подъема и до вечерней зари: он неизменно присутствовал в Дрилл Холле на строевых занятиях волонтерских рот Корпуса и на всех стрельбах, проводимых этими частями на Райфл-Рендж, назначал инспекторские смотры, а потом, в своих приказах, в мягкой, но настойчивой форме, требовал устранения замеченных им недостатков и хвалил за достигнутые успехи.

Конечно, с первого же взгляда он понял, что Русский Отряд являлся лучшей и наиболее обученной и боеспособной частью всего Волонтерского Корпуса. Поэтому, Русскому Отряду он и «уделил особенное внимание», стремясь сделать из него (несмотря на «текучесть» его людского состава) воинскую часть, которая по своим качествам ничем не уступала бы любому английскому регулярному батальону. И в этом отношении ему удалось сделать очень многое.

Его предшественник, полковник Орпен-Пальмер, добился улучшения материальных условий службы и жизни Отряда, полковник Томс же добился исключительных результатов в обучении, экипировке и вооружении Отряда и создал из него часть, наружно ничем не отличавшуюся от английских «регуляров».

Его неожиданные приезды в расположение рот Отряда, бесконечные инспекторские смотры и парады и вызовы «по тревоге» отдельных рот Отряда в Дрилл Холл (где он, осмотрев роту, приглашал офицеров ее в Штаб Корпуса и давал им тактическую задачу по обороне того или иного участка Сеттлемента), — постепенно освобождали Отряд от устарелой рутины, уже непригодной в современной обстановке, и «втягивали его в курс современного военного дела», которое сам полковник Томс отлично понимал.

В этом отношении, для него отличным помощником оказался новый Адъютант Ш.В.К., капитан Филипп Кэтт, офицер шотландской гвардии.

Капитан Кэтт был еще довольно молодой офицер (лет около 26-28), высокого роста, прекрасного сложения и очень красивой наружности, с усами «а-ля-Вильгельм» (его гордость и постоянная забота). Он, по-видимому, был просто «влюблен в военную службу», но, прослужив в гвардейской пехоте, подошел с этой же меркой и к ротам Шанхайского Волонтерского Корпуса.

К сожалению, у него не было ни служебного, ни

жизненного опыта полковника Томс, и поэтому он начал свое переобучение чинов Ш.В.К. неправильно: его «начальственная резкость» в обращении с «рядовыми» волонтерами Корпуса (которые, зачастую, являлись Главными управляющими, а то и Директорами, огромных иностранных предприятий в Шанхае и в Китае), на которых он смотрел, как на «солдат», конечно, не понравилась этим волонтерам, которые в любой момент имели право оставить службу в Ш.В.К., просто заявив об этом в Штаб Корпуса и сдав свое вооружение, обмундирование и снаряжение в корпусной интендантский склад, послав его с одним из своих слуг-боев. Командиры волонтерских рот Корпуса жаловались Командиру Корпуса на поведение Кэтта, начались довольно многочисленные добровольные увольнения со службы недовольных «новым веянием» волонтеров, и Командир Корпуса, по-видимому, «осадил» рвение своего слишком ретивого Адъютанта и ближайшего помощника.

Тогда капитан Кэтт и обратил все свое внимание, всю свою энергию и все свои знания (а их, безусловно, было много) на Русский Отряд, который, как регулярная, платная часть Ш.В.К., поневоле должен был «терпеть и переносить» некоторые грубые и резкие выходки Адъютанта Корпуса. Но ведь Кэтт требовал только лишь того, что он сам мог сделать, он требовал только лишь то, что было необходимо для Отряда, чтобы сделать его не хуже (если не лучше) регулярных английских батальонов!! А поэтому «выходки» Кэтта переживались офицерами и чинами Отряда без особой горечи: в них видели его, хотя и неумело проводимое в жизнь, желание Отряду добра и только добра. Чины Отряда подсмеивались над ним, передразнивали и имитировали его (конечно, в его отсутствии), но всегда любовались им, как примерным офицером и по своей внешности и по внутреннему его содержанию. Он был «образцом офицера».

Комната Адъютанта в Штабе Корпуса выходила своим балконом в Дрилл Холл, где обычно занималась рота Отряда, квартировавшая в бараках «Централ Камп». В этой комнате Кэтт проводил все свое служебное время за... учением: он усиленно готовился к «окружному» экзамену на чин майора, и совершенствовал свои знания военного дела, следя за всеми новинками.

Нас поражала исключительная быстрота, с которой Кэтт все умел делать. Он усиленно добивался этой быстроты и от чинов Отряда, стараясь незаметно показать им в этом пример: вероятно совсем не случайно, он выходил на строевые занятия роты в Дрилл Холл, одетый в строевую форму, некоторое время наблюдал за занятиями, иногда делал указания или замечания, а потом уходил к себе в Штаб, но уже через пять минут, снова появлялся на балконе отлично одетый в штатское платье, что, конечно, замечали чины роты и диву давались, как можно было все это проделать с такой тщательностью и аккуратностью и, при этом, в такой короткий срок: почему же чин Отряда не может одеться «по тревоге ночью» в две-три минуты?!».

«Налеты» Кэтта в казармы Отряда бывали очень часто и в самое неожиданное время: он осматривал помещения, кухни, склады, делал замечания и указания и, конечно, докладывал о результатах своих осмотров Командиру Корпуса, который, в свою очередь, проводил необходимые перемены или улучшения уже нормальным путем «Приказов и распоряжений Штаба Ш.В.К.».

Конечно, и полковник Томс, и капитан Кэтт сразу же обратили внимание на то, что майор Тимэ не командует, а только лишь «управляет» Отрядом, свалив свою работу на своего помощника и офицеров Отряда.

Это и явилось, по-видимому, причиной «неладов», а повод для увольнения Тимэ от службы в Отряде найти было не трудно.

1-го января 1933 года, в Приказе по Полку, майор Тимэ объявлял:

> «Г. г. офицеров и волонтеров вверенного мне Полка поздравляю с Новым Годом!
>
> Минувший год был исключительным годом в жизни Полка: зародившись в смутное время назревавшего японо-китайского конфликта, он потребовал от всех чинов сознания взятых на себя обязанностей по защите неприкосновенности границ Сеттлемента и граждан его.

С честью выполненная задача явила следствием развертывание Отряда в Полк и дарование ему Знамени.

Беспорочная служба в целом всего Полка дает мне спокойную уверенность в том, что усилиями всех чинов престиж Полка будет поддержан на должной высоте.

От лица службы выражая свою сердечную благодарность всем чинам Полка за достигнутые результаты, искренне желаю счастья и благополучия в личной жизни каждого и преуспевания на служебном поприще.»

3-го января, в Приказе по Полку объявлялась телеграмма:

«Майору Тимэ. Командиру Шанхайского Русского Полка. Шанхай.

Наилучшие пожелания на 1933-й год от Шотландской Гвардии.

Подписано:
капитан Бланд. Лондон.»

5-е января, четвертая годовщина смерти Великого Князя Николая Николаевича — в Полку панихида.

7-е января, первый день Русского Рождества Христова, в Полку молебен, Полк освобожден от несения нарядов на сутки.

Полк жил своей нормальной жизнью, уже наладившейся в течение шести лет, казалось, ничто не предвещало, что уже близко, близко были события большой важности, выбившие Полк (правда, на лишь очень короткое время) из нормальной колеи, но, в то же время, положившие начало «новой эры» в жизни Полка, продолжавшейся до самого конца его существования (в 1947 г.).

За эти предстоящие четырнадцать лет, Полк настолько закрепил свое положение, что вопрос о его расформировании уже больше не поднимался, менялось прямое назначение Полка, изменялся характер его службы, менялся Устав, по которому он жил, но НЕОБХОДИМОСТЬ И ЦЕННОСТЬ Полка, как надежнейшей воинской силы Международного Сеттлемента Шанхая оставались общепризнанными и неизменными. Полк СТАЛ НЕОБХОДИМ для Международного Шанхая, и

дальнейшей заботой Муниципального Совета было лишь изыскание средств на его содержание.

9-го февраля 1933 г. в Приказе по Полку было объявлено:

«Объявляю перевод Приказа по Шанхайскому Волонтерскому Корпусу от 9-го сего февраля.

КОМАНДОВАНИЕ:

Майор Тимэ освобождается от командования Русским Отрядом, временно, с 9-2-33.

Капитану Иванову вступить в командование Русским Отрядом, временно, с 9-2-33.»

С сего числа во временное командование Полком вступил.

Подписано: капитан Иванов.

Этот Приказ прозвучал, как раскат грома с ясного спокойного неба: никто из чинов Полка не мог предвидеть, что «всесильный» майор Г. Г. Тимэ может попасть в немилость.

С его отстранением от службы уходили дружеские связи в Муниципальном Совете, обширные знакомства с местной иностранной и русской колонией, с их «знатью», Полк оставался без поддержки, созданной личным общением дальнейшего существования.

Единственным средством для закрепления положения «осиротевшего» Полка были его дисциплина, образцовая выучка и исключительно-добросовестное отношение к своим служебным обязанностям всех чинов его.

На эти «средства» и обратил все свое внимание капитан Семен Дмитриевич Иванов, временно вступивший в командование Полком.

Капитан С. Д. Иванов — полковник русской службы», «универсант» (почти закончивший курс Петроградского университета, кажется, по экономическому и историко-филологическому факультетам), окончил он «студенческий» выпуск Михайловского Артиллерийского Училища и принимал участие в 1-й Мировой войне, в составе одной из батарей Забайкальского казачьего войска.

По возвращении с фронта, после революции, в Забайкальи он присоединился к Белому Движению, на-

чатому там атаманом Семеновым, командовал русско-китайской батареей в составе его частей, а потом получил назначение Курсовым Офицером Артиллерийского отделения Читинского Военного Училища.

С уходом Белой Армии из Приморья он командовал Пластунским полком, впоследствии вошедшим в состав Дальневосточной Казачьей Группы, которой командовал генерал Ф. Л. Глебов.

Почти четыре года пережил полковник Иванов «сидение на транспортах» в водах Вузунга и Вампу, выполняя обязанности начальника десанта, а потом — Помощника Командующего Группой.

Когда, в январе 1927 г., Муниципальный Совет Международного Сеттлемента Шанхая принял решение сформировать Отряд из «белых русских эмигрантов» для защиты Сеттлемента от надвигавшейся с юга красной опасности, полковник Иванов привел остатки «дальневосточников», как кадр и костяк для начавшего свое формирование Русского Отряда Ш.В.К., и получил назначение командиром 1-й роты Отряда.

Широко образованный, с богатой эрудицией, исключительно энергичный, решительный и волевой человек, до мозга костей пропитанный чувством долга и ответственности, пунктуальный и честный, строгий не только к своим подчиненным, но, прежде всего, к себе самому, он любил военное дело и любил солдата, не допуская, в то же время, «баловства» и попущений, которые могли бы вредно отразиться на «пользе службы», которую он ставил «превыше всего».

Он «видел далеко вперед», и благодаря этой «дальновидности» и своим творческим способностям он сумел составить и провести в жизнь план создания «собственного полкового хозяйства», благодаря которому, впоследствии, Полк имел возможность не только содержать свои прекрасные, известные по всему Китаю, спортивные команды, но и дать комфорт и уют в казарменном расположении Полка, сделав Полк «приманкой и мечтой» для русской молодежи, имевшей желание «послужить на военной службе».

Неоднократно и тяжело раненый во время Гражданской войны, он, силой своей воли, не только «привел себя в порядок», но в 1933-м году представлял из себя физически сильного, здорового человека, несмотря на то, что продолжал носить в себе несколько красных пуль, оставшихся ему «на память» о войне, кото-

рую он закончил Кавалером Ордена Святого Георгия Победоносца.

Исключительно нетребовательный в смысле собственного комфорта и личных удобств, он старался привить эту простоту жизни, даже «аскетизм» и своим подчиненным. Круг его друзей и знакомых был очень ограничен, и вся жизнь его поэтому проходила в казарме, среди людей, которыми он командовал, и он знал их отлично, как это и полагается знать хорошему начальнику.

Таков был «Временно Командующий Русским Полком Ш.В.К., капитан Семен Дмитриевич Иванов, назначенный на эту должность Приказом по Ш.В.К. от 9-2-33.

От своего предшественника, майора Г. Г. Тимэ, он получил хорошо дисциплинированную и отлично обученную воинскую часть (в чем немало потрудился сам, будучи командиром роты и Помощником Командира Полка) и... это было все. Положение же этой воинской части все еще было довольно неустойчивым, так как огромные расходы на ее содержание заставляли Муниципальный Совет (под давлением налогоплательщиков) не раз обсуждать вопрос или о сокращении состава, или же о полном расформировании Полка. Однако, обширные знакомства и личные связи Г. Г. Тимэ в «правящих кругах» и в местной иностранной колонии значительно облегчали эту постоянную «борьбу за существование полка». Но, с увольнением Тимэ, исчезла и поддержка.

В руках капитана Иванова остался один «козырь» — ДИСЦИПЛИНИРОВАННОСТЬ, ОТЛИЧНАЯ ВЫУЧКА И ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ДОБРОСОВЕСТНОЕ ОТНОШЕНИЕ К СВОИМ СЛУЖЕБНЫМ ОБЯЗАННОСТЯМ, УЖЕ НЕ РАЗ ДОКАЗАННЫЕ ВСЕМИ ЧИНАМИ ПОЛКА, как во время военных конфликтов, так и в мирное время.

Однако, недолго чины Полка ломали свои головы над причинами происшедших перемен в «возглавлении полка»: дисциплина не позволяла рассуждений «на отвлеченные темы» и «вольнодумство», а обычные усиленные строевые занятия и служба, скоро совсем заставили их забыть о том, что «что-то случилось».

Искренне, по военному, расположенные к Полку и ценившие его, как строевую воинскую единицу, Командующий английскими войсками в районе Шанхая, генерал Флеминг, и Командир Ш.В.К., полковник Томс,

вероятно учитывая создавшееся в Полку настроение и состояние его чинов, незамедлительно выдвинули Полк опять на «аван-сцену шанхайской жизни», давая ему возможность собственными силами, без «тетушкиного хвостика», закреплять свое социальное положение.

12-го марта генерал Флеминг производил инспекторский смотр 3-й роты Полка в Дрилл Холл. Смотр прошел вполне удовлетворительно.

22-го марта, в Приказе по Полку была объявлена выписка из «Муниципальной газеты» от 17-го марта: «3-й (волонтерской роты 2-й лейтенант В. М. Марков увольняется, по собственному желанию. Сержант Сергей Балановский производится во 2-е лейтенанты.

27-го марта. Командир Корпуса посетил занятия «уличным боем», произведенные чинами регулярных рот Полка, и остался очень доволен. В Приказе по Корпусу была выражена похвала и благодарность всем чинам Полка, принимавшим участие в этих занятиях.

Мне кажется, что этот «смотр» 27-го марта 1933 г. был как бы «экзаменом» как для всех чинов Полка, так и для их нового командира. Полк, как обычно, был отлично подготовлен к этому смотру.

В это время, я был сержант-майором 2-й роты, и мне приказано было явиться утром в Штаб Корпуса, в качестве «ординарца» к Командиру Корпуса, полковнику Томс. В Штабе встретил меня Адъютант Корпуса, капитан Кэтт (которому, кстати сказать, очень нравились мои буйно-разросшиеся усы, вошедшие тогда в нашем полку в моду) и провел меня к Командиру Корпуса, которому я и отрапортовал о своем прибытии в его распоряжение.

Мне показалось, что Командир Корпуса был «както не в себе»: не было его обычной ласковой улыбки, и он, по-видимому, волновался.

«Служба» моя в этот день началась весьма оригинально. Командир Корпуса вел очень скромный образ жизни и поэтому, вероятно в целях экономии, решил ехать на смотр Полка в маленькой машине своего Адъютанта, которой управлял шофер китаец. «Начальство» уселось на заднее сидение машины, а я кое-как втиснулся на переднее, рядом с шофером. Было очень неудобно, сильно мешал палаш и я боялся измять свое накрахмаленное, наглаженное и горевшее огнем начищенной меди обмундирование.

Адъютантский «Зингер» включился в общую линию трафика на Банде и направился к мосту «Гарден Бридж». Все шло благополучно, пока мы не достигли первой половины подъема на довольно круто изогнутый мост,... получился скандал: слабый мотор «не вытянул» и, под смех Командира Корпуса, Адъютант и я, выскочив из машины, подталкивали ее до верхнего гребня, под несмолкаемые гудки и смех автомобилистов, ехавших сзади нас.

Это происшествие, как будто бы, немного, исправило угрюмое настроение Командира Корпуса, и он смеялся надо мной и своим Адъютантом всю дорогу, пока мы не доехали до сборного места Полка, ожидавшего приезда «начальства».

Громкая команда для встречи, поданная капитаном Ивановым, дружный ответ по-русски на приветствие Командира Корпуса «Здоровы, волонтеры!» (он произносил это приветствие довольно чисто, но, вместо «ы», в конце ставил «у»). Начался смотр: показное «наступление» на участок города, расположенный примерно в миле от места сбора Полка. «Противник» был на большой площади, на которой раньше был увеселительный городок цирк «Луна-парк», а теперь эта площадь была завалена грудами кирпича, железного лома и разных строительных материалов, дававших хорошее укрытие для «обороны».

«Противник» уже занял свои позиции и выслал наблюдательные посты и заставы во все выходящие на эту площадь улицы, по которым должно было проходить «наступление» остальных чинов Полка.

У «обороны» — деревянные модели пулеметов «Люисис» (сделанные очень искусно, с соблюдением точных размеров, впоследствии всегда употреблявшиеся при учебных занятиях, когда не требовалось наводки, дабы сохранить от порчи настоящие пулеметы, состоявшие на вооружении Полка. Сделаны они были нашими полковыми плотниками). У «обороны», красные и синие флажки, обозначавшие огонь пулеметных и стрелковых отделений. Как у наступающих, так и у обороняющихся большое число специально заготовленных вертушек-трещеток, сделанных из бамбука, которые давали отличное представление пулеметного огня. У обороняющихся, помимо того, много китайских ракет-хлопушек, дававших оглушительные разрывы.

Сразу же, с началом наступления, Командир Кор-

пуса пошел с капитаном Ивановым несколько позади передовых частей, чтобы своим присутствием «преждевременно не обнаружить» наступление, и внимательно следил за ходом наступления и за работой чинов Полка.

Я шел несколько сзади, вместе с Адъютантом Корпуса, который указывал мне на то, что казалось ему неправильным или необычным, и приказывал записывать все это в полевую книжку для дальнейшего доклада Командиру Полка после окончания занятий. Тут был все: и плохо-подогнанное снаряжение, нечаянно оброненная на землю винтовка, недостаточно почищенная кокарда на фуражке, грубое обращение с пулеметом при установке его на позицию, неправильное использование укрытия от огня и многое другое, но самым забавным было его приказание «поставить под рапорт сержант-майора 1-й роты И. М. Бородина, у которого он нашел недостаточно подстриженными волосы на затылке. Мне так было жаль бедного «Иван Михаича», который, всей душой отдавшись происходившему наступлению его роты, прихрамывая и обливаясь по́том, пробежал во время одной из очередных «перебежек» полу-согнувшись мимо Кэтта и обнаружил свою «слабость» — любовь к длинным волосам, с которой, до некоторой степени, уже мирилось наше полковое начальство. Пришлось записать и его.

Но, в общем, «наступление», по-видимому, протекало хорошо, и Командир Корпуса и Адъютант были довольны.

Финал же этого «наступления» — атака площади, когда оглушительно трещали трещетки и бухали хлопушки-ракеты, окончательно привел их в хорошее настроение.

«Смотр» прошел очень удачно. Первый «экзамен» Полку под начальством нового Командира был выдержан с отличием.

30-го марта 1933 г. в Приказе по Полку объявлена была выписка из Приказа по Корпусу:

> «Капитан Иванов утверждается в командовании Русским Полком с 1-го марта сего года.
>
> Сержант-майор Красноусов допускается к исполнению должности младшего офицера 4-й роты.
>
> Сержант-майор Харин переводится во 2-ю роту на ту-же должность.

Сержант Давыдзик допускается к исполнению обязанностей сержант-майора 4-й роты.»

15-е апреля. Православная Русская Пасха. Полк освобожден от всех нарядов на одни сутки. Заутреня и разговены в казарме на Алкок род. Г. г. офицеры и их гости, включая Командира Корпуса и чинов его Штаба, а также и командиров английских батальонов, разговлялись в помещении кантина. Стол был богатый, но не было той «пышности», которая обычно сопутствовала всем «банкетам» периода Г. Г. Тимэ.

В этот же день, в Приказе по Полку было объявлено о производстве лейтенанта Поронника в капитаны, с утверждением его в должности командира 4-й роты, а 2-го лейтенанта Кузьмина — в лейтенанты.

28-го апреля. В 10 ч., в Вейсайд Парке, произведен смотр Полку генералом Флеминг. Его сопровождала большая группа офицеров Штаба и регулярных английских батальонов.

После церемониального марша, роты Полка продемонстрировали «разгон толпы», «очищение района города, занятого мятежниками» и «охрану района при беспорядках в городе». Как смотр, так и показное учение прошли блестяще.

Генерал Флеминг, через Командира Корпуса, передал свое полное удовлетворение внешним видом и строевой подготовкой всех чинов Полка, а равно и распорядительностью г. г. офицеров и унтер-офицеров и их умелым выполнением тактических задач, показавших знание и отличную выучку всего состава Полка.

Присутствовавший на этом смотру, Командир Корпуса и многие из командиров частей корпуса, получили полное удовлетворение от продемонстрированного им учения.

Второй «экзамен» Полку под начальством нового Командира прошел очень успешно.

Неутомимый Командир Корпуса и его Адъютант стремились «отшлифовать» Полк и добиться того, чтобы по внешнему виду и своему казарменному расположению и образу жизни он ничем не отличался бы от регулярных английских батальонов.

Но большим препятствием в проведении этой идеи

в жизнь, была «текучесть» людского состава Полка: поступая на службу, волонтеры подписывали контракт на тринадцать месяцев, из которых первый считался — «испытательным», а потом возобновляли этот контракт каждые три месяца.

Таким образом, личный состав Полка менялся очень часто. Помимо увольнений в нормальном порядке — «по окончании срока контракта», бывали случаи принудительных увольнений — «в дисциплинарном порядке», а иногда и случаи — «дезертирства», т. е. когда чины Полка самовольно уходили со службы, не дослужив до конца срока своего контракта.

Это последнее положение вызвало необходимость введения особого удержания из жалования вновь поступающих в Полк чинов в особый фонд «обеспечения добропорядочной службы». Деньги, удержанные с волонтера в этот фонд, выдавались ему обратно при его увольнении со службы в законном порядке.

В «Условиях Службы» (Контракте), которые подписывали чины Полка, был параграф, согласно которому Муниципалитет отчислял ежемесячно сумму, равную 10% жалования чина полка, и откладывал эти деньги в Гонконг-Шанхайский Банк, под 7½% «интереса», как «Бонус за хорошую службу». Этот бонус выдавался только тем чинам Полка, которые увольнялись в законном порядке, прослужив в Полку не менее пяти лет. Один раз получивший такой бонус, уже не имел права поступить в Полк обратно.

В ежедневных Приказах по Полку обычно объявлялись и периодически повторялись разного рода инструкции и распоряжения, регулировавшие службу и жизнь чинов Полка. Этих инструкций и распоряжений, за период жизни Полка, были многие сотни. Они предусматривали каждую, самую мельчайшую деталь в жизни и службе чина Полка. Опубликование этих инструкций, приказов и распоряжений заняло бы целую отдельную книгу, поэтому, к сожалению, я не могу их опубликовать хотя все они имеются у меня в моей «полной» истории Русского Полка Ш.В.К., которая попадет лишь на полку «Русского архива». В этом деле мне помог последний командир 2-й роты Шанхайского Русского Полка, капитан Павел Иванович Гапанович (ныне проживающий в Сан Франциско), который откликнулся на мой призыв помочь мне в написании «Истории Полка» и послал мне больше двадцати аккуратно под-

шитых тетрадок, содержащих «ротные экземпляры» (его роты) Приказов по Полку, которыми он и его младшие офицеры пользовались при занятиях «словесностью» со своими чинами. Эти инструкции и распоряжения не нуждаются в пояснениях и точно характеризуют жизнь Полка, но они слишком многочисленны, поэтому я ограничусь описанием жизни и службы Полка, ОСНОВЫВАЯСЬ лишь на этих документах. Однако, приведу некоторые из них, характерные для начала 1933 г.:

Приказ по Полку № 76, от 17 марта 1933 г., § 3.

В целях исключения возможности случаев неознакомления г. г. офицеров с содержанием отдаваемых по Полку Приказов, впредь все г. г. офицеры, коим таковые не высылаются, должны расписываться в прочтении приказов на обороте каждого экземпляра, высылаемого в роты или команды.

Приказ по Полку № 79, от 20 марта 1933 г., § 2.

Мною давно обращено внимание, что некоторыми чинами Полка, имеющими ослабленное зрение, носятся, во время их нахождения на службе, пенсне. Означенное категорически запрещаю. Командирам рот предлагается принять меры, чтобы в первых числах апреля лица, нуждающиеся в ношении очков, таковые приобрели и не появлялись на службе в пенсне.

Очки должны быть обязательно обыкновенного образца (белая оправа овальной формы). Ни в коем случае не разрешается ношение очков со стеклами восьмигранной и других форм, а также в золотой или роговой оправе.

Приказ по Полку за № 80, от 21 марта 1933 г. § 3.

Согласно сделанных мне указаний Командиром Корпуса, объявляю для руководства и исполнения:

1. Чины, вернувшиеся вечером из наряда, обязаны присутствовать утром на следующий день на занятиях. Чины, заступающие после обеда в наряд, должны также утром в этот день быть на занятиях.
2. Дневальные по ротам, после подъема и до 13 ч. 15 м. спать или находиться в кроватях не имеют права.

Сменившиеся с дневальства чины, должны принимать участие в утренних уборках помещений.

С момента подъема и до 13 ч. 15 м. в кроватях могут находиться только ночная смена из караула в тюрьме на Вард род и больные коим предписано быть в постелях. Поэтому все койки в помещениях, за исключением коек ночных постовых караула тюрьмы на Вард род и больных, должны быть свернуты с выложенными на них одеялами и проч.

С начала занятий и до окончания таковых, свободных (ничем не занятых) людей в помещениях быть не должно.

3. Вечером мытье полов в жилых помещениях производить только по вторникам и четвергам. В субботу общая уборка должна производиться с утра.

Ежедневно по утрам полы надлежит только подметать веником или намоченной (но выжатой досуха) шваброй. В течение же дня подметание полов производить по мере встречающейся надобности.

Лестницы и коридоры (Тоншан род камп), а равно и помещения общего пользования, как-то: околодки, дежурные комнаты, столовые, кантины и т. п., мыть по мере надобности.

4. Все одеяла, постельные принадлежности и прочее имущество, требующее вытряски от пыли и грязи, должны выбиваться по субботам, а в другие дни — в случаях имеющейся надобности.

5. Кроме положенных ежедневных осмотров обмундирования командиры рот и начальники команд обязаны производить специальный осмотр состоящих на людях казенных предметов:

а) вооружение, огнеприпасов, снаряжение и стальных шлемов — каждую субботу;
б) обоих сроков фуражек, зимних френчей, штанов, брюк и шинелей — в первый понедельник или вторник каждого месяца;
в) летних шлемов, летних френчей, трусов, брюк, рубах и дождевиков — во второй вторник или среду каждого месяца;
г) ботинок, теннисных туфель, обмоток, роб,

носков (три пары) — в третью среду или четверг каждого месяца;

д) всех постельных принадлежностей (матрацы, подушки, одеяла, простыни (три штуки) и теплое белье — в четвертый четверг или пятницу каждого месяца.

Вышеуказанные осмотры производить в один из часов (по усмотрению командиров рот и начальников команд) послеобеденных занятий, в промежуток с 14 ч. 30 м. до 17 ч. 40 м.

6. Начальник хозяйственной части обязан производить фактическую поверку кухонного инвентаря, имущества столовых, а равно и всей посуды два раза в месяц (в середине и в конце каждого месяца).

Приказ по Полку за № 128, от 8 мая 1933 г. § 2.

Мной обращено внимание на имевшие место случаи совместных пирушек сержант-майоров, взводных и отделенных командиров со своими подчиненными.

Учитывая пагубность означенного, впредь категорически воспрещаю совместные отпуска и гуляния начальников со своими подчиненными.

До июня месяца 1933 г., в наложении наказаний за поступки дисциплинарного характера, Полк руководствовался нашим старым — русским «Дисциплинарным Уставом», но 1-го июня 1933 г. был утвержден особый «Устав Русского Полка, Ш.В.К.», изданный на основании положений, выработанных Муниципальным Советом в отношении своих служащих. Устав этот очень подробный и поместить его полностью я не решаюсь, хотя он у меня и имеется в подлиннике. Ограничусь лишь перечнем «Частей» (Отделов) и §§ этого Устава, так-как даже из этого перечня видно насколько детально была узаконена жизнь каждого чина Полка.

В самом начале Устава объявлено, что Устав издается на английском и русском языках, но в случае возникновения каких-либо сомнений в понимании его, английский текст считается руководящим.

Часть 1-я. Дисциплина.

Часть 2-я. Проступки офицеров и чинов Полка.

§§ — Позорящее поведение, неповиновение, порочащее поведение, неисполнение приказаний, небрежное отношение к службе, нарушение оказанного доверия, взяточничество, незаконное или излишнее проявление власти, проступки, связанные с заболеванием, дезертирство, самовольные отлучки, опоздание на службу, несоблюдение чистоты, порча казенного обмундирования и прочих вещей, пьянство, пьянство на службе, посещение неразрешенных мест, участие в торговых предприятиях (в качестве партнера), ростовщичество, принятие подарков, ложные показания, пособничество или подстрекательство в совершении проступков, гражданские проступки.

Часть 3-я. Наказания и лишение жалования.

§§ — Список наказаний, незначительные наказания, значительные наказания, конфискация жалования, аресты, увольнение в дисциплинарном порядке.

Объявлена подробная «шкала наказаний» и право офицеров при наложении взысканий за проступки: пьянство, утерю казенного имущества и проч.

Часть 4-я. Арест и порядок разбора проступков.

§§ — Арест (простой и строгий), арест в случаях пьянства, расследование обвинений, порядок, соблюдаемый в ротных «приказах» (т. е. во время разбора «дел» командирами рот), порядок, соблюдаемый в полковых «приказах» (т. е. когда дело разбирается Командиром Полка).

Часть 5-я. Распорядок дня. Приведу его полностью:

	Зимой.	Летом.
Подъем	06.00	05.00
Утренний осмотр	06.40	05.20
Завтрак	06.45	06.30
Уборка	07.00	07.15
Первый час занятий	08.10	08.00
Осмотр помещений	09.00	08.00

«Приказы» командира роты — по назначению		10.00
«Приказы» Командира Полка — по назначению		10.30
Второй час занятий	09.10	11.15
Осмотр помещений дежурным офицером — согласно инструкции		11.00
Третий час занятий	10.10	
Обед	12.00	12.30
Четвертый час занятий	14.00	
Пятый час занятий (лекции, гимнастика и т. п.)	15.00	
Занятия с наказанными	16.10	17.00
Ужин	19.00	19.00
Вечерняя заря	20.30	22.00
Тушение огней	22.15	22.15

Часть 5-я. — §§:

О приказах по Полку, «приказах» командира роты, командира полка, о занятиях, об утренней и вечерней поверках, о получении пособий в ротных «околодках», о соблюдении гигиены, о медицинской комиссии, о порядке в казарме («выкладка» обмундирования, снаряжения, хранение штатской одежды и пр.), о поломках и необходимом ремонте, о частных лицах, посещающих казарму, о дежурных чинах, об отоплении, освещении и воде, об азартных играх, об одалживании собственной одежды другим, о спиртных напитках в казарме, о почтовой корреспонденции, о жалобах, о провинившихся чинах, об отпусках «в город», о «фланировании» по улицам, о публичных собраниях, о поведении в отпуску, о форме одежды в отпуску, об отдании чести, о «комнате профилактики» и правила пользования ею, о внешнем виде: стрижка волос, бритье и т. д.

С 14-го июня 1933 г. Полк перешел на этот «Устав», после утверждения его Командиром Полка.

8-го июня 1933 г., в целях развития и поощрения спорта в Полку, а равно и планомерной выработки занятий и систематизации их, был назначен заведующий спортом в Полку сержант-майор Красноусов, исполнявший в то время обязанности младшего офицера 4-й роты.

20-го июня. Капитан Степанищев был назначен на должность Помощника Командира Полка и произведены перемещения офицеров:

Лейтенант Лобанов временно допускается к командованию 1-й роты;

за упразднением, по распоряжению Штаба Корпуса, должности Полкового Адъютанта, лейтенант Гапанович был переведен в 1-ю роту, на должность младшего офицера;

лейтенант Курочкин — в 4-ю роту;

лейтенант Черносвитов — в 4-ю роту;

лейтенант Кузьмин — во 2-ю роту и

сержант-майор Красноусов — в 1-ю роту, все на должности младших офицеров.

26-го июня капитан Иванов был произведен в чин майора и утвержден в должности Командира Полка с 1-го апреля 1933 г., а капитан Степанищев утвержден в должности Помощника Командира Полка. (Приказ по Корпусу за № 28, § 2, от 26-6-33).

27-е июня 1933 г. Выписка из Приказа по Полку за № 178, § 2:

Вступая в командование Полком на законном основании, объявляю: мой низкий поклон г. г. офицерам, унтер-офицерам и всем волонтерам, честно и нелицемерно исполнившим долг своей службы в период моего временного командования.

Надеюсь в будущем, все чины от мала до велика приложат усилия к поддержанию престижа Полка и к прославлению Русского национального имени за рубежом.

В настоящее время у Полка нет ни друзей, ни защитников, почему рассчитывать на какую-нибудь поддержку извне — не приходится.

Полк, руководимый властью Командира Корпуса, предоставлен самому себе, почему и должен пробивать дорогу собственными силами.

Деятельность моя по командованию Полком будет направлена по пути честному, прямому и открытому, а потому всем, у кого бьется русское сердце солдата и совесть не потеряла человеческих принципов, у кого разум служит на пользу себя и других и религия не затуманена бреднями (атеизма), у кого Родина, а с Нею и все величие

Ее, не потеряли своего значения ,и желание труда одухотворено осмысленным и положительным началом — по пути со мной.

С полным пониманием обстоятельств, окружающих нас, с взаимным доверием друг к другу, с сочувственным интересом к общему делу и, наконец, с тесным содружеством будем продолжать свой скромный труд.

Бог на помощь!

Новый Командир вступил в командование на «законном основании» и немедленно открыто объявил «свою программу»: Русский патриотизм, честное и ревностное отношение к своим обязанностям и упорный труд для закрепления пошатнувшегося положения и для прославления имени «Русского Полка», собственными усилиями, без поддержки со стороны.

Всем, кто мыслил иначе, он открыто сказал: «нам не по-пути» (т. е. они должны оставить службу в Полку), а следовательно все те, кто сейчас критикует Семена Дмитриевича Иванова (а такие критики есть) — просто нечестные люди, скрывшие тогда свои истинные взгляды и упования, прикрывшись скромностью и видимым послушанием, и продолжавшие пользоваться теми материальными благами, которые дала им служба в Русском Полку под командой майора Иванова, как в период расцвета Полка, так и в самый тяжелый период нашей «шанхайской жизни» — во время 2-й Мировой войны, когда сотни русских безработных замерзали на улицах города или умирали голодной смертью, не имея возможности получить работу.

Это — «шкурники», не имеющие ни малейшего права бросить не только обвинение, но даже слово упрека человеку, **фактически** создавшему Полк и несшему **бремя командования** до самого конца (1947 г.).

В своем приказе он звал за собой **честных работников** и требовал упорной и тяжелой работы, поэтому тем, кто работал, — служить в Полку в период командования им С. Д. Иванова было нетрудно, но лентяи и нерадивые всегда получали от него заслуженный выговор или наказание.

Приходится жалеть, что мягкость его характера не позволила ему «произвести чистку» (в чем он встре-

тил-бы несомненную поддержку Штаба Корпуса): тогда ему было-бы легче служить, а Полк, в своем совершенствовании, достиг-бы еще более высоких пределов.

7-го июля 1933. Приказом по Корпусу, объявленным в Муниципальной газете за № 1436, сержант-майор Красноусов был произведен во 2-е лейтенанты, со старшинством с 1-го июля 1933 г.

Отлично зная жизнь Полка, его личный состав и те возможности, которые были заложены в этих сотнях молодых, здоровых и полных энергии людей, майор Иванов решил использовать эти возможности, и обратил особое внимание на спорт: ведь «в здоровом теле — здоровый дух».

Зарождавшиеся тогда в Полку (под моим руководством, как «заведующего спортом в Полку»), спортивные команды всячески поощрялись Командиром Полка: он охотно шел навстречу моим просьбам об отпуске денег на развитие спорта и на покупку спортивных принадлежностей.

На Райфл-Рендж нам удалось построить отличный «гимнастический городок», оборудовать прекрасную яму для всех видов прыжков, устроить дорожки для бега и даже выписать из Чехо-Словакии параллельные брусья и переносный турник, безусловно лучшие в Шанхае.

Полковые спортивные команды, почти по всем отраслям спорта (конечно, по «сезонам игр») записывались в местные «лиги» и выступали на спортивных полях Шанхая, начав с младших (5-х дивизий), а к концу существования Полка среди них были уже «чемпионы» не только Шанхая, но и всего Китая!

Все это делалось и достигалось благодаря благожелательному отношению к спорту Командира Полка, который сам когда-то был отличным футболистом, да и теперь нередко надевал футбольные бутсы и выходил на нашу футбольную площадку на Райфл-Рендж — «побить по голу».

Стоянка на Райфл-Рендж давала все возможности для спортсменов, но нужно было выравнять и привести в порядок (очистить от камней) участок, между офицерским бараком и стрельбищной границей «900 яр-

дов», отведенный нам под футбольное поле. Это был нелегкий труд, принимая во внимание ограниченность свободного времени у чинов Полка и скромность полковых средств, не позволявших пользоваться наемным, даже китайским, трудом.

Командир Полка решил выравнять футбольное поле и работа началась: площадь была нивелирована («нивелир», с позволения сказать, сделал лейтенант Черносвитов, использовав ружейный ствол и уровень) и роты Полка, стоявшие на Райфл-Рендж, посвящали свободное время (а иногда и послеобеденные часы занятий) земляным работам. Так работали около двух лет, но поле закончили, Полк получил собственное спортивное поле, оборудованное для всех видов спорта.

Приказ по Полку за № 192-А, от 11 июля 1933 г. § 1.

«Слова „в здоровом теле — здоровый дух" должны быть девизом каждого военного человека.

Воспитывая свое тело, он выковывает дух, отвагу, стойкость, дисциплину и чувство товарищества.

Общими усилиями, и при содействии Командира Корпуса, за полтора месяца в насаждении спорта среди чинов Полка нам удалось достигнуть кое-каких результатов.

Уже имеются вполне сыгранные команды футболистов, волейболистов, а также боксеры, бегуны, прыгуны и другие спортсмены по легкой атлетике. В недалеком будущем я намерен устроить в Полку спортивный праздник, а позднее — предложить футболистам, боксерам и другим записаться в лиговые состязания.

Но, чтобы привить спорт и поднять его на надлежащую высоту, необходимы: организация, руководство, средства, любовь к спорту и взаимная помощь.

1. Все, от мала до велика, должны проникнуться желанием к развитию спорта.

   Командиры рот, начальники команд и младшие офицеры должны поощрять стремление к здоровому виду спорта, а равно и сами принимать в нем участие.

   Сержант-майоры и сержанты обязаны всячески содействовать, побуждать и своим личным примером и инициативой вдохновлять других. Чины, не могущие по каким-либо причинам при-

нимать участие в спорте, обязаны помогать спорсменам, принимая на себя иногда бремя их служебных обязанностей.

А сами спортсмены должны добросовестно, с усердием и желанием, без понуждения и призывов, отдать себя делу совершенствования спорта в Полку.

2. На покупку всякого рода спортивных принадлежностей, ремонт их, призы для спортсменов на состязаниях и прочие расходы требуются средства. За недостатком полковых средств, отпуск таковых на спортивные цели является весьма затруднительным.

Необходимо образовать «Спортивный фонд».

К ранее отпущенным заведующему спортом, 2-му лейтенанту Красноусову, 120 долларам, и уже израсходованным на спортивные нужды, отпускаю вновь 80 долларов.

Таким образом, вложенные Полком 200 долларов в «Спортивный фонд» являются первым вкладом.

Далее, Полк не в состоянии будет производить денежные отпуски на этот предмет, поэтому призываю всех г. г. офицеров и волонтеров помочь этому здоровому и полезному начинанию. Хотя отклик на мой призыв и не является обязательным, но тем не менее, я был бы очень рад, еслибы это мое обращение не осталось «гласом вопиющего в пустыне».

Источником денежного питания «Спортивного фонда» единственно могут быть только месячные отчисления самих чинов Полка. Первичная стадия развития спорта требует удвоенных расходов, а потому я буду весьма признателен всем, кто с сочувственным интересом отнесется к моей идее и согласится добровольно делать ежемесячные отчисления в «Спортивный фонд» из основного оклада жалования (включая ежегодную прибавку) в 5 процентов.

Сбор этих денег организовать командирам рот и начальникам команд при выдаче жалования, и собранные деньги представлять в Штаб Полка на мое имя, для проведения их приказом.

Предупреждаю, что означенный сбор не является обязательным и принудительным и что,

по устранении экстренных спортивных нужд, таковой будет уменьшен моим приказом.

3. Каждая рота (команда) в спортивном отношении должна представлять из себя самостоятельную единицу.

В пределах возможного, в ротах иметь:
1 команду футболистов (11 чел. и 4 запасных),
1 команду волейболистов (6 чел. и 2 запасных),
1 команду «крикет» (11 чел. и 4 запасных),
Боксеров (от 6 человек и более),
Борцов (от 4 человек и более),
Снарядная гимнастика (турник, параллельные брусья, кобыла, козел и проч. — от 10 человек и более).
Бег на большую дистанцию (от 4 чел. и более),
Бег на короткую дистанцию (от 4 чел. и более),
Бег барьерный (от 4 человек и более),
Прыжки с шестом (от 4 человек и более),
Прыжки в вышину (от 4 чел. и более),
Прыжки в длину (от 4 чел. и более),
Метание копья (от 4 чел. и более),
Метание диска (от 4 чел. и более),
Толкание ядра (от 4 чел и более),
Сокольская гимнастика и игры — для всех остальных, не принимающих участия в специальных видах спорта.

Желание чинов Полка тренироваться не в 2-х, а в большем числе видов спорта должно поощряться, но считаться действительными членами они могут только в двух командах, а в остальных они будут лишь запасными, **сверх** установленного этим приказом числа запасных членов в каждой команде.

С течением времени Заведующему Спортом Полка, 2-му лейтенанту Красноусову, из лучших спортсменов Полка, по каждой отрасли спорта, организовать сборные команды на предмет выступления в различных состязаниях (лиговых или единичных) с другими командами от спортивных организаций Шанхая.

Этим командам должен вестись учет, предоставляться время для тренировок, а также в них должны быть назначены старшие (капитаны).

Команды по каждому виду спорта должны иметь своего старшего (капитана).

Заведующим спортом в каждой роте (команде) должен быть сержант-майор, коему непосредственно и подчинены все старшие команд (капитаны).

Неослабное наблюдение, а равно и поощрение должно быть проявляемо командирами рот (начальниками команд) в отношении занятий спортом.

Заведующим Спортом в Полку, по-прежнему, остается 2-й лейтенант Красноусов. Ему непосредственно подчинены заведующие спортом в ротах (сержант-майоры).

Деятельность, в спортивной отрасли, командиров рот (начальников команд), заведующего спортом в полку и заведующих спортом в ротах, а равно и самих спортсменов, должна протекать в полной согласованности и договоренности, не причиняя ущерба службе.

Приказ по Полку за № 226, от 14 августа 1933 г., § 2.

Согласно распоряжения Командира Корпуса, чины Полка, кои желают уволиться со службы вследствие окончания срока контракта, должны подавать заявления об этом за две недели до окончания контракта.

Невыполнение изложенного будет рассматриваться, как нарушение самого контракта (см. пункт 9-й Контракта).

14-го октября. Лейтенант Лобанов был произведен в капитаны и утвержден в должности командира 1-й роты.

19-е октября — расторгнут контракт с частным владельцем кантинов. Начали функционировать собственные полковые кантины, которыми ведала назначенная для этого «Постоянная Комиссия».

Это было началом развития собственного обширного полкового хозяйства. Идея принадлежала всецело самому Командиру Полка. Содержание кантинов на собственные полковые деньги позволяло оборудовать их и поддерживать в том духе, который превалировал в Полку в данный момент, а огромный доход от их тор-

говли, ранее уходивший в карман частного владельца, теперь мог быть использован на полковые нужды: на спорт, на библиотеку, на собственный оркестр, и т. д.

В проведении этой идеи в жизнь, Командир Полка добился полного понимания и поддержки со стороны Командира Корпуса и его Штаба.

К концу своего существования Полк имел отличнейший кантин, оборудованный всем необходимым (все было собственностью Полка) и обслуживаемый вольнонаемными служащими — бывшими волонтерами Полка — инвалидами, которые иначе влачили бы нищенское существование «на стороне», прекрасную библиотеку с многими тысячами томов книг, из которых много было очень редких и ценных, свой струнный оркестр и лучший в Шанхае гимнастический зал, прекрасно оборудованный всеми гимнастическими приборами, разборным боксерским рингом и огромным матрацем для борьбы. И все это Полк получил возможность иметь, главным образом, благодаря наличию **собственных** кантинов.

В октябре месяце проходили «междуротные» состязания по спорту. Роты победительницы по каждому виду спорта получали переходящие кубки.

8-го ноября закончились состязания между взводами рот по строевой подготовке. На первом месте оказался 3-й взвод 1-й роты, под командой сержанта Тарасова, взводу присужден был переходящий кубок Шанхайского Волонтерского Корпуса.

14-го ноября провожали, уезжавшего из Шанхая командующего английскими войсками, генерала Флеминга.

25-го ноября закончились состязания в стрельбе из винтовок. Лучшей ротой по стрельбе из винтовок оказалась 1-я рота. Рота получила переходящий кубок.

9-го декабря. Состязания рот в пулеметной стрельбе. Опять лучшей ротой оказалась 1-я рота и получила переходящий кубок.

Лучшим взводом Полка, набравшим наибольшее количество очков за: походный марш, строевую подготовку, ружейную и пулеметную стрельбу оказался 2-й взвод 1-й роты, под командой сержанта Голощапова, получивший кубок «Полковника Томс». Лучшей ротой

по всем видам состязаний, включая и спорт, оказалась 1-я рота, которой и присужден был «Кубок А. Д. Бэлл».

17-го декабря, на Рейс-Корсе, в 8 ч. 45 м. Парад Полка, после которого Командир Корпуса раздавал призы победителям, а в 10 ч. Полк уже участвовал в общем «корпусном» рут-марше и в «официальных» проводах Командира Корпуса, полковника Томс, имевших место около «трибун для публики» на Рейс-Корсе.

18-го декабря. 3-й (Волонтерской) роты 2-й лейтенант Даманский был произведен в лейтенанты.

19-го декабря. Полковой праздник. Молебен на Райфл-Ренджж. Парадный обед. За офицерским столом — полковые дамы, Командир Корпуса, его Адъютант и почетные гости.

20-го декабря, вечером, в офицерской столовой, на Райфл-Ренджж был обед — проводы полковника Томс.

От Полка отъезжавшему Командиру был поднесен подарок — копия картины художника Репина «Письмо запорожцев турецкому Султану», с переводом текста самого письма на английский язык, приложенным к картине, и миниатюрное полковое знамя.

Полковник Томс заканчивал свой срок службы и покидал Шанхай, уходя в отставку. Он уезжал к себе на Родину — в Новую Зеландию.

Я не думаю, что допущу ошибку, если скажу, что полковник Томс был самым популярным и любимым Командиром Корпуса. Его любили и уважали все: и офицеры, и волонтеры, как «волонтерских» частей корпуса, так и «регулярных». Это был «отец-командир»: заботливый, внимательный, в меру требовательный начальник и обаятельный человек.

К полку он относился особенно по-отечески и, определив по работе, нового Командира Полка майора Иванова, его усердие и работоспособность, он неизменно оказывал ему поддержку, благодаря чему Полк был приведен в отличное состояние: получив новое английское обмундирование (регулярных частей английской армии), снаряжение, полный комплект пулеметов «Люис» и проч.

«Старик» был очень растроган, получив подарок от Полка картину. Он долго, с восхищением рассматривал ее и находил сходство ее персонажей с тем или

другим из офицеров Полка: «вот это вы, Лобанов!», — говорил он, указывая на плотного запорожца, который хохочет, стоя около писаря... Смеясь, он заявил: «Глядя на эту картину, у себя дома я буду вспоминать вас всех, какими я вас сейчас вижу».

Переписка с полковником Томс, после его отъезда из Шанхая не прекращалась до 1942 г., когда Шанхай оказался отрезанным военными событиями от Европы, где в то время в Англии был полковник Томс, служа в добровольческой охране побережья Англии, кажется в артиллерии!! В то время старый полковник снова оказался на «военной службе» и, при этом в чине всего лишь 2-го лейтенанта. Он, с увлечением молодого офицера описывал, как его часть стреляла по немецкому самолету.

Последнее письмо было получено от него уже после 2-й Мировой войны. Он был в то время в Африке, где гостил у своего сына архитектора и... охотился на «биггэйм». Там он и умер, оставив у всех нас о себе самые лучшие воспоминания. Он полюбил Полк с первого взгляда, но несколько потерял в нем уверенность, будучи вынужден уволить Командира Полка майора Тимэ. Однако, новый командир, майор Иванов, сумел вернуть ему эту уверенность, и в дальнейшем полковник Томс был лучшим другом и покровителем Полка.

20-го декабря 1933 г. был утвержден и введен в силу «Контракт», который подписывали на тринадцать месяцев волонтеры, поступавшие на службу в Полк.

28-го декабря, в Приказе по Полку было объявлено письмо от пол. Томс:

> «Я сожалею, что прощаясь с Полком 19-го декабря, не имел возможности выразить мою благодарность волонтерам за их участие в приобретении восхитительного и ценного подарка, который был поднесен мне на следующий день. Поэтому не будете-ли вы так любезны передать волонтерам, как глубоко я ценю выражение их добрых пожеланий мне, а также и великолепный подарок, который иллюстрирует замечательный дух Запорожских казаков, который так сходен и с вашим духом в преданности вере и равнодушию к последствиям, который помог всем вам пройти через целый ряд испытаний.

Картина и сопровождающее ее объяснение будут всегда висеть на почетном месте в моем доме и, я надеюсь, что после меня — в доме моих потомков, и будут всегда лучшим воспоминанием о трех годах жизни в Шанхае, когда я имел большую честь служить вместе со всеми вами.

Наилучшие пожелания счастья всем вам в будущем.

Искренне ваш, полковник Томс.»

— 1934 год —

В течение 1933-го года Полк, по своему внешнему виду и своей строевой подготовке, достиг стандарта регулярных частей английской армии, и в 1934-м году продолжал поддерживать этот стандарт путем усиленных строевых занятий.

Начало года ознаменовалось переменами в верхах военного командования: на смену Командующему английскими войсками в районе Шанхая, генералу Флеминг, прибыл генерал Таккэрэй, а на место вышедшего в отставку Командира Ш.В.К., полковника Томс, заступил полковник Грэам.

К этому времени, Полк уже прочно завоевал симпатии Муниципального и Военного Командования: «Русский солдат, в английском мундире» на службе Международному Сеттлементу Шанхая сделался не только неотъемлемой частью этой многоплеменной колонии, но и ее гордостью.

Имея ввиду оттенить «русскость» Полка, отчасти уже выраженную в форме Полкового Знамени (русский трехцветный флаг с гербом Ш.М.С.), Командир Полка счел возможным просить разрешение у Муниципальных властей на вывешивание русского трехцветного флага в местах расквартирования рот Полка, и это разрешение получил.

Внутренняя жизнь Полка протекала в рамках, определенных специально выработанным для Полка «Уставом», но общая мировая депрессия отразилась и на финансовой стороне жизни Шанхайского Международного Сеттлемента и вызвала необходимость строгой экономии в расходах. Поэтому на хозяйственную сторону было обращено усиленное внимание, но не в ущерб стандарту жизни чинов Полка. Жизненные условия в казармах Полка, обмундирование, питание и оклады жалования для чинов Полка были настолько хороши, что служба в Полку считалась очень заманчивой.

Новый Командир Корпуса, полковник Грэам, получив «в наследство» от своего предшественника отлично

подготовленный Русский Полк и большого состава волонтерские части Корпуса, обратил все свое внимание на реорганизацию своего Штаба: на подготовку старших начальников к возможной неожиданной мобилизации Корпуса, и на однообразие обучения во всех его частях.

При Штабе Корпуса были организованы курсы по тактике — для г. г. офицеров и по «владению оружием» (пулемет «Люис» и винтовка .303) — для унтерофицеров, которые потом должны были руководствоваться полученными сведениями при обучении своих людей.

Полку было поручено, силами своих чинов, вычертить масляными красками огромные планы-карты (по секторам обороны) Шанхая, по которым в Штабе Корпуса производились тактические занятия с г. г. офицерами по обороне Сеттлемента, а равно и изучались районы города на случай экстренных вызовов по тревоге.

Корпусное хозяйство ширилось, требовались все новые и новые «квартермастеры» и заведующие складами отдела снабжения и транспорта. Нормально, эти должности заполнялись вольнонаемными служащими, но режим экономии привел к тому, что, по распоряжению Штаба Корпуса, от Полка откомандировывались для занятий этих должностей достойные чины, получавшие временно (на период своей командировки) повышение в званиях, а следовательно, и прибавку к своему жалованию.

Жизнь Шанхая никогда не была спокойной: если не было «очередного» японо-китайского конфликта, то всегда бывали забастовки и рабочие демонстрации по самым разнообразным поводам и причинам. В такие дни, уличные наряды полиции усиливались, но, конечно, их было недостаточно, поэтому в ротах Полка постоянно держали по одному «дежурному взводу», готовому к выезду на место беспорядков в течение пяти минут. Этим взводам очень часто устраивали «ложные тревоги», не раз вызывали «по тревоге» целые роты Полка, и, своим своевременным прибытием на место вызова и воинским видом, части Полка всегда давали Командиру Корпуса полную уверенность в том, что в его распоряжении имеется в постоянной готовности боеспособная часть, которая сумеет восстановить и поддержать порядок до того момента, когда будут моби-

лизованы волонтерские части Корпуса или прибудут регулярные английские войска.

К концу года, Командир Корпуса провел «пробную мобилизацию» всего Ш.В.К. и остался доволен ее результатами: реорганизованная им штабная машина работала бесперебойно, командиры частей отлично справлялись с данными им тактическими заданиями, а хорошо и однообразно обученные чины этих частей, быстро и эффективно выполняли приказания своих начальников.

Конечно, в этой пробной мобилизации Корпуса батальон «С» (так именовался Русский Полк в корпусной схеме) был основой и центром, обеспечивавшим успех операций.

Спортивная жизнь в Полку развивалась быстро, под покровительством Командира Полка, который охотно шел навстречу спортивным нуждам. В этом году был создан «Спортивный Клуб Полка», впоследствии оказавшийся сильнейшей спортивной единицей Международного Шанхая.

1934-й год омрачился увольнением по болезни (туберкулез) одного из отличных офицеров полка, лейтенанта Курочкина, который уехал для поправления здоровья в Северную Маньчжурию, но там скончался.

Отмечу несколько приказов по полку, характерных для 1934 года:

Приказ по Полку за № 9, от 9 января 1934 г., § 2.

Мною замечено, что некоторые чины Полка выступают в газетах или издают брошюры, не имея на это от меня разрешения.

Категорически запрещаю всякое выступление в газетах, периодических изданиях, а также издательство всякого рода книг и брошюр, не получив от меня специального разрешения.

Приказ по Полку за № 19, от 19 января 1934 г., § 2.

Ниже сего объявляю, в переводе с английского, прощальный Приказ Корпусу полковника Томс, от 19-го января с. г. за № 4.

«Сдавая командование Ш.В.К., я хочу выразить всем чинам Корпуса, как глубоко ценю я верность и поддержку, которые были оказаны мне во время моего командования Корпусом.

С глубочайшим сожалением расставаясь с Кор-

пусом, я навсегда сохраняю счастливейшие воспоминания о моей службе с вами, особенно в памятные дни 1932 года.

Я чувствую уверенность, что несмотря ни на какие обстоятельства, Корпус поддержит свои традиции и хорошую репутацию, которые он приобрел в прошлом, своей верной и преданной службой.

До свидания! Желаю всем счастья!

Приказ по Полку за № 40, от 9-го февраля 1934 г., § 2:

В воскресенье 11-го сего февраля, в 9 час. утра, в расположении 1-й роты на стрельбище, и 2-й и 4-й рот на Тонгшан род поднять Национальные Русские флаги с церемонией, выставив в каждом лагере по одному взводу с винтовками, под командой офицера.

Капитану Лобанову и капитану Мархинину произвести церемонию поднятия флагов.

В дальнейшем, подъем флагов производить без церемонии с момента утреннего подъема людей и спуск флагов — с заходом солнца.

По воскресным дням поднимать большие флаги, а в будние дни — малые.

Приказ по Полку за № 50, от 19 февраля 1934 г., § 3:

4-й роты лейтенант Курочкин, вследствие своего болезненного состояния, сего числа покидает службу в Полку.

Непрерывно, в течение 7 лет и 1 месяца, лейтенант Курочкин нес службу строевого офицера не за страх, а за совесть...

Для офицерского состава Полка уход лейтенанта Курочкина является большой потерей...

«Глубокоуважаемый Николай Иванович!

От имени г. г. офицеров и волонтеров (всех званий) Полка, позвольте мне выразить Вам чувство глубочайшего сожаления по поводу Вашего оставления службы в Полку. Также примите сочувствие в Вашей тяжелой болезни.

От лица службы выражаю Вам сердечную благодарность за Вашу прекрасную службу в Полку.

От чистого моего сердца примите лучшие по-

желания скорейшего освобождения от гнетущего Вас недуга, личного во всем счастья и доброго успеха в Ваших будущих начинаниях.

Да, сохранит Вас Господь!»

Приказ по Полку за № 131, от 11 мая 1934 г.

Сержант-майор Давыдзик производится во 2-е лейтенанты на испытательный период в три месяца.

Сержант Кротков производится в сержант-майоры, временно до утверждения, на испытательный период в три месяца, и переводится в 4-ю роту на должность сержант-майора роты.

Приказ по Полку за № 149, от 29 мая 1934 г., § 2:

Сего числа мною, через Адъютанта Корпуса, капитана Кэтт, получен подарок полку — серебряная сигнальная труба с надписью:**«Русскому полку Шанхайского Волонтерского Корпуса от полковника В. В. Б. Б. Томс. 3-1-34.»**

Имя полковника Томс во вверенном мне полку считается почетным и, я думаю, все чины Полка преисполнены лучшими воспоминаниями об этом славном имени.

Полку приятно получить подарок, который будет являть собой звено, связующее прошлое с настоящим, и всегда напоминать нам об уважаемом всеми бывшем Начальнике, полковнике Томс.

Обернувшись назад к прошлому, постараемся увидеть в нем образ полковника Томс и мысленно принести ему свою искреннюю благодарность за подарок, а равно и выразить лучшие пожелания для всей его жизни.

Серебряную сигнальную трубу — подарок полковника Томс, хранить у знамени и пользоваться ею только в случаях важного назначения, как-то: полковые парады, почетные караулы и т. п.

Приказ по Полку за № 184, от 3 июля 1934 г., § 3:

В городе мне приходилось быть свидетелем того, как отпускные волонтеры на улицах, в трамваях, в ресторанах ругаются площадными словами. Это подтверждается и отзывами посторонних лиц о неприличном поведении отпускных волонтеров на улицах Шанхая.

Мне также ежедневно приходится слышать ма-

терную брань волонтеров в местах квартирования частей Полка.

Требую от всех чинов Полка эту отвратительную привычку прекратить, а начальникам всех степеней принять меры к искоренению в среде волонтеров матерной брани.

4-го июля 1934 года, приказом по Корпусу, 3-й роты (Волонтерской) 2-й лейтенант Балановский произведен в лейтенанты.

Приказ по Полку за № 186, от 5 июля 1934 г., § 2:

Мною замечено, что многие чины Полка, находясь в отпуску в форме при длинных брюках, носят лакированные ботинки или штатские полуботинки. Требую это прекратить немедленно.

Приказ по Полку за № 192, от 11 июля 1934 г., § 2:

В целях более тесного и практического объединения всех спортсменов Полка, предписываю установить новую форму организации спортивной части Полка, во исполнение чего объявляю:

1. Создать в Полку из всех спортсменов его «Спортивный Клуб Шанхайского Русского Полка».
2. Председателем Клуба будет назначаться мною Заведующий спортивной частью Полка.
3. Заведующего спортивной частью полка, лейтенанта Красноусова, назначаю Председателем Клуба.
4. Членами Клуба являются все спортсмены Полка, занимающиеся тем или иным видом спорта. Список спортсменов при сем прилагается.
5. Начальникам всех степеней, а также и самим членам Клуба надлежит принять возможные для них меры к тому, чтобы слабые по своим силам и способностям спортсмены или только начинающие в спорте, также записывались в члены Клуба.

...Председателю Клуба, в месячный срок, выработать проект Устава Спортивного Клуба Ш.Р.П. и представить мне на утверждение.

...Председателю Клуба, по всем вопросам, связанным с организацией Клуба, обращаться непосредственно ко мне или моему помощнику.

Приказ по Полку за № 211, от 30 июля 1934 г., § 3:

Чины, кои временно прикомандировываются к Штабу Корпуса для несения какой-либо службы, для придания им служебного авторитета, производятся (повышаются) в следующие звания в момент их прикомандирования или уже после такового, т. е. в период их пребывания там на службе, — считаются в этих званиях временно произведенными.

Указанное выше производство или повышение делается исключительно в целях соответствия звания к новому назначению, а равно и придания служебного авторитета.

По возвращении чинов, прикомандированных к Штабу Корпуса, вследствие минования надобности или по каким-либо другим причинам, обратно в роты, означенные чины, если для них нет свободных вакансий в ротах, отвечающих их званиям, — возвращаются в прежнее свое состояние, т. е. в то звание, в каковом они пребывали в момент прикомандирования к Штабу Корпуса.

Этот акт не может рассматриваться, как наказание или умаление престижа, если конечно не было совершено проступка, и возвращение в прежнее звание проходит не через суд Командира Полка.

Приказ по Полку за № 227, от 15 августа 1934 г., § 2:

Категорически запрещаю всем волонтерам Полка хранить на руках боевые патроны, гильзы, пули или холостые учебные патроны, как винтовочные, так и револьверные.

При всяких стрельбах начальствующим лицам следить, чтобы ни один патрон или гильза не уносились со стрельбища.

Лица, у коих будут обнаружены вышеперечисленные предметы, понесут самое суровое наказание.

Приказ по Полку за № 237, от 20 августа 1934 г., § 2:

За последнее время мною замечено, что многие чины Полка носят слишком длинные волосы и отпускают баки.

Обращаю внимание командиров рот на недопустимость означенного явления и на Приказ по Полку за № 154, § 4 от 2-6-32.

Приказ по Полку за № 299, от 26 октября 1934 г., § 3:

В течение продолжительного времени, 1-й роты волонтер Клабуков Алексей № 146 исполнял различные чертежные работы для Штаба Корпуса.

По окончании и сдаче всех работ, Командир Корпуса обратил внимание на тщательность и аккуратность исполненных работ вол. Клабуковым. 25-го сего октября мною получено письмо из Штаба Корпуса от 22 октября за № А. 2/43, в котором Командир Корпуса выражает свою благодарность вол. Клабукову за прилежание и хорошую работу.

Согласно распоряжения Командира Корпуса, от лица службы объявляю благодарность вол. Клабукову и свое удовольствие по поводу получения столь приятного письма, касающегося вол. Клабукова.

Приказ по Полку за № 333, от 29 ноября 1934 г., § 2:

Нахожу полезным в настоящем моем приказе затронуть в кратких словах вопросы мировой политической экономии текущего момента, вместе с ними и вопрос экономии в ведении военного хозяйства Отряда.

Экономическая депрессия, охватившая весь мир, нарушила равновесие как самой жизни народов, так и их взаимоотношений. Производство фабрикатов и малый спрос на них затопили рынок товарами и застопорили внутренний и внешний международный товарообмен.

Экономический кризис сократил деятельность крупных, как государственных так и частных предприятий и привел к необходимости сокращения служащих и рабочих. Огромное предложение труда и отсутствие спроса на рабочие руки породили повсеместно небывалую безработицу.

Обращения к общественному мнению и требования к правительственному аппарату огромного числа безработных, понудили правящий класс многих государств изменить формы, как внутренней, так и внешней своей политики. Как правило, результатом подобных актов явились неожиданные падения у одних народов и подъемы у других кривой их экономического и политического могущества.

Мировая депрессия не могла не отразиться и на экономической жизни Шанхая, в частности Международного Сеттлемента. Высокие таможенные пош-

лины на ввозные товары повысили стоимость их и сократили покупную способность. Наводнение рынка товарами и малый спрос на них — привели к сокращению служащих в предприятиях и понижению оплаты труда. Наплыв безработных из других стран усилил безработицу в Шанхае и создал конкуренцию в отношении ставок заработной платы. Торговый кризис в Шанхае привел одни предприятия к банкротству, другие — к сокращению своей деятельности, что, возможно, коснулось и интересов хозяйственного баланса Муниципалитета.

Экономическая депрессия в Шанхае, с одной стороны, и огромные неотложные расходы Муниципалитета, с другой, потребовали изыскания путей к экономии и сокращению расходов в Муниципальном хозяйстве.

Режим экономии в Муниципальном хозяйстве введен уже давно по всем Департаментам, включая Шанхайский Волонтерский Корпус, а посему и вверенный моему командованию Отряд. Нужно отметить, что вводимый режим экономии не затрагивает жизненных нервов Отряда, а тем более боеспособности, внутреннего содержания и внешнего вида его. Сокращение расхода происходит по отрасли хозяйственного аппарата, и строевой части не касается.

На основании всего вышеизложенного, призываю Начальников всех степеней, должностных лиц и всех остальных чинов Отряда к экономии и бережливости в отрасли ведения военного хозяйства.

Всякая нужда, каждый требуемый расход должен быть взвешен степенью необходимости устранения ее или важности и неизбежности его.

Экономия и бережливость должны проводиться разумно, пунктуально и неизменно, но без какого-либо ослабления боеспособности части.

Также призываю всех г.г. офицеров, унтер-офицеров и прочих чинов Отряда к экономии собственных денег, к сбережению их, неизменно памятуя о возможном и внезапном приходе «черного дня».

16-го декабря была проведена практическая мобилизация всему Шанхайскому Волонтерскому Корпусу. Мобилизация прошла отлично. В своем приказе по Корпусу за № 58, от 17 декабря, § 1, Командир Корпуса вы-

разил полное удовлетворение по поводу присутствия большого числа, прекрасного внешнего вида, проявленного старания и рвения всех чинов корпуса. «Хорошее выполнение Корпусом его практической операции по новой схеме и при новых условиях показало, что командиры частей положили много трудов по подготовке и обучению вверенных их командованию чинов». Результат практической мобилизации показал, что мобилизационная схема Корпуса вполне отвечала поставленным требованиям и была годной к дальнейшему руководству, с небольшими лишь изменениями.

Ряд «конференций» Командира Корпуса с командирами частей позволил выяснить и устранить «шероховатости» в: мобилизационной схеме, в связи Штабов батальонов, в организации Штабов батальонов.

— 1935 год —

В 1935-м году в Штабе Ш.В.К. произошли большие перемены. Раньше, только Командир Корпуса, Адъютант и сержант-майор Корпуса были чинами регулярной английской армии, но в этом году произошел большой «уклон в сторону регулярности»: из английской армии были командированы один майор на должность Начальника Штаба Корпуса, один капитан — штабным офицером, один лейтенант — на должность Адъютанта Батальонов «А» и «Б».

Кроме того, в Русский Полк был назначен майор английской армии в качестве «советника».

В своей казарменной жизни, строевом обучении и внешнем облике Русский Полк, все более и более, уподоблялся английским «регулярам».

Строи Полка оставались русскими, но к русским ружейным приемам были добавлены английские. Расчет рот, распорядок дня, ведение занятий велись применительно к английским армейским уставам.

Чувствовалось, что Шанхайский Волонтерский Корпус, и в особенности его Русский Полк, подготовляли к каким-то серьезным событиям, с которыми не в состоянии были-бы справиться «волонтерские части», а нужны были «регуляры».

Усилив свой Штаб регулярными офицерами, Командир Корпуса выработал широкую программу тактических занятий, сначала с офицерами корпуса, а потом и со всем его составом.

На долю Полка опять выпала задача сооружения специальных «артиллерийских ландшафтов», «мишеней ландшафтов» и «ящиков с песком», на которых проводились эти занятия «в классе».

В Русском Полку такие ящики и мишени были в каждой роте, и на них усиленно и с большим интересом чины Полка изучали тактику в масштабе отделения, взвода и роты. Каждый понедельник и субботу роты полка, на практике, проверяли освоенное ими в классах, проводя тактические занятия в Хонкью Пар-

ке, который давал большие возможности для таких занятий, благодаря своим огромным размерам и густой, разнообразной растительности.

6-го мая 1935 г., в ознаменование двадцатипятилетнего юбилея коронования Георга V, Короля Великобритании, английское командование в Шанхае организовало «военное татту» на поле Рейс-Корса.

Помимо регулярных английских частей, военного флота и десантной артиллерии, в «татту» принял участие и Ш.В.К., который продемонстрировал картину эволюции вооружения и боевых строев с момента основания Ш.В.К. (1854 г.) и до настоящего момента.

«Татту» было исключительно красиво и прекрасно организовано.

Трибуны Рейс-Корса были забиты публикой, допускавшейся только лишь по особым билетам, балконы и окна всех прилегающих к Рейс-Корсу зданий также были «абонированы», и некоторые квартировладельцы «сделали на этом деньги». Помимо основного показа 6-го мая, была еще генеральная репетиция, на которую допущены были ученики местных иностранных школ и родственники и знакомые участников «татту».

Почти в центре Рейс-Корса, около «Памятника Вдов», построен был из бамбука «Московский Кремль». Темная ночь, все огни погашены. Начинается «пожар Кремля», трещит горящий бамбук, языки пламени лижут стены и башни «Кремля», летят искры ...и все это под аккомпанимент увертюры Чайковского «1812-й год», которую выполнял огромный «сводный» духовой оркестр всех частей английского гарнизона и флота.

Выступление Ш.В.К. было тоже очень красивым: в кромешной тьме слышится жидкая дробь пехотного барабана, лучи прожекторов, освещавшие до этого момента небо, перебрасываются в сторону «барабанного боя» и освещают четыре взвода Русского Полка, одетые в специально сшитую для них форму Ш.В.К. 1854-го года. Впереди барабанщики, за ним командир роты (капитан Лобанов), а дальше четыре взвода «сводной роты» во взводной колонне, на взводных дистанциях, со своими командирами взводов — офицерами впереди — «рота на походе».

Вдруг, впереди замаячила кавалерия (эскадрон Ш.В.К.). Рота в это время уже вышла прямо перед трибунами для публики. Громкая команда командира ро-

ты, и рота перестраивается в «карре» для отбития конной атаки: передняя шеренга — «с колена», задняя — «стоя»; три дружных залпа холостыми патронами. «Атака кавалерии отбита», рота снова перестраивается в колонну по-взводно и, под свой барабан, уходит.... в темноту, провожаемая несмолкаемыми аплодисментами зрителей, а на ее место, освещенное прожекторами, уже выходят новые части, которые, под редким ружейным огнем «противника», расходятся по отделениям, потом рассыпаются в цепи, делают перебежки. К ним подходят, и вливаются в эти цепи, пулеметы. Под прикрытием огня этих пулеметов, цепи поднимаются и двигаются вперед и... уходят в темноту, а к пулеметам присоединились уже броне-машины, а дальше танки... и так, перед глазами зрителей прошла картина, охватившая период с 1854 г. по 1935-й год.

Много интересных «номеров» было продемонстрировано английскими «регулярами» и моряками. Показаны были танцы народов, населявших Британскую Империю, был составлен, путем сложных перестроений большой группы войск с разноцветными фонариками, английский национальный флаг и герб Короля... много было красивых, живых картин.

В конце «татту», пока на освещенной площадке перед трибунами для публики демонстрировались танцы, войска, участвовавшие в «татту», перестроились в центре Рейс-Корса, прямо против трибун, у замка «Иннискиллинг», построенного из рам и полотен. Все это происходило в глубокой тьме, а когда лучи прожектора осветили этот «замок» и выстроенные около него воинские части, в том числе и роту Русского Полка, то «сводный оркестр» заиграл английский национальный гимн — «Боже, спаси Короля», и этим закончилось «татту».

Сводная рота Полка усиленно готовилась к этому «татту» на своем футбольном поле на Райфл-Рендж, и подготовилась отлично.

Основная служба Полка: охрана тюрьмы на Вард род, патрульная служба на улицах, обслуживание различных отделов Ш.В.К. (транспорт, квартермастеры и т. д.), а главное — «дежурные взвода и роты», на случай вызова по тревоге к месту беспорядков — оставались без изменения, и держали Полк постоянно «начеку».

Стремление Командира Корпуса к установлению,

по примеру Русского Полка, однообразного обучения во всех частях Корпуса, привело к тому, что он отдал приказ Русскому Полку «демонстрировать» (то есть учить) всем ротам Корпуса, по объявленному в Приказе по Корпусу расписанию, «разгон толпы» и «очищение районов города, занятых мятежниками».

Такие демонстрации, обычно, производились ротами полка по-очередно, составом в три взвода.

Скоро Полк «прославился» своим «разгоном толпы» настолько, что даже регулярные английские батальоны заинтересовались этим, и им также демонстрировалось это учение.

Начальник Полиции Международного Сеттлемента «уже привык» считать Русский Полк своим постоянным резервом на случай беспорядков и волнений в народе, поэтому, вполне естественно, у него появилась мысль ознакомить чинов полка с полицейской службой. Такого же мнения придерживался и Штаб Корпуса. В результате — Приказом по Корпусу было объявлено, что все г.г. офицеры и унтер-офицеры Полка должны были ознакомиться с полицейской службой, для чего они, по-очередно, группами (1 офицер и 4 унтер-офицера) отправлялись на недельный срок в Резерв Полиции на Чемульпо род, где и знакомились со службой Полицейского Резерва, выезжая вместе с ним «по вызовам» и в обычные «рутинные» облавы, обыски и оцепления.

Спортивные команды Полка, выступая в лиговых и прочих состязаниях, сумели уже завоевать себе имя, в особенности в боксе, французской борьбе и волейболе. Не раз полковые боксеры и футболисты встречались в спортивных матчах с командами английских батальонов, американских марин и местных иностранных и китайских клубов, популяризируя имя Полка.

В Полку уже имелся свой струнный оркестр, но Командир Полка решил «упорядочить» это дело и создал «Музыкально-литературный кружок», поставив во главе его одного из офицеров полка. Этому кружку «вменялось в обязанность» организация концертов и вечеров в казармах Полка.

Идя навстречу полковым музыкантам, Командир Полка купил для них даже пианино, которое было поставлено в кантине на Алкок род, где размещались две роты полка.

Вскоре «кружком» был организован вечер на Ал-

кок род, прошедший очень удачно. Полковой-же струнный оркестр, помимо выступлений в Полку, начал выступать и «на стороне», популяризируя имя Полка.

Командир Корпуса, полковник Грэм, «сжился» с Полком и разделял с ним его внутреннюю семейную жизнь: он неизменно присутствовал на всех празднествах и торжествах, а после Пасхальной заутрени, поздравлял каждого чина Полка отдельно, пожимая ему руку и давая ему крашеное «пасхальное яйцо». Этот русский обычай ему очень нравился, а волонтеры Полка также ценили особенное внимание, проявленное к ним Командиром Корпуса.

Один из офицеров Полка, лейтенант Васильев, бывший кадет Вольского Кадетского Корпуса (мой «однокашник» по Войсковому казачьему пансиону — приготовительной перед корпусом школе, кадетскому корпусу, военному училищу и по службе в одной батарее), предложил Командиру Полка идею выпуска личной записной книжки для волонтеров, на подобие «Товарища», которую мы имели в наших кадетских корпусах. В этой книжке, по идее лейт. Васильева, давались все необходимые сведения о службе, краткая история полка и прочий полезный материал. Командир Полка одобрил эту идею, и в этом, 1935-м, г., был выпущен «Спутник Волонтера».

После своего вынужденного ухода из Полка, майор Тимэ не поддерживал с Полком связи. В 1935 году он умер, и, по ходатайству майора Иванова, от Полка была назначена рота для отдания почестей на кладбище, где был похоронен Тимэ, а у гроба, во время отпевания в соборе, стояли парные часовые-офицеры. Я думаю, что вдова покойного оценила этот благородный жест майора Иванова.

В сентябре месяце, ввиду прекращения отпуска Муниципалитетом денег на обзаведение посудой для офицерских столовых Полка, согласно Приказа по Корпусу, был образован «фонд офицерских столовых». Начав свое существование, так сказать «по необходимости», этот фонд, к концу существования Полка, позволил провести такие улучшения в полковом офицерском собрании, что это собрание стало украшением полковой казармы и в нем можно было принять гостя самого высокого ранга: прекрасная мебель, картины, исполненные масляными красками, посуда, выписанная из Чехословакии, чудный резной буфет с большими разно-

образием напитков, отлично обученные бои-китайцы, — все это создавало внушительное впечатление и в то же время располагало к отдыху в комнатах собрания в часы досугов.

Вкратце, события этого года протекали так:

3-го января, Приказом по Корпусу, капитан Барк-Марфи (1-го батальона Улстер Райфлс) был назначен «советником» в «С» батальон (Русский Полк).

9-го января в Приказе по Корпусу было объявлено о производстве капитана Барк-Марфи в чин майора.

В Приказе по Корпусу за № 2, от 14-го января было объявлено:

Отличное поведение: Нижепоименованные заслужили сердечную благодарность Шанхайской Муниципальной Полиции, оказав своими быстрыми и решительными действиями помощь гражданским властям 21-го декабря 1934 г. в производстве ареста китайского вора, убегавшего от места совершенной им кражи на Вард род.

№ 178 вол. М. И. Шестаков, «С» батальона (Русского Отряда).

№ 239 вол. В. Е. Петров, «С» батальона (Русского Отряда).

«Следующая выдержка из письма, адресованного Командиру Корпуса, связанная с отличным поведением вышеупомянутых волонтеров, объявляется для информации:

«Я имею удовольствие известить вас о быстрых и смелых действиях чинов Русского Отряда В. Е. Петрова и М. И. Шестакова, которые 21-го декабря арестовали китайского вора, убегавшего от места совершенного им грабежа на Вард род. Я буду благодарен, если вы передадите сердечную благодарность от Шанхайской Муниципальной Полиции волонтерам В. Е. Петрову и М. И. Шестакову.

п/п Ф. В. Жеррард, Начальник Полиции.
27-12-34.».

Приказ по Полку за № 16 от 16-го января 1935 г., § 2:

Ниже сего объявляю, в переводе с английского, выписку из приказа Шанхайскому Волонтерскому Корпусу № 2 от 14-го января 1935 г., § 14:

«Оружие — револьвер Веблей и автоматический пистолет Кольт:

Разборка боевых револьверов, а также и учебных, категорически запрещается. Имеют право разбирать только квалифицированные оружейные мастера, офицеры, проходившие технические курсы оружия или сержант-майоры, имеющие удостоверения из Колледжа Военных знаний или специальных оружейных инструкторских курсов.

Должна быть немедленно прекращена практика: ослаблять, затягивать или видоизменять рукоятку револьвера, обматывать клейкой тесьмой или наждачной бумагой, ослаблять спусковую пружину, ослаблять или затягивать винты и делать какие-либо изменения в револьверах (также и у автоматов), выданных на руки чинам корпуса.

Начальники частей должны осмотреть все револьверы («Веблей» .455 и «Кольта» .45), выданные в их части, на первых-же занятиях, которые будут иметь место после издания настоящего Приказа.

Все оружие, имеющее вышеперечисленные изменения, должно быть послано в оружейную мастерскую Штаба Корпуса для исправления.

В будущем, на револьверных состязаниях, если будет обнаружено подобное изменение в револьверах, то виновный будет дисквалифицирован, независимо от того будет-ли он офицер, унтер-офицер или волонтер.»

21-го января. В Приказе по Корпусу объявлены результаты состязаний между ротами корпуса по стрельбе из винтовок на «Соревновательный Щит 1935 года.». 1-я, 2-я и 4-я роты полка, как «регулярные», участия в этих состязаниях не принимали, но 3-я рота (Волонтерская) заняла второе место.

23-го января, в Приказе по Полку объявлено письмо, полученное Командиром Корпуса от Командира Батальона «Иннискиллинг Фюзильерс»:

«Дорогой полковник,

Было чрезвычайно любезно с вашей стороны разрешить Русскому Батальону Ш.В.К. показать нам демонстрацию уличного боя.

Демонстрация была чрезвычайно интересна и ценна для офицеров и унтер-офицеров моего ба-

тальона. Надеюсь вы поблагодарите майора Е. В. В. Марфи, майора Иванова и его две роты, принимавшие участие в этой демонстрации по нашей просьбе.»

25-го января, утром Командующий английскими войсками в Шанхайской эре (Бригадир Таккерей) смотрел тактические занятия рот Полка в Хонкью Парке, а около 11 часов им были осмотрены помещения рот, сначала на Райфл-Рендж, а затем и на Алкок род.

28-го января, с 7 часов утра Полк объявлен в состоянии мобилизации. Форма одежды «мобилизационная». В каждом лагере по одному взводу — в пятиминутной готовности к вызову по тревоге. Вечером Полк переведен был на «нормальное состояние».

Приказ по Полку за № 41, от 10-го февраля 1935 г. § 2:

Согласно словесного распоряжения Командира Корпуса, переданного через майора Марфи, 9-го сего февраля, на будущее время (с 9-го февраля с. г.) к числу наказаний, налагаемых на унтер-офицеров, соответственно правилам, изложенным в «Стандинг ордерс для Русского Полка», прибавляется: **лишение отпуска в течение 21 дня (не более) с запрещением посещения кантина.**

Это наказание будет именоваться «лишением унтер-офицерских привилегий».

Таким образом, будет существовать два вида «лишения унтер-офицерских привилегий»:

1) Обычный, т. е. отпуск до 9 ч. 30 м. вечера только в военной форме — до 21 дня, и
2) усиленный, т. е. лишение отпуска и запрещение посещения кантина — до 21 дня.

Приказ по Полку за № 56, от 25-го февраля 1935 г. § 4:

«Мною получено письмо от командира легкой батареи Ш.В.К., капитана Кроу, с выражением благодарности и восторга по поводу игры полкового струнного оркестра на их балу, имевшем место 16-го сего февраля, а также по поводу отличного исполнения своих обязанностей, посланными туда шестью человеками от 1-й роты, для несения службы военной полиции.

Выполняя просьбу капитана Кроу, объявляю сердечную благодарность лидеру полкового оркестра, капралу Федотову, и всем чинам Полка, игравшим в оркестре, за отличную игру и доставленное удовольствие публике, посетившей бал. Также благодарю чинов 1-й роты, которые несли службу военной полиции, и своим видом и аккуратностью привлекли внимание публики и вызвали чувство удовольствия.

Должен отметить, что работа чинов Полка в оркестре чрезвычайно ценна и полезна, так как публичные выступления на стороне полкового оркестра с хорошей игрой привлекают интерес публики и популяризируют весь Полк, особенно в глазах иностранцев.

Еще раз сердечно благодарю заведующего оркестром, лейтенанта Гапановича, лидера — капрала Федотова, и всех чинов, играющих в оркестре, за их труды и усердие, направленные к улучшению игры оркестра и, тем самым, к завоеванию престижа Полка.»

5-го марта 1935 г. Командир Корпуса отдал распоряжение — по понедельникам и субботам, с 7 час. до 10 час., производить тактические занятия в Хонкью Парке.

9-го марта. В столовой и кантине казармы на Алкок род состоялся танцевальный вечер, который прошел очень удачно. Играл специально приглашенный оркестр-джаз. Предполагалось закончить этот вечер в 2 часа ночи, но, по настоятельной просьбе большей части гостей, Командир Полка разрешил продлить вечер до 3-х часов.

13-го марта 1935 г., Приказом по Корпусу за № 10, от 11-го марта, 2-й лейтенант А. И. Давыдзик был произведен в лейтенанты.

11-е апреля. По случаю предстоящего участия Русского Отряда в праздновании юбилея Короля Англии Георга V, годовые отпуска (двухнедельные) чинов Отряда перенесены на две недели позднее.

15-го апреля 1935 г. Лейтенанту Гапановичу приказано создать Музыкально-Литературный кружок из чи-

нов Полка. Цель создания кружка — собрать музыкальные, литературные, вокальные и артистические силы Полка в одно целое для периодического устройства домашних концертов, вечеринок и т. п.

24-го апреля. В Приказе по Корпусу от 15-го апреля было объявлено, что прибывший из Англии и назначенный на службу в Шанхайский Волонтерский Корпус, Королевской Стрелковой Бригады капитан А. С. Дуглас производится в майоры и назначается на должность Бригадного Майора. (Иначе, Начальника Штаба) Ш.В.К.

28-е апреля. Православная русская Пасха. Пасхальная заутреня в столовой лагеря на Алкок род. После заутрени Командир Корпуса раздавал «пасхальные яйца» чинам Полка, поздравляя их с праздником, после того, как они подходили к кресту, по окончании заутрени. Г.г. офицеры и почетные гости разговлялись в кантине лагеря на Алкок род, играл полковой струнный оркестр. Волонтеры разговлялись по-ротно, по своим казармам.

1-е мая. Международный «трудовой день» (день рабочего). С 7 часов утра и до вечера весь Полк находился в пятнадцатиминутной готовности к выходу по тревоге.

6-е мая 1935 г. Юбилей «двадцатипятилетия» Английского Короля Георга V. Сводная рота от Полка, в составе 120 человек при 5 офицерах принимала участие в «татту» на поле Рейс-Корса. Для участников «татту» была сшита специальная форма: красные рубашки и черные брюки с красным кантом, черные чехлы на шлемы, украшенные пером — это была форма Шанхайского Волонтерского Корпуса в 19-м столетии.

В 9 часов вечера Сводная рота, совместно с английскими регулярными частями, продемонстрировала на Рейс-Корсе эволюцию вооружения и тактики войны с 19-го века по настоящее время. Командир Корпуса остался очень доволен и выразил благодарность за хорошее выполнение задачи Сводной ротой.

Приказ по Полку за № 127, от 7-го мая 1935 г., § 2:

«Вчера, 6-го мая с. г., Командир Корпуса поручил мне объявить его удовлетворение по поводу хо-

рошего исполнения порученной Отряду роли в имевшем место «татту», а равно и его благодарность за хорошую выправку, воинский вид, маршировку, стрельбу залпами участников от Отряда в «татту». Одновременно, выполняя данное мне Командиром Корпуса поручение, выражаю свою сердечную благодарность г. г. офицерам и прочим чинам Отряда, участвовавшим в «татту», за положенные ими труды по подготовке и хорошее выполнение возложенной на них роли. Горжусь и свидетельствую свое удовлетворение по поводу слышанного мною лестного отзыва.»

Штабом Ш.В.К. отдано распоряжение высылать еженедельно одного офицера и четырех сержантов в Резерв Муниципальной Полиции (на Чемульпо род) для ознакомления с несением полицейской службы (както: обыски, разгон толпы и проч.).

Командируемые чины Полка временно переходили в подчинение Начальника Полицейского Резерва и обязаны были следовать, установленным в Резерве, распорядку и дисциплине. Срок командировки — одна неделя. Ознакомиться с полицейской службой должны были все младшие офицеры Полка, сержант-майоры и сержанты. Первая партия была отправлена **12-го мая,** под командой лейтенанта Красноусова.

22-го мая. В Приказе по Полку объявлена благодарность участникам в состязаниях по стрельбе из винтовок между батальонами корпуса. От Полка в состязаниях участвовали 20 человек. По количеству выбитых «очков» батальон «С» (полк) занял первое место и выиграл «Батальонный кубок».

30 мая. В Приказе по Полку объявлен результат годовой («классификационной») стрельбы из винтовок и пулеметов. В класс «марксменов» вышли по винтовке — 45 ч., по пулемету — 69 ч.

Приказ по Полку за № 175, от 24-го июня 1935 г., § 2:

«В случае вызова Полка, или части его, по тревоге или мобилизации, пулеметные диски должны заряжаться следующим образом: пять боевых патронов, два пустых места, пять патронов, два пустых места и так далее — весь диск.»

Приказ по Полку за № 177, от 26 июня 1935 г., § 2:

«Сего числа мною куплено для кантинов Полка пианино марки «Мутри». Пианино должно находиться в кантине на Алкок род камп.

Старшему из командиров рот на Алкок род камп установить дни и часы (более удобные) для игры, а также необходимые правила для пользования ключем, нотами и пианино.»

Приказ по Полку за № 198, от 17 июля 1935 г., § 4:

«Сегодня я обратил внимание, что многие чины Полка носят обмотки с очень низко намотанными от коленного сустава верхними концами их, на что, по-видимому, не обращается внимание ближайшими начальниками. Приказываю прекратить это.»

Приказ по Полку за № 225, от 13 августа 1935 г., § 2:

«Сего числа мною получена из Харбина от Архиепископа Нестора медаль с гравировкой на обратной стороне — „Шанхайскому Русскому Волонтерскому Полку, памяти Мучеников-Венценосцев. 1935 год. Харбин", выбитая в память сооружения в гор. Харбине памятника-часовни убиенным Государям — Императору Российскому Николаю II и Королю Югославии — Александру I.

В ответ на просьбу Архиепископа Нестора принять участие Полком в этом Богоугодном и Общерусском деле — мною послана лепта от полка — двадцать мексиканских долларов, взятые из сумм кантинов.»

Приказ по Полку за № 220, от 8 августа 1935 г., § 2:

«Принять к точному и неуклонному исполнению следующее:

1). В ротных «книгах больных» должны быть делаемы отметки согласно «Стандинг ордерс», отд. 5, § 39, т. е.:

а) чины, коим оказывается **только пособие** — делать отметку — „пособие и служба".

б) чины, **нуждающиеся в лечении, но могущие нести общую службу** — отметка „А".

в) чины, **нуждающиеся в лечении и могущие нести только легкую службу** — отметка „В".

2). Отметки „пособие и служба" делаются фельдшерами, во всех остальных случаях фельдшера делают отметку — „к врачу".

После осмотра больных врач полка **делает сам** пометку „А", „В" и „С" или „в госпиталь" и скрепляет своей подписью.

3). В те дни, когда врач полка не делает приема, все отметки, за исключением „в госпиталь", делаются фельдшерами, но на первом-же приеме больных, имеющие отметки „А", „В" и „С" должны быть представлены врачу.»

Приказ по Полку за № 248, от 5 сентября 1935 г., § 4:

«Согласно пункта Н24 „Стандинг Ордерс", волонтеры, отбывающие „наказание № 3", должны ежедневно осматриваться врачом.

На будущее время установить следующий порядок:

Дежурные по ротам ежедневно записывают всех арестованных в „книгу больных", причем, после фамилии, в той-же графе, должно быть отмечено — „арестованный".

Графа „отметка врача" заполняется согласно пункта 1 Приказа по Полку сего года за № 220, §2, но в этой графе должно быть, кроме того, указано какой болезнью одержим арестованный и какого рода пособие ему оказано, если он признан нездоровым.»

Приказ по Полку за № 215, от 3 августа 1935 г., § 2:

«Мною замечено, что не все чины Полка, коим оказывается медицинская помощь в околодках Полка, записываются в книге больных.

Фельдшера рот не должны принимать больных чинов Полка (за исключением г.г. офицеров) без книги больных. Книга должна быть подписана сержант-майором, а в экстренных случаях — дежурным по роте.»

Приказание по Шанхайскому Русскому Полку за № 19, от 4 декабря 1935 г.:

1). Каждый волонтер Полка (всех званий) должен периодически (в четыре месяца один раз) осматриваться врачом Полка для определения состоя-

ния здоровья (не заболел-ли венерической болезнью).

2). В ротах и командах завести специальные списки на сей предмет (форма прилагается).
3). На осмотр врачу Полка представлять партиями по 10-15 человек, на ежедневном осмотре.
4). Списки находятся под наблюдением командиров рот и отправка на очередной осмотр производится их распоряжением.
5). Первоначальный осмотр должен быть закончен в текущем месяце.»

Приказ по Полку за № 324, от 20 ноября 1935 г., § 3:

«Согласно распоряжения Штаба Корпуса, на медицинскую часть Полка возлагается ведение медицинских листов на каждого волонтера Полка. Система ведения листов следующая:

1). С момента зачисления сверх-штатного чина на службу на него заготовляется, командиром соответствующей роты, медицинский лист (причем номер роты проставляется карандашем), заполненный лист передается в околодок роты и фельдшер роты хранит его до дня подписания контракта.
2). При зачислении рекрута в штат, медицинский лист подписывается врачом Полка и, вместе с контрактом, командиром роты представляется в Штаб Полка. Из Штаба Полка возвращается, с контрактом, командиру роты, который передает медицинский лист фельдшеру Полка, каковой и начинает вести лист установленным порядком.
3). При переводах чинов из одной роты в другую, медицинский лист также должен передаваться командирами рот вместе с контрактом.»

Приказ по Полку за № 334, от 30 ноября -935 г., § 3:

«В дополнение Приказа №324 от 20 ноября с. г., § 3 объявляю:

По увольнении волонтера (любого звания) из Полка, по каким-бы то ни было причинам, медицинский лист уволившегося или уволенного передается из околодка командиру соответствующей роты и последний, присовокупив его к контракту, направляет в Штаб Полка на хранение.»

Приказ по Полку за № 338, от 4 декабря 1935 г., § 2:

«Согласно распоряжения Штаба Корпуса (Реф. РД/А. 2/13 от 2 декабря с. г.), при представлении офицера, унтер-офицера или волонтера Полка на медицинскую комиссию, командирам рот и начальникам команд надлежит его медицинский лист, при получении извещения из Штаба Корпуса о назначении комиссии, непосредственно передавать врачу Полка, который и представляет его на подпись представителю Медицинской Комиссии от Муниципального Совета.»

10 сентября 1935 г. В Приказе по Корпусу было объявлено, что Адъютант Штаба Корпуса, капитан Кэтт, освобождается от занимаемой должности Штабного офицера, ввиду его отъезда в Англию.

19 сентября 1936 г. Командиром Корпуса произведен смотр помещений на Алкок род камп и караульному помещению в тюрьме на Вард род.

Приказ по Полку за № 262, от 19 сентября 1935 г., § 2:

«Ввиду полученного 18-го сего сентября приказания приготовиться к смотру Командира Корпуса, во всех ротах и командах Отряда все было приведено в надлежащий порядок.

Командир Корпуса осмотрел караульное помещение и все посты в тюрьме на Вард род и нашел все в порядке, за исключением подушечных наволочек, которые оказались грязными, но это обстоятельство не может быть отнесено к вине Отряда. При осмотре Командиром Корпуса лагеря на Алкок род все оказалось в хорошем виде и должном порядке.

Ввиду недостатка времени, осмотр лагеря на Райфл-Рендж Командиром Корпуса произведен не был. Этот лагерь, по приказанию Командира Корпуса, был осмотрен мною и майором Барк-Марфи, причем также все было найдено в хорошем состоянии и порядке.

Благодарю г. г. командиров рот, начальников команд и младших офицеров, за хороший порядок во вверенных им частях Отряда.

От лица службы объявляю благодарность всем чинам Отряда за порядок, чистоту, правильное со-

держание имущества и проч., что было найдено во время смотра.»

Приказ по Полку за № 263, от 20 сентября 1935 г., § 2:

«Вследствие сокращения расходов, Муниципальный Совет прекратил денежный отпуск на приобретение посуды и предметов первой необходимости для Офицерских столовых Полка.

Командир Корпуса, своим письмом от 14/9/35 за № Ф/4/1, приказал образовать «Денежный Фонд офицерских столовых».

Для этой надобности им приказано перечислить единовременно из «Донэйшен аккаунт» 5% из общей суммы его и, кроме того, ежемесячно производить отчисление из чистой прибыли кантинов суммы равной процентному отношению месячного забора г.г. офицеров в кантинах к сумме полученной чистой прибыли, согласно следующего исчисления: предположим, чистая прибыль за месяц была 330 долларов, причем г.г. офицеры забрали товаров на 100 долларов, а волонтеры (всех званий) — на 3.200 долларов, отсюда чистая прибыль 330 долларов была получена от продажи товаров на 3.300 долларов.

Иначе говоря, каждый заплаченный доллар в кантин дал прибыли одну десятую цента, а сто долларов, заплаченных г.г. офицерами, дали чистой прибыли 10 долларов, что и должно быть отнесено в «Денежный Фонд Офицерских столовых».

На будущее время, при определении суммы, подлежащей перечислению в «Денежный Фонд Офицерских столовых», руководствоваться вышеприведенным исчислением.

Означенное входит в силу с 1 августа сего года.»

Приказ по Полку за № 273, от 30 сентября 1935 г., § 2:

«С 29-го сего сентября, согласно распоряжения Командира Шанхайского Волонтерского Корпуса, от 9 сентября с. г., Реф. Р. Д. Ф/4/1 и от 14 сего сентября, Реф. Р. Д. Ф/4/1, во вверенном моему командованию Отряде учреждается «Оффисерс месс фанд».

Обязанности по ведению книги вышеуказанного фонда и отчетности возлагаю на моего помощника, капитана Степанищева.»

25 сентября 1935 г. Приказом по Корпусу, 3-й роты (волонтерской) сержант-майор Соколов произведен во 2-е лейтенанты, а сержант Кулеш — в сержант-майоры роты.

3 октября 1935 г. Согласно распоряжения Командира Корпуса, был продемонстрирован «разгон толпы» тремя взводами для Филиппинской роты Ш.В.К.

В дальнейшем практическое выполнение «разгона толпы» должно быть показано другим ротам Ш.В.К., согласно следующего расписания:

19 октября — Японской роте
26 октября — Китайской роте.
2 ноября — Роте «Б».
16 ноября — Шотландской роте.
30 ноября — Американской роте.
7 декабря — Роте «А».

6 октября 1935 г. В 3 часа дня скончался бывший Командир Полка, гвардии полковник Г. Г. Тимэ (майор по Шанхайскому Волонтерскому Корпусу).

Покойному были оказаны почести: к гробу были выставлены почетные часовые (два офицера), во время похорон, по пути следования к могиле, одна рота стояла с разведенными шеренгами и, когда проносили гроб, «взяла на караул». Также был возложен на могилу венок от Полка.

Приказ по Полку за № 289, от 16 октября 1935 г., § 3:

2-й роты волонтер Шен Михаил № 32/361, 12-го октября с. г., около 8 час. веч., проходя по Диксвелл род, угол Ялу род, увидел китайца, нападавшего на полицейского № 2110. Волонтер Шен немедленно пришел на помощь полицейскому и помог последнему арестовать и отправить нападавшего на полицейскую станцию Кашинг род.

От лица службы объявляю благодарность волонтеру Шен за содействие полиции и хочу, чтобы поступок волонтера Шен послужил примером для других чинов Полка.

Приказ по Полку за № 273, от 30 сентября 1935 г., § 3:

Мною замечено, что некоторые чины, уходящие в отпуск в город в форме при длинных брюках, носят лакированные полуботинки.

Требую обратить внимание на это и напоминаю всем чинам, что при форме разрешается носить только ботинки казенного образца.

Приказ по Полку за № 296, от 23 октября 1935 г., § 4:

В дополнение Приказа по Полку за № 273, от 30 сентября с. г., § 3, чинам Полка, увольняемым в отпуск в форме, разрешаю носить собственные ботинки казенного образца или отличающиеся очень немного от него.

1-го ноября. Командиром Корпуса объявлена благодарность волонтерам Кривошея, Сергееву и Верещетину за хорошо и аккуратно выполненную работу по устройству артиллерийского ландшафта, ящиков с песком, поделке и покраске принадлежностей к ландшафту и песочным ящикам, предназначенных для занятий в Штабе Корпуса.

Приказ по Полку за № 309, от 5 ноября 1935 г., § 3:

4-го сего ноября, 4-й роты волонтер № 139 Ю. А. Худеков — футболист первой полковой команды, не имея достаточных к тому оснований, принеся форму и бутсы в комнату лейтенанта Давыдзик, доложил последнему, что он больше не будет играть в команде.

Основываясь на вышеизложенном случае и неоднократных докладах Заведующего спортивной частью Полка, лейтенанта Красноусова, я заключаю, что многие чины Полка рассматривают спорт в Полку, как занятие любительское, не являющееся обязательным.

Настоящим Приказом я разъясняю, что спортивная жизнь в Полку возникла с 30 мая 1933 г., в силу отданного Приказа Командиром Корпуса, полковником Томс, а потому, до тех пор, пока этот Приказ не будет отменен, -- спорт является не любительским занятием в Полку, а обязательным, так же как и всякое строевое занятие.

С 30 мая 1933 г. по 1-е октября 1935 г., на поддержание спортивной жизни в Полку израсходовано 4.964 доллара 47 центов (смотри ведомость 81, объявленную в Приказе по Полку за №290, от 7-го октября 1935 г.).

Вполне естественно, что в специальных спортивных командах Полка, как бокс, борьба, футбольные и волейбольные команды (первые и вторые), легко-атлеты, — чтобы не загромождать их малоценным составом и не делать излишних затрат, участвуют только лица, способные по своим качествам популяризировать Полк, принеся пользу своим искусством Полку и т. п.

Все же остальные должны принять участие в спорте, приняв на себя некоторое лишнее бремя нарядов за хороших спортсменов Полка, поелику это представляется возможным.

В состав команд, предназначающихся на полковые состязания по установленным видам спорта, должны назначаться все чины, способные к тому или иному виду спорта.

Только свидетельство, выданное полковым врачом, может освободить чина от участия в спорте.

Таким образом, пока имеются источники средств и физические возможности к поддержанию спортивной жизни в полку и приказ Командира Корпуса имеет силу, спорт должен существовать в обязательных формах, и участие чинов Полка (не освобожденных доктором) в том или ином виде его должно рассматриваться обязательным служебным занятием.

Проступки чинов Полка, связанные со спортом, должны рассматриваться, как проступки, совершенные на службе и разбираться в соответствии с существующим в Полку дисциплинарным уставом.

Командуя полком, я хочу вести его по пути морали, нравственности, организации и дисциплины, а не по пути деморализации и аморальности.

Я стремлюсь, хоть в некоторой части чинов Полка, пока есть возможность, заложить фундамент здорового духа и крепкого тела, столь необходимых при современных условиях жизни.

Приказ по Полку за №334, от 30 ноября 1935 г., § 2:

На будущее время устанавливаю следующий порядок:

1). Каждый боксер и борец Полка должен быть освидетельствован врачом Полка на предмет определения его годности к данным видам спорта.

После первого осмотра, боксеры и борцы должны осматриваться врачом Полка периодически, для этой-же цели. Период устанавливаю в два месяца, т. е. каждый боксер и борец должен осматриваться в два месяца один раз.

2). Результат осмотра врач Полка должен заносить в специальные листы, скрепляя своими инициалами. Означенные листы хранятся у командиров рот, ни в коем случае не уничтожаются. На осмотр людей высылать распоряжением командиров рот.

3). Каждый осматриваемый заносится с вечера сержант-майором в книгу больных с отметкой «боксер (борец) на осмотр».

4). В случае перевода из роты в роту боксера или борца, в листе фамилия переведенного должна быть подчеркнута красными чернилами и сделана соответствующая пометка.

5). Командир роты сообщает последнюю дату осмотра переведенного боксера или борца командиру той роты, куда переводится названный чин, и этот командир роты вносит фамилию переведенного в свой лист.

6). Заготовку листов и посылку на осмотр командирам рот произвести в возможно кратчайший срок.

7. Форма листов разослана в роты.

2-е декабря 1935 г. В Приказе по Шанхайскому Волонтерскому Корпусу объявлено:

§ 288. Увеличение численного состава:

Капитан М. Мэнлов Восточного Ланкаширского полка зачисляется в состав постоянного Штаба и назначается штабным офицером с 22/9/35.

Лейтенант М. С. Д. Л. Рэйнолдс Бэдфордширского и Хэдфордширского полка зачисляется в состав постоянного штаба и назначается батальонным адъютантом «А» и «Б» батальонов с 4/11/35.

16 декабря 1935 г. Отдан в типографию материал для печатания карманной записной книжки «Спутник Волонтера». Материал, составленный лейтенантом Васильевым, включает в себе календарь-дневник и мно-

гие полезные сведения для волонтеров, необходимые им во время службы в Полку.

19-е декабря 1935 г. Полковой праздник. Молебен в лагере на Алкок род и улучшенный стол в ротах.

В этот же день, около 8 часов вечера, были вызваны два дежурных взвода для оказания помощи полиции на полицейскую станцию Баблинг Велл род.

Причиной тревоги являлось намерение многочисленной демонстрации пройти из Китайского города на территорию Сеттлемента.

Несмотря на праздничный день (полковой праздник) 2 взвода в короткий срок прибыли к месту назначения. Прибывший на полицейскую станцию Командир Корпуса, полковник Грэам, выразил свое полное удовлетворение по поводу быстро выполненного приказа, хорошего состояния взводов и готовности их к выполнению возложенной на них задачи.

Заметка, посланная, с разрешения Командира Полка, в Шанхайскую прессу заведующим спортом в Полку, лейтенантом Красноусовым, 9-го апреля 1935 г.:

МЫСЛИ ВСЛУХ.

Тяжела жизнь русских спортсменов в Международном Шанхае.

Для большинства из них спорт — это мечта, претворить которую в действительность они могут только лишь ценой тяжелой, упорной работы.

Для иностранца спорт — это, в большинстве случаев, забава, дорогая прихоть. Поэтому, наряду с настоящими спортсменами, у них так много «горе-спортсменов», придерживающихся лишь модного течения, но не чувствующих настоящего влечения к спорту.

Русский спортсмен, в противоположность им, — это энтузиаст, готовый для своего физического самосовершенствования упорно и много работать. Но эта работа требует большой силы воли. Вот почему многочисленная русская колония Шанхая дала спорту из среды своей молодежи только лишь единицы, но зато ЛУЧШИЕ свои единицы.

Материальная необеспеченность русских спортивных организаций не дает им возможности обставить своих спортсменов всеми необходимыми удобствами и

поддержать их материально в тяжелые минуты. Поэтому, одни из них переходят в иностранные спортивные клубы, а другие перестают быть спортсменами-любителями, переходя на положение профессионалов, дающее им средства к существованию.

Русский любительский спорт ослабляется: уходят старые спортсмены-ветераны спорта, уходят в «профессионалы» лучшие из молодых, а на смену им идут лишь редкие единицы из многочисленных рядов шанхайской русской молодежи...

Уходит много, приходит им на смену — мало. Причина — материальная необеспеченность: нужно на что-то жить, а значит — работать, работа же не оставляет времени для занятий спортом.

Вот здесь-то и выявляется огромное значение Русского Полка Ш.В.К., Спортивный Клуб которого служит как бы балансом, уравновешивающим спортивную жизнь русского Шанхая.

Полк, в своей казарме, дает возможность физически уставшей от жизненных неудач молодежи отдохнуть, оправиться, набраться сил для новой работы, которая, в конечном результате, должна указать им путь, обеспечивающий их дальнейшее материальное благополучие.

Возможность не заботиться о ближайшем, завтрашнем дне, успокаивает нервы, здоровая жизнь укрепляет физически, а наличие свободного времени дает возможность каждому готовиться к самостоятельной работе, понемногу «ковать свое счастье».

Конечно, ленивые и нерадивые, мало думающие о своем будущем, не воспользуются всеми этими возможностями и потом будут жалеть. Но духовно здоровая молодежь полностью учитывает это и, поступая в Полк, не сидит сложа руки. В свободное от службы время, совсем нередкость увидеть волонтера за изучением английского языка, за учебником школы заочного обучения или за чтением русских классиков. Здоровые же физически, имеющие склонность к спорту, находят в Полку все необходимое: Полк дает этой категории молодежи все, что нужно, широко поддерживая и развивая все отрасли спорта.

Не чувствуя материального гнета, работая ради спорта по своему влечению, молодые спортсмены быстро улучшают свой класс. Успехи окрыляют их стремления к новым достижениям, и в то же время привле-

кают «новичков», которые сами готовы учиться и быть не хуже своих сослуживцев, — старых спортсменов. Вот почему, с каждым месяцем, растет число спортсменов в Спортивном клубе Полка, а их «класс» неуклонно повышается.

Здесь не место дрязгам, личным счетам: одно лишь стремление к физическому совершенствованию, — здоровый спортивный дух.

Бывают, конечно, минуты, когда лень берет верх, не хочется ничего делать, но военная дисциплина, регулирующая всю жизнь Полка, заставляет пересилить свою временную слабость, взять себя в руки, и в этом залог бесперебойности спортивной работы в Полку.

Едва ли многие задумывались над тем, какую роль в спортивной жизни русского Шанхая играет Русский Полк Ш.В.К.!

А ведь если обратить на это внимание, то каждому станет ясно, что Полк проводит огромную работу, не только сохраняя русскую спортивную молодежь в трудные для нее минуты жизни, но и усиливает ряды русских спортсменов все новыми и новыми единицами.

Сколько хороших русских спортсменов, устав от полуголодной, хотя и «вольной» шанхайской жизни, уходили в казарму Полка, в спокойной обстановке, с жаром отдавались своему влечению, заинтересовывали своих приятелей, делали их тоже спортсменами и потом, подыскав себе лучшее место, уходили со службы в Полку полные сил и здоровья, сохранившиеся для русского спорта в Шанхае. Едва ли кто-нибудь из них дурно отзовется о воинской семье, которая поддержала их в тяжелую минуту, дала им возможность спокойно жить и совершенствоваться. И без того, слишком слабые численно русские спортивные организации Шанхая, еще более ослабляют себя взаимными раздорами, отсутствием единения: был «Сокол», было «РОА» и еще ряд более мелких спортивных организаций, которые избегали тесной связи между собой, боясь конкуренции, боясь потерять свою независимость.

Полк, в своей казарме, объединил и членов «РОА», и «Соколов», изживая искусственно созданное разъединение. Работая на спортивном поле и с теми и с другими, он служит как бы буфером при совместных выступлениях шанхайских русских спортсменов.

Многое можно было бы сказать о полезной работе

Спортивного клуба Полка и о том громадном значении и роли, которую он незаметно, без крикливости, играет в деле поддержания и развития национального русского спорта в Шанхае.

Для широкой общественности эта работа остается незаметной: нет рекламы, самовосхваления. Может быть этим и объясняется та безучастность, с которой русские шанхайцы относятся к достижениям полковых спортсменов, невнимание к их работе, выражаемое отсутствием на играх и состязаниях полковых команд, а иногда и нелестные отзывы, злое шипение при редких, к счастью, неудачах полковых спортсменов, когда они нуждаются в моральной поддержке своих соотечественников, а не в порицании и злой критике.

Что это?! Зависть людей, которые, сами не имея возможности что либо сделать для своей спортивной молодежи (вернее не стараясь сделать для них возможное), завидуют успехам других, которые удачно справились с этой задачей!?, или же — это просто нежелание понять важность и ценность проводимой Полком работы?! Во всяком случае, и то и другое — плохо, и ведет к нашей русской спортивной слабости, а не силе!

Тесная связь спортсменов с Полком объединит всех русских спортсменов Шанхая, а внимание общественности к работе своей молодежи побудит эту молодежь к новым усилиям и к постоянным победам на спортивных полях Шанхая.

— 1936 год —

1936-й год, как и предыдущие годы, прошел под знаком дальнейшей «регуляризации» полка: Штаб Корпуса, по-видимому по настоянию английского военного командования, стремился создать из Русского Полка Шанхайского ВОЛОНТЕРСКОГО Корпуса воинскую часть, ничем не отличающуюся, как по внешнему своему виду, так и по внутреннему содержанию и обучению, от английских регулярных батальонов.

По-видимому, в этом была необходимость, так как в Европе уже «пахло порохом»: надвигалась война, а на Востоке — Япония окончательно обнаглела, чувствуя себя почти хозяином в Китае.

Необходима была крепко сколоченная, хорошо обученная и дисциплинированная воинская часть, которая являлась бы постоянным гарнизоном Шанхая и могла бы послужить в нужный момент ОСНОВОЙ обороны Шанхая, кадром его Волонтерского Корпуса.

Такой частью мог быть и был Русский Полк Ш.В.К.

В этом году, по образцу английской регулярной армии, в Полку была произведена «переранжировка» рот, давшая всем ротам одинаковое число людей «по-росту», от самых высоких до низкорослых. Однако, несмотря на эту переранжировку, в Полку остался прежний строй, принятый в русской армии, то есть: на правом фланге стояли высокие по росту волонтеры, постепенно сходя к левому флангу, на котором стояли низкорослые. Но в программу строевого обучения был введен английский армейский «фолл ин», т. е. построение рот, в котором высокие по росту солдаты стояли на флангах, постепенно понижаясь к середине, где стояли низкорослые. Преимущество этого построения заключалось в том, что во время движения в сторону одного из флангов «длинноногие фланговые» поневоле должны были считаться с размером шага и скоростью движения своих низкорослых сослуживцев, «болтавшихся» у них посередине.

Доведенная почти до идеала, строевая подготовка

чинов Полка уже ничем не отличала «волонтеров» от английских «регуляров» по виду, так как и обмундирование-то было уже английское — армейское. «Выдавал» волонтеров только их кожаный патронташ через плечо — пережиток еще Первой мировой войны.

Однако, опять таки по-видимому по настоянию английского военного командования, в этом году Полку было выдано «вэб экуипмент» — снаряжение, принятое в английской регулярной армии. Ушел в область преданий кожаный патронташ, исчезла безобразная холщевая вещевая сумка и овальная фляга старинного образца, надевавшиеся каждая в отдельности и в известном порядке, дабы создать однообразие формы. Вместо этого, теперь надевался одновременно весь полный сэт снаряжения, включавший в себя патронташ, флягу, чехол — «фрагу» для носки штыка и ранец. Этот сэт был тяжелее по весу, но, правильно пригнанный по фигуре солдата. Он давал большие преимущества в смысле быстроты одевания и придавал особую красоту внешнему виду, но требовал больше чистки и ухода за ним в бараках.

Своей верной службой Муниципалитету Русский Полк заслужил не только «обеспеченность своей дальнейшей службы (в Муниципальном Совете уже больше не поднимался вопрос о расформировании полка), но даже получил право снабжать Полицию Международного Сеттлемента Шанхая рекрутами-констеблями, по мере освобождения вакансий в «иностранном отделе» полиции.

Это было уже огромным достижением, т. к. материальные условия службы в Муниципальной Полиции были мечтой не только русских эмигрантов, но и англичан. Кандидаты от Полка проходили в регулярную полицию через «тренировочное депо» — «Резерв Юнит», где их посвящали в тонкости полицейской службы.

Командир Корпуса, по-видимому, окончательно решил сделать ОСНОВОЙ всего Волонтерского Корпуса Русский Полк: все постоянно существовавшие отделы Корпуса стали обслуживаться чинами Полка, что давало возможность Муниципалитету иметь постоянных и надежных служащих, не отрывая от регулярной английской армии необходимый персонал, которому нужно было, кроме того, платить большое жалование. В этом году отдел транспорта Ш.В.К. был передан Пол-

ку, который выделил специальную команду шоферов, обслуживавших весь транспорт Корпуса, за исключением его броневого дивизиона и артиллерии, имевших своих шоферов.

Внутренняя жизнь Полка в этом году продолжала развиваться по глубоко продуманной программе Командира Полка, майора Иванова, который, умело подбирая себе помощников из среды офицеров Полка, улучшил и оборудовал собственное спортивное поле на Райфл-Рендж, являвшееся «мечтой Шанхайского спортсмена», а равно и создал собственную полковую библиотеку, приурочив это новое «достижение» к десятилетию существования Полка.

Лейтенант А. А. Васильев был постоянным «болельщиком» за эту билиотеку, и он нашел в своем Командире Полка не только поддержку, но и огромную помощь в этом исключительно полезном «историческом» начинании, давшем Полку новую славу.

Краткая сводка событий, имевших место в жизни Полка в этом году иллюстрируется приказами и приказаниями, копии которых имеются у меня на руках!

13-го января, в помещениях столовой и кантина лагеря на Алкок род была устроена «встреча русского нового года» и танцы для всех чинов Полка и их гостей. Устройством вечера заведывала комиссия под Председательством лейтенанта Гапановича, состоявшая из сержант-майоров рот Бородина, Харина и Кроткова. Начало вечера было в 9 часов. Было много гостей. Для танцев был приглашен специально нанятый оркестр-джаз. Полковой струнный оркестр исполнил несколько программных музыкальных номеров, были выступления артистов-любителей из среды чинов Полка. Вечер прошел очень удачно и весело.

23-го января скончался Король Великобритании Георг V. По этому случаю, в Приказе по Полку за № 23 было объявлено:

> «В местах квартирования Полка должны быть вывешены и приспущены флаги в знак траура по в Бозе почившем Короле Великобритании, Георге V, — в воскресенье 26 и во вторник 28-го сего января. Во вторник 28-го сего января будут похороны Короля Георга V, поэтому в Полку не производить никаких спортивных игр, оркестру и горнистам не играть.»

Приказ по Полку за № 86, § 2, от 26 марта 1936 г.

В воскресенье 29-го сего марта, на плацу Райфл-Рендж, в 9 ч. 30 м. утра будет иметь место генеральная репетиция полкового парада со всеми демонстрациями. На репетиции будет присутствовать Командир Корпуса. По окончании церемониального парада будет произведена раздача всех призов и сувениров за все имевшие место состязания в Полку за 1935-1936 г.г., за исключением призов г.г. офицерам, сержант-майорам и сержантам и всех переходящих кубков.

Репетиция и демонстрации будут проходить согласно данных мною командирам рот словесных инструкций.

Приказ по Полку за № 87, § 2, от 27-го марта 1936 г.

5-го сего апреля, в 9 ч. 45 м. утра, на футбольном поле лагеря Райфл-Рендж, состоится полковой парад. Парад будет принимать Председатель Шанхайского Муниципального Совета. Будут присутствовать члены Муниципального Совета, Командир Корпуса и высшие чины его штаба, приглашенные гости г.г. офицеров и гости волонтеров.

Ротам прибыть к 8 ч. 45 м., произвести расчет и поверить обмундирование и снаряжение.

Все имущество и оружие для разгона толпы, пулеметного показа и атакующего взвода сложить вдоль забора Хонкью Парка, согласно указаний моего помощника. Ротам занять места для парада и быть готовыми в 9 ч. 30 м.

К 8 ч. 45 м. должны быть выставлены чины, исполняющие полицейские обязанности (красные повязки на правом рукаве) распоряжением капитана Поронник. Назначены они должны быть: от 1-й роты — 8 человек, от 2-й роты — 7 человек (2 к автомобильному парку и 1 дневальный для охраны имущества), от 4-й роты — 3 человека.

По окончании церемониального марша ротам разойтись и приготовиться к показу разгона толпы и действиям пулеметов и взвода.

Команде, назначенной от 4-й роты, снять колья, веревки, вехи и перенести стулья и скамьи на середину поля, а полицейской команде попросить всю публику перейти также на середину поля.

По окончании разгона толпы командиру 1-й роты сразу выставить оцепление (по моему указанию). По дороге на «Малое стрельбище» выставить пост и никого посторонних не пропускать.

По окончании демонстрации атакующего взвода, собрать роты (по сигналу) в ротной колонне, на футбольном поле, спиной к Хонкью Парку, левее волейбольной площадки: 4-я рота первой от забора, затем 3-я, 2-я и 1-я. Ротам составить ружья, распустить людей, но не расходиться с поля, кроме тех, кто имеет приглашенных гостей.

Для официальных лиц и гостей г.г. офицеров будет сооружена палатка около Офицерского барака, а для гостей волонтеров всех званий, будет предоставлен кантин и палатка около кантина. В этих местах гостям будет предложено угощение, каковое может продолжаться один час, после чего, распоряжением командира 2-й роты, подать сигнал «сбор», по которому роты собрать. 1-ю, 2-ю и 4-ю развести по местам квартирования, а 3-ю роту распустить.

К моменту окончания всего парада лейтенанту Гапановичу собрать струнный оркестр в указанном месте и приготовить его к игре во время приема официальных гостей.

Парк для собственных автомобилей лиц прибывающих на парад будет вдоль проволочного забора на футбольном поле, около офицерского барака.

Г.г. офицерам и волонтерам всех званий будут выданы особые пригласительные билеты. В случае нехватки билетов будет разрешен допуск гостей без билетов.

Приказ по Полку за № 97, § 3, от 6-го апреля 1936 г.

Имевший место вчера, 5-го сего апреля, годовой парад Полку и инспекторский смотр, по отзыву Председателя Муниципального Совета, г. Арнхолд, четырех членов Совета и Командира Корпуса, присутствовавших на параде, — прошел хорошо.

Мною было замечено только три случая, помешавшие проведению парада и всех показных демонстраций в совершенно гладком виде:

1. Полицейский оркестр дал очень медленный темп, почему церемониальный марш был несколько замедленный и неровный.

2. Поломка машины во время демонстрации разгона толпы, повлекшая некоторую заминку.
3. Задержка у пулемета во время атаки взвода, ослабившая до некоторой степени огневой эффект.

Но все эти неувязки произошли, во всяком случае, не по вине чинов Полка.

От лица службы объявляю сердечную благодарность всем г.г. офицерам и волонтерам всех званий за старание и труды, потраченные на подготовку к параду и в проведении самого парада.

12-е апреля. Праздник Св. Пасхи. В столовой лагеря на Алкок род совершена была пасхальная заутреня. Кроме чинов Полка, на заутрене присутствовали почетные гости. Командир Корпуса, полковник Грэам, по-видимому, с особым удовольствием раздавал пасхальные яйца чинам Полка, подходивщим к кресту после заутрени.

18-го апреля состоялся годовой Рут-марш Волонтерского Корпуса. Салют принимал бригадир Таккэрэй, Командующий Шанхайской эрой. По отзыву Командира Корпуса «Русский Полк (батальон «С») был представлен в очень хорошем виде, чины Полка были опрятно и чисто одеты, имели подтянутый воинский вид, шли ровно, твердо и хорошо. В общем, батальон «С» показал хорошую выучку, вид и дисциплину».

20 мая 1936 г. В целях установления одинаковых ротных ранжиров и уравнения количественного отношения старых и молодых служащих, пулеметчиков и стрелков, музыкантов, спортсменов и пр., произведены переводы некоторых чинов Полка из одной роты в другую. В среднем, из каждой роты переведено в другую роту около двадцати человек.

Приказ по Полку за № 178, § 3, от 26-го июня 1936 г.

Ниже сего объявляю (в переводе с английского) копию письма, полученного Командиром Корпуса от Командующего Британскими войсками в Шанхае:

«Дорогой Грэам,

Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить вас за то участие, которое принял Русский Полк во вчерашнем церемониальном параде. Я думаю, что они выполнили возложенную на них задачу хорошо и

имели прекрасный вид. Пожалуйста передайте им мою благодарность и скажите, что я очень ценю их участие в этой церемонии».

(Подписал — бригадир Ф. С. Таккэрей).

Приказ по Полку за № 235, § 2, от 22-го августа 1936 г.

Ниже сего объявляю (в переводе с английского) копию письма, полученного Командиром Корпуса от Командующего английскими войсками в Шанхае.

Содержание: — Официальный отъезд бригадира Таккэрей.

«Бригадир Таккэрей просил меня передать благодарность Шанхайскому Волонтерскому Корпусу за оказанное ему внимание назначением почетного караула в день его официального отъезда.

Кроме того, он хотел бы передать, что почетный караул поддержал тот высокий уровень строевой подготовки, каковым всегда известны караулы Русского полка.»

(Подписал капитан Т. Ж. Рэнни,
бригадный майор Шанхайского гарнизона).

20-го октября 1936 г. На Полк получено нитяное английское снаряжение (вэб экуипмент), на ношение которого, согласно Приказа по Полку, должны перейти с 22-го октября. Старое кожанное снаряжение и вещевые сумки приказано сдать в Штаб Корпуса.

Приказ по Полку за № 311, § 2, от 6-го ноября 1936 г.

В ознаменование предстоящего десятилетия существования Отряда, решено учредить собственную полковую библиотеку.

Средства Отряда не позволяют этот вопрос разрешить в полном объеме. Поэтому первоначальная деятельность библиотеки будет весьма ограничена и, быть может, на первых шагах не будет в состоянии удовлетворить все потребности читателей.

Пока, за ограниченностью возможностей, библиотека будет учреждена на Райфл-Рендж камп с правом пользования ею всеми чинами Отряда, квартирующими как на Райфл-Рендж, так и на Алкок род камп.

Дальнейшее развитие деятельности библиотеки будет зависеть от сочувственного интереса к ней как

читателей, так и всех чинов Отряда.

Пополнение библиотеки книгами будет базироваться на двух началах:

1. На средства самой библиотеки, получаемые из кантинных сумм и с читателей-абонементная плата и
2. на отзывчивости как чинов Отряда, так и их друзей, заключающейся в том, что они добровольно сделают свои подношения библиотеке натурой, т. е. книгами, журналами (русскими и иностранными) и проч.

Единовременный отпуск от Отряда на библиотеку будет сделан в сумме 150 долларов и ежемесячные взносы по 15 долларов. Абонементная плата с читателей устанавливается в размере 50 центов в месяц. О дне начала функционирования библиотеки будет объявлено дополнительно.

По накоплении достаточного количества книг и средств в библиотеке, — предполагается открыть отделение на Алкок род камп, а со временем, и в соответствии с денежными средствами библиотеки и запросами читателей, предположено учреждение фундаментальной библиотеки, каковая будет являться частью уголка военно-исторического полкового музея.

Обращаюсь к г.г. офицерам и ко всем чинам Отряда с горячим призывом помочь в этом полезном для всех начинании.

По всем вопросам, касающимся библиотеки, надлежит обращаться к лейтенанту Васильеву или сержанту Артемьеву.

Заведывание полковой библиотекой было возложено на лейтенанта Васильева, которому приказано было выработать правила пользования книгами библиотеки.

9-го ноября 1936 г. Штабом Корпуса было отдано словесное распоряжение наметить 16 человек из числа чинов Отряда для перевода на службу в Резерв Муниципальной Полиции, и

16-го ноября были переведены в Резерв Муниципальной Полиции:

1-й роты сержант-майор Бородин, сержант Голощапов,

сержант Усенко, капрал Базылев, ленц-капралы Жилочкин и Перегайцев и волонтер Крутья.

2-й роты капрал Ильченко и волонтеры Елин, Зборовский и Ваньков.

4-й роты волонтеры Табенский, Прокофьев, Лешок, Хагемейер и Мигунов.

В Приказе по Полку за № 319, § 2, от 16-го ноября 1936 г. Командир Полка, объявляя о переводе вышеназванных чинов на службу в Муниципальную полицию, отметил:

«Сержант-майору Бородину и всем вышеперечисленным сержантам, капралам, ленц-капралам и волонтерам объявляю мою сердечную благодарность за их хорошую службу в Полку и за все труды, положенные ими по поддержанию доброго имени Полка.

От души желаю им широкого преуспевания на новом служебном поприще и счастья в личной жизни каждого. Надеюсь, что они будут достойны похвалы и на новом месте службы, и будут поддерживать своей службой и поведением еще не запятнанную репутацию Полка.

Счастливый путь! Бог на помощь!

13-го декабря 1936 г., начало функционировать отделение полковой библиотеки на Райфл-Рендж камп, а 25-го декабря открыто было отделение библиотеки и на Алкок род камп. Библиотекарями были назначены ротные фельдшера в обоих лагерях.

— 1937 год —

1937-й год оказался годом «больших» и весьма знаменательных событий. В этом году Полк с честью выполнил свое назначение быть «остовом» Ш.В.К. и всегда готовой к службе воинской частью.

С середины июля и до середины ноября этого года Полк нес боевую службу на границах Сеттлемента во время вспыхнувшего между китайцами и японцами военного конфликта, не прекращавшегося уже больше до конца 2-й мировой войны.

Через час после объявления мобилизации Ш.В.К. Полк уже занимал границу Сеттлемента на самом ответственном и опасном участке, — в секторе «Б», около «Северного вокзала» Шанхай—Нанкинской ж. д., где бои между китайцами и японцами были особенно жестоки, упорны и продолжительны, с применением не только огромного числа пулеметов и автоматов, но и с артиллерийской и воздушной бомбардировкой.

Начало этого военного конфликта совпало с тем периодом времени, когда чины Полка, выслужившие право на ежегодный двухнедельный отпуск, проводили этот отпуск вне казармы, группами, примерно в три офицера и около сорока прочих чинов. Многие из «отпускных» проводили свои отпуска в Циндао — прекрасном курортном городке на берегу Желтого моря. Этот город, ранее принадлежавший немцам, после Первой мировой войны перешел в управление японцев и славился своими прекрасными морскими пляжами и хорошим климатом.

«Дешевая иена» (упавшая в цене после сильного землетрясения в Японии) давала возможность чинам Полка, за довольно скромную плату в китайских «даянах», иметь отличные комнаты в частных бордингхаузах, с вкусным и питательным столом и пользоваться всеми благами, которые щедро расточали море и богатейшая циндаосская природа.

«Очередная группа дачников — чинов полка», проводивших этот отпуск в Циндао с 1-го по 16-е августа,

включала Командира Полка, меня и лейтенанта Давыдзика. Кроме нас офицеров, там же отдыхал сержант-майор 2-й роты Харин и несколько унтер-офицеров и чинов разных рот полка, всего группа около двадцати человек.

Начало японо-китайского конфликта (12-е августа) совпадало с нашими последними днями в Циндао, и мы с тоской ожидали прибытия очередного японского парохода из Дайрена, который должен был перебросить нас в Шанхай.

Ввиду начала военных действий между китайцами и японцами, расписание и маршруты японских пароходов, обслуживавших китайское побережье, неожиданно изменилось, так-как им приказано было идти в Японию для погрузки войск, предназначенных к отправке на «шанхайский фронт».

Несмотря на всю трагичность нашего положения — «неожиданно застрявших» в Циндао, чины Полка (за исключением командира и офицеров), по-видимому, не особенно больно переживали это событие, так-как получили возможность «на законном основании» («стихийные обстоятельства») отдыхать еще в течение какого-то неопределенного срока: пока не появится возможность выехать из Циндао и пробраться в охваченный войной Шанхай.

Скрытую радость, в связи с этой невольной задержкой в отпуску, охлаждал только лишь испуганный вид, близких к панике, наших соотечественников и соотечественниц — «гражданских» дачников из Шанхая, которые действительно оказались в полу-безвыходном положении, так-как у многих истощились уже финансы, и они тоже ожидали очередного парохода, чтобы вернуться в Шанхай.

Они группами собирались на пляжах, обсуждая создавшееся положение, а когда узнали, что в Циндао находится Командир Русского Полка Ш.В.К., то немедленно обратились к нему за советом и помощью.

Сразу-же по получении телеграммы из Штаба Полка (от майора Степанищева — Помощника Командира Полка) о мобилизации Ш.В.К., Командир Полка, майор Иванов, приказал всем «дачникам — чинам Полка» быть с ним в непосредственной и постоянной связи, проверить и экономить свои денежные ресурсы и никуда не отлучаться из самого Циндао.

Помимо чинов Полка, в Циндао в это время про-

водили свой ежегодный отпуск также довольно большое число европейских чинов полиции Международного Сеттлемента Шанхая и довольно большая группа служащих (европейцев) других отделов Муниципального Совета. Среди последних был и один из старших офицеров Ш.В.К., майор Манн.

Группа наших старших начальников немедленно установила и поддерживала непрерывную связь с Шанхаем, откуда вскоре получили извещение, что «в наше распоряжение» (но для вывоза из Циндао в Шанхай только лишь персонала Ш.В.К., полиции и Муниципалитета, и при этом только лишь мужчин) вышел из Шанхая пароход, специально для этой цели зафрахтованный у одной из английских пароходных компаний.

Оставив в Циндао растерянную группу «гражданских дачников», но не имея ни малейшей возможности им помочь, так-как пароход наш должен был «пробиваться» в Шанхай по Янцзе и Вампу, на берегах которых шли ожесточенные бои между китайцами и японцами, мы оставили Циндао и направились в Шанхай со всеми мерами предосторожности, принятыми «на флоте», хотя и были безоружны.

Путь по морю прошел без всяких осложнений, но при входе в устье реки Вампу, мы попали под артиллерийский обстрел и пароход вынужден был выйти обратно в широкую Янцзы и встать там на якорь.

Вскоре, однако, подошли два моторных катера с английских военных кораблей, с вооруженными «до зубов» командами, и мы, пользуясь их быстроходностью и увертливостью, благополучно проскочили участок реки от устья реки Вампу до Шанхайского Банда.

Китайцы вели артиллерийский и пулеметный огонь с правого берега Вампу (из Путунга) по районам Киангвана, Янцепу, Вейсайда и Хонкью. Японцы им отвечали тем же, мы же на своих катерах плыли между их позициями.

Участок Банда около Таможенной пристани, где мы выходили на берег, был также под обстрелом случайными снарядами и пулями снайперов, т. к. невдалеке находилось Японское Генеральное Консульство, а против него стоял японский крейсер «Идзумо» — постоянная мишень китайцев из Путунга.

Сразу же «с корабля мы попали на бал»: в огромном, недостроенном еще здании Чэйз Банка, около Банда, уже временно были расквартированы роты Полка,

мы немедленно попали «на службу».

В дальнейшем я, как обычно, в хронологическом порядке опишу ход этих военных событий, а пока дам лишь краткую сводку того, что произошло в Полку в течение этого, 1937-го года.

В этом году исполнилось десять лет со дня начала формирования «Русской роты Ш.В.К.», положившей основание «Русскому Полку», носившему в этот момент по дислокации и терминологии войск, входивших в состав Ш.В.К., наименование «Батальона „С", Ш.В.К.».

Реформы во внутреннем распорядке жизни, перевооружении, переэкипировке чинов Полка, проведенные Штабом Ш.В.К., (конечно, совместно со Штабом английских войск в Шанхае) в предыдущие годы, сделали Русский Полк наружно ничем неотличимым от регулярных английских войск... Хромал только... английский язык, т. к. большинство чинов Полка и даже очень большой процент его офицеров не понимали по-английски, что очень затрудняло Штаб Шанхайского Волонтерского Корпуса.

Поэтому в 1937-м году, распоряжением Штаба Корпуса, и с согласия Муниципалитета, в полк назначен был «официальный» преподаватель (оплачиваемый Муниципалитетом), с которым должны были проходить курс английского языка все, без исключения, офицеры и почти сто человек чинов Полка, из числа совершенно не говоривших или слабо понимавших этот язык.

В 1937-м году состоялось коронование Короля Англии Георга VI и Королевы Елизаветы. В торжественном праздновании этого события, совместно с частями английского гарнизона и эскадры, принял участие и Полк, выслав сводную роту в сто пятьдесят человек для участия в традиционном «Татту», имевшем место на Рейс-Корсе 10, 11 и 12-го мая.

Во внутренней жизни Полка не все прошло гладко и благополучно: была сделана кем-то попытка ограбления нашего полкового кантина в лагере на Райфл-Рендж, предотвращенная, однако, бдительностью чинов нашего домашнего наряда, а 25-го июля скоропостижно скончался капитан М. И. Мархинин, командир 2-й роты и один из наиболее уважаемых офицеров Полка, старый русский «кадровый» офицер (полковник), сибирский казак. «Папу» — так звали полковника Мархинина не только рядовые, но и офицеры Полка, торжественно похоронили на кладбище Бабблинг Велл род, с

отданием воинских почестей, положенных ему по чину и занимаемой должности.

Но «Король умер — да здравствует Король!»: служба шла своим нормальным руслом, и место «папы» заместил достойный офицер (сотник Сибирского казачьего войска) лейтенант А. А. Васильев, бывший у «папы» младшим офицером, и тоже пользовавшийся в Полку большой популярностью, благодаря своей строгости, отличным военным знаниям и любви к военной службе. «Строг, но справедлив» — таков был «вердикт» солдатской массы после этого назначения.

В июле, а в особенности в августе месяце 1937 года, в шанхайском воздухе сильно пахло назревавшим между китайцами и японцами конфликтом: «смазаны» были международные состязания по легкой атлетике на Киангване, в которых принимали участие все лучшие иностранные и китайские спортсмены (японцы демонстративно отсутствовали), и во время которых предполагалось отобрать команду «Китая» на предстоящую в Берлине в этом году Олимпиаду. В то-же время на улицах Шанхая участились случаи столкновения между «гражданскими» японцами и китайцами, а японские войска в районе Хонкью производили усиленные дневные и ночные маневры. В обоих лагерях Русского Полка, распоряжением Штаба Корпуса, были установлены... тревожные сигналы (сирены и колокол) для вызова «по тревоге» дежурных взводов.

12-го августа 1937 г. японцы, провокационным способом, вызвали китайцев на вооруженный конфликт: их офицер, с солдатом шофером, на мотоциклете «с корзинкой», как-бы по ошибке, сбившись с дороги, подъехал к китайскому военному аэродрому на Ханьджао и, не остановившись после окрика часовых, влетел на аэродром. Китайский караул открыл огонь и японцы были убиты. Это послужило поводом к началу конфликта, к которому японцы, конечно, уже давно готовились и были готовы. Убитые офицер и солдат были лишь «застрельщиками» сознательно отдавшими свои жизни на службу Родине. Подобные герои-фанатики у японцев никогда не переводились и дальше.

Это произошло вечером 12-го августа, а в 20 часов в тот-же день была объявлена мобилизация всего Шанхайского Волонтерского Корпуса, и в 21 час Батальон «С» (Русский Полк) уже стоял на позициях в секторе «Б», на границе Сеттлемента с китайским Чапеем, в

районе Северного вокзала, закрыл все железные ворота — входы на Сеттлемент и приступил к спешной постройке окопов из мешков с песком.

Почти сразу-же, в Чапее, в Ханьджао, у Киангвана и в Вузунге закипели жестокие бои между японцами и китайцами: там работала артиллерия (включая тяжелую и морскую) и танки.

Полк сдал Китайской роте Ш.В.К. охрану «Китайской тюрьмы» (вернее тюрьмы для китайцев) на Вард род, и в полном составе вышел на боевой участок оставив в своих лагерях на Райфл-Рендж и Алкок род лишь небольшие охранные команды.

Ввиду того, что уже начались жестокие бои вдоль реки Вампу в районе Янцепу и Вейсайда, то-есть невдалеке от нашей казармы на Алкок род, семьи офицеров и чинов полка, проживавшие в этих районах (а частично и «постороннее» русское население) перебрались в казарму Полка на Алкок род, под весьма сомнительную, можно сказать «мифическую» защиту русских волонтеров, так-как охранная команда лагеря представляла из себя всего лишь горсть людей в районе, охваченном войной, где оперировали тысячи солдат японцев и китайцев, разрешавших с оружием в руках «свое семейное дело».

Уже на следующее утро, 13-го августа, положение в лагере на Райфл-Рендж было исключительно тяжелым: этот лагерь расположен на самой северной границе Сеттлемента, далеко от центра, в районе Хонкью, населенного почти исключительно японцами. Недалеко от лагеря (ярдов пятьсот), в огромном многоэтажном железобетонном здании-казарме находился Штаб японского гарнизона и квартировали какие-то большие японские пехотные и танковые части. Мимо этой казармы шла железная и шоссейная дорога на Киангван и в Вузунг, где был центр китайского сопротивления и находился их штаб.

«Киангванская» дорога проходила мимо стрельбищного вала, т. е. в районе расположения Полка, и вал этот, как и все стрельбище, был отдан под охрану команды от Русского Полка, оставленной в лагере на Райф-Рендж. Во главе этой небольшой команды стоял Д. К. Кротков, еще в звании сержант-майора, но уже выполнявший обязанности младшего офицера 2-й роты (в результате перемещений и новых назначений по службе после смерти капитана Мархинина).

Ожидая налета китайской авиации с Вузунга, японцы решили установить свою зенитную артиллерию на стрельбище и, по-видимому, «нащупывая почву» (так-как не хотели открытого разрыва с Муниципалитетом и английским командованием), они послали несколько впереди артиллерийской колонны своего офицера с командой солдат, который потребовал от Кроткова, чтобы он отдал распоряжение чинам своего караула у ворот открыть ворота и пропустить японцев на стрельбище.

Кротков, опираясь на приказ Штаба Ш.В.К., отказался выполнить это требование японского офицера, несмотря на то, что последний угрожал применением силы. Твердость, хладнокровие и выдержка Кроткова одержали верх, и японцы вернулись в свою казарму, не применив силы и не установили пушек на Муниципальной территории, находившейся под охраной Русского Полка.

Однако, военная обстановка в районе Шанхая вынудила английское военное командование сократить периметр обороны Сеттлемента, оттянув иностранные оборонительные силы ближе к центру Сеттлемента, на Сучоу крик. Поэтому, 14-го августа началась эвакуация и вывозка имущества из лагеря на Райфл-Рендж. Д. К. Кротков блестяще провел эту операцию, при совершенно недостаточном количестве грузовиков (всего лишь два) и под постоянным обстрелом со стороны китайцев и японцев, между которыми уже начался уличный бой в районе Хонкью Парка и Чапея, вдоль Норд Сэчуэн род, по которой двигались наши грузовики.

В то время как на различных участках Сеттлемента, по его границам, шли бои между китайцами и японцами, дежурные взводы Полка, смененного «на фронте» английским батальоном Вэлш Фюзильерс, выезжали по тревоге в тот или иной район внутри Сеттлемента, где то и дело вспыхивали беспорядки.

К 14-му августа район боев между китайцами и японцами на Вейсайде настолько приблизился к лагерю полка на Алкок род, что было приказано эвакуировать семьи чинов Полка, находившиеся в этом лагере, а 19-го августа вывезено было и все (почти) лагерное имущество. Эвакуация прошла очень удачно, под руководством заведующего хозяйством полка, капитана Шимордова, в распоряжение которого Штаб Корпуса дал достаточное количество грузовиков (20).

В опустевшей казарме на Алкок род осталась лишь небольшая часть собственного имущества чинов Полка и довольно много товаров в полковом кантине. Район опустел, так-как мирные жители бежали в центральные районы Сеттлемента или на Французскую Концессию. Только в тюрьме для китайцев на Вард род, расположенной всего лишь в нескольких сотнях ярдов от казармы «Алкок род», оставалась небольшая группа европейцев надзирателей, охранявших арестантов, которых не удалось полностью перевезти из этого района в более безопасные места (часть из них была вывезена в центральные районы Сеттлемента, опять-таки, под охраной команд от Полка.

Глубокой осенью, когда военные события уже откатились от Шанхая, и мы снова получили возможность свободно посещать места своего прежнего квартирования, я слышал один рассказ, ярко характеризующий японцев, как военных и как патриотов-националистов.

Случилось так, что после эвакуации казармы на Алкок род, в этом пустом трехэтажном здании нашел себе прибежище один русский военный инвалид. Одинокий, безработный и бездомный, он решил, что ему нечем рисковать, и лучше иметь какую-то квартиру и «стол» (товары в нашем кантине), чем куда-то бежать и потом бродить по улицам города голодным и бездомным.

По его описанию, район нашей казармы и тюрьмы на Вард род неоднократно переходил из рук в руки — то к японцам, то к китайцам, но никто из них не заходил в казарму, так-как целью их наступлений был берег реки Вампу и дальше — Гарден Бридж, около которого расположено Японское Консульство.

Однако, однажды, в период некоторого затишья на фронте, в казарму вбежал взвод японских солдат под командой офицера. Солдаты бросились обыскивать помещение, но ничего не грабили. Они, конечно, сразу обнаружили полковой кантин с товарами и доложили об этом своему офицеру.

Против внутренней двери кантина, через небольшой коридор, находится дверь в столовую, где у нас была оборудована церковь с иконостасом и всей необходимой церковной мебелью и утварью. Стены столовой были украшены портретами Государей Императоров. Один из углов столовой был специально отведен

«Суворову», а при самом входе в столовую был оборудован прекрасный гимнастический городок.

В момент появления японцев в казарме этот русский инвалид скрывался в столовой. Вошедший туда японский офицер, конечно, строго окликнул его, когда инвалид подошел к нему и объяснил, что он просто бездомный и живет здесь, так как у него нет другого пристанища, то офицер оставил его в покое и пошел рассматривать столовую.

Подойдя к алтарю церкви, он остановился и благоговейно поклонился иконам. Осматривая дальше стены столовой, он дошел до большого портрета Государя Императора Николая II Александровича. «Нужно было видеть этого офицера в тот момент!», — с восторгом рассказывал русский инвалид, — «офицер японец замер в положении „смирно", отчетливо отдал честь, а потом низко поклонился портрету нашего Государя». Солдаты японцы замерли у двери столовой, наблюдая за своим офицером. Окончив осмотр столовой, офицер пошел в кантин, где дал разрешение солдатам выпить пива из наших запасов.

Дисциплина, уважение даже к чужим верованиям и безграничная любовь и почитание Монархов у японцев развиты настолько сильно, что хочется поставить их в пример нам русским.

Между тем, война на границах центральной части Сеттлемента, охраняемой Ш.В.К. и иностранным гарнизоном, каждый день приносила какие-либо неприятные неожиданности: раненый военный китайский летчик (русский, но служивший у китайцев), опасаясь вынужденной посадки с несброшенными двумя бомбами, решил освободиться от своего груза, сбросив его на поле Рейс-Корса, так как улицы города были забиты многотысячными толпами городского населения и беженцев. Он сбросил бомбы, но... промахнулся, и эти бомбы, вместо полупустого поля Рейс-Корса, упали на две-три сотни ярдов дальше, на углу Тибет род и Авеню Эдуарда VII, в самую гущу человеческой массы беженцев, двигавшихся с Сеттлемента на Французскую Концессию.

Взрывами этих бомб были убиты и искалечены сотни китайцев и несколько человек европейцев. Во время одного из очередных обстрелов китайской артиллерии, через Вампу, со стороны Путунга (китайцы артиллеристы стреляли плохо и их снаряды не всегда дости-

гали цели — Чапея, где уже закрепились японцы), один из этих снарядов разорвался у кинотеатра «Капитол», при этом пострадало несколько человек мирных жителей и один из чинов моего караула, охранявшего в то время Английское Консульство, расположенное почти на задах у театра «Капитол». Другой снаряд упал в универсальный магазин «Сен-Сира», в самом центре главной улицы Сеттлемента, Нанкин род, и принес исключительные жертвы и разрушения.

При всех этих инцидентах, чины Полка немедленно появлялись на месте происшествия для наведения порядка и для охраны имущества.

По мере того, как победители японцы оттесняли китайские войска от границ Шанхая, жизнь города постепенно начинала возвращаться к своему прежнему, почти нормальному положению.

В целях экономии в муниципальных расходах, сначала частично, а потом и полностью, был демобилизован Ш.В.К., в том числе и 3-я (волонтерская) рота Полка. Это вызвало увеличение наряда для трех регулярных рот Полка, которые оставались одни: охрана границ Сеттлемента (правда, меньшими единицами караулами) попеременно с регулярными английскими и американскими войсками, патрулирование улиц города в помощь полиции, охрана складов газолина на Рейс-Корсе и, наконец, охрана японских бумаго-прядильных фабрик, находившихся в зап. районе Сеттлемента, которым угрожал разгром и пожары со стороны китайцев, остававшихся на Сеттлементе и чрезвычайно враждебно относившимися к японцам. Кроме того, Полк, по-прежнему, нес охрану мостов через Сучоу крик, которые являлись проходами с китайской стороны на Сеттлемент.

К концу октября произошли события, которые дали Полку новый «постоянный наряд» и «головную боль» почти на целых четыре года (до начала 2-й мировой войны).

Опишу вкратце эти события. Японцы, понеся большие потери, все же вытеснили китайцев из Чапея и война переходила уже в «провинцию», но на одном из участков Чапея, граничащим с Сеттлементом, невдалеке от Тибет род Бридж, в одном из кирпичных годуанов (складов) засел китайский «батальон» (с позволения сказать). Фактически, это не был батальон регулярной китайской армии, а только лишь остатки ка-

кого-то батальона, уцелевшие после сильных боев у Северного вокзала Ш-Н. ж. д. К остаткам этого батальона пристали носильщики-кули, всегда сопровождающие китайские войска, в качестве их обоза, и просто бездомные жители, не имевшие возможности уйти своевременно из района военных действий.

Командир этого батальона был убит, но вместо него Чжан Кай-ши назначил какого-то полковника (произведенного позднее в генералы), по фамилии Зин Чинг-ян. Кроме того, остался в живых адъютант этого батальона (впоследствии произведенный в майоры), забыл я его фамилию — исключительно неприятная личность!

Так вот, этот «батальон», отходя под натиском японцев из Чапея к границе Сеттлемента, дошел до этого самого годуана на берегу Сучоу крик. «Генерал» для поддержания духа китайского населения, сильно упавшего после поражения китайцев под Шанхаем, и повидимому по инструкциям Чжан Кай-ши, решил изобразить из этого годуана «Верден» (знаменитую своей обороной во время 1-й мировой войны французскую крепость, выдержавшую чуть-ли не годовую осаду германцев).

«Генерал» пришел к этому решению, по-видимому, используя то обстоятельство, что зады этого годуана выходили к проволочным заграждениям границы Сеттлемента, около которых стояли в то время Вэлш Фюзильерс'те «нейтральные войска».

В то же время, если бы японцы повели сильный огонь по этому годуану со стороны Чапея, то их пули, а в особенности артиллерийские снаряды, ложились бы на территорию Сеттлемента, в его центральной части, против чего Муниципальный Совет и английское командование, конечно, заявили бы немедленный протест.

Китайская пресса широко рекламировала «героев обреченного батальона», отказавшихся, якобы, оставить свои позиции и решивших умирать за родину в борьбе против японцев.

Пока эта пресса истошно вопила и восхваляла «обреченный батальон», сами «герои» почти спокойно сидели у себя в годуане, грызли семечки, перебрасывались шутками с Вэлш Фюзильерс и лишь изредка постреливали по японцам, которые появлялись в поле их зрения. Японцы же почти лишены были возможности стрелять по своему врагу китайцам из опасения нане-

сти ущерб мирным жителям Международного Сеттлемента.

Сколько бы продолжалась эта комедия — неизвестно. В конце-концов, японцы, вероятно, сделали бы подкоп и взорвали бы на воздух весь этот «Верден» с «батальоном» полу-солдат, полу-кули, засевшим в нем.

Однако, японцы решили иначе: они предъявили Муниципальному Совету и английскому командованию ультиматум, требуя от них «заставить» этот «батальон» уйти и интернироваться на территории Сеттлемента. В противном случае они заявляли о своем решении, не считаясь с жертвами на территории Сеттлемента, снести этот годуан с лица земли артиллерийским огнем.

В ответ на этот японский ультиматум, английское командование решило «убедить» китайцев перейти на Сеттлемент и интернироваться, по-видимому, «толсто намекнув» при этом, что скоро у китайцев уже не будет ни пищи, ни патронов и им ,все равно, придется интернироваться или идти в плен к японцам. По-видимому, в награду «за послушание» «героям китайского Вердена» были обещаны какие-то льготы на время их пребывания в лагере для интернированных.

Одним словом, разум или желудок взяли свое, и 31-го октября 1937 г. «генерал» вывел свой «обреченный батальон», «черным ходом», в расположение Вэлш Фюзильерс, где их уже ждали специально для этой цели приготовленные грузовики, перебросившие их в наскоро построенные (но довольно удобные) бамбуковые бараки-казармы на Сингапур род, в районе полицейской станции Путу, на задах Киао-Чиао Парка, а Русскому Полку приказано было немедленно назначить и выслать караул в составе командира роты (капитана), одного лейтенанта и 45 человек для охраны этого «батальона».

Так началась наша «полковая язва», доставившая нам массу неприятностей в течение последующих четырех лет, когда мы бессменно и ежедневно несли охрану этого «обреченного батальона».

Я попал в самый первый караул 31-го октября. Караул был от нашей 1-й роты и командовал им наш командир роты капитан И. С. Лобанов.

В дальнейшем описании Истории Полка по годам, мне, вероятно, еще не раз придется писать об этом «батальоне», описывать расположение их в лагере, существовавшую у них дисциплину и порядок, нравы и обы-

чаи этих «героев», убивших, в конце-концов, своего «генерала» и покушавшихся на жизнь «майора», а равно и постепенную перемену к ним отношения со стороны английского военного командования и Муниципальных властей Сеттлемента.

Лагерь этого «батальона» стал местом поломничества китайцев-патриотов, которые искренне продолжали считать чинов батальона героями, каждую попытку чинов караула от Полка понудить этих «героев» к выполнению правил, установленных для них Муниципальным Советом (в составе которого было значительное число советников японцев), китайская общественность рассматривала, как насилие, притеснение и враждебность со стороны «русских пришельцев», нашедших себе приют в Китае, то-есть, как проявление с их стороны неблагодарности и коварства в отношении солдат страны, оказавшей им гостеприимство. Многое, наверное, придется мне сказать еще об этом в дальнейшем, поэтому сейчас я только укажу на то отношение, которое в тот день было явно продемонстрировано к офицерам и чинам этого «батальона» английским военным командованием.

Сознавая, по-видимому, что «батальон» этот попал в лагерь, главным образом, по настоянию и рекомендации английского военного командования, Командующий английскими войсками, в первый же день (а потом периодически, в течение довольно продолжительного времени) послал «с визитом» к «генералу» одного из своих старших офицеров Штаба. Подобные визиты повторялись периодически, причем становились они все реже и реже, а «визитеры» все в более и более мелких чинах. В конце концов, визиты эти совсем прекратились, НО ДЕЛО БЫЛО УЖЕ СДЕЛАНО: «генерал» и чины его «батальона» действительно вообразили себя героями-солдатами и поэтому рассматривали чинов караула от Русского Полка, как наглых угнетателей и людей, проявлявших черную неблагодарность к Китаю.

Так зародилась сначала неприязнь, а потом и вражда между чинами Русского Полка и интернированными китайцами, вылившаяся в конце концов, в кровопролитную схватку и большие неприятности, эхо которых раздавалось даже после 2-й мировой войны. Об этом буду писать позднее, а пока, закончу сводку событий 1937-го года.

Во время военных событий в районе Шанхая, Полк лишился своих казарм и временно помещался в огромном, недостроенном (частично даже без окон и полов) здании Нового Чэйз Банка, невдалеке от Банда и почти на углу Нанкин род, главной улицы Сеттлемента, и Сэчуэн род.

Заботясь о предоставлении больших удобств чинам Полка, Штаб Корпуса распорядился, чтобы одна из рот и команда шоферов перешли в расположение Муниципалитета — в самое здание Муниципалитета.

13-го декабря 1937 г. Командир Корпуса, полковник Грэам, прослужив свой срок, сдал командование Корпусом новому командиру, полковнику Хорнби, прибывшему из Англии.

Полковник Грэам был заботливым и внимательным командиром, и в первый период его командования корпусом в полку произошло много улучшений в смысле экипировки, обмундирования и питания, но он не мог отстоять «свой полк» (так он называл наш полк), когда в июле 1937 г. Муниципальный Совет, проводя режим экономии по всем своим отделам, немного уменьшил жалование чинам Полка. Это вредно отразилось на личном составе Полка, т. к. уменьшение жалования, при строгой дисциплине и физически очень тяжелых обучении и службе, понизили интерес к Полку не только у «потенциальных рекрутов», имевших желание поступить в Полк, но нанесло и моральный удар некоторой части чинов Полка, у которых появилась мысль перейти на службу в Русский Отряд на Французской Концессии, где были более высокие оклады жалования, более легкая и «чистая» полицейская служба и нестрогая дисциплина и учеба, но зато не было той наружной привлекательности и внутреннего содержания, которыми выгодно отличался Полк от «Французского Отряда». Конечно, можно уверенно сказать, что полковник Грэам принял все меры к тому, чтобы этой убавки жалования не произошло, но хозяева-налогоплательщики оказались сильнее.

Приходится пожалеть, что военные события в Шанхае не начались на месяц раньше: тогда не было бы этой убавки и Полк не получил бы сильного конкурента в лице «Французского Отряда», в который потянулся на службу здоровый и сильный молодняк, прельстившийся лучшими материальными условиями, существовавшими там.

Приказ по Полку за № 17, § 2, от 17 января 1937 г.

Согласно приказа Муниципального Совета, 17-го января 1927 г. был сформирован, в составе двух рот, Отдельный Русский Отряд Шанхайского Волонтерского Корпуса.

9-го июня 1927 г. Отряд был уменьшен в численном составе и сведен в одну роту.

1-го августа 1928 г. Отряд был вновь увеличен и развернут в две роты.

13-го октября 1928 г. утверждена 3-я «Волонтерская» рота, и 1-го марта 1932 г. была сформирована 4-я рота, что, с 16-го февраля 1932 г., все вместе взятое, составляет Русский Полк Шанхайского Волонтерского Корпуса.

В официальных документах не имеется официально указанного старшинства Отряда или Полка, а потому, на основании вышеприведенной справки, день 17-го января 1927 г. может рассматриваться только днем зарождения Русского Полка Ш.В.К.

Для воинской части десятилетняя давность не может считаться юбилеем, вследствии чего, сегодняшний день, 17-е января 1937 г., есть только 10-я годовщина со дня основания первоначальных частей, ныне составляющих Полк.

Нет сомнения в том, что сегодняшний день должен быть для всех г.г. офицеров и чинов Полка приятным и радостным, как день славы Русского имени и торжества духа.

Пусть он послужит для всех днем воспоминания о неустанных трудах на протяжении десяти лет по созданию родного полка и укреплению его доброго имени.

Приветствую всех г.г. офицеров и волонтеров всех званий Полка с десятой годовщиной со дня его зарождения и от души желаю счастья в личной жизни каждого и широкого процветания родного Полка.

Да здравствует Русский Полк!

12-го марта, постановлением Муниципального Совета, назначен в Полк преподаватель английского языка, г-н Пенхаллурик. В каждом лагере, для прохождения английского языка, назначено по 40 человек совершенно не знающих языка и по 15 ч. немного знакомых с языком.

Для назначенных чинов Отряда — изучение обязательно. Книги и пособия должны приобретаться за счет учащихся. Г.г. офицеры должны изучать английский язык все без исключения.

Приказ по Полку за № 127, § 2.

Объявляю, в переводе с английского, копию письма Командира Корпуса за № 182/62. Командирам частей Ш.В.К.:

По случаю коронации Их Британских Величеств Короля Георга VI и Королевы Елизаветы, следующая телеграмма была послана Гофмейстеру Двора:

«Все чины Британской национальности, служащие в составе Волонтерского Корпуса, который является Международной войсковой частью почтительнейше просят, чтобы по случаю Коронации, было доложено Их Величествам Королю и Королеве о их преданности Короне и их самое горячее желание долголетия и счастья Их Величеств.

Все старшие офицеры других национальностей, служащие в Корпусе, а именно: Американские, Китайские, Японские, Норвежские, Португальские, Филиппинские и Русские просят, чтобы их добрые пожелания были-бы присоединены к пожеланиям их Британских товарищей по оружию.

(Подписал) Грэам, полковник
Командир Корпуса.

От лица Британских чинов Корпуса, я хотел-бы сказать, как мы ценим желание старших офицеров других национальностей быть включенными в телеграмму нашему Королю и Королеве.

(Подписал) Ф. Р. В. Грэам, полковник
Командир Шанхайского
Волонтерского Корпуса.

Шанхай. 4-5-37 г.

10-го, 11-го и 12-го мая, по случаю Коронации Английского Короля Георга VI и Королевы Елизаветы, 150 человек чинов Отряда принимали участие в Коронационном Татту на Рейс-Корсе. Во все эти дни, участвовавшие в Татту чины Отряда выполнили свою задачу блестяще, что отмечено было Командующим Британскими войсками в Шанхайской эре, бригадиром А. П. Д. Тэлфер-Смоллэт.

1-е июля 1937 г. В целях экономии, которая проводилась по всем Департаментам Муниципалитета на Сеттлементе, были установлены новые ставки на жалование всем чинам Отряда. Изменение коснулось, как основного жалования, так и годовой прибавки. Для старослужащих волонтеров изменение это выразилось в уменьшении жалования, приблизительно, на 5 долларов.

Полковая библиотека начала свое функционирование с 6-го ноября 1936 г., к 1-му июля 1937 г., т. е. за семь с половиной месяцев, Полку удалось общими усилиями создать вполне приличную по размерам и качеству собранных книг библиотеку, имевшую к тому времени уже 1.862 тома.

5-го июля 1937 г. Лейтенант Шимордов, Приказом по Ш.В.К., был произведен в капитаны.

Приказ по Полку за № 202, § 2, от 21-го июля 1937 г.

С 1932 года во вверенном моему командованию Полку учреждены дни почитания ротных икон, иначе ротные праздники: 1-й роты 12-го сентября.
2-й роты 14-го октября.
4-й роты 28-го июля.

Празднование этих дней состоит из двух частей, одна — церковная: совершение священником положенного молебствия и другая — официальная: улучшение пищи, приглашение гостей, угощение, поздравления, взаимные приветствия и проч.

На выполнение в должной форме второй части празднования расходуется на один ротный праздник, приблизительно 65-70 долларов.

Бюджет Русского Полка на текущий 1937-38 г.г. сокращен до минимума.

Для проведения в жизнь бюджетной программы Полка без перерасходов, я вынужден вторую часть празднования ротных праздников отменить.

25-го июля 1937 г. Скончался в Дженерал Госпитале командир 2-й роты капитан М. И. Мархинин. Покойный почувствовал себя плохо накануне, у себя дома в городе. Около 10 ч. вечера 24-го июля он вернулся в роту, а в 3 ч. 30 м. утра 25-го июля, в бессознательном состоянии, отправлен был в госпиталь, где скончался, не приходя в сознание.

28-го июля назначены на должности: командира 2-й роты — лейтенант А. А. Васильев, младшим офицером 2-й роты — сержант-майор 4-й роты Д. К. Кротков, на должность сержант-майора 4-й роты — сержант М. А. Матвейчик.

12-го августа, по распоряжению Штаба Корпуса, в лагере на Алкок род установлена сирена около канцелярии, а в лагере на Райфл-Рендж большой звонок над гаражом. Означенные служат для вызова дежурных взводов по тревоге.

В этот же день, согласно распоряжения Штаба Корпуса, Отряд должен был сосредоточиться к 21 часу в здании Муниципалитета. В 20 ч. была объявлена мобилизация всему Волонтерскому Корпусу.

В 21 час, согласно нового распоряжения Штаба Корпуса, батальон «С» (Русский Полк) занял охрану сектора «Б», а также выслал караул на Муниципальную бойню.

13-е августа. Начались военные действия между японскими и китайскими частями около Северного вокзала. Караул от Полка на Вард род (в тюрьме) сменен Китайской волонтерской ротой. Сменившемуся караулу от Полка приказано было немедленно присоединиться к своей роте.

Требование Штаба Японского Морского Десанта открыть ворота на Райфл-Рендж для того, чтобы провести и установить на стрельбище орудия противовоздушной обороны. Караул у ворот отказался выполнить это требование, несмотря на угрозу японского офицера применить силу.

14-е августа. Штабом Корпуса отдано распоряжение эвакуировать лагерь Райфл-Рендж. Сержант-майор Кротков приступил к эвакуации с 9 час. утра. Эвакуация происходила под обстрелом китайских и японских частей, так как лагерь Райфл-Рендж оказался между позициями враждующих сторон.

Для быстрой эвакуации лагеря Штабом Корпуса были наняты десять грузовых машин, но эти машины не были пропущены японскими сторожевыми постами. Все имущество лагеря Райфл-Рендж перевозилось в лагерь на Алкок род на двух только грузовиках Ш.В.К. Эвакуация была закончена в 3 час. дня.

В 12 ч. дня выезжал один дежурный взвод на по-

лицейскую станцию Янгтцепу для подавления вспыхнувших беспорядков.

В 8 часов вечера из лагеря Алкок род были эвакуированы семьи г.г. офицеров и волонтеров Отряда, собравшиеся к тому времени в лагерь для эвакуации на Французскую Концессию. Вместе с семьями выехали из лагеря волонтеры, вернувшиеся из двухнедельного отпуска, и больные из госпиталя.

Вечером батальон «С» (Русский Полк) был сменен в секторе «Б» батальонами «А» и «Б» Ш.В.К. и отведен на отдых в Муниципальную школу на Пакхой род (ближайший тыл оборонительного участка).

16-го августа батальон «С» (Русский Полк) снова заступил на охрану сектора «Б».

17-го августа был ранен в ногу осколком снаряда один из чинов 3-й роты Полка.

Приказом по Корпусу в этот день лейтенант Васильев произведен в капитаны, а сержант-майор Кротков — во 2-е лейтенанты.

18-го августа Русский Полк был сменен английским батальоном Ройал Вэлш Фюзильерс. Отряд был отведен в здание Нью Чэйз Банка, а 3-я рота — в здание Муниципалитета.

19-го августа. Эвакуирован лагерь Алкок род. Эвакуацией заведывал капитан Шимордов, использовав для этой цели двадцать предоставленных ему Штабом Корпуса грузовиков.

20-го августа Полк занял охрану мостов по Сучоу крик и выслал команду в 15 ч. для сопровождения грузовиков, развозивших рис по рисовым лавкам.

22-го августа. Эвакуирована с Вард род часть арестантов китайцев. Охрану арестантов во время перевозки с Вард род на Сеттлемент несла 2-я рота под командой капитана Васильева.

На посту у моста Чапу был легко ранен осколком снаряда вол. Безгодов.

23-го августа. В 5 ч. 15 м. высланы были два взвода 2-й роты на полицейскую станцию Лауза, для оцепления и помощи полиции, после разрыва тяжелого снаряда в магазине «Сен-Сир».

24-го августа, Приказом по Корпусу, временно про-

изведен в лейтенанты, на время мобилизации, доктор Алексеенко. Сержант Матвейчик — произведен в сержант-майоры.

26-го августа. С каждым днем увеличивались наряды от Полка по охране центрального района Сеттлемента. На Полк возложена была охрана мостов, патрулирование улиц на карах, пешие патрули и конвоирование грузовиков с рисом, развозивших рис по рисовым лавкам, охрана складов газолина на Рейс-Корсе и три караула на охрану японских бумаго-прядильных фабрик.

30-го августа 3-я (волонтерская) рота была частично демобилизована.

22-го сентября патрулирование улиц и охрана мостов отменены, но взамен выставлены посты на перекрестках улиц вдоль Авеню Эдуарда VII, от Банда до Тифинг род (вдоль границы с Французской Концессией). Посты по два-четыре человека на каждом углу.

31-го октября, по Приказу Штаба Корпуса, был выслан караул на охрану Китайского Интернационального батальона — 2 офицера и 45 волонтеров, — в лагерь на Сингапур род.

12-го ноября Волонтерский Корпус был демобилизован.

Приказ по Полку за № 320, § 1, от 16-го ноября 1937 г.

При сем объявляется, в переводе с английского, циркулярное письмо Командира Шанхайского Волонтерского Корпуса: —

Всем чинам Ш.В.К.

«Снимая с Корпуса мобилизационное состояние, я хочу воспользоваться случаем, чтобы выразить чувства благодарности, лично от себя и от чинов Штаба, всем чинам Корпуса за их прекрасное выполнение своих обязанностей и за тесную кооперацию с моим Штабом.

Я думаю, что за весь период мобилизационного состояния Корпуса мы выполнили свои задания весьма успешно.

(Подписано) Грэам, полковник.
Командир Ш.В.К.

Приказ по Полку за № 321, § 1, от 17 ноября 1937 года.

На основании полученного распоряжения Штаба Корпуса от 15-го сего ноября, Реф. Р. 419/35 и Приказа по Корпусу за № 45 от 8/11/37, объявляю:

1. Унтер-офицер, произведенный в звание сержант-майора или сержант-майор, произведенный в офицерский чин, а равно офицер, получивший производство в следующий чин пребывает в новом звании (сержант-майора) или в чине в течение двух лет со дня производства **временно** и считается **времениым** в своем звании. Только по прошествии двух лет делается Командиром Полка представление с аттестацией об утверждении лица в данном чине на законном основании.
2. Нижеследующие г.г. офицеры утверждаются на законном основании в своих чинах:

Майор С. Д. Иванов	старшинством	с 1-4-1933 г.
Кап. Н. М. Степаницев	„	с 19-5-1931 г.
Кап. П. К. Поронник	„	с 8-4-1935 г.
Кап. И. С. Лобанов	„	с 3-10-1935 г.
Лейт. П. И. Гапанович	„	с 1-8-1932 г.
Лейт. Р. А. Черносвитов	„	с 8-3-1934 г.
Лейт. В. Л. Кузьмин	„	с 8-3-1934 г.
Лейт. Е. М. Красноусов	„	с 2-7-1936 г.
Лейт. А. И. Давыдзик	„	с 20-2-1937 г.

3. Нижеследующие унтер-офицеры утверждаются на законном основании в своих званиях: сержант-майор Н. В. Харин, со старшинством с 2-8-1934 г.
4. На будущее время, в отношении каждого офицера или сержант-майора, по прошествии двух лет со дня производства в последний чин или звание, принять за правило — посылать в Штаб Корпуса представление с соответствующей аттестацией на предмет испрашивания утверждения на законном основании в последних чинах или званиях.

Приказ по Полку за № 327, § 1, от 23 ноября 1937 г.

Ниже сего, в переводе с английского, объявляю письмо, полученное Командиром Корпуса от Председателя Муниципального Совета и ответ Командира Корпуса на последнее:

«Дорогой полковник Грэам,

Теперь, когда Шанхайский Волонтерский Корпус демобилизован, я пользуюсь случаем, чтобы выразить благодарность от лица Муниципального Совета всем чинам Шанхайского Волонтерского Корпуса за их службу. Во время моих ежедневных посещений вашего Штаба, на меня сильное впечатление производила та организация, которая приводила в действие работу всего аппарата. Помимо того, я часто посещал отдельные части Шанхайского Волонтерского Корпуса, чтобы самому видеть, как исполняются приказания, отданные Штабом.

Я также был восхищен точностью и правильностью выполнения своего долга Командирами частей и всеми чинами Шанхайского Волонтерского Корпуса.

Шанхайский Муниципальный Совет понимает вполне, что Шанхайский Волонтерский Корпус, находясь не только на оборонительных секторах, но и выполняя охрану внутренней безопасности вместе с Муниципальной и Специальной Полициями, оказали городу неоценимую услугу.

Искренне ваш, Корнелл С. Франклин,
Председатель.»

Реф. 231/343.

Ответ Командира Корпуса:

«Дорогой господин Франклин,

Господа старшие офицеры Корпуса просили меня передать Вам, от лица их и их подчиненных, благодарность за ваше письмо, текст которого был разослан всем чинам Корпуса.

Искренне ваш, Ф. В. В. Грэам.»

24-го ноября 1937 г. Назначена Комиссия под Председательством капитана Степанищева и членов: капитана Поронник, лейтенанта Гапановича и 2-го лейтенанта Кроткова для выяснения стоимости и количества имущества, пропавшего на Райфл-Рендж камп и Алкок род камп, а также имущества г.г. офицеров и чинов Полка, оставшегося в их частных квартирах, в районах Хонкью и Вейсайда, после эвакуации этих районов в связи с военными событиями.

13-го декабря 1937 г. Командир Корпуса, полковник

Грэам, сдал командование Корпусом, прибывшему из Англии, полковнику Хорнби.

19-го декабря 1937 г. Перед отъездом полковника Грэам в Англию, ему поднесен был от чинов Полка подарок — золотые часы на руку и золотой карандаш.

Полковник Грэам, в свою очередь, сделал подарок в офицерскую столовую Полка (в «Оффисерс месс») — серебряный ящик для сигарет.

В день отъезда полковника Грэам ему от Полка был выставлен почетный караул.

Вся жизнь и служба Полка в течение этого 1937-го года, как обычно регулировалась «Постоянными приказами», а также и инструкциями, которые свидетельствуют о той заботливости, которой «полковое начальство» окружало своих подчиненных, держа их в то-же время «в ежевых рукавицах». К сожалению место не позволяет дать эти приказы и инструкции на страницах этой книги.

— 1938 год —

В 1938-м году Полк начал «зализывать раны», нанесенные ему во время военных событий в районе Шанхая в 1937 г.

Частично, эти раны так и не удалось уже залечить полностью до конца существования Полка.

Одной из таких незалеченных ран оказалась спортивная жизнь Полка.

Хорошо налаженная и отлично обставленная спортивная жизнь Полка являлась одной из тех приманок, которые привлекали в Полк здоровую русскую молодежь. Многие из русских спортсменов Шанхая не имели постоянной возможности регулярно тренироваться и совершенствоваться в любимом ими виде спорта благодаря тому, что их служба не давала им на это времени, а жизнь по частным квартирам создавала большие неудобства в смысле пользования городскими спортивными площадками и подыскивании необходимых игроков-партнеров для тренировки.

Это обстоятельство, зачастую, вынуждало их принять решение оставить «гражданскую службу» и идти «на военную службу» — в Полк, где служба была много тяжелее и оплата ее иногда бывала ниже, чем «гражданской службы», но зато Полк имел свое прекрасно оборудованное (собственными заботами) футбольное поле, приспособленное для волейбола, баскетбола, крикета, а равно и для всех видов легкой атлетики.

Отличные «гимнастические городки», оборудованные всеми необходимыми аппаратами, имелись в обоих лагерях Полка, а, кроме того, Полк имел выписанные им из-за границы (из. Чехословакии) переносные, стальные гимнастические приборы, которые, по мере надобности, устанавливались там, где они требовались для состязаний.

Полк имел свой отличный (лучший в городе) разборный, переносный боксерский ринг, богатейшее оборудование и экипировку для своих боксеров, прекрасный «мат» для французской борьбы.

Футбольные бутцы, туфли для легкоатлетов, боксеров и борцов, копья, диски, ядра, шесты для прыжков и отличная спортивная одежда — все это имелось в Полку в изобилии и выдавалось на руки каждому спортсмену бесплатно. Всевозможные мячи имелись в каждой роте в достаточном количестве, а полковые спортивные команды имели все это самого лучшего качества, вызывая зависть у других спортивных клубов Шанхая, которые не имели возможности «позволить себе такую роскошь».

Но самое главное — Полк вел **постоянные и регулярные** тренировки со всеми своими спортивными командами, соответствующим образом регулируя наряды на службу (домашним способом, с помощью сержант-майоров рот).

Каждый полковой спорсмен присутствовал на тренировке не менее 2-3-х раз в неделю (в зависимости от «спортивного сезона»), и, при этом, все эти тренировки проходили под наблюдением офицера заведующего спортом в полку и под руководством специалистов-инструкторов. Тренировки проходили в обстановке дисциплины и порядка, а это — прямой путь к успеху.

Так например, инструктором бокса был бывший «чемпион Китая» — «Бэби Русс» (Олег Шевелев) — не только известный боксер, но и отличный учитель тренер.

Борьбе учил бывший «чемпион мира» — «Урс» (Алексей Андреевич Дмитриев), выигравший мировое первенство по французской борьбе в 1918 г. Алексей Андреевич («дядя Алеша», как звали его наши спортсмены), несмотря на свой уже солидный возраст, сохранил огромную силу, ловкость и прекрасное знание приемов борьбы. Кроме того, он был большой знаток спорта вообще, и его работа в полку была просто неоценима.

По субботам и воскресеньям (а для футболистов и волейболистов иногда и среди недели) организовывались дружеские матчи со спортивными командами воинских частей Шанхайского гарнизона и военного флота, а также и с различными спортивными клубами (иностранными и китайскими).

Немудрено поэтому, что полковые спортсмены были всегда готовы к спортивным выступлениям, и в 1937 году полковые спортивные команды были лучши-

ми командами в городе (за исключением футбола, в котором «царили» китайцы и англичане военные) и имели в своем составе значительное число «чемпионов» не только Шанхая, но и всего «Китая» (волейбол).

Слава о полковых спортсменах далеко разносилась за пределами Шанхая — в Харбине, в Гонконге, куда предполагалось даже, по инициативе Командира Корпуса отправить меня с моей боксерской командой для встречи с «второй в английской армии» командой, кажется «Улстер Райфлс», батальон которых был расквартирован в то время в Гонконге. К сожалению, этого не удалось провести в жизнь из-за военных событий, разразившихся в Шанхае.

Военные события 1937 года **совершенно разрушили спортивную жизнь полка.** Полк лишился своего спортивного поля на Райфл-Рендж, так как японцы во время военных событий перекопали его окопами для укрытия орудийной прислуги (на этом поле у них стояла тяжелая полевая артиллерия). После окончания этих событий в Шанхае, полковые спортсмены снова получили право и возможность пользоваться этим своим полем, так как доступ для команд и, вообще, чинов полка не был ограничен на территории Сеттлемента, наравне с чинами других иностранных частей гарнизона, но поле было настолько испорчено и изуродовано японцами, что исправление его взяло бы снова целые годы «каторжного труда»: ведь Полк «делал» это поле в течение почти трех лет!!

Прекрасный гимнастический городок, боксерский ринг, переносные гимнастические аппараты и прочее оборудование гимнастического зала на Алкок род сохранились, но сама казарма была сильно запущена и требовала большой чистки и ремонта, а «стратегическая обстановка» в Шанхае, по-видимому, требовала постоянного нахождения всего Полка целиком в центре Сеттлемента.

Однако, в течение некоторого времени полковые боксеры и борцы ездили в эту казарму — в свой гимнастический зал, для тренировок. Для этой цели предоставлялся безотказно необходимый транспорт Ш.В.К. Но это были лишь «жалкие остатки» когда-то (еще так недавно) сильных и крепко сколоченных полковых команд!!!

Ведь почти девять месяцев боевой службы, когда

зачастую чины Полка не имели возможности думать даже о нормальном отдыхе в постели после тяжелых бессонных ночей и службы под Шанхайским солнцем, выбили полковых спортсменов из их обычной «формы». Нужно было начинать все снова, с «азов», а, при наличии усиленной службы и строевых занятий, это замедляло процесс сколачивания полковых спортивных команд и затягивало его на очень продолжительное время.

К началу 2-й мировой войны Полк сумел лишь подтянуть своих боксеров и волейболистов, так как для их тренировок были оборудованы помещения в «новых» полковых казармах на Банде и в гимнастическом зале Ш.В.К., в здании Муниципалитета.

В «оживлении» боксерской команды Полка сыграл значительную роль Командир Корпуса, который дал разрешение, для поощрения этого вида спорта в Полку, выступать лучшим из полковых боксеров за плату на профессиональном ринге Шанхая (в Канидроме), что раньше не разрешалось в английских войсках, но широко практиковалось у американских марин, стоявших в Шанхае.

Удар по спорту и уменьшение окладов жалования в июле 1937 г. лишили Полк большого преимущества, которое он имел перед Русским Отрядом на Французской концессии, куда теперь, в 1938 году, потянулась русская молодежь, соблазнившаяся хорошими окладами жалования, довольно легкой и «чистой» полицейской службой и не строгой дисциплиной.

Однако, отлично налаженное Командиром Полка, собственное полковое хозяйство дало в его руки большой козырь, и он им очень умело и широко воспользовался: жизнь «полковой казармы» делалась все более и более привлекательной. В казармах были оборудованы столы для пинг-понга, чем не могли похвалиться даже старые клубы Шанхая, а по воскресеньям в кантине Полка, регулярно стали устраиваться «ти-дансы», на которые чины Полка приглашали своих знакомых, угощая их вкусными, но сравнительно дешевыми по своим ценам продуктами и напитками. Собственная полковая билиотека. Все это, вместе взятое, давали возможность чинам Полка **отдыхать у себя в казарме**, как дома, после тяжелой службы и строевых занятий. В полковых казармах появился «домашний уют».

В то же время, немного изменены были в лучшую стороны и оклады жалования и отпуск денег на довольствие чинов Полка, а некоторая часть волонтеров получала ежедневно возможность «отпуска до утра», вне казармы.

Строевые занятия велись очень усиленно, так как за время тяжелой боевой и патрульной службы Полк потерял свою прежнюю строевую отчетливость и наружный блеск. Однако, этот пробел был заполнен быстро, и уже в апреле 1938 года, во время годового парада Ш.В.К., Полк показал себя блестяще.

Во время этого парада и в дальнейшем Полку было дано специальное право маршировать по улицам города со своим **развернутым** знаменем — привилегия, которая, согласно английских военных традиций и положений, дается только полку, «носящему имя данного города». У англичан это называется «фридом оф тэи сити» и получение этой привилегии обставлено очень торжественной церемонией. Русский Полк Ш.В.К. сделался — «ШАНХАЙСКИМ РУССКИМ ПОЛКОМ».

В 1938 году произошли некоторые перемены в Штабе Корпуса: уехал в Англию Начальник Штаба Корпуса, майор Дуглас, а на его место назначен был майор Корбин, офицер батальона Вэлш Фюзильерс, которые сменяли нас на боевом участке в секторе «Б» во время прошедших военных событий.

В этом году Штаб Корпуса, учитывая опыт только-что закончившихся военных событий и, вероятно, ожидая возможности их повторения в будущем, помимо усиленной строевой подготовки своих чинов, обратил особое внимание на полевую фортификацию. Как обычно, при всех нововведениях, Русский Полк являлся тем «опытным полем», на котором производились эти опыты.

Сначала небольшая команда чинов Полка, под руководством лейтенанта Черносвитова, а потом и все чины Полка спешно, но очень основательно, прошли курс постройки окопов и легких укрытий-блиндажей, сооруженных из мешков с песком, и установку проволочных заграждений постоянного и временного типа.

После этого, по распоряжению Штаба Корпуса, регулярно команды «сапер» от Полка, под руководством одного из своих офицеров, должны были демонстрировать эти фортификационные сооружения и их постройку всем остальным ротам Корпуса, собиравшимся

на свои «лагерные сборы» и классификационные стрельбы в лагере на Райфл-Ренджж или в корпусном Дрилл-Холле.

Наряды на службу были очень тяжелы: помимо центральных районов Сеттлемента, его жизненных центров (электрическая подстанция, бойни, здание Муниципалитета) Полк высылал бесконечное число пеших патрулей в помощь полиции, охраняя японские торговые предприятия, расположенные на территории Сеттлемента и постоянно держал готовыми к вызову два дежурных взвода с соответствующим количеством грузовиков транспортеров. Эти взводы должны были выезжать в любую часть города в случае возникновения там беспорядков или рабочих забастовок, и постоянно находились в «пятиминутной готовности», т. е. не раздеваясь, а лишь сняв снаряжение. Однако, пребывание в «дежурном взводе» не освобождало чина полка от строевых занятий.

С отходом китайских войск от Шанхая вглубь страны, случаи столкновений «граждан» японцев с китайцами, саботажи, поджоги и погромы японских фабрик на территории Сеттлемента значительно усилились и принимали все большие и большие размеры по своим масштабам, поэтому дежурные взвода от Полка были «постоянно заняты».

Постоянным и неизменным нарядом сделался караул в лагере на Сингапур род, где размещался интернированный китайский батальон.

Этот караул ежедневно брал на целые сутки одного офицера и около сорока человек волонтеров. Служба в этом карауле, справедливо, считалась не только самой неприятной, но и самой тяжелой, так-как была полна неожиданностей и заставляла каждого чина караула постоянно (даже в караульном помещении во время отдыха) «быть начеку». Чины этого «батальона» и их начальство старались сделать все возможное, чтобы затруднить и усложнить службу чинов русского караула, не понимая того, что эта их «русская охрана», в данном случае, лишь охраняла их и проводила в жизнь распоряжения своего «начальства» — Муниципального Совета Международного Сеттлемента, в составе которого очень видную роль в особенности после военного поражения китайцев под Шанхаем играли японцы, стремившиеся «законно (по праву победителей) ограничить в правах **своих пленников».**

Китайская пресса истошно вопила о притеснениях, которые учиняла их «героям» русская охрана от Полка, а сами «герои» проявляли неподчинение установленным в лагере правилам, устраивали беспорядки, хулиганили и издевались, как могли, над чинами Полка, стоявшими на постах, пользуясь тем, что последние не имели права применить против них огнестрельное оружие. Было много попыток к побегу из лагеря, предотвращенных, в большинстве случаев, чинами караула от Полка.

Разбросанность караульных постов (лагерь занимал очень большую площадь) отсутствие между ними телефонной связи и довольно слабое освещение по ночам требовали от караульного начальника офицера и его сержанта (караульного унтер-офицера) постоянной, через каждые 15-20 минут, поверки всех постов, с заходом внутрь лагеря и осмотра бараков интернированных. Это было не только тяжело физически, так-как караул служил 24 часа, но и очень опасно.

Дальнейшее показало, что «герои» были готовы на что угодно, включая даже убийство: они убили, в конце-концов, своего «генерала» и пытались убить адъютанта батальона. В любой момент поверяющий офицер или сержант мог быть, если и не убит, то искалечен.

Смена караулов по утрам была особенно неприятна: весь «батальон» китайцев выстраивался на площадке между своими бараками, а караульные начальники обязаны были **фактически**, по счету, принимать их наличный состав, обозначенный в «Постовой ведомости». Иногда обнаруживались «просчеты» (т. е. побеги из лагеря ночью), но, по счастью, это бывало редко, так-как каждый побег являлся большим минусом в послужном списке офицера и налагал пятно на незапятнанную службу чинов Полка. Я был счастлив, в этом отношении, и во время моих дежурств в лагере побегов не бывало, но я приходил из этого караула совершенно разбитым физически.

Несколько таких попыток к побегу окончились, все-же, стрельбой, ранениями и даже смертью пытавшихся бежать китайцев, так-как против убегавших чины караула имели право применять огнестрельное оружие.

Чины караула от полка, а следовательно и весь Полк, неся этот неприятный наряд, попали между наковальней и молотом: с одной стороны требования Му-

ниципального Совета поддерживать в лагере строгий порядок, с другой — полное нежелание интернированных китайцев кооперировать с чинами караула и, даже больше того, открытая враждебность в отношении «притеснителей и угнетателей-русских белых эмигрантов».

Командир Полка пытался наладить добрые отношения с интернированными, и добился для этого даже разрешения от Штаба Корпуса устраивать иногда для развлечения (и как знак отношений) этих «полу-солдат, полу-бродяг» показательные спортивные состязания с участием полковых спортивных команд. Но его доброжелательство и старание чинов Полка, «развлекавших» интернированных, не имели благоприятных результатов: только очень небольшое число из состава этого «батальона» присутствовали и интересовались этими спортивными состязаниями, остальные-же предпочитали мрачно бродить по лагерю или валяться на нарах в своих бараках — это не были солдаты, это были кули, случайно попавшие в «герои», их насущные требования ограничивались едой и спаньем и жаждой свободы, на которую они временно потеряли право, но зато сохранили себе этим жизнь.

Исключительно мягкое, даже не братское, а «панибратское» отношение, проявленное к этим кули, одетым в военную форму китайского солдата, английским военным командованием с самого начала, дало право этим «героям» возомнить себя действительными героями, которых «уговорили» интернироваться, чтобы не нанести вреда мирному населению Международного Сеттлемента.

Соответственно этому «духу» поведения английского военного командования, были даны и инструкции караулу от Русского Полка: быть вежливыми и предупредительными к этим «героям», но, в то же время, не давать им возможности бежать из лагеря, так-как эти побеги могли вызвать большие неприятности в Муниципальном Совете, где японцы — муниципальные советники ревностно следили (вероятно по инструкциям своего японского военного командования) за жизнью и поведением этого «батальона», считая этих интернированных «пленниками победоносной японской армии».

Но как предупредить эти побеги? — Офицеру начальнику караула от Русского Полка, **сказано не было.** Только личная инициатива Командира и Офицеров

Полка негласно поддержанная Штабом Корпуса, позволили усилить окружающий лагерь забор, установкой по верху его колючей проволоки, поставить, где нужно, бамбуковые вышки для часовых и постепенно ввести «Правила лагерной жизни».

Вначале было даже установлено, что караульные начальники, при смене караулов и по вечерам (после «зари») являлись к китайскому «генералу» с чем-то вроде рапорта и для выслушивания его пожеланий в отношении улучшения внутренней жизни лагеря. Однако, постепенно, представители командующего английскими войсками перестали «делать визиты генералу», вскоре после этого перестали «визитировать» и офицеры полка, заступавшие в караул на охрану лагеря.

В первые месяцы, тысячи посетителей китайцев наводняли лагерь, с утра и до вечера, по специальным, полученным из Муниципалитета пассам. Эти пассы совсем не исключали возможности того, что один из интернированных, переодевшись в принесенную ему посетителем одежду, уходил из лагеря, предъявив пасс, а потом, по истечении некоторого времени, появлялся «посетитель» — владелец пасса и заявлял, что он утерял свой пасс в лагере. Такие случаи бывали, и «посетитель», который легко мог доказать, через полицию, что он не принадлежит к числу интернированных, уходил из лагеря, «освободив» одного из заключенных.

Распоряжением Штаба Корпуса, постепенно, число посетителей было ограничено до минимума, а время их пребывания в лагере определялось только дневными часами (до наступления темноты). В начале, посетители не обыскивались при проходе в лагерь, так-же как не обыскивалась и «секретарша генерала», молодая и очень миловидная китаянка, приходившая к нему ежедневно и проводившая у него целые дни, до глубокой ночи. Фактически, это была «наложница», предоставленная в распоряжение «генерала» китайской общественностью»; эти посетители легко и незаметно могли пронести в лагерь все, что угодно, включая и оружие, поэтому требовался особо-зоркий глаз чина караула на посту, чтобы предупредить пронос этой контрабанды.

Взаимные отношения между чинами караула и интернированными с каждым днем ухудшались, и «Лагерь для интернированных на Сингапур род», постепенно, сделался одной из сложных проблем, которые предстояло разрешать Муниципальному Совету.

Имея в виду хотя-бы частично оградить чинов Полка от несправедливо бросаемых китайской общественностью обвинений в жестокости и самовластии, Штаб Корпуса, вероятно по настоянию Муниципального Совета, решил учредить особую должность «Коменданта лагеря», назначив на нее одного из английских офицеров, который являлся бы как бы «буфером» между чинами русского караула и интернированными.

На эту должность, в апреле 1938 года, был назначен «Советник» Русского Полка (фактически, «английский командир полка»), майор Бэрк-Марфи. С его назначением на эту должность положение в лагере нисколько не изменилось к лучшему, но зато очень большая доля ответственности была снята этим назначением с караульного начальника — Офицера Полка.

Майор Бэрк-Марфи ежедневно посещал лагерь, проводил там много времени, ежедневно посещал «генерала», стараясь, по-видимому, убедить его в необходимости выполнять установленные для лагеря Муниципальным Советом правила. Однако, эти убеждения почти не принесли благоприятных результатов, т. к. солдаты «батальона» начинали вести себя все более и более вызывающе, и не только в отношении чинов русского караула, но и в отношении самого майора Бэрк-Марфи.

В начале августа 1938 года интернированные установили на площадке, между своими бараками, очень высокий, видный далеко за пределами лагеря, флагшток и на него, при особой торжественной церемонии, подняли свой национальный «гоминдановский» флаг. Караульный начальник немедленно донес об этом, по телефону, в Штаб Полка, а Штаб Полка — в Штаб Корпуса и в Муниципальный Совет.

Появление флага, конечно, не осталось незамеченным японцами, и они немедленно заявили Муниципальному Совету резкий протест, требуя спуска флага.

На требование Муниципалитета спустить флаг, «генерал» отказался выполнить это. В течение нескольких дней шли эти «приказания-отказы», в конце-концов, Муниципальный Совет предъявил интернированным ультиматум — снять флаг, а Русскому Полку — спустить этот флаг силой, если китайцы не выполнят ультимативного требования Муниципалитета.

В результате произошла кровавая схватка, в которой дисциплина, обучение и дружный напор чинов

Полка сыграли решающую роль. Применив в дело одни лишь только деревянные полицейские палки, имея свои винтовки «на ремень», за плечами, стволом вниз, сборный отряд из чинов Полка, по заранее разработанному Командиром Полка плану, под командой своих офицеров, сломил первое упорное сопротивление китайцев, вооруженных бутылками, камнями и длинными палками, и загнал их в их бараки. После этого был спущен флаг. Потери Полка в этой схватке — восемь человек раненных (двое из них серьезно), китайцы потеряли двух человек убитыми и почти половина состава «батальона» была переранена. Порядок был восстановлен, но дальнейшие взаимоотношения между чинами русского караула и интернированными сделались открыто враждебными, и оставались таковыми до самого конца этого лагеря, что произошло уже в начале 2-й мировой войны.

Чтобы представить себе те трудности, с которыми сталкивались чины караула от Полка при несении службы в этом лагере, поневоле придется кратко описать устройство этого лагеря и установленные в нем «порядки».

«Язва», которую нажил себе Полк во время военных событий 1937 года, в виде «Интернированного китайского батальона», давала о себе знать все больше и больше, и в конце концов, «разболелась» до того, что ее пришлось лечить кровопролитной «операцией» 12-го августа 1938 года.

Поневоле, приходится дать кое-какие подробности об этом «батальоне», о том, где и как он жил, что он из себя представлял, каковы были отношения чинов этого «батальона» к чинам караула от Русского Полка и почему дошло до кровопролитной схватки, в которой «силы сторон были уравнены», так-как огнестрельное оружие чинами Полка не применялось. На камень, бутылку, железный лом или длинную палку интернированного китайца — чины Полка отвечали только лишь своей короткой «полицейской дубинкой» (около 14 дюймов длиной), сделанной из дерева.

Когда «батальон героев» интернировался на Международном Сеттлементе, то его немедленно перебросили на грузовиках в наскоро построенные бамбуковые бараки-казармы, расположенные на пустыре, принадлежавшем Сеттлементу. Это был огромный по своим размерам участок земли, находившийся по соседству с се-

верной частью Киао Чиао Парка и отделявшийся от него каменным невысоким, но постоянного типа забором, такой-же забор отделял этот участок от Киао Чиао род (на востоке). Остальные две стороны участка (северная и западная) были отгорожены от Сингапур род (с востока) и от небольшого склада имущества Департамента Общественных работ Ш.М.С. (с севера) — очень низким и жиденьким бамбуковым заборчиком.

Весь этот участок был разгорожен, примерно пополам, бамбуковым забором: западная половина занималась бараками, а восточная — была оставлена, как площадь для прогулок, спорта и т. д., которыми, нормально, должны были-бы заниматься интернированные, убивая свое время тягостного сидения в лагере.

Входные ворота в лагерь были в северо-западном углу его, и около них построено было из бамбука небольшое «караульное помещение» для полковой охраны.

При таком устройстве лагеря, при желании, из него могли даже не «бежать», а просто «уйти» все, кто этого хотел.

Штаб Корпуса немедленно распорядился о постройке жиденького забора из колючей проволоки вдоль западной и северной сторон лагеря, а на верху кирпичной стенки, отделявшей лагерь от Киао Чиао Парка и Киао Чиао род, наскоро установлена была невысокая «пристройка» из колючей проволоки.

Постепенно, однако, заботами самого командира Русского Полка, эти примитивные «заграждения» были усилены. Работы проводили, главным образом, «рабочие команды» от Полка под руководством своих офицеров, весьма значительную часть этих работ пришлось проводить мне. На эти работы потребовалось много месяцев, так-как интернированные китайцы всячески старались противодействовать усилению и укреплению этих заграждений, усматривая в этом ущемление их национального самолюбия и «статуса-героев», и ограничение их в правах: крепкая ограда из колючей проволоки постепенно делала их «заключенными», а не «добровольно интернировавшимися», каковыми они себя считали.

Общая уборная лагеря, расположенная вдоль северной стены, выходила задами на Сингапур род. Нижняя ее часть являлась частью кирпичного забора, в этом месте отделявшую лагерь от Сингапур род, а

между этим забором и бамбуковой крышей уборной были устроены окна (правда заплетенные колючей проволокой), через которые интернированные свободно могли переговариваться с китайцами рабочими, постоянно проходившими по Сингапур род, на которой находилось несколько небольших китайских фабрик.

Трудами чинов Русского Полка, вдоль этой уборной, примерно в полутора ярдах от ее стенки, на Сингапур род построено было проволочное заграждение, находившееся под наблюдением часового у входных ворот в лагерь.

Чины «батальона» размещались, по-видимому, пополуротно, а для офицеров был отдельный барак. В одном из бараков был устроен «околодок» (серьезно больные отправлялись на излечение в полицейский госпиталь), склад для продуктов и отдельный барак занимали ротные кухни.

Для «генерала» был построен небольшой, но очень уютный барак, обставленный хорошей мебелью («дар благодарного китайского населения»). Он жил очень замкнуто, проводя почти все время в своем домике вместе со своей молоденькой «секретаршей», являвшейся «на работу» ежедневно утром и остававшейся в лагере до поздних часов вечера.

Кто-то подарил «генералу» даже лошадку-«монголку», на которой он выезжал ежедневно, а иногда и два раза в день, на спортивную площадку лагеря.

Вначале «батальон» проводил даже что-то вроде строевых занятий на спортивной площадке, а потом прекратил это бесполезное для них дело, и чины его или мрачно бродили по двору или-же развлекались тем, что, забравшись на крышу барака, или спрятавшись за угол, норовили пустить камнем в часового от Полка, патрулировавшего проволочное заграждение, или стоявшего на своем посту на одной из вышек.

Через окна уборной интернированные постоянно переговаривались с прохожими и, по-видимому, возбуждали их против чинов русского караула. В дальнейшем бывали случаи «разгона толпы», собиравшейся против уборной, для чего караульный начальник «вызывал в ружье» и использовал свою «отдыхающую» в караульном помещении смену часовых.

Был случай попытки к побегу, когда двое интернированных, сделав пролом в проволоке окна уборной, перепрыгнули через проволочное заграждение и побе-

жали вдоль Сингапур род, в сторону китайских фабрик, стараясь смешаться с толпой, двигавшейся по этой улице. Метким выстрелом часовой у ворот ранил одного из них в ногу, и беглец был водворен снова в лагерь.

Был и более тяжелый случай, когда часовой от Полка вынужден был стрелять с Сингапур род в интернированного солдата, который через окно уборной возбуждал довольно большую толпу китайцев рабочих и толпа готова была напасть на караул от Полка. Часовой слишком «метко» выстрелил в солдата и убил его наповал. Этот случай «окутан какой-то таинственностью»: дознание, произведенное по приказанию Командира Полка (я был в составе этой следственной комиссии), не могла найти в поступке часового достаточных оснований к производству выстрела, так-как к моменту выстрела еще не был использован «разгон толпы» силами караула, и часовой даже не поставил в известность караульного начальника о том, что ему угрожала опасность быть разоруженным этой толпой, он мог дать выстрел вверх для предупреждения караула и вызова его на место происшествия. Этот случай был как-то и кем-то «замят»: стрелявший волонтер был уволен со службы в Полку, но не понес судебного наказания... до окончания 2-й мировой войны. Но об этом расскажу в свое время, а сейчас лишь дам краткое описание «побоища», имевшего место 12 августа 1938 года, когда Полку было приказано усмирить бунт в «батальоне».

Утром 12-го августа, майор Бэрк-Марфи, имея на руках «ультиматум» Муниципального Совета, требовавший от интернированных спуска флага, двинулся во главе транспортной колонны Полка, состоявшей примерно из десяти грузовиков транспортеров Ш.В.К., на которых размещался «карательный отряд».

Колонна остановилась на углу Киао Чиао и Сингапур род, не выезжая на Сингапур род, чтобы не обнаруживать себя, но быть в зрительной связи с часовым у ворот лагеря. Однако, китайцы заметили движение этой колонны, так как имели свои наблюдательные посты на крышах бараков. Начались пронзительные свистки, раздались гортанные команды, в лагере поднялась тревога и китайцы бросились «вооружаться»: у них были заранее заготовлены горы камней и пустых бутылок в разных пунктах лагерного расположения. Довольно большая группа интернированных сразу-же

бросилась на караульное помещение Полка, куда в это время прибыл майор Марфи. Увидев его, китайцы остановились и он вторично передал «генералу» ультиматум Муниципального Совета. «Генерал» немедленно ответил отказом.

Сразу же после этого китайцы большой толпой кинулись на чинов караула, но встретили с их стороны дружное и упорное сопротивление. В это время, по сигналу, данному майором Марфи, уже подходила к лагерным воротам колонна Полка, и чины его, соскакивая еще на ходу с машин, бежали к месту столкновения, имея во главе Командира Полка и двух командиров рот (капитаны Поронник и Лобанов). Под напором чинов Полка и руководством его офицеров, направлявших движение вперед отдельных наступающих групп в промежутки между бараками, интернированные начали подаваться назад, а потом обратились в бегство.

Одновременно с «наступлением главных сил», небольшой отряд (под моей командой), через заборы и проволоку, выскочил к стыку лагерного забора и проволочного заграждения, отделявшего главный лагерь от спортивного поля, невдалеке от домика «генерала», и отрезал путь отступления китайцам на спортивное поле.

Вся схватка продолжалась каких-нибудь десять минут. Разбегавшиеся китайцы загонялись чинами Полка в бараки.

«Бой закончен». Интернированные загнаны в свои бараки, флаг спущен, флагшток срублен. В проходах, между бараками и около нашего караульного помещения лежат раненые китайцы (двое из них умерли от полученных повреждений) и изредка попадаются наши раненые (восемь человек, двое из них довольно серьезно). На Сингапур род уже слышны сирены амбулансов, предусмотрительно вызванных нашим начальством, они начали развозить по госпиталям пострадавших в схватке русских и китайцев. Чины Полка немедленно выведены из лагеря, посажены на свои грузовики и возвращаются в свои казармы, **точно и беспрекословно выполнив Приказ Муниципального Совета.**

Как обидно было читать потом во всех иностранных и китайских газетах переводы и подлинники статей из китайской прессы, в которых китайская общественность клеймила чинов Полка «убийцами, угнета-

телями и неблагодарными» и угрожала репрессиями, а Муниципальный Совет... скромно молчал, «потупив очи», и ни словом не заступился за тех, **кто выполнил его Приказ по долгу своей службы.**

После этого инцидента проволочные заграждения вокруг лагеря были значительно усилены, а для караула от Полка было выстроено новое караульное помещение, почти посредине северной стороны лагеря, а старые лагерные ворота были наглухо заплетены колючей проволокой, оставлен лишь небольшой проход для наших часовых, следовавших на вышки и патрулей.

Новое караульное помещение (в силу необходимости) было расположено чрезвычайно неудачно: узенькая калитка, ведущая к нему, проделанная в кирпичной стене около лагерной уборной, прилегала непосредственно к кирпичной стене, отделявшей «караульный двор» от той части лагеря, в которой находились китайские кухни и прочие нежилые постройки, склады.

Этот, довольно высокий забор не имел наверху даже колючей проволоки, но совершенно лишал возможности чинов караула видеть то, что творится по ту сторону забора — у китайцев. И это «под самым носом», в 5-6 ярдах от караульного помещения. Через эту стену очень часто летели камни и пустые бутылки, предназначенные для чинов караула «на отдыхе», а когда привозили обед или ужин для чинов караула и эта пища проносилась через калитку, то китайцы, через забор, старались облить несущих эту пищу нечистотами из своей уборной.

После столкновения с интернированными, лагерный распорядок стал много строже: число посетителей было доведено до минимума и они, перед пропуском в лагерь, подвергались обыску в караульном помещении. Продукты на китайскую лагерную кухню пропускались через калитку, ведущую из «караульного двора» прямо к центру лагеря (к домику «генерала»), у этой калитки постоянно находился часовой, который открывал ее для пропуска посетителей или продуктов только по приказанию караульного начальника или караульного сержанта. Продукты тщательно обыскивались и ни одному из китайцев, принесших эти продукты, вход в лагерь не разрешался. Около этой калитки пришлось установить (опять же своими силами) целый лабиринт из колючей проволоки, чтобы предотвратить возможность массового прорыва интернированных или

нападения на часового в тот момент, когда он открывал эту калитку.

Мне кажется, что часовые на постах в этом карауле чувствовали себя, в особенности в ночное время, гораздо лучше, чем чины «отдыхавшей смены», находившейся в караульном помещении, так-как у них был большой район видимости и от лагеря (т. е. «противника») их отделяло довольно приличное проволочное заграждение, в то время, как в 5-6 ярдах от караульного помещения (т. е. «отдыхавшей» смены) находилась довольно высокая, не наблюдаемая с противоположной стороны, каменная стена, за которой китайцы могли (заранее сговорившись и приготовив необходимые лестницы) броситься на чинов караула, перекинувшись через этот забор. Бамбука в лагерном расположении было сколько угодно, так-как все бараки были сделаны из бамбука, поэтому постройка необходимых лестниц не представляла никаких затруднений.

Это обстоятельство вынуждало караульного офицера, поочередно с караульным сержантом, очень часто ходить внутрь лагеря и обходить все заборы и помещения. Я лично делал это беспрерывно: мой обход занимал около полу-часа, а когда я возвращался, то в обход немедленно шел мой караульный сержант, и каждый раз мы меняли «маршруты нашего движения». Скажу откровенно, во время этих обходов я чувствовал себя не совсем спокойно, боясь быть разоруженным китайцами, но зато за все время у меня не было ни одного случая побега из лагеря или серьезного нарушения лагерных правил.

Эта неприятная и чрезвычайно «неблагодарная» служба еще больше удерживала русскую молодежь от поступления в Полк, но зато приучала чинов Полка к постоянной бдительности и точности выполнения приказаний своих начальников. Этот караул сильно «смахивал» на «передовую заставу» и требовал огромного физического и морального напряжения.

Боюсь, что своим описанием этой «язвы полка», я занял слишком много места, но я вынужден это сделать для того, чтобы в дальнейшем было понятно, почему, даже после 2-й мировой войны, чины Полка подвергались преследованиям со стороны некоторой части китайского населения Шанхая, хотя Национальное китайское правительство признало службу Полка в целом, за период 2-й мировой войны, безупречной, неза-

пятнанной даже и тенью коллаборации с японцами, и оставило Полк у себя на службе в качестве полиции.

Несколько человек членов Полка (в том числе один из офицеров) даже подверглись тюремному заключению, без объяснения причин — «за что?».

Краткая сводка событий, имевших место в жизни Полка в 1938 году такова:

4-го января 1938 года. Муниципальный Совет утвердил ходатайство Командира Полка о прибавке жалования всем чинам Полка по случаю возросшей дороговизны жизни. Жалование было увеличено на 5 долларов в месяц, прибавка считалась временной.

17-го января. Вместо отбывшего в Англию бригадного майора Корпуса, майора Дуглас, был назначен английского батальона Вэлш Фюзильерс — майор Корбин. Перед отъездом майору Дуглас от Полка был сделан подарок — серебряный ящик для сигарет. В свою очередь майор Дуглас подарил «Оффисерс месс» полка — четыре серебряных пепельницы и две серебряных спичечницы.

Приказ по Полку за № 28, § 1, от 28 января 1938 г.

В декабре месяце 1937 г. мною было возбуждено ходатайство перед Командиром Корпуса о предоставлении права желающим **классным** полковым боксерам драться на профессиональном ринге за деньги.

Командир Корпуса удовлетворил мое ходатайство, ограничив максимальное число профессиональных боксеров в Полку числом восемь.

Командир Корпуса также утвердил прилагаемые при сем правила для команды полковых боксеров.

(Я пропускаю эти очень подробные правила, сокращая место).

Приказ по Полку за № 54, § 1, от 23-го февраля 1938 г.

На будущее время в кантине Полка — Банд № 6, по воскресеньям будут разрешаться танцы при выполнении правил, изложенных в особом приложении к сему.

(Следуют Правила, которые я также пропускаю из экономии места).

24-го марта 1938 г. Согласно Приказа по Полку, чины Полка одели на погоны трафареты «Р.П.Ш.В.К.».

Приказ по Полку за № 94, § 2, от 4-го апреля 1938 г.

Согласно моего обращения от 21-го сего марта, г.г. офицеры и все чины вверенного моему командованию Полка собрали на выкуп участка земли, на котором находится Св. Гавриило-Архангельская церковь, семьсот двадцать пять шанхайских долларов, с рассрочкой на три месяца.

3-го сего апреля эти деньги были полностью внесены церковному комитету с подписным листом № 129, под наименование «День Жертв», где мною было вписано: «Командир, г.г. офицеры и все чины Русского Полка Шанхайского Волонтерского Корпуса вносят единовременно наличными деньгами семьсот двадцать пять шанхайских долларов».

В подтверждение получения от меня денег, Комитетом была выдана мне квитанция за № 8088а, от 3-4-38.

Я благодарю г.г. офицеров и всех чинов за их сердечный отклик на мой призыв помочь церкви.

10-го апреля. Парад всего Ш.В.К. В этом году, в отличие от прежнего и за особые заслуги, Полк получил «фридом оф Шанхай» и маршировал со своим развернутым знаменем. Когда Полк свернул с Банда на Нанкин род, идя в колонне «вздвоенными рядами», в него полетел дождь букетов из цветов, бросаемых из окон Катэй Отеля. Маршировка, отчетливый твердый шаг и бодрый вид чинов Полка, как обычно, вызвал бурный восторг и овации публики.

Приказ по Полку за № 266, § 2, от 23-го сентября 1938 г.

В начале текущего года Муниципальный Совет постановил наградить медалями весь личный состав Шанхайского Волонтерского Корпуса, Пожарной бригады и Полиции за услуги, оказанные Совету в период военных действий между китайцами и японцами в Шанхае с 12 августа по 12 ноября 1937 г.

Все г.г. офицеры и волонтеры всех званий, кто состоял постоянно или временно на службе во вверенном моему командованию Полку (Батальон «С») за время с 12 августа по 12 ноября 1937 г., награждаются Муниципальным Советом медалью с надписью: «За услуги, оказанные с 12 августа по 12 ноября 1937 г.».

Основание: Приказ по Корпусу от 27-6-38, за № 26, § 40.

Приказ по Полку за № 340, § 2, от 6 декабря 1938 г.

2-го сего декабря мною было возбуждено ходатайство перед Штабом Корпуса о разрешении чинам Полка пользоваться отпуском до утра.

Штаб Корпуса, письмом от 5-го сего декабря, Реф. Р. 417/4, мое ходатайство удовлетворил на нижеследующих условиях: следуют «правила».

— 1939, 1940, 1941 годы —

Я решил описать эти три года в одной главе, во-первых, потому, что у меня на руках оказалось слишком мало «документов» (приказов, приказаний и т. п.) касающихся 1939 и 1940 г.г., и поэтому в своем описании этих годов я вынужден был-бы быть очень краток, а, во-вторых, еще и потому, что эти годы — последние годы службы Русского Полка, как регулярной воинской части Ш.В.К., были очень похожи один на другой.

К 1939-му году Русский Полк сумел окончательно укрепить под собой фундамент, и уже мог не бояться за свое существование.

Строевая подготовка и вообще военное обучение в Полку в 1939-м году были доведены до совершенства.

Прекрасное, сшитое по мерке обмундирование, новое английское снаряжение и экипировка делали Полк «картинкой», когда он выстраивался для смотра или парада.

Размещался Полк в двух, отлично оборудованных «временных казармах» на Банде (бывшее здание пароходной компании «П энд О») и здание Ликвидационной комиссии Русско-Азиатского банка на Киукианг род, около угла Банда. В казармах царили не только порядок, свойственный каждой воинской части, но и «уют».

Все это достигнуто было благодаря предусмотрительности, неутомимой энергии, сильной воле, настойчивости и честному отношению к своим обязанностям самого Командира Полка, майора Иванова. Он не только «планировал» жизнь и службу Полка, заглядывая далеко вперед в будущее, но и умел подбирать себе помощников, увлекать их своими идеями и потом поддерживать в них «неизменное горение», иногда, правда, применяя и свою власть начальника в отношении тех, кто «терял волю» и ослаблял энергию своей работы, проявляя временную слабость.

Майор Иванов был примером точности, исполнительности и неуклонности в движении к намеченной

цели, независимо от обстоятельств, и этого он требовал от своих подчиненных.

Службы у чинов Полка было много и она была тяжела, но неустанные заботы Командира облегчали эту службу, давая возможность отдохнуть после тяжелого труда в благоустроенной семейной обстановке «своей казармы».

В воздухе уже «сильно пахло войной»: Гитлер и Муссолини не только бряцали оружием, но уже начали применять его против слабых и полу-беззащитных народов Европы и Африки. Японцы «распоясывались» все больше и больше, чувствуя за собой силу после разгрома националистических китайских войск. Они ввели, продолжали вводить в Китай все новые и новые массы войск, проникая все дальше и дальше вглубь Китая на север, запад и юг.

В Шанхае они вели себя вызывающе, не боясь даже открытых столкновений с иностранцами и их военной силой. Японцы чувствовали и считали себя хозяевами Шанхая, так-как взяли его (китайскую часть города) военной силой.

Не лучше вели себя и итальянцы. В составе Шанхайского гарнизона на Международном Сеттлементе, наряду с двумя-тремя батальонами англичан, полком американских марин, Шанхайским Волонтерским Корпусом и японскими войсками, был батальон итальянцев — 1-й Савойский Гренадерский Батальон.

Нужно отдать им справедливость: это была прекрасная воинская часть, как по своему внешнему виду, так и по своему составу. Чины батальона были отлично обмундированы в серо-стальную форму, носили кожаные сапоги с короткими голенищами и фуражки с очень высокой тульей и огромным «Итальянским орлом» — кокардой. В этом батальоне были прекрасные спортсмены: футболисты, боксеры и легко-атлеты, но, как повидимому и все итальянцы вообще, кроме северян-тирольцев, они не были спортсменами по духу, и каждый проигрыш в состязаниях неизменно сопровождался поножовщиной. На всех состязаниях, в которых участвовали солдаты итальянцы, всегда присутствовали сотни зрителей — их сослуживцев по батальону, которые готовы были любое решение рефери не в пользу итальянцев, или ошибку, допущенную игроком противником, «доказать» ножом, имевшимся у каждого из них. Это

было своего рода «спортивное хулиганство», ронявшее ценность солдат итальянцев, как спортсменов.

В воздухе уже назрела враждебность между будущими военными противниками в недалекой уже 2-й мировой войне, и эта враждебность сказывалась даже на спортивных полях Шанхая.

Японцы, однако, зашли гораздо дальше: они стремились взять власть в свои руки в Муниципальном Совете Международного Сеттлемента, но встретили сильный и дружный отпор иностранцев. Стремясь к этой своей цели, они повели сильную подготовительную кампанию к предстоящим (обычно, в мае месяце) выборам нового Председателя и членов Муниципального Совета, то-есть к собранию «налогоплательщиков».

Не помню точно, в каком году (кажется это было в 1941-м году), например, убедившись в том, что их шансы на успех в законных, правовых выборах малы, так-как налогоплательщики китайцы были на стороне европейцев, они решили даже «сорвать» это собрание путем поджога в день собрания специальной трибуны, на которой должен был заседать старый Муниципальный Совет и происходить выборы нового Совета. Это была большая крытая трибуна, построенная из бамбука, прямо на паддоке Рейс-Корса, против «мест для публики», а на этих местах должны были разместиться выборщики-«налогоплательщики». Ожидался такой наплыв выборщиков, что никакой из городских холлов не мог бы вместить всех, поэтому собрание и назначено было на Рейс-Корсе.

По-видимому, контр-разведка Муниципального Совета знала о намерении японцев сорвать это собрание, поэтому Русскому Полку, расквартированному в то время в здании Рейс-Корса, приказано было охранять трибуну и вообще весь прилегающий к ней район, чтобы предотвратить возможность со стороны японцев установить «тайм-бомб» или какими-либо другими способами нарушить порядок во время собрания.

В ночь перед этим собранием налогоплательщиков, еще в темноте, рано утром группа японцев сделала пролом в одном из дальних углов забора, окружающего Рейс-Корс, невдалеке от Тибет род и въехав на Рейс-Корс на автомобиле, понеслась с потушенными огнями, вдоль скаковой дорожки, в сторону трибуны.

Часовой от Полка, услышав хотя и слабый шум мотора, стал вглядываться в темноту в направлении

этого шума. Приблизившись к трибуне, машина замедлила ход и из нее японцы выбросили несколько бутылок с горящим керосином, стараясь поджечь бамбуковую трибуну, а потом полным ходом продолжали движение по скаковому кругу и скрылись в темноте.

Часовой сделал по ним несколько выстрелов из револьвера, но, по-видимому, в темноте не попал в цель. Выстрелы подняли тревогу в «карауле у ворот» от Полка и пожар был тотчас-же прекращен.

Собрание налогоплательщиков состоялось в тот-же день после обеда и было очень многолюдным. «Места для публики» были забиты выборщиками, а на трибуне заседал в полном своем составе старый Муниципальный Совет во главе с Председателем, г-ном Кэсик (Директор английской фирмы Джардин Матэсон).

Во время доклада Председателя о работе, проведенной Муниципалитетом за истекший год, один из япон ских советников (не помню его фамилию) вскочил со своего места и сделал в Кэсика два выстрела из револьвера, ранив его в руку. Находившиеся на трибуне старшие чины полиции немедленно разоружили японца и порядок был восстановлен. Заседание продолжалось. Новым Председателем Муниципального Совета был избран адвокат американец, г-н Франклин.

Вооруженные пистолетами «Кольта», чины полка и регулярной полиции, расставленные среди публики еще до начала собрания, предупредили возникновение могущих последовать инцидентов среди публики, где смешаны были все национальности, включая японцев и китайцев. Это было уже хуже, чем итальянское «спортивное хулиганство», так-как японцы открыто показали, что они настроены враждебно к иностранной колонии Сеттлемента.

Однако, международный закон, по которому жил и которым управлялся Сеттлемент, еще продолжал сдерживать японцев в некоторых рамках приличия, в то время, как наличная военная сила иностранцев (англичане, американцы и Русский Полк), конечно, была слишком слаба, чтобы противостоять огромной массе японских войск и итальянцев, расположенных в городе и его окрестностях.

Жизнь иностранного Шанхая в эти годы, по виду, шла своим обычным чередом, но чувствовалось, что все ожидают начала больших военных событий.

Английские батальоны начали перебрасываться из

Шанхая в Сингапур в Европу. Уезжали офицеры регулярной английской армии, находившейся на службе в Ш.В.К., Муниципальной Полиции и других отделах Муниципалитета, их места немедленно занимали местные резиденты.

Иностранный отдел регулярной полиции потерял свой постоянный источник пополнения, так-как «потенциальные кандидаты», англичане (большей частью, унтер-офицеры английской армии) нужны были для службы в своей армии. Поэтому Муниципальный Совет решил пополнять свой иностранный отдел полиции «белыми русскими эмигрантами». Согласно приказа Муниципального Совета, на пополнение полиции стали принимать **только лишь** чинов Полка, т. к. они были «проверенные белые эмигранты» и, при этом, имели уже служебный опыт и отличную подготовку.

«Специальная Полицейская Комиссия», в составе одного из старших помощников начальника полиции и нескольких старших офицеров, периодически, по мере надобности, стала собираться в казарме Полка на Рейс-Корсе и устраивать экзамен кандидатам в регулярную полицию, которых рекомендовал Командир Русского Полка. Фактически, «комиссия» поверяла только лишь знание английского языка, который был необходим, в остальном же комиссия всецело полагалась на отзывы и аттестацию Командира Полка.

Это распоряжение Муниципального Совета еще больше подняло престиж Полка, т. к. служба в регулярной полиции Международного Сеттлемента, благодаря исключительно хорошим ставкам жалования, была «мечтой» всей русской молодежи Шанхая. Полк заслужил эту привилегию снабжать полицию «своими чинами», путем долгой и верной службы Муниципальному Совету и своим образцовым поведением.

Резерв Муниципальной Полиции на Гордон род, являвшийся «тренировочным депо» для молодых полицейских-европейцев, был увеличен в своем составе и обособлен в отдельную полицейскую единицу, находившуюся под командой старших русских полицейских чинов. Этот (в сущности, «русский») резерв полиции создал у себя в казарме подобие казармы полка, копируя все детали жизни и размещения полка и очень многие из правил, которыми жил и управлялся полк. Он сделался как-бы «отдельной ротой» полка.

Проводя «полковые порядки в жизнь **своей поли-**

цейской части, Начальник полиции тем самым признал ценность и целесообразность этих порядков, введенных в Полку майором Ивановым.

Спортивная жизнь города шла своим обычным чередом. Как по расписанию, проходили «спортивные сезоны»: поздней осенью и зимой — футбол, хоккей, волейбол, баскетбол, аппаратная гимнастика; весной начинались и продолжались до наступления жаркой погоды разного рода легко-атлетические состязания, летом — теннис, крикет, вотерполо, бэйсбол. Ранней осенью, когда в Шанхае особенно душно, а потом начинается сезон дождей-ливней и тайфунов, спортивная жизнь временно замирала до поздней осени — начала зимы... и так шло из года в год. Бокс, и отчасти борьба, процветали почти круглый год, за исключением самых жарких летних и осенних месяцев.

Бокс и футбол — любимые виды спорта английской «казармы», поэтому наше Корпусное начальство всячески поощряло выступления полковых боксеров на местных любительских рингах, и неизменно присутствовало на наших «полковых боксингах», которые всегда протекали в исключительно-красивой с внешней стороны обстановке и при соблюдении военной дисциплины и порядка.

Рефери, судьи и гости-военные являлись на эти боксинги в своих красочных «месс дресс», в такой же форме присутствовали и все наши офицеры Полка, дамы в вечерних туалетах, а штатская публика (по пригласительным билетам), в большинстве, в смокингах.

За время своего существования, Полк не раз выставлял также свою команду боксеров в так называемых «командных боксах», когда боксеры Полка должны были состязаться с командой одной какой-либо воинской части или военного корабля. Такие состязания проводились по английским военным правилам бокса.

Полковая команда **всегда** с честью выходила из этих состязаний, несмотря на то, что она представительствовала всего лишь около 450 человек, в то время, как команды английских батальонов являлись представителями и выбирались из почти тысячи человек. Я постараюсь, в приложении к этой «истории» дать несколько «сценок», характеризующих жизнь Полка того периода, в том числе и описание «командного бокса».

3-го сентября 1939 года в Европе вспыхнула война:

Гитлер двинул свои войска в Польшу, с которой Англия была связана военным договором о взаимной поддержке. В результате, Англия и Франция объявили войну Германии.

Начало войны в Европе создало в Международном Шанхае положение какой-то настороженности среди разноплеменного населения его. Европейцы «жались» друг к другу, избегая лишь итальянцев, (которые еще не вступили в то время в войну) и немцев. Положение белых русских эмигрантов стало улучшаться, так как появился большой спрос на их труд в торговых предприятиях и муниципальных учреждениях, где они стали занимать места англичан, уезжавших к себе на родину для поступления в ряды своей армии, сражавшейся уже в Европе.

Лучшей рекомендацией для этих вновь поступающих русских служащих считалась рекомендация от Штаба Русского Полка. Некоторые из чинов Полка, имея в виду устроиться на более выгодную для них службу, подали докладные записки об увольнении из Полка, нашлись также и «комбинаторы», которые поступали в Полк только лишь для того, чтобы, прослужив в нем некоторое время, уволиться со службы по какой-нибудь «уважительной причине» и получить при увольнении необходимую им рекомендацию.

В противовес этому ненормальному явлению, Командир Полка, майор Иванов, объявил в Приказе по Полку и неуклонно проводил в жизнь правило, что «выдача рекомендаций» тому или иному чину Полка, уходящему со службы в Полку по собственному желанию, не является обязательством для Командира Полка, а лишь его доброй волей, и он может дать или не дать эту рекомендацию без объяснения причин. Этот Приказ несколько затормозил процесс «отлива» из Полка на гражданскую службу и дал возможность держать Полк в полном штатном составе. В то же время, Штаб Корпуса, отлично учитывая создавшееся положение, потребовал от каждого увольняющегося со службы в Полку указывать причины этого желания уволиться.

Этими мерами можно было держать Полк в штатном составе, но трудно было рассчитывать на то, что чины Полка будут дорожить своей службой в Полку, которая была физически тяжела, а оплачивалась довольно скромно. Поэтому, постепенно, стали улучшать-

ся материальные условия службы чинов Полка, а г.г. Офицеры Полка подписали специальное «Леттер оф аппойнтмент», которое давало им все права других штатных служащих Шанхайского Муниципалитета.

Английские батальоны потянулись из Шанхая в места своего нового назначения: ушли наши «старые знакомые» Бэлш Фюзильерс, обменявшись с нами подарками «на память». От нас они получили миниатюрное полковое знамя и серебряную кокарду Полка, а нам подарили свою, увеличенную в несколько раз серебряную кокарду — «рвущуюся бомбу», вделанную в изящный футляр. Перед отъездом этого батальона, наши г.г. офицеры были приглашены к ним в «оффисерс мессё» на прощальный коктейль.

В 1940-м году ушел из Шанхая последний английский батальон шотландской пехоты «Сифорс Хайландерс», размещавшийся на Рейс-Корсе, в «старом здании». Это было прекрасное помещение, очень комфортабельное, и при этом, в центре города. Вскоре Русский Полк получил приказание занять и расположиться в этих «казармах».

Здание Рейс-Корса (старое и новое, соединенные вместе) тянулось вдоль Мохаук род, примерно с юга на север, причем в южном конце его и располагались «старые трибуны для публики», отведенные Полку под казарму. Непосредственно к ним примыкали (и сообщались) «новые трибуны», предназначенные для публики, посещавшей скачки, а равно и квартиры Секретаря и старших служащих Рейс-Корса. «Трибуны для публики» представляли из себя амфитеатр широких каменных ступеней, спускавшихся вдоль всей восточной стороны здания (как нового так и старого), с высоты третьего этажа к «паддоку», который непосредственно примыкал к «скаковой (зеленой) дорожке», а дальше шла песчанная «рабочая дорожка», окаймлявшая внутреннее поле Рейс-Корса, на котором были разбиты всевозможные спортивные площадки и находились небольшие «клубные» здания-павильоны (теннис, боулинг, крикет и т. п.). На полях Рейс-Корса проводились, обыкновенно, все лучшие игры спортивных команд 1-й Дивизии Лиги, а в обычные дни на нем играли и учились играть в гольф.

Чины рот полка разместились очень свободно и комфортабельно в нижнем этаже здания, причем оставлен был специальный, обширный по размерам, гимна-

стический зал, который был немедленно оборудован всеми гимнастическими приборами. В нем-же установлен был наш полковой боксерский ринг.

В нижнем этаже находились «дежурная комната», караульное помещение для «караула у ворот», арестные помещения, кухня, склады продуктов, цейхгауз и парикмахерские. Общие уборные и души расположены были в небольшом дворе, прилегавшем к казарме с западной стороны, в непосредственной близости к месторасположению людей рот.

Во втором этаже, в южном конце здания, находились канцелярия Штаба Полка, комната «для посетителей и ожидающих», «комната профилактики» и полковой околодок.

Все здание Рейс-Корса, внутренней стеной, шедшей с юга на север, во втором и третьем этажах разделялось на две половины, причем во втором этаже вдоль этой стены шел открытый внутренний балкон, тянувшийся от самого Штаба Полка. С этого балкона было видно все расположение рот полка, а вдоль правой (восточной) его стороны располагался ряд небольших комнат, в которых размещались сержант-майоры рот, фельдшера и писаря.

В северном конце второго этажа была обширная и светлая, выходившая окнами на Мохаук род, столовая, в одном из углов которой была немедленно оборудована полковая церковь с амвоном, алтарем и большим количеством икон и церковных принадлежностей.

Почти в самом конце этого «внутреннего балкона» была железная лестница, которая вела в третий этаж — в «офицерский коридор», правая (восточная) половина которого представляла из себя ряд огромных стеклянных дверей, выводивших на верхнюю ступень «трибун для публики» и на Рейс-Корс, а вдоль западной стены коридора располагались прекрасно оборудованные уборные, комнаты душей, биллиардная, гостиная, столовая и отдельные комнаты для г.г. офицеров, которыми они пользовались в дни дежурств и в те дни, когда оставались, по той или иной причине, в казармах Полка. Командир Полка, командиры рот имели отдельные комнаты, а младшие офицеры — комнату на двоих.

Вся казарма, своим фасадом (западной стороны) выходила на Мохаук род, а ее восточная часть — на трибуны для публики. Из офицерского коридора был

чудный вид на поле Рейс-Корса и на прилегающие к нему здания города. В южном конце третьего этажа, на одном уровне с офицерским помещением, располагался полковой кантин, восточная стена которого, как и у офицерского коридора, представляла из себя ряд огромных, теперь наглухо закрытых, стеклянных дверей с видом на поле Рейс-Корса. Были оставлены открытыми только две двери, через которые можно было, поднявшись по ступенькам трибун, войти в кантин. Одна часть кантина была отведена под полковую библиотеку, а в двух больших стеклянных шкафах были выставлены наши полковые «трофеи» — переходящие кубки за все виды состязаний.

Это была лучшая казарма Полка за все время его существования: удобное, даже комфортабельное размещение, весь Полк «в руках», в центре города, в прекрасной обстановке, для занятий — все поле Рейс-Корса, а в дождливую погоду было вполне достаточно места в ротных помещениях.

В этой казарме Полк простоял до конца своего существования.

На «паддоке», против казармы Полка было достаточно места для смотров и парадов. Единственным неудобством этого паддока было то, что он имел асфальтированную поверхность, спускался под небольшим углом к скаковой дорожке и этими затруднял «отчетливость» поворотов, в особенности «кругом».

Администрация Рейс-Корса, во главе с Секретарем Скакового Клуба, г-ном Олсэн, была в очень дружеских отношениях с Командиром Полка и всячески старалась идти навстречу нуждам его части.

В дни скачек только невысокий переносный железный барьерчик отделял часть «трибун для публики» от той части этой-же трибуны, которая входила в расположение Полка, и чины Полка и их гости, сидя на «своих трибунах» бесплатно наблюдали за скачками и ходили (кто хотел) играть в тотализатор, в расположение главного Рейс-Корса, т. к. русские вочмана, стоявшие у барьера, беспрепятственно пропускали их через эту небольшую рогатку, назначение которой, повидимому, было не допускать постороннюю публику в расположение казарм Полка. У г.г. офицеров-же Полка было «прямое сообщение» с главными трибунами, без всяких препятствий.

В 1940 г. уехал в Англию «Советник полка», майор

Бэрк-Марфи. Заместитель ему назначен не был. Уехали все регулярные офицеры Штаба Ш.В.К., их место заступили местные резиденты, но бывшие офицеры английской армии 1-й мировой войны.

Кажется, в ноябре месяце 1940 г., г.г. офицеры Полка были приглашены на коктейль парти, устроенный специально для них Председателем и членами Муниципального Совета. На этом парти главную роль играл фактический глава Муниципалитета, назначенный английским правительством и несменяемый уже в течение многих лет, Секретарь Совета, Годфрей-Филлипс. Во время коктейля подтвердились слухи, которые давно уже ходили в полковой казарме и горячо обсуждались не только офицерами, но и всеми чинами Полка: Русский Полк должен быть переведен из состава Шанхайского Волонтерского Корпуса и включен в состав Шанхайской Муниципальной Полиции.

Ведь в случае возникновения войны с Японией, Шанхайский Волонтерский Корпус, как воинская единица, составленная из рот всех национальностей, враждующих между собой, терял свое право на существование и надобность в нем исчезала, хотя Международный Сеттлемент и оставался, так-как в его существовании заинтересованы были державы всего мира, независимо от того, в каком лагере они в данный момент находились. Охранять-же этот Международный Сеттлемент должна и могла только его «гражданская охрана» — полиция.

Вот почему, в предвидении близкой уже войны с Японией, Муниципальный Совет (вероятно не без участия в этом деле английской дипломатии) и решил перевести Полк на службу в Муниципальную полицию, сохранив, однако, его целостность, как части. Этим актом Муниципальный Совет сохранял свою надежную боевую воинскую часть, которая, в случае благоприятного для англичан окончания войны, снова могла войти в состав волонтерского корпуса, и, в то-же время, Муниципальный Совет передавал охрану Сеттлемента в руки, хотя и новой в полиции, части, но уже зарекомендовавшей себя с самой лучшей стороны своей дисциплиной, порядком и образцовым несением службы.

«Прощальный коктейль» прошел в грустной атмосфере. Щедро расточаемые Председателем, Секретарем и членами Муниципального Совета похвалы Русскому Полку принимались офицерами Полка с душевной бо-

лью: ведь для них это было «концом двенадцатилетней военной службы», и нужно было превращаться в «полицейских», хотя и на особом положении.

В воздаяние заслуг перед Международным Сеттлементом, Муниципальный Совет оставил за г.г. офицерами Полка присвоенные им чины и внешние знаки отличия.

24-го ноября 1940 г. Командир Корпуса устроил коктейль для офицеров всего Шанхайского Волонтерского Корпуса, который являлся также, в свою очередь, прощальным коктейлем с Полком, оставлявшим вскоре ряды Корпуса.

5-го декабря 1940 года Командир Корпуса, полковник Грэам, окончательно прощался с Полком и со всем Корпусом, во время организованного им коктейля: он уезжал в Англию. Его заместитель, полковник Манн, местный резидент, бывший офицер австралийской армии, одновременно принял на себя обязанности Коменданта лагеря для интернированных на Сингапур род.

Предстоящий перевод в полицию, с материальной стороны сулил очень много хорошего: лучшее жалование, более легкая служба и более мягкая казарменная и внешняя дисциплина.

Это являлось приманкой для «штатских» людей, но убивало дух настоящих офицеров и солдат, которые вступили в ряды Полка еще в 1927 году, **продолжая** нести военную службу, начатую ими еще у себя на Родине-России. Эти профессионалы военные не только свыклись и сжились со строгой военной дисциплиной и со всеми тяготами, сопряженными с военной службой, но **они любили** этот военный порядок и дорожили своим званием «военных». Для них переход на «полицейское положение» было мало приятен. Но рассуждать было нельзя, да и бесполезно.

15-го января 1941 года, Приказом по Шанхайскому Волонтерскому Корпусу, Полк вышел из состава Корпуса и поступил в распоряжение Начальника Муниципальной полиции, майора Борн.

На следующий день, 16-го января 1941 года, Полк был переименован в **«Русский Вспомогательный Отряд Шанхайской Муниципальной Полиции».**

Внутренняя жизнь в Полку не изменилась, но в программу занятий, помимо обычных строевых, было

введено изучение «Полицейских правил» и все чины Отряда прошли курс обучения и стрельбы из пистолетов «Кольта» и автоматов «Томпсон-ган». Г.г. офицеры полка, группами, получали командировки в Полицейское депо, где проходили курс полицейской службы в более широком размере, чем рядовые чины Отряда.

Материальные условия службы начали улучшаться. В ожидании неизбежной войны, Муниципалитет сделался более покладистым, а Начальник Полиции, майор Борн проявил исключительную заботливость о «своем» новом Отряде. В результате: было увеличено жалование, помимо «заштатных» (при увольнении после шести лет службы) чины Отряда получали право на особый специальный «бонус», два раза в месяц каждый чин Отряда получал право на «суточный отпуск».

Вскоре Отряд получил новое, «голубое» полицейское обмундирование с серебряным трафаретом на погонах «Р.В.О.Ш.М.П.», г.г. офицерам была присвоена форма офицеров полиции с числом звездочек, которые они имели в Ш.В.К.: Командир Полка получил форму Старшего Помощника Начальника Полиции, капитаны — форму Помощников Начальника Полиции, лейтенанты — Суперинтендантов полиции. Форма была отличная, сшитая по мерке и из прекрасного материала. На офицерской фуражке с козырьком обшитым широким серебряным галуном (согласно чина) появилась большая, массивная, серебряная кокарда-звезда с гербом (из эмали) Ш.М.С. «Стэк» военного образца заменила короткая лакированная палочка, волонтеры же получили полицейские палки, установленного в полиции образца, являвшиеся их «холодным оружием».

Винтовки были сданы на склад Ш.В.К., а взамен получены с полицейского склада — «армори» пистолеты «Кольта .30» и «Томпсон-ганы». Офицеры Отряда получили на руки пистолеты «Кольта .45».

Дежурная комната Отряда была превращена в полицейскую «Чардж рум» и там же оборудована была «армори», из которой чины Отряда, при выходе на службу, получали пистолеты и патроны, сдавая их туда же обратно при возвращении из наряда.

На широком и длинном столе-прилавке в «Чардж рум» появилась огромная по размерам полицейская «книга происшествий» (Оккёренс бук), в которую дежурный сержант заносил все происшествия, случившиеся на постах за время несения службы чинами От-

ряда. Утром книга эта представлялась в Штаб Отряда, где Адъютант (в то время Адъютантом Отряда был я) делал сводку важных происшествий и заносил ее в особую ведомость, за которой ежедневно, около 9 час. утра, приезжал особый мотоциклист посыльный из Штаба Полиции и ведомость эта шла на просмотр высшему полицейскому начальнику.

«Для связи» Отряда, представлявшего из себя как-бы отдельную полицейскую станцию, со Штабом полиции был назначен особый Чиф-Инспектор, Офицер связи — англичанин Ф. Тэтстолл, который проводил в Отряде целые дни.

Прямым Начальником Отряда (непосредственным начальником нашего командира) являлся один из Старших Помощников Начальника Полиции, г-н Робертсон, одновременно «командовавший» всеми резервами полиции, тренировочным депо и индусами.

Отношение старших полицейских начальников к Русскому Отряду было исключительно внимательным и благожелательным. Они прекрасно понимали, что в лице Русского Отряда они получили в свое распоряжение и для помощи наиболее надежную, дисциплинированную и обученную часть, которая представляла из себя большую силу.

Скоро между офицерами Русского Отряда и офицерами регулярной полиции установились отличные взаимные отношения, чему немало способствовали коктейль парти в «оффисерс месс» Отряда, игра на бильярде или «случайная рюмка водки» у буфета нашей офицерской столовой.

Совсем по другому смотрели на офицеров Отряда европейцы полицейские — «средние чины» регулярной полиции (инспектора, суб-инспектора и сержанты). Они никак не могли смириться с тем, что офицеры Отряда, сразу же по переводе в полицию, получили право на ношение «офицерской формы» с присвоенными этой форме звездочками, а они, прослужив в полиции уже десятки лет, по-прежнему, должны были довольствоваться своей сержантской или инспекторской нашивкой на рукаве и носить длиннейшую (сержант-майорскую) палку.

Но, постепенно, сгладилась и эта шероховатость, так как ежедневное общение с ними на всех почти полицейских станциях и радушные приемы в офицерской столовой Отряда делали свое дело.

Отношение офицеров регулярной полиции к чинам Отряда было очень благожелательным: они охотно разъясняли им то, что было не вполне понятно и извиняли мелкие ошибки и упущения, допущенные чинами Отряда по неопытности.

Полицейская служба и «вольности» свели число часов строевых занятий до минимума, и чины Отряда начали терять свою образцовую выправку, а дисциплина, постепенно, стала падать. Ведь русский солдат, при всех его хороших качествах, нуждается в «зорком глазе строгого начальника», а этого «глаза» почти не было, т. к. почти каждый чин Отряда, выходя на службу, получал самостоятельное задание, а дежурный по Отряду офицер имел возможность видеть этого чина на посту не больше одного раза в течение каждой четырехчасовой смены, и при этом, только лишь мимоходом, проезжая с поверками несения службы на постах на мотоцикле.

Начальнику Отряда, майору Иванову, снова пришлось, постепенно, вводить «военные строгости» и принимать меры к повышению дисциплины до прежнего уровня: усилились меры взыскания за проступки, были введены «черные доски» для злостных нарушителей дисциплины и порядка, введены были «дополнительные занятия» с провинившимися, особенно упорным и мало исправимым делались предупреждения об увольнении, бывали и случаи увольнений «в дисциплинарном порядке».

Наряду с этим, часы отдыха в казарме обставлялись все большими и большими удобствами. Для нужд чинов Отряда даже были установлены в кантине два телефона, у которых был дежурный, на обязанности которого лежало отвечать на телефонные вызовы «из города».

С упадком дисциплины и с появлением большого количества свободного времени, которое, обычно, чины Отряда проводили в городском отпуску, многие из них, ранее занимавшиеся спортом или состоявшие в Отрядном струнном оркестре и хоре, начали смотреть на эти «дополнительные обязанности», как на необязательные для них с переводом на полицейскую службу. Отрядным спортивным командам и оркестру угрожала опасность, если не развалиться, то понизить свой стандарт. Новым приказом по Отряду (с разрешения, конечно, полицейского начальства) Начальник Отряда подтвердил,

что «спорт и оркестр» в Отряде — занятие обязательное, как служба и строевые занятия.

С началом войны немцев с Советской Россией, среди русской колонии Шанхая началась усиленная советская пропаганда: ведь Советская Россия попала на положение «союзника» англичан и американцев!

Под разными предлогами, советские агенты пытались втянуть в свою орбиту белых русских эмигрантов: то сбор на «красный крест», то на помощь пострадавшим в разоренных немцами районах России и т. д. Среди русской колонии Шанхая произошел раздел на две (приблизительно равные) половины: белую и красную.

Обе эти половины имели свои радио-станции, свои газеты и обе вели свою пропаганду. Появились советские «ура-патриоты» с красными розетками в петлицах, они не только появлялись в таком виде на улицах города, но и в общественных местах и даже пытались проникнуть в казарму Отряда на Рейс-Корсе.

Узнав об этом, майор Иванов отдал строгий приказ, в котором подтвердил: **«основное условие — требование» для поступавших в Русский Полк (Отряд) — быть белым русским эмигрантом и не иметь никакого общения с красными.** Этим приказом «была поставлена точка над И, и каждый, продолжавший свои связи с красными, тем самым ставил себя в положение человека, давшего о себе неправильные сведения при поступлении в Отряд и поэтому подлежал немедленному увольнению.

Эта мера помогла сохранить Отряд **«белым»** до самого конца войны, но красная зараза, все-же, сумела пустить свои корни в толщу рядовой массы чинов Отряда, что привело к печальным событиям — арестам в ближайшие военные годы, когда японцы начали войну на Востоке, и после войны, когда очень большое число бывших чинов Отряда уехали «к себе на Родину» в 1947-м году, поддавшись советской пропаганде. Только г.г. офицеры и кадр старослужащих не поддался советскому влиянию и остался верен своему Русскому Национальному флагу — Знамени полка до конца.

Для «официального» подтверждения, описанного мною выше, дам несколько приказов и распоряжений. Их было много, и все они имели большое значение в жизни Полка (Отряда), но у меня сохранилась, к со-

жалению, только лишь небольшая часть из них, но весьма характерная.

Приказ по Полку за № 124, § 2, от 4 мая 1939 года.

Ниже сего, в переводе с английского, объявляю распоряжение Начальника Полиции Сеттлемента от 1-го марта сего 1939-го года, полученное через Штаб Корпуса при письме за № 222/14 от 2 мая с. г.

СОДЕРЖАНИЕ: **Поступление русско-подданных на службу в Шанхайскую Муниципальную Полицию.**

Начальник Полиции приказал принять к исполнению следующее:

Начиная с сего числа, никто из русско-подданных, желающих поступить на службу в Шанхайскую Муниципальную полицию, не может быть принят, если не служил в Русском Отряде или в 3-й Русской Волонтерской роте Шанхайского Волонтерского Корпуса и не рекомендован надлежащим образом Командиром Русского Полка.

(Подписал) В. Е. Фэйрберн,
Помощник Начальника Полиции.

Приказ по Полку за № 215, § 3, от 3 августа 1939 года.

Практикующаяся до сего времени выдача мною удостоверений о службе в Полку увольняющимся чинам — производится не по праву увольняющихся чинов и не по юридическому обязательству с моей стороны.

Это есть моя личная любезность, исходящая из моего искреннего желания подтвердить мою благодарность за службу увольняющихся чинов Полка и, оценкой их поведения и службы, оказать хоть маленькую помощь им в устроении своего будущего. К сожалению, практика показала, что многие из уволившихся чинов Полка не оценили моего доброжелательного отношения и не оправдали оказанного им доверия, а равно, как я убедился за последнее полугодие, и многие чины, находящиеся в данное время на службе в Полку, не желают понять моего человеческого и искреннего к ним отношения, а стараются своим поведением повредить делу, ведение которого мне поручено.

Я не ищу дешевой популярности среди чинов

Полка и не гонюсь за уличной славой, мои стремления направлены к сохранению Полка и к укреплению его престижа.

Многие забывают то, что я — не диктатор и не хозяин Полка, а такой-же служащий, как и все офицеры и волонтеры Полка, с той лишь разницей, что мне поручено, под контролем высшей власти, командовать Полком и руководить жизнью чинов его, с правом приказывать и наказывать по закону.

Объявляю для сведения всех чинов Полка, что в будущем:

1. Удостоверения о службе в Полку не будет выдаваться:
   а. Чинам, кои будут увольняться до срока окончания подписанного ими контракта, за исключением тех, кто будет уволен по состоянию своего здоровья медицинской комиссией.
   б. Чинам, кои будут увольняться в принудительном порядке, т. е. по предъявлению нотиса с моей стороны.
   в. Чинам, кои будут представлять свои ходатайства об увольнении со службы по собственному желанию, вследствие окончания контракта, — позднее срока, установленного Приказом по Полку за № 226, § 2 от 14-8-33, т. е. позднее, чем за две недели.
   г. Чинам, поведение которых, по моему заключению, было дурным примером для других или вредным для Полка.
2. Рекомендательные письма и всякого рода справки не будут выдаваться:
   а. Чинам, поведение которых, согласно листа наказаний или по моему заключению, не было примерным или хорошим.
   б. Чинам, которые после увольнения из Полка, своими словами или действиями, проявляли недоброжелательство к Полку, или своим поведением запятнали себя.

Еще раз напоминаю, что выдать или отказать в выдаче удостоверения о службе в Полку — мое персональное право, а не обязательство, исходящее из смысла закона. Вышеуказанное распоряжение вво-

дится в силу, как одна из многих мер, находящихся в моей власти, могущая поднять дисциплину части и образумить не в меру распустившихся некоторых чинов Полка.

Приказ по Шанхайскому Русскому Полку за № 15, от 15 января 1941 года.

§ 2.

С 16-го января 1941 года, согласно специального приказа по Шанхайскому Волонтерскому Корпусу от 14-го января 1941 года, вверенный моему командованию Отдельный Русский Отряд Ш.В.К. переводится на службу в Департамент Шанхайской Муниципальной Полиции.

§ 3.

1. 16-го февраля 1932 года, путем сведения Отдельного Русского Отряда, существующего с 17 января 1927 года, с Русской (волонтерской) ротой Ш.В.К., существующей с 13 октября 1928 г., был сформирован РУССКИЙ ПОЛК (Батальон «С»), Ш.В.К. В воздаяние особых заслуг Русскому Полку Ш.В.К. 3-го апреля 1932 года было даровано Шанхайским Муниципальным Советом полковое знамя.

   16 января 1941 года Отдельный Русский Отряд, переходя на службу в Шанхайскую Муниципальную Полицию, отделяется от 3-й русской (волонтерской) роты, и этот акт «отдела ПРЕКРАЩАЕТ СУЩЕСТВОВАНИЕ РУССКОГО ПОЛКА (Батальона «С»)Ш.В.К.

   Вследствие превалирования в старшинстве и превосходства в численном составе Отдельного Русского Отряда, Шанхайский Муниципальный Совет своим распоряжением, опубликованным в Муниципальной газете за № 1821 от 26-7-40, оставил и закрепил за таковым все права преемственности на знамя, дарованное Шанхайскому Русскому Полку.

   В соответствии с этим решением Муниципального Совета, знамя со всеми приобретенными по акту дарования физическими и юридическими правами с 16-го января с. г. переходит во владение Отдельному Русскому Отряду, переводимому

с указанного числа на службу в Департамент Полиции Ш.М.С.

В связи с прекращением существования Русского Полка Ш.В.К. и вместе с этим упразднения моих функций, как Командира Полка, я считаю своим долгом выразить чувства своего удовлетворения всем г.г. офицерам и волонтерам всех званий, как состоящим на службе в Полку, так и служившим ранее в нем, за их честную службу во славу Полка, на пользу общества и в оправдание доверия властей.

Я горжусь тем (имея на это основание), что ни представители правящего класса, ни иностранная колония, включая конечно и русскую, ни коренное китайское население Шанхая не будет иметь основания сожалеть о доверии, оказанном Русскому Полку, Ш.В.К., или сетовать на службу его в течение прошлых 14 лет.

Русский Полк Ш.В.К. оставил в истории Шанхая свой след, отмеченный тремя Русскими Национальными цветами с присущими им лучшими качествами сынов России — нравственной порядочности и воинской чести.

2. С переводом на службу в Шанхайскую Муниципальную Полицию Отдельный Русский Отряд теряет служебную связь с 3-й (волонтерской) ротой Ш.В.К., которая положила немало трудов в поддержание престижа Полка и славы доброго Русского имени.

Своей добровольной службой в составе Ш.В.К. на пользу Международной колонии Шанхая, 3-я (волонтерская) рота полка оказала большую услугу всей Русской Эмигрантской Колонии нашего города, ставя ее в отношении выполнения общественного долга наравне с другими иностранными колониями.

Порывая служебную связь с 3-й (волонтерской) ротой, я хочу выразить искреннюю и глубокую благодарность Командиру ее, капитану К. П. Савелову, г.г. офицерам и всем чинам роты за добросовестное отношение к своим обязанностям и за ту добровольную жертвенность служения общественному долгу, которые они проявля-

ли, находясь в составе Полка в течение девяти лет, представляя своей организованной воинской единицей в Волонтерском Корпусе Белую Русскую Эмигрантскую Колонию Шанхая.

Отделяясь вместе с Отдельным Русским Отрядом от 3-й (Волонтерской) роты, остающейся в составе Ш.В.К., я верю, что та духовная связь, которая в прошлом неразрывно связывала всех чинов этих двух составных единиц Полка в родную по духу Русскую воинскую часть, и то содружество и верность, которые существовали между ними, останутся неизменными и на будущее время

Я от души желаю командиру роты, г.г. офицерам и волонтерам всех званий 3-й (волонтерской) роты счастья в личной жизни каждого и полного преуспевания на их служебном поприще и не сомневаюсь, что г.г. офицеры и все чины роты приложат все усилия для поддержания престижа и доблести своей роты на должной высоте.

3. В течение четырнадцати лет Отдельный Русский Отряд состоял в рядах Ш.В.К., являясь, как по своему внешнему виду, так и по характеру своей службы, регулярной воинской частью.

Примерное состояние Отряда и добросовестная служба чинов его неоднократно отмечены в Приказах по Корпусу, в письмах Гражданского Командира — Председателя Ш.М.С. и в ежегодных отчетах Шанхайского Муниципального Совета. Временами служба Отряда протекала в чрезвычайно «деликатных», а иногда и очень тяжелых условиях, но свято храня традиции и заветы старой Русской армии, чины Отряда с честью переносили все тяготы службы, являя собой пример скромности, исполнительности и дисциплины.

С переходом на службу в Департамент Полиции Ш.М.С. изменяется характер службы чинов Отряда, их внешняя форма, но внутреннее содержание будет сохранено прежним: Русский солдат, исполнительный, скромный, дисциплинированный и ревностный к службе, останется неизменным.

Власти Международного Сеттлемента, перево-

дя Отдельный Русский Отряд на службу в Полицию, верят в эту неизменность духа Русского солдата, какую-бы последний форму не носил, и подтверждают эту веру оставлением и закреплением за Отрядом прав преемственности на дарованное в 1932-м году знамя Шанхайскому Русскому Полку.

Знамя, полотнище которого представляет: Национальный флаг Императорского Российского Государства, как признак национальной части, с вышитыми по обеим сторонам его (флага) муниципальными трафаретами, являющими собой знак высшей власти, закон коей Отряд призван исполнять и охранять, будет гордо развеваться на всех парадах Шанхайской Муниципальной Полиции, в которых Русский Отряд будет принимать участие.

И это знамя, наличие которого определяет собой самостоятельность и национальность Отряда, будет являться священным и постоянным стимулом для чинов Отряда, воодушевляющим их к честному выполнению своего долга во славу имени своей части и во благо общества, охранять которое Отряд призван.

Штат Отряда, организация и права его, аппарат управления, офицерский и унтер-офицерский составы остаются прежними и только постепенная перемена произойдет в части касающейся вооружения, обмундирования и характера службы.

Г.г. офицеров и всех чинов вверенного моему командованию Отряда, от лица службы, благодарю за их старание, проявленное в течение четырнадцати лет, к поддержанию тех отличительных признаков Русского Отряда, которые создали ему в рядах Шанхайского Волонтерского Корпуса славу отличной воинской части.

В равной мере я надеюсь, что и на новом служебном поприще, в Шанхайской Муниципальной Полиции, они не ослабят своего служебного рвения.

БОГ В ПОМОЩЬ!

§ 3.

С 16-го сего января РУССКИЙ ПОЛК (Батальон «С») Ш.В.К. ПРЕКРАЩАЕТ СВОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ.

Отдельному Русскому Отряду Ш.В.К. перейти на службу в Ш.М.П., в подчинение Начальника Муниципальной Полиции.

3-й Русской (волонтерской) роте оставаться попрежнему в рядах Шанхайского Волонтерского Корпуса и войти в прямое и непосредственное подчинение Командира Шанхайского Волонтерского Корпуса.

Приказ по Русскому Вспомогательному Отряду Ш.М.П. за № 1, от 16 января 1941 г.

§ 2.

Сего числа, согласно циркулярного письма №162, от 11 января 1941 года, Штаба Шанхайской Муниципальной Полиции, вверенный моему командованию Отдельный Русский Отряд, Ш.В.К. перешел на службу в Ш.М.П.

§ 3.

С переводом на службу в Департамент Полиции Шанхайского Муниципального Совета вверенному моему командованию Отряду присваивается наименование: «РУССКИЙ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ ОТРЯД ШАНХАЙСКОЙ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ПОЛИЦИИ».

Мне присваивается, по занимаемой должности, наименование «Начальника Русского Вспомогательного отряда Шанхайской Муниципальной Полиции».

Перевод с английского СПЕЦИАЛЬНОГО ПРИКАЗА полковника Ж. В. Хорнби, М. С. Командира Шанхайского Волонтерского Корпуса.

Вторник, 13-го января 1941 года.

§ 1. Перевод Русского Отряда в Шанхайскую Муниципальную Полицию.

С полуночи 15/16 января 1941 года Русский Отряд Шанхайского Волонтерского Корпуса будет переведен в Шанхайскую Муниципальную Полицию.

С величайшим сожалением Корпус лишается

службы этой прекрасной воинской части, которая со дня ее формирования в 1927 году играла такую важную роль в поддержании мира и порядка на Сеттлементе.

Думается, как бы то ни было, что та гордость, с которой Корпус, и вообще Шанхай, рассматривали свой Русский Полк, будет поддерживаться его чинами в их новой роли, как Вспомогательного Отряда Шанхайской Муниципальной полиции, так-как, конечно, и в новой обстановке они сделают себе имя, достойное их прекрасного прошлого.

Лучшие пожелания Корпуса идут с вами.

Приказ по Отряду за № 72, § 2, от 28 марта 1941 года.

С сего числа практиковавшееся в Отряде слово «волонтер», определяющее служебное положение каждого чина, — упраздняется и вместо него устанавливаются следующие определения:

Вспомогательный Констебль;
Вспомогательный Ленц-капрал;
Вспомогательный Капрал;
Вспомогательный Сержант;
Вспомогательный Сержант-майор.

и все чины Отряда, за исключением г.г. офицеров, в собирательном смысле называются «чины Отряда».

ОСНОВАНИЕ: Распоряжение Начальника Полиции от 27-3-41.

Приказ по Отряду за № 100, от 25 апреля 1941 года.

§ 2.

В 4 часа дня 24-го сего апреля на площади перед Трибунами для публики Рейс-Корса имели место парад и церемония пожалования ленты цветов Шанхайской Муниципальной Полиции на знамя Русского Вспомогательного Отряда и медалей за службу в Ш.В.К. чинам Отряда, прослуживших в составе Ш.В.К. ко дню перехода Русского Отряда в состав Муниципальной Полиции, т. е. к 16-му января с. г., двенадцать и более лет.

Начальник Шанхайской Муниципальной Полиции, майор Борн, принимал парад и провел церемонию пожалования ленты и медалей.

Парад прошел весьма удачно.

После парада Начальник Полиции произвел инспекторский смотр помещений, занимаемых Отрядом.

Начальник Полиции выразил свое удовольствие по поводу прекрасного вида чинов Отряда и хорошего состояния занимаемых ими помещений.

Г.г. офицеров и всех чинов Отряда, от лица службы, благодарю за проявленное старание, за хорошую выправку и маршировку, отличное выполнение приемов, за бравый вид в строю и за положенные ими труды по приведению казармы Отряда в хорошее состояние для осмотра Начальником Полиции.

§ 3.

Поздравляю чинов Отряда с полученной ими лентой на знамя цветов Шанхайской Муниципальной Полиции, поднесенной Начальником и г.г. офицерами Полиции.

Надеюсь, что чины Отряда оправдают, оказанное им актом пожалования ленты, доверие Начальника и г.г. офицеров Шанхайской Муниципальной Полиции.

ПРИКАЗ НАЧАЛЬНИКА ПОЛИЦИИ.

24-го апреля 1941 года.

Г.г. офицеры Шанхайской Муниципальной Полиции, в знак добрых пожеланий Русскому Вспомогательному Отряду по случаю его вхождения в состав полицейских сил, имеют большое удовольствие вручить ленту цветов Шанхайской Муниципальной Полиции для знамени Русского Вспомогательного Отряда.

Все г.г. офицеры уверены в том, что, обращаясь к Русскому Вспомогательному Отряду с просьбой принять эти полицейские цвета, они могут чувствовать себя счастливыми в сознании того, что Русский Вспомогательный Отряд своей отчетливой, полезной и верной службой, выполняя свои обязанности, дополнит славу не только Отряда, но и Шанхайской Муниципальной Полиции.

Приказ по Отряду за № 201, § 2, от 4-го августа 1941 г.

Согласно конституции Шанхайского Муниципального Совета, выработанной для вверенного мое-

му командованию Отряда в период его формирования — 21 января 1927 года, — последний, т. е. Отряд, должен состоять из людей Русского происхождения и обязательно Русско-национального (антибольшевистского) политического убеждения.

В соответствии с этим, по установленной в Отряде процедуре приема «молодых», каждый вновь поступающий должен, кроме положенных документов свидетельствующих личность: как паспорт или метрическое свидетельство, представить в Отряд сертификат Русского Эмигрантского Комитета в Шанхае, подтверждающий политическую благонадежность и непричастность вновь поступающего к политическим кругам анти-национального толка.

Таким образом, без совершения подлога или преступления или хамелеоновского приема скрывания своего истинного политического лица, что свойственно лишь подлым и мерзким натурам провокаторов, проникновение в Отряд русских большевиков является делом невозможным.

Также я не допускаю возможности, чтобы кто-либо из чинов, в период своего пребывания на службе в Отряде, переменив свое политическое убеждение, смог перекинуться во враждебный Русской белой эмиграции, большевистский лагерь.

Поэтому вся жизнь и деятельность Отряда должны базироваться на принципе белой национальной идеологии и Русской православной веры, с категорическим отрешением от всего иноверного и всего чуждого Русскому национальному духу.

Политическая идеология Отряда выражается наличием в нем знамени и флага Русских национальных цветов былой Императорской Российской Империи, а духовная жизнь проявляется исповедыванием догматов Церкви Православной, с соблюдением вековых обычаев Русской Старины.

Всякий чин Отряда, находясь на службе в нем под сенью Русского Национального флага, под защитой Русского Эмигрантского Общественного закономерного представительства и под опекой Русской Православной Церкви, должен быть примерным солдатом, достойным членом Русской Белой Эмигрантской Колонии в Шанхае и открытием идейным врагом большевизма вообще, а в частности

большевистского правительства в Советской России.

Поэтому всякое проявление где-бы то ни было и когда-бы то ни было, тем или иным способом симпатий, сочувствий или содружества в сторону большевиков, а особенно советского правительства в СССР, путем-ли распевания, наигрывания песен советского толка, ношения значков, пожертвований, печатания и чтения газетных статей, посещения мест большевистской идейной окраски, тем более пребывания в них в качестве членов или гостей и т. п., мною строго и решительным образом запрещается.

Нарушение этого запрещения будет рассматриваться актом позорящим идеологию и эмблему Отряда, поведением намеренно дискредитирующим сам Отряд, умаляющим престиж Шанхайской Муниципальной Полиции и направленным в ущерб репутации Шанхайского Муниципального Совета.

Виновные в этом будут привлекаться мною к ответственности в дисциплинарном порядке по статьям 4, 5-а и 8-х «устава о наказаниях», применяемых в Русском Отряде, и будут наказываться в порядке установленной процедуры судопроизводства.

Приказ по Отряду за № 279, § 2, от 21 октября 1941 г.

На будущее время предлагаю г.г. офицерам и всем чинам Отряда на мундире, в обычные дни, для удобства, носить не все орденские ленточки, а только одну за участие в деле защиты Шанхая в 1937 г. и вторую, кто имеет, за выслугу лет в Шанхайском Волонтерском Корпусе.

Все-же орденские ленточки или ордена носить только в парадные дни или когда будет приказано.

Этот приказ не аннулирует право ношения всех Русских орденов, и только в целях практичности рекомендуется новое правило ношения.

— 1942 год —

7-го декабря 1941 года, в большой компании, мы с женой ужинали в доме одного старого русского моряка, который командовал пароходом какой-то китайской компании и назавтра отправлялся в плавание. Кажется, это был день его рождения и было это, насколько помню, воскресенье.

Было уже около полуночи, когда начался разъезд гостей и все мы, вызвав такси, сидели одетыми в гостиной. Общий разговор неожиданно перешел на тему о войне в Европе, и один из гостей задал вопрос: «а как по-вашему, будет-ли война здесь, у нас на Востоке?». На это сын хозяина (инженер Шанхайской Электрической станции) немедленно ответил: «Ну, об этом нечего и беспокоиться, войны здесь не будет». Никто из присутствующих ему не возразил, по-видимому, это было общее мнение, хотя и сокровенное, не высказываемое вслух.

Европейское население Шанхая, конечно, было взбудоражено войной в Европе, продолжавшейся уже почти два года, но начинало свыкаться с мыслью, что «чаша сия минует Шанхай», и мы будем жить, как прежде, не отказывая себе ни в чем, даже в прихотях.

Никто из нас не предполагал, что в это самое время японцы, без формального объявления войны, уже громили американский военный флот в Жемчужной Гавани и топили транспорты, на которых плыли из Шанхая на Филиппины остатки 4-го полка американских марин, недавно покинувших Шанхай.

Утром 8-го декабря, как обычно, я встал очень рано и, позавтракав, пошел к своей автобусной остановке, так-как ездил на службу, в казарму Отряда на Рейс-Корсе, на автобусе (расстояние всего лишь мили полторы). Было около 7 часов утра. Как обычно, на остановке ко мне подошел один из англичан — служащий Британско-Американской табачной компании, с которым мы обыкновенно в одно время выезжали на службу по утрам.

Хотя официально моя служба, как Адъютанта Отряда, начиналась в 9 час. утра, я приходил в Отряд к 7 ч. 30 м., и сразу-же принимался за перевод с русского на английский рапорта о происшествиях, имевших место на постах, обслуживаемых чинами Отряда, за истекшие сутки. Вскоре после 9 часов особые мотоциклисты-посыльные из Штаба Полиции собирали эти рапорты по всем полицейским станциям и доставляли их в Штаб Полиции для просмотра Начальником Полиции.

Наш автобус уже давно должен был подойти к остановке, но его не было и мы объяснили это просто обычной неаккуратностью в расписании автобусной компании. Около нас собралось уже около десятка человек пассажиров и уже строились предположения, что с автобусом, по-видимому, что-то случилось в пути и нам придется идти к трамваю или брать такси или (как мне) просто «двигаться походным порядком».

Но вот, наконец, показался и подошел к остановке почти переполненный уже автобус и мы забрались в него.

В автобусе мы услышали сногсшибательную новость: один из пассажиров-европейцев только-что слышал по радио оповещение японского военного Штаба в Шанхае о том, что Япония присоединилась к союзу Германии и Италии и объявила войну Англии, Америке и Франции, **и уже заняла Шанхай.** Японское командование призывало население Шанхая отнестись к событиям спокойно и продолжать работать, как обычно.

Через пять минут я уже был у себя в казарме, где в «оффисерс месс» мне рассказали все последние новости: на рассвете японцы предъявили ультиматум о сдаче командирам английской и американской канонерок, стоявшим на Вампу, против Банда. Американцы сдались, а англичане подняли флаг и стали готовиться к совершенно неравному, безнадежному бою. Японцы выкатили на Банд несколько полевых орудий и, сделав из них несколько выстрелов по английской канонерке, высадили на нее свой десант, взяв ее «боем».

Военные моряки-англичане с честью поддержали свою вековую традицию, освященную памятью адмирала Нельсона под Трафалгаром и «выполнили свой долг», американцы-же, как обычно, увидели в этом деле «невыгодный бизнес» и поэтому отказались от него в ущерб своей национальной гордости.

Вскоре из Штаба полиции прибыл в Отряд наш

«офицер для связи» со Штабом, Чиф Инспектор Ф. Тэтстол, и подтвердил имевшиеся уже у нас сведения о Шанхайских событиях, а равно и передал распоряжение Штаба нести службу, как обычно, и особенное внимание обратить на то, чтобы на улицах не собирались толпы и не было беспорядков и демонстраций.

По распоряжению Штаба Полиции, все старшие полицейские начальники обязаны были выйти на службу «на улицах», чтобы лично следить и руководить порядком во время официальной оккупации Международного Сеттлемента японскими войсками.

Нужно отдать справедливость и англичанам и японцам: первые, хотя и были взволнованы и угнетены создавшимся своим новым положением «полу-официальных» пленников на службе у врага, выполнили свой долг по охране Сеттлемента с честью и достоинством, японцы-же вошли на Сеттлемент без особой афишировки, спокойно и деловито, без всяких эксцессов.

Улицы, и особенно перекрестки улиц, кишели вооруженной полицией: тут и европейцы, и индусы, и китайцы. Жизнь города шла своим установленным порядком, только при соблюдении наивысшего возможного порядка, довольно необычного для Шанхая.

Чины Отряда, как обыкновенно, выходили на службу, получая оружие в своей дежурной комнате внизу, назначенные на строевые занятия, вышли на плац, в Штабе Отряда — в канцелярии шла обычная работа. Наружно ничто не изменилось, только отсутствовал Тэтстол, который обычно проводил в Отряде целые дни: его вызвали обратно в Штаб Полиции.

Время приближалось к обеду. Японцы уже ввели свои войска в различные районы Сеттлемента и расположились в заранее ими намеченных казармах, освободившихся после ухода из Шанхая английских и американских войск, а также и в Муниципальных зданиях.

Неожиданно, за окнами Штаба Отряда, на Мохаук род, послышался какой-то все более и более нароставший, однообразный грохот, лязганье «гусениц» и шум моторов. Выглянув в окно, я увидел длинную колонну японских пулеметных танкеток, которая, вытянувшись вдоль всего здания Рейс-Корса, остановилась.

Вскоре послышались шаги на наружной лестнице, которая вела в Штаб Отряда, резко открылась дверь канцелярии Штаба и на пороге появились два японских солдата. Войдя в помещение, они что-то грозно выкрик-

нули по-японски и взяли винтовки «на изготовку», направив их в сторону стола, за которым сидел наш Начальник Отряда, майор Иванов. Вслед за солдатами вошел офицер японец и на довольно плохом английском языке задал совершенно нелепый вопрос: «какая здесь стоит воинская часть?».

Узнав, что это Русский Отряд, Ш.М.П. и что майор Иванов является его начальником, офицер японец подошел к столу и позвонил куда-то по телефону. стоявшему на столе Начальника Отряда. Короткий разговор по-японски и офицер молча передал трубку майору Иванову: у телефона был один из помощников начальника полиции — японец. Он объявил о том, что полиция Сеттлемента перешла в ведение японской администрации, но Отряд должен, по-прежнему, нести службу до дальнейших распоряжений.

Довольно вежливо, но с большим достоинством «откланявшись», офицер японец, в сопровождении своих солдат, вышел из Штаба Отряда и танковая колонна двинулась дальше.

Не могло быть никаких сомнений в том, что японцы не только отлично знали «какая воинская часть стояла на Рейс-Корсе», но они прекрасно были осведомлены и о ее личном составе, о каждом чине ее в отдельности, так-как «их люди» — японские служащие Штаба полиции Международного Сеттлемента, конечно, уже дали эти сведения своему военному командованию.

На душе у каждого из нас, я думаю, было неспокойно: кончилась нормальная налаженная годами жизнь, начиналась новая на положении «нежелательных служащих» — полу-врагов новой власти. В душу невольно закрадывалась тревога за будущее.

В ушах еще ясно звучали слова Председателя Муниципального Совета, сказанные им во время коктейль-парти при переводе Отряда из Ш.В.К. на службу в Полицию, в которых он выражал надежду и глубокую уверенность в том, что Отряд будет продолжать свою верную и примерную службу Муниципалитету и на новом своем поприще — полицейской части. Перед глазами еще мелькали строки обращения Английского Посланника в Китае ко всем служащим европейцам (включая и англичан), отпечатанного в местной прессе, в котором он призывал всех оставаться на своих местах при любых обстоятельствах и сохранить Международный Сеттлемент до лучшего, спокойного будущего.

Пришли новые «хозяева»-японцы. Пришли по праву завоевателей. Как они отнесутся к служащим Муниципального Совета, несшим свою службу по английским законам?! — могло показать только будущее.

Вечером в этот-же день, 8-го декабря, в нашем «оффисерс месс» собралось почти все высшее полицейское начальство-англичане: был и Начальник Полиции, капитан Смайс, были старшие его помощники Бэкер, Самсон, «наш» Робертсон, Айерс, Виддоусон, конечно, Тэтстол, были кое-кто и из начальников «Полицейских дивизионов». Многие из них уже переехали или собирались переехать со своих комфортабельных квартир в скромные, небольшие квартиры и комнаты, имевшиеся в здании Рейскорсного клуба, в которых обычно жили иногородние члены клуба, приезжавшие в Шанхай на скачки.

Все они были в тревожном настроении. Начальник Полиции, майор Борн, и его старшие помощники Смайс и Самсон, вместе с английскими дипломатическими чиновниками и некоторыми высшими чинами Ш.В.К. (в том числе был и последний Командир Корпуса, полковник Манн), должны были в недалеком будущем отплыть из Шанхая на специально «договоренном с японцами» последнем пароходе, который должен был увезти их в нейтральный «международный» порт Лоренцо-Маркос, на западном берегу Африки. Все остальные англичане оставались на службе по-прежнему, но с постов начальников отделов перешли на должности помощников, уступив свои места японцам.

Японцы в данном случае поступили очень разумно: они не ломали структуры Муниципального аппарата, а брали его в свое ведение таким, каким он был, имея в виду лишь постепенно вводить свои правила и порядки, не нарушая нормальной жизни, все еще продолжавшего оставаться «международным», Сеттлемента.

Многие из новых глав отделов полиции — японцы оказались старыми служащими Муниципальной Полиции (японского отдела), занимавшие при англичанах скромные должности. Теперь они стали начальниками, а их бывшие начальники перешли к ним в подчинение.

Имея в виду сохранение целостности Международного Сеттлемента и его огромного и богатейшего хозяйства, англичане, следуя приказу своего Посланника в Китае, остались служить во всех отделах Муниципа-

литета, выполняя приказы своих новых начальников — военных врагов.

Ненаходившиеся на Муниципальной службе англичане были посажены в лагеря, куда вскоре стали отправлять и тех из «муниципального служилого элемента», которые не были угодны своим новым хозяевам или вызывали у них подозрение, как «саботажники».

Чиф-Инспектор Тэтстол, по-прежнему, остался нашим «офицером связи» со Штабом Полиции, но наш непосредственный начальник — «Начальник Тренировочного Депо, всех полицейских резервов и Индусского отдела», милейший г. Робертсон, был убран со своего поста и вскоре посажен в лагерь. На его место, 22-го февраля встал бывший японский суперинтендант Муниципальной Полиции — Суказаки.

Это был хорошей души человек и ревностный служака. Он не питал и не проявлял враждебности к своим бывшим начальникам-англичанам, теперь ставшим ниже его по положению, и умел ладить со всеми. Он прекрасно говорил по-английски и, я думаю, продолжал любить свою «муниципальную полицейскую службу».

Начальником Полиции назначен был г. Ватари, дипломат по профессии, очень большого роста, видный и солидный японец. Фактически-же Начальником Полиции стал жандармский майор Гото — очень неказистый, как большинство японцев, но человек, по-видимому, большой воли и сильного характера. Официально он считался Начальником отделов «Преступлений» и «Специального» (т. е. политического), но фактически управлял всем полицейским аппаратом.

Ходил он почти всегда в штатском платье, что позволяло ему незаметно смешиваться с толпой, в которой его легко можно было принять, судя по его наружности, за скромного чиновника или приказчика из магазина. Он не пил и не курил, но в дни праздников (особенно в Новый год, который японцы отмечают торжественно), он устраивал на своей холостой квартире «приемы». Все это, конечно, мы узнали много позднее, по прошествии многих месяцев, но я думаю, что уместно сказать об этом сейчас, давая характеристику этому человеку.

«Приемы» эти носили странный характер: это было что-то вроде старо-русского хлебосольного «пасхально-

го» или «рождественского» стола, накрытого самыми разнообразными закусками и уставленного большим ассортиментом напитков. Его подчиненные, в день праздника, приходили к нему с визитом. Встречал их слуга-бой и проводил в столовую после того, как они оставляли свои визитные карточки на особом подносе, выставленном в приемной комнате. Гости зачастую не заставали хозяина, но бой любезно прислуживал им, подавая дринки и закуски. Хозяин иногда появлялся совершенно неожиданно из соседней комнаты и, обменявшись приветствиями и поздравлениями, также неожиданно скрывался, приглашая гостей не стесняться и «чувствовать себя, как дома».

Это хлебосольство, радушие, дружеское самодурство, любезность и вежливость со своими подчиненными вне службы, не мешали майору Гото быть очень строгим и требовательным начальником, что и почувствовали вскоре его подчиненные-европейцы. Неожиданные аресты и отправки в лагерь не были диковинкой в то тяжелое время службы «под японцами»: вспоминаются аресты, пытки и смерть Инспектора Шаррок, суб-инспектора Павчинского, владельца богатейшего ночного клуба и рулетки — Фаррэна и других. Шаррок и Павчинский были сняты со службы и посажены в «особый лагерь», где (по слухам) их сильно били на допросах и они вскоре умерли. Фаррен-же, посаженный в «Бридж Хауз», не выдержал и... повесился при весьма таинственных обстоятельствах (вероятно, не без помощи японских жандармов), а вслед за ним, вскоре, был арестован и... тоже повесился его управляющий. Все это была работа отдела, которым управлял Гото.

Полицейские-европейцы насторожились и стали нести свою службу гораздо аккуратнее и внимательнее, чем прежде. Они все чаще и чаще стали заходить в наш «оффисерс месс», где откровенно делились с нами своими горестями, опасениями и тревогами. Нам они продолжали доверять по-прежнему и окончательно утратили свое прежнее высокомерие.

Так начался 1942-й год, пятнадцатый год службы Полка (Отряда) Шанхайскому Муниципальному Совету.

Вошедшие на территорию Международного Сеттлемента, японские воинские части заняли помещения иностранных клубов, банков, школ, освободили для своих нужд целые пассажи домов, ранее занимавшиеся иностранцами, теперь посаженными в лагерь. Нашим бли-

жайшим «соседом» оказался Штаб «Специального Отдела» японской армии, расположившийся в здании английского «Кантри Клаб», на Бабблинг Велл род.

С занятием японцами Сеттлемента, сам собой разрешился вопрос с «Интернированным батальоном»: вскоре после начала войны на Востоке, к лагерю на Сингапур род подошла вереница автобусов с незначительным числом японской военной охраны. Интернированным приказано было выйти из лагеря со своими вещами и погрузиться в эти автобусы. Они исполнили этот приказ без малейшего сопротивления. Потом их куда-то увезли и мы о них больше ничего не слышали. Однако, китайцы-полицейские рассказывали, что часть из них сразу-же пошла служить в новую китайскую армию «марионеточного китайского правительства Ван-Чин-Вея», которая дралась с войсками Чжан-Кай-Шека, будучи на стороне японцев, обыкновенные-же кули, сидевшие в лагере на положении «солдат», были просто выгнаны на улицу, а небольшая группа закоренелых «чжанкайшековцев» была посажена в лагерь или в тюрьму.

По своему наружному виду Шанхай нисколько не изменился, но его китайское население сильно возросло за счет беженцев, беспрерывно прибывавших из районов, охваченных войной.

Морская торговля, вполне естественно, прекратилась, и Шанхай жил и питался только тем, что можно было выработать и получить в самом Китае.

В связи с этим исчезли из магазинов многие заграничные товары, а взамен их, на полках появились товары местной выделки, плохого качества и в недостаточном количестве. Ловкие дельцы, имевшие наличные деньги, успели скупить и припрятать все, что было возможно, и впоследствии, в течение почти всей войны, торговали «из-под полы», создавая себе капиталы.

Торговые предприятия сократили свою работу и благодаря этому многие из низших служащих лишились службы.

Уже с первых месяцев войны на Востоке, в Шанхае почувствовался недостаток во всем, от хлеба и прочих продуктов питания до одежды и обуви. Постепенно, японское командование, сохраняя имевшиеся запасы газолина, необходимые для военных нужд, ограничило до минимума число автомобилей частного пользования, а потом перевело большую часть городского мо-

торного транспорта на «чаркол», когда машины были переоборудованы для работы на газе от древесного угля, который вырабатывался в особых установках-печках, приделанных к этим машинам.

Нищенство развивалось стихийно. Улицы были заполнены голодными, оборванными китайскими нищими, которые неотступно следовали за каждым прохожим, прося (даже требуя) подаяние. Но стоило только дать милостыню этому нищему, как добросердечный жертвователь попадал в орбиту новой группы попрошаек... и так без конца, во все время пути по улицам города.

Полиция была бессильна что-либо сделать с этими нищими, так-как не имела возможности собрать их с улиц и куда-то посадить под охрану: ведь всю эту голодную массу пришлось-бы кормить!, а кормить было нечем, так-как уже начинался голод и этот голод породил нищенство.

Сильно возросло и число русских попрошаек-нищих, они бродили по городу, не опасаясь полицейского преследования, и вымогали подачку под самыми разнообразными предлогами, главным образом ссылаясь на безработицу. А эта безработица уже была в действительности и усиливалась с каждым днем, выбрасывая на улицы все новые и новые жертвы нищеты.

Правда, усилившаяся деятельность «киднапперов» и грабежи вынудили многих богатых китайцев, «пошедших в ногу» с установленным японцами на Востоке «новым порядком» (а потому и живших, по-прежнему, в богатстве и довольстве), взять себе бодигардов-телохранителей, должности которых, обычно, давали русским, бывшим военным, но эта «отрасль» службы (вочмана и бодигарды) не могла поглотить всей массы безработных русских.

На русских чинов Полицейских Отрядов на Сеттлементе и на Французской Концессии (тоже взятой японцами в свое ведение совместно с «марионеточным» городским самоуправлением) смотрели, как на счастливцев и завидовали им.

На улицах Сеттлемента уже можно было встретить оборванных и грязных рабочих артели русских грузчиков, которые, подобно китайцам-кули, перевозили на телегах, вручную, разного рода грузы, пытаясь конкурировать с китайцами. Прежде это не допускалось на Сеттлементе, так-как «роняло лицо» европейца,

теперь-же это вызывало лишь злорадный смех и реплики китайской толпы, но было принято, как нормальное явление: европеец был унижен перед победителем-азиатом. В этом взгляде и японцы и китайцы были совершенно солидарны.

Добровольные увольнения со службы в Отряде почти совершенно прекратились, так-как других «служб» не было. Число «сверхштатных» (ожидавших штатной вакансии в Отряде и получавших за это лишь стол и старое обмундирование, но проходивших строевую подготовку), сократилось до минимума. Об увеличении штата Отряда, конечно, не могло быть и речи, так-как японцы только лишь «терпели» Отряд у себя на службе, получив его «в наследство» от Муниципального Совета Международного Сеттлемента, и не имея возможности разогнать его, так-как официально Отряд продолжал служить Муниципальному Совету Международного Сеттлемента, а не японцам.

С занятием Шанхая и его окрестностей японцами, еще осенью 1938 г., вместе с волной китайских беженцев из провинции, в город (в особенности на Сеттлемент) проникли большие группы китайцев-активистов и разбойного элемента. Грабежи, убийства, киднаппинги, поджоги, взрывы бомб и адских машин, кражи и увод автомобилей, расхищение муниципального имущества и предметов городского оборудования — увеличивались с каждым днем.

Японцы-победители везде и всюду, в толпе китайцев чувствовали себя неспокойно. Поимка убийц и бомбометателей очень затруднялась тем, что китайское население не принимало участия в их поимке и даже способствовало их исчезновению с места совершенного ими преступления, позволяя им беспрепятственно смешиваться с толпой.

Это обстоятельство заставило японское военное командование ввести особую систему самоохраны «Пао-чиа», причем чинами этого Пао-чиа являлись сами китайцы — жители города. Весь Сеттлемент был разбит на районы «пао-чиа», установлены специальные высокие бамбуковые заборы и ворота, перекрывавшие все переходы, переулки и пассажи, и все население каждого данного района было обязано нести беспрерывную охрану своего района и отвечать за преступления, совершенные в их районе. Чины пао-чиа имели своих «стар-

шинок», которые распределяли наряды на службу в своих районах.

В случае какого-либо происшествия, террористического акта или киднаппинга, первый заметивший его должен был давать сигнал тревоги свистком. Этот сигнал немедленно повторялся всеми пао-чиа данного района и все ворота и проходы закрывались, а на сцене появлялись полиция и японская жандармерия и начинали свою работу.

Система охраны «Пао-чиа» была весьма действительной, хотя и очень жестокой, так-как отнимала у людей много времени и ставила их под строгие наказания в случае недостаточно внимательного отношения к своим обязанностям.

Установив эту систему, японцы немедленно приступили к «обучению» населения, приучая его кооперировать с Пао-чиа и полицией. Для этой цели, очень часто устраивались «упражнения с мок криминал», т. е. разыгрывалась сцена террористического акта или грабежа, и невольные свидетели этой сцены обязаны были действовать согласно изданных на этот предмет инструкций: т. е. поднимать тревогу, преследовать преступника, вызывать полицию и т. д. За ходом этого упражнения наблюдали японские жандармы, которые арестовывали и строго наказывали тех, кто не принимал участия в упражнении, оставшись безучастным к происходящим событиям.

Так постепенно, с присущим им упорством и жестокостью, японцы «обучили» китайское население мерам самоохраны и заставили его кооперировать с полицией и военными японскими властями.

Чины полиции Сеттлемента обязаны были также принимать участие в этих упражнениях с «мок криминал», но ввиду того, что они были вооружены и поэтому могли, по ошибке, действительно ранить или убить мнимого преступника по ходу этих упражнений, Штабом японских войск и полиции выпускалось бесконечное число инструкций и распоряжений, а сам «преступник» получил на рукав особую бело-красную повязку. Не принявшие участия в упражнении, чины полиции подвергались строжайшим дисциплинарным взысканиям. Это усилило бдительность полиции на постах и в патрулях и заставило ее быть постоянно «настороже», отчего, и без того тяжелая и утомительная, патрульная служба сделалась еще более тяжелой.

Голод в городе делал свое дело. Все чаще и чаще на улицах появлялись трупы умерших от голода или замерзших от холода людей, и полиция была обязана немедленно выяснять причину (голод, мороз или преступление-убийство) и доносить «по команде».

Питание чинов Отряда становилось все беднее и беднее, но все-же, они питались регулярно и довольно сытно. Были даже остатки пищи, за которыми потянулась не только русская, но и китайская беднота, постоянно дежурившая у ворот и забора казармы, являя собой печальную картину и вызывая опасения возможности воровства из казармы, «население» которой постоянно было «в движении»: то на службе, то на занятиях, то в отпуску. В результате, Начальнику Отряда пришлось отдавать особые приказы, запрещавшие вынос пищи на улицу, установить дежурства по столовой и прочие ограничения, связывавшие свободу чинов Отряда в казарме.

Невежественная китайская толпа и распущенные, распропагандированные коммунистами китайские рабочие и служащие (в особенности, городских компаний общественного пользования), смотрели на русских, которые были почти единственными иностранцами, не сидевшими за решеткой или проволокой лагеря, весьма недоброжелательно и в этом отношении, по-видимому, имели негласную поддержку японцев. Поездки чинов Отряда со службы и на службу (в форме) на трамваях и автобусах, зачастую сопровождались скандалами, в которых «агрессором» всегда был китаец-кондуктор, поддерживаемый китайской толпой.

На посту китайцы боялись русского полицейского, так-как он мог арестовать нарушителя порядка и отвести его на полицейскую станцию для наложения штрафа или другого взыскания, но в трамвае или автобусе «сила» была на стороне китайца-кондуктора и он ей пользовался. Несмотря на постоянные рапорты Начальника Отряда в Штаб Полиции и заверения Штаба, что каждая жалоба разбирается совместно Штабом Полиции и администрацией компании общественного пользования, эти неприятные инциденты происходили постоянно и ежедневно.

Все возраставшая дороговизна на предметы первой необходимости, и в особенности на одежду, привела к тому, что в Отряде все чаще и чаще стали замечаться случаи «утери» предметов казенного обмунди-

рования, попадавших, вероятно, на китайский рынок-толкучку. Это обстоятельство вынудило Начальника Отряда установить ежедневную поверку всего обмундирования у чинов Отряда и осмотр вещей, выносимых чинами Отряда при уходе в отпуск, а равно и сокращение числа отпусков и замыкание некоторых выходных дверей, ведущих из казармы на плац или на улицу, в ночное время. Это была неприятная, но совершенно необходимая мера.

Полицейская служба, слишком небольшое число часов, остававшихся для строевых занятий и многие «вольности», разрешенные для полицейского, повели к упадку дисциплины в Отряде. Дошло даже до того, что в Приказах по Отряду (и по Полиции) объявлялось о необходимости отдавать честь офицерам — явление, о котором в Полку раньше не могло быть и речи. Начальник Отряда, офицеры и унтер-офицеры его принимали все возможные меры к поддержанию дисциплины и порядка в казарме, но «на улице», во время несения службы на постах, чины Отряда были вне их контроля и действовали по своему характеру и усмотрению.

Нужно помнить, что в этот период времени Советский Союз уже вел борьбу с Германией, на стороне союзных держав, и поэтому советская пропаганда на Сеттлементе была очень сильна. Японцы чувствовали в советских своих врагов, но, не будучи с ними в состоянии объявленной войны, вынуждены были терпеть советскую пропаганду в Шанхае.

Невдалеке от моей квартиры, на Бабблинг Велл род, в большом особняке, расположенном в глубине очень большого сада, размещалось «Советское торговое представительство». Эту усадьбу окружал высокий железный забор, у постоянно закрытых ворот стоял мрачного вида здоровенный китаец-сторож, а по двору гуляли свирепо выглядевшие псы-немецкие овчарки. Это «гнездо» ничем не напоминало мирной торговой миссии. Да и чем Сов. Россия могла торговать в то время с Шанхаем!!? Положительно, ничем.

Это был центр советской агентуры, которая вела свою работу и пропаганду в городе, главным образом конечно, среди русского и китайского населения его. Советская пропаганда, конечно, проникла и в казарму Отряда, где белая русская молодежь постепенно, под влиянием мягких и задушевных нашептываний совет-

ских пропагандистов в городе (во время пребывания чинов Отряда в отпуску), начинала задумываться и болеть душой за «свою» родину, истекавшую кровью в борьбе «с немецкими захватчиками».

По остававшемуся в силе положению, только белые русские эмигранты могли служить в Отряде, поэтому открыто — советских разговоров в казарме и не было, но встречи на улицах, во время несения службы чинами Отряда на постах, и в отпуску давали возможность советским агентам заняться «обработкой» белой русской молодежи, и они в этом преуспели, несмотря на то, что весь офицерский и унтер-офицерский состав Отряда был «чисто-белым». Ведь чины Отряда проводили большую часть своего времени вне казармы, вне надзора и влияния своих начальников.

Прошло четыре месяца с того момента, как японцы взяли в свои руки управление Международным Сеттлементом и начали постепенно проводить и вводить свои порядки, не делая однако коренной ломки.

За эти четыре месяца уже отстранены были от дел наиболее опасные для них высшие служащие-англичане, остававшиеся-же на службе постепенно сживались с японцами, смирились со своим положением, терпели обиды и позор своих военных поражений, которые широко рекламировались японцами. Эти служащие-англичане честно выполняли приказ своего Посланника и «продолжали нести охрану Международного Сеттлемента и старались сохранить его в целости до конца войны».

Война на Дальнем Востоке началась 8-го декабря 1941 года разгромом американского военного флота в Жемчужной Гавани. 10-го декабря японцы потопили, в водах около Британских Малаев, флагманский корабль английского дальне-восточного флота, «Принц Уэльский» и крейсер «Репулс». 25-го декабря пал Гонконг, 3-го января 1942 г. японцы взяли Манилу, а 11-го февраля пал грозный и могущественный Сингапур. Казалось, не будет конца японскому победному маршу! При каждом из этих событий, в центре Сеттлемента — на Рейс-Корсе, и в различных частях города поднимались в воздух привязанные воздушные шары, к которым прикреплялись огромные иероглифы, описывавшие новую победу японского оружия.

Делалось это, конечно, для «устрашения» китайского населения и для внушения ему мысли о «непобе-

димости японцев»: ведь грамота у японцев и китайцев одна и та же, и каждый иероглиф или комбинация из этих иероглифов обозначало одно и то же понятие, только произношение было различно.

В дни японских побед, в эти унизительные дни для англичан, многие из высших чинов вечерами собирались в нашем «оффисерс месс» и делились с нами, за скромным дринком, своими горестями. Но всегда свои сетования они заканчивали словами: «в конце-концов мы все-же победим, Англия проигрывала все сражения, кроме последнего»!

Начальнику Отряда, помимо обычных забот об Отряде и его службе и поведении необходимо было сделаться еще и «дипломатом»: ведь под нашей крышей собирались, к нам тянулись, как к своим единомышленникам и друзьям, англичане, но, в то-же время, мы служили Муниципалитету, которым руководили японцы, мы получали свое жалование через их руки. От них зависело держать-ли Отряд дальше или расформировать его, придравшись к какому-либо случаю.

Начальнику Отряда нужно было как-то сохранить старую дружбу со своими единомышленниками-англичанами, установившуюся в течение пятнадтцатилетней совместной службы, но, в то-же время, создать благожелательное отношение к Отряду со стороны новых его «хозяев-японцев», так-как только при доверии к Отряду, в особенности к его офицерам, можно было рассчитывать на то, что Отряд будет продолжать свое существование.

Нужно было как-то сблизить между собой и улучшить взаимоотношения между военными врагами, поставленными на совместную охрану Международного Сеттлемента.

8-го мая 1942 года Начальник Отряда, майор Иванов, решил устроить в «оффисерс месс» парадный офицерский обед, на который было приглашено все высшее полицейское начальство, как англичане, так и японцы. После обеда был продемонстрирован бокс на Отрядном ринге, в гимнастическом зале казармы, а во время обеда и после бокса, во время коктейлей, играл отрядной струнный оркестр.

Я опишу этот обед 8-го мая 1942 г. и сравню его с обедом, который Командир и г.г. Офицеры Отряда давали своему «новому полицейскому начальству» в 1941 году, после перевода Отряда из Ш.В.К. на службу в

полицию. В обоих случаях это было «первое знакомство» перед началом совместной работы.

«Место действий», в обоих случаях, одно и то же — «оффисерс месс» Отряда в казарме на Рейс-Корсе. Та-же обстановка, те-же портреты и картины по стенам гостиной, тот-же отрядной струнный оркестр дает «оформление» съезду гостей и обеду, те-же наши «собранские» бои в своих туго-накрахмаленных бело-синих формах-халатах, но... совершенно различный дух и настроение у всех: и у гостей, и у хозяев, и у прислуги.

1941-й год. 6 ч. 30 м. вечера. В столовой офицерского собрания Отряда накрыт длинный стол, уставленный закусками «по-русски», расставлены приборы. По соседству, в гостиной, по-одному (но очень дружно) собирается наше новое «полицейское начальство» и наши новые сослуживцы — старшие чины полиции, идут и наши старые начальники и сослуживцы — старшие офицеры Ш.В.К.

Всех приехавших, внизу, у нижней ступени трибун встречают специально назначенные для этой цели чины отрядной «военной полиции», открывают дверки автомобилей и указывают шоферам, где поставить машину или уводят машину сами, если начальство приехало без шофера.

При входе в «месс», на верхней ступени трибун, гостей встречает Начальник Отряда, майор Иванов (обед «без дам», поэтому встречает он один). Обмен приветствиями, любезностями и гость исчезает в коридоре офицерского расположения, где его «подхватывает» кто-нибудь из офицеров Отряда и проводит в гостиную. Бои разносят дринки, сигареты и «смолл чао» к коктейлям, офицеры Отряда неустанно угощают своих гостей.

Последним, как положено, приезжает Начальник Полиции, майор Борн, его встречает Начальник Отряда и, под звуки «встречного марша» отрядного оркестра, проводит его в гостиную, где оба они присоединяются к общей компании.

Гостиная большая и вместительная. Гости стоят группами с офицерами Отряда, «большое начальство» обходит эти группы с любезным разговором, беспрерывно «заменяя» свои дринки. Из коридора несутся приятные мелодии музыки европейских композиторов.

В гостиной, несмотря на то, что открыты все зеркальные двери, ведущие в коридор и на Мохаук род, уже сильно накурено, и стоит гул веселых голосов — беседа дружеская и шумная, «большое начальство» шумит больше всех: большинство из них бывшие офицеры английской регулярной армии, и для них эти обеды и коктейли — дело знакомое и приятное.

Подходит время обеда. В столовой, по сигналу заведующего «оффисерс месс», капитана Гапановича, звучит гонг. Гости (ознакомившись со своими местами за столом по плану, вывешенному в коридоре) расходятся и усаживаются по своим местам.

Обед по-русски: закуски и дринки, а потом, постепенно... все остальное: суп, рыба, дичь, мясо, бесконечные салаты, сладкое, кофе и т. д., и все это в сопровождении любых дринков, в изобилии поставленных на столе.

Обед закончен. Гости двигаются в гостиную и в биллиардную, где на биллиардном столе уже «уложена пирамидка» и поставлены маленькие столики с закусками. В столовой быстро убрана вся посуда со стола и очищено место на полу для игры в «кольцо (куойтс)», а на стену повешены мишени для игры в «стрелки (дартс)». В гостиной запивают крепкий русский обед, еще более крепкими русскими и английскими напитками. Скоро, однако «старички» (в том числе и Начальник Полиции) уже втянулись в игру в «кольцо», организовались две команды игроков в «дартс» — начались состязания. Оффисерс месс гудит гулом веселого смеха и разговоров, в биллиардной стучат шары и слышен оживленный разговор и смех, нередко заглушаемый раскатами хохота капитана И. С. Лобанова: — он большой поклонник не только биллиарда, но и «Бахуса» и всегда — «душа компании».

Время незаметно переваливает за 10 часов. Начинается разъезд гостей: кто едет домой, а кто... и дальше... покутить. Мне повезло: узнав, что я никогда не видел игру в рулетку, меня пригласил поехать с ним к «Фаррэну» (в западный район Сеттлемента) Помощник Начальника Полиции, Самсон и личный секретарь Начальника Полиции, Эйерс. Мы не только хорошо провели у Фаррэна время, но я даже немного выиграл: ведь новичкам всегда «везет». От Фаррэна заехали в Русское Офицерское собрание на «рюмку водки-посошок», и только около двух часов ночи мои любезные компа-

ньоны завезли меня в казарму Отряда, а сами отправились по домам.

Полная непринужденность и взаимная благожелательность были лейт-мотивом этого обеда: встретились в первый (и казалось, не в последний) раз новые сослуживцы, с доверием относившиеся друг к другу. Это были европейцы, говорившие на разных языках, но совместно несшие службу по охране жизни и имущества европейцев на Международном Сеттлементе Шанхая.

8-е мая 1942 года. 6 ч. 30 м. вечера. Та-же обстановка, те-же «хозяева» (Командир и Офицеры Отряда), но гости «смешанные», да и одеты они не так, как бывало прежде: уже нет красочных парадных форм («месс дресс»), принятых в английской армии (и в Ш.В.К.) и в Ш.М.П.. Все одеты в «строевую» (первого срока) полицейскую форму, а Начальник Полиции, его помощник и некоторые из старших офицеров японцев — в штатском платье.

Как и прежде, дружно заходят и здороваются с нами англичане офицеры полиции, но и в их взглядах, и в их разговорах видна и чувствуется какая-то тревога и смущение. Медленно, с большим достоинством (победители!!), с любопытством оглядывая незнакомую им еще обстановку, заходят полицейские офицеры японцы. Офицеры Отряда стараются втянуть их в общую беседу и занять, но это плохо удается, несмотря на то, что многие из них «старослужащие» и прослужили уже много лет в японском отделе Ш.М.П. Главная причина та, что они или почти совсем не пьют или пьют очень мало и поэтому остаются... «японцами среди европейцев», а не «просто людьми».

Приезд Начальника Полиции, Ватари (дипломатический чиновник, не имевший ранее никакого отношения к полицейскому ведомству) и его старшего помощника (фактического начальника полиции), жандармского майора Гото, еще более усложняет обстановку: Гото, очень строгий и требовательный начальник — не пьет совсем, а Ватари пьет очень мало.

В коридоре, отрядной струнный оркестр встретил Ватари и Гото японским маршем «Айкоку», это им, по-видимому, очень понравилось. В дальнейшей программе оркестра было еще несколько японских мотивов, слушая которые они как-то оживились и немного сдавали в своей замкнутости и напыщенности.

За обеденным столом сидели вперемежку, соблюдая «местничество» (по занимаемому положению), конечно, по карточкам, согласно плана, утвержденного «новым начальством». Обед прошел скучно и очень быстро под предлогом того, что сразу после обеда нужно было идти смотреть бокс, организованный на нашем отрядном ринге. По окончании бокса — «короткий дринк» в оффисерс месс, и гости-японцы быстро разъехались по домам, но остался кое-кто из англичан, которые задержались довольно долго, задушевно беседуя о прошлом и строя надежды на лучшее будущее: в настоящем для них ничего хорошего не могло быть.

Так прошел наш «парадный обед», имевший целью сблизить «несближимое» и познакомить «большое» японское начальство с офицерами отряда и с Отрядом вообще, и создать хорошее впечатление об этой части, попавшей к ним на службу, хотя и совершенно невольно.

По-видимому, вторая цель была достигнута, так-как в дальнейшем, несмотря на печальные события, имевшие место в Отряде в ближайшие-же дни, японское начальство относилось к Отряду благожелательно и даже, до некоторой степени, доверяло его командиру, офицерам и чинам, поручая «щекотливую» и ответственную работу, на которую они не допускали даже своих сторонников-китайцев. Но об этом будет рассказано, по ходу истории, в дальнейшем.

Советской пропаганде, по-видимому, уже удалось создать значительные «кадры» про-советских в среде рядовой части чинов Отряда. Эти кадры сумели составить группу из «горячих голов», которая решила бежать не только из Отряда, но и из Шанхая вообще, прорваться через японское окружение и поступить в 4-ю Чункинскую коммунистическую китайскую армию, которая оперировала против японцев где-то в провинции невдалеке от Шанхая.

10-го мая (т. е. через два дня после нашего «парадного обеда и бокса»), утром сержант-майоры рот доложили своим командирам о побеге целой группы своих подчиненных. Бежало шесть человек.

Неизбежный рапорт в Штаб Полиции, опросы, допросы, приезд японского начальства..., а 19-го и 21-го

мая японская жандармерия неожиданно прибыла в казарму Отряда и арестовала двенадцать человек чинов разных рот.

Отряд попал в орбиту наблюдения японской жандармерии, для которой всегда и везде должны были быть «открыты все двери».

Удалось-ли беглецам добраться до китайской армии — не знаю (по слухам, они были пойманы и расстреляны японцами), но они оказали плохую услугу Отряду, не принеся никакой пользы и противо-японской стороне. Они, своим глупым поступком, пошатнули положение тех, почти четырехсот русских, которые получали возможность жить не голодая и кормить свои семьи в начавшем уже бедствовать Шанхае, в то-же время, выполняя свой долг по охране Международного Сеттлемента.

Те слабые следы появлявшегося доверия к Отряду, которые удалось установить Начальнику Отряда в создавшейся после захвата японцами Шанхая обстановке, были стерты этим поступком неразумных людей, и понадобились многие месяцы новых усилий, упорной работы, жутких нервных переживаний и дипломатической способности Начальника Отряда, майора Иванова, чтобы снова заслужить доверие к Отряду со стороны «хозяев» и сохранить этот Отряд до конца войны.

Только непреклонная воля, чувство долга и ответственности за порученный ему Отряд, такт и дипломатичность майора Иванова дали возможность четырем (а позднее даже пяти) сотням русских людей пережить тяжелый период войны довольно сытыми, одетыми и, в то-же время, занятыми полезным делом. Не будь майора Иванова, я думаю, Отряд был-бы расформирован японцами: ведь побег к врагу японцев группы чинов Отряда был вполне достаточной для этого причиной!, тогда кадры шанхайских безработных и нищих увеличились-бы в своем составе.

О роли Начальника Отряда, майора Семена Дмитриевича Иванова, в этот тяжелый период жизни Отряда мною будет сказано в конце моей «Истории», но я не могу сейчас, перед тем как описывать дальнейший ход событий в жизни и службе Полка (Отряда) в 1942 году, не сделать этого замечания, так-как многое в дальнейшем может показаться странным, даже унизительным, но к этому вынуждала обстановка и происходившие события.

Начальник Отряда жертвовал собой, брал на себя всю ответственность, не только перед настоящим, но и перед будущим начальством, даже унижался, спасая СВОЙ Отряд — НАШ Русский Полк. Честь ему за это и хвала!! По окончании войны, вышедшие из лагерей англичане поняли и оценили поведение майора Иванова, его самопожертвование в целях сохранения Отряда и остались с ним в прежних дружеских отношениях. К сожалению, нельзя этого сказать про некоторых из чинов Отряда, переживших благополучно период войны только лишь благодаря своему Командиру, среди них нашлись голоса осуждения. Да будет им стыдно!! А мы должны разъяснять этим людям их заблуждение.

Чин полиции, находясь на службе, облечен особым доверием властей и ему даны права, о которых не может даже и мечтать «простой смертный». Но, наравне с этим, он всегда подвержен контр-обвинению, клевете и ложному доносу со стороны местного населения, в особенности если данный полицейский не особенно «жалуется» этим населением благодаря своей строгости и требовательности. Обыватель-китаец всегда был готов поставить полицейскому «каждое лыко в строку» и никогда не упускал удобного случая, чтобы это сделать.

Самым слабым местом полицейской службы было «превышение власти» и «взяточничество». Если против первого обвинения полицейский кое-как и мог себя оградить, сославшись на создавшееся положение или на поведение арестованного, то от обвинения во взяточничестве оградиться было гораздо труднее.

В Китае того периода времени, фактически вся жизнь была построена на взятке: взятки помогали получить контракт с торгов, взятка помогала получить необходимые документы, взятка помогала получить службу или работу, взятка, зачастую, освобождала от ареста и т. д.

Попавшийся нарушитель порядка легко мог заявить на полицейской станции, куда его привел полицейский для наложения штрафа или ареста, что полицейский взял с него взятку, но, не удовлетворившись суммой ее, привел теперь на станцию. Не дай Бог, если в кармане такого полицейского оказалась-бы какая-ли-

бо сумма денег: в таком случае взяточничество, если даже и не было-бы доказано, то полицейский оказался-бы «на подозрении во взяточничестве». Ведь свидетелей предложения и приема взятки, конечно, быть не могло.

Полицейские правила строго требовали, чтобы чины полиции, находясь на службе, не имели при себе денег или посторонних ценных предметов, так-как это могло их дискредитировать в случае обвинения во взяточничестве.

Конечно, без взятки в Шанхайской Муниципальной Полиции не обходилось, наверное и чины Отряда не представляли из себя исключения, но неприязненное отношение китайской толпы к полицейским европейцам (в данном случае — русским) повлекло за собой ненормально большое число обвинений в вымогательстве и взяточничестве, якобы допущенных чинами Отряда.

Штаб Полиции, получая об этом рапорты с полицейских станций, немедленно «ставил на вид» Начальнику Русского Отряда недостойное поведение его чинов. Это было позорно. Сначала аресты, потом жандармский надзор, недоверие к Отряду, а теперь еще и недостойное поведение!!

Строгие приказы по Отряду, разъяснения и специальные занятия мало помогали, так-как дисциплина падала все ниже и ниже: чисто полицейская «вольная» служба и почти полное отсутствие строевых занятий благоприятствовали этому явлению.

В подрыве дисциплины, по-видимому, немалую роль сыграла также и советская пропаганда, которая все шире и шире охватывала Отряд и все глубже и глубже проникала в его толщу. Уже через два месяца после арестов, произведенных в Отряде японской жандармерией, Начальник Отряда узнал, что среди чинов Отряда ведется пропаганда в пользу Советов: чинов Отряда подбивали на переход в совподданство. При этом предлагалось посредничество «хороших знакомых», которые, яко-бы, могли обделать это дело легко — ведь советский в то время был «друг» и союзник англичан и американцев, а белый русский эмигрант — был «ничто», просто «пешка», которой японцы-же распоряжались как хотели.

В августе месяце, в помещении Отряда, у чина 4-й роты (вол. Рубанова) была обнаружена советская литература, которая, согласно положения руководившего жизнью Отряда, являлась запрещенной. Начальнику

Отряда необходимо было прекратить это ненормальное и опасное явление, не доводя об этом до сведения японцев. Но мягкие способы, ввиде лекций, приказов и бесед с людьми, не действовали на уже сильно распропагандированную массу чинов Отряда, поэтому пришлось прибегнуть к системе регулярных и неожиданных обысков «семейным порядком», без участия японцев. Обыски эти проводились сержант-майорами рот и взводными сержантами в присутствии всех офицеров рот и самих чинов. Это «самообыскивание при свидетелях» было неприятной, но необходимой мерой, вызывавшейся обстановкой данного момента.

«Служба на улице» полицейского европейца (русского) становилась все более и более сложной, так-как китайская толпа, распропагандированная японцами, всегда готова была ущемить самолюбие «белого дьявола» (европейца) и, если грубость и наглость китайца не выходила из рамок «простого оскорбления словами», то китаец оставался ненаказанным, даже будучи приведенным на полицейскую станцию для разбора дела.

«Азия для азиатов» и в особенности для тех, кто принял и присоединился к движению «нового порядка в восточной Азии», введенного и проводимого в жизнь японцами, искавшими себе союзников в китайской массе населения. Европеец, даже служащий Городского Совета, имел меньше прав, чем китаец-кули, выразивший свою рабскую покорность победителям японцам и пошедший с ними по пути кооперации и сотрудничества.

Особенно часты и неприятны были столкновения с чинами Пао-Чиа, которые почему-то вообразили себя «тоже полицейскими» и очень часто мешали чинам Отряда на уличной службе, становясь открыто на сторону нарушителей порядка китайцев и всячески препятствуя русским полицейским в применении ими законной силы против нарушителей закона. Иногда эти столкновения заканчивались тем, что полицейский европеец вынужден был арестовать такого чина Пао- Чиа и привести его на полицейскую станцию или «рапортовать» на него по смене с дежурства на соответствующей полицейской станции.

Японцы, получавшие от Пао-Чиа действительную помощь (ибо эти Пао-Чиа невольно, даже может быть против их желания, но лишь в силу созданной системы, охраняли японцев от китайских-же террористов), неизменно становились на сторону этих Пао-Чиа, и аре-

стовавший нарушителя закона — чина Пао-Чиа, полицейский европеец, зачастую, получал незаслуженный выговор.

Бесконечные инструкции и распоряжения Штаба Полиции по этому поводу доходили даже до абсурда, требуя, например, в случае необходимости ареста чина Пао-Чиа «вежливо сопровождать его» на полицейскую станцию, но не арестовывать. На станции виновный неизменно оставался оправданным и, «одержав победу» над полицейским европейцем, в следующий раз становился еще наглее и нахальнее.

С падением дисциплины в Отряде участились случаи недобросовестного отношения к служебным обязанностям, чему особенно способствовала самостоятельная (без наблюдения начальника) служба на одиночных постах. С полицейских станций все чаще и чаще стали поступать жалобы на чинов Отряда, уходивших со своих постов еще до смены и «рапортовавших» на полицейских станциях «о смене» еще задолго до положенного времени. В этот промежуток времени районы постов оставались без полицейского наблюдения. На вполне естественные замечания дежурных по станции инспекторов или сержантов о преждевременном уходе с постов, многие из чинов Отряда отвечали грубостью, что, в свою очередь, вызывало грубость со стороны дежурного по станции. Многие из чинов Отряда, приходя с рапортом на полицейскую станцию, не приветствовали дежурных по станции и даже начальников станций, которые все чаще и чаще стали жаловаться на недисциплинированность чинов Русского Отряда, на их небрежное несение службы и неряшливость в одежде. Явление совершенно неслыханное еще год тому назад!!, когда Русский Отряд был украшением полиции и са́мой дисциплинированной его единицей. Отношения между чинами Отряда, несшими службу «от полицейских станций», и дежурными по этим станциям (инспектора и сержанты), с каждым днем все ухудшались и ухудшались, что вредно отражалось на службе и положении Отряда, создавая невыгодную репутацию ненадежной части.

Война, происходившая на Востоке, требовала от японцев большого количества «металла» и они его искали везде, где только можно... и в любом виде. К кон-

цу войны, например, была снята трамвайная линия вдоль Бродвея, убраны многие металлические памятники, в том числе и памятник А. С. Пушкину, украденный, по-видимому, китайцами с целью продажи его японцам, но они не успели этого сделать до окончания войны, и после войны этот, исключительно уродливый по своей архитектуре, памятник снова появился в одном из парков на Французской Концессии. Частные автомобили, стоявшие без движения ввиду отсутствия газолина, реквизировались или скупались японцами за бесценок, как «лом», расплющивались в особых прессах в металлическую массу и переотправлялись на заводы в Японию для переделки в снаряды и орудия. Японцы скупали весь железный «лом» по довольно хорошей цене, и находчивый китаец-безработный нашел в этом выгодную статью дохода: на улицах города участились пропажи железных, стальных и, особенно, медных частей от муниципальных установок. Особенно страдали пожарные гидранты, имевшие много медных частей. В результате неисправности гидранта, пожарная команда лишена была возможности своевременно прекратить вспыхнувший в данном районе пожар.

Распоряжения Штаба Полиции требовали от чинов ее особо внимательного наблюдения за муниципальным имуществом и немедленного ареста воров, но провести эти распоряжения в жизнь было чрезвычайно трудно, так-как безработица, голод, невероятно увеличившееся в связи с этим число нищих, выбрасывали на улицу все новые и новые сотни и тысячи бездомных и голодных людей, бродивших по городу толпами, готовых на любое преступление, не говоря уже о «такой мелочи», как кража муниципального имущества. Бороться с ними полицейскими мерами было почти невозможно: нужно было устранить первопричину этого ненормального явления — безработицу и голод, но в этом отношении городские власти были бессильны что-либо сделать, так-как голодала вся страна, находившаяся под японским контролем.

Наравне с обычными «рядовыми воришками», появились, так сказать, и «художники» этого дела: бывали, например, случаи, когда воры, под видом служащих муниципальных электрических или водопроводных подстанций, спокойно проходили мимо охранявших эти подстанции чинов полиции, отбирали внутри подстанции все для них ценное и годное для продажи,

а потом спокойно уходили, заявив наружной полицейской охране, что они берут кое-какие части для ремонта.

Шанхайские «жулики», вообще, всегда отличались изобретательностью. Ведь недаром, еще до начала войны на Востоке, в местных газетах появлялись заметки, похожие на анекдоты, но являвшиеся действительными происшествиями, имевшими место в этом огромном международном городе.

Например, кража пулемета с палубы одной из военных канонерок (кажется, американской), стоявшей у пристани на реке Вампу, где-то в районе Вэйсайда. А кража стенных часов из зала Смешенного Суда! По этим часам суд следил за временем своих заседаний, а украдены они были во время заседания суда, когда зал заполнен был публикой и чинами полиции.

Но самым забавным случаем, пожалуй, был случай, когда вор-китаец «начисто раздел» европейца детектива Муниципальной Полиции, проделав эту «шутку» под видом служащего из «драй клининг» (мастерская химической чистки). Произошел этот случай на Центральной полицейской станции, в самом центре города, против здания Муниципалитета. Огромное многоэтажное здание Центральной станции и Штаба Полиции выходило своим фасадом на Фучоу род, около угла Сэчуэн род, где был расположен один из самых больших в городе европейских отелей (забыл его название). Позади этих «полицейских» зданий находился небольшой внутренний двор, в котором распологались гараж, оружейная мастерская и разного рода служебные и жилые помещения для холостых чинов полиции, прикомандированных к Штабу и Центральной полицейской станции. Вход в этот двор был только с Фучоу род, через железные ворота, проделанные в нижней части «полицейского» здания. Ворота эти находились под постоянной охраной полицейского китайца. Европейцы детективы Муниципальной Полиции, жившие «в бараках», имели отдельные, очень комфортабельные комнаты и общую «мэсс» (столовую). Имея, по-видимому, связи с комнатным китайцем-боем, обслуживавшим этих детективов, вор знал расположение комнаты «своей жертвы», и в один прекрасный день, заметив, что детектив уехал по служебному делу, он спокойно прошел через ворота, вошел в комнату детектива, собрал все его костюмы и открыто, «на вешал-

ках» вынес их наружу. Встречному детективу европейцу, соседу «жертвы» по комнате, на его недоуменный вопрос «куда он несет эти костюмы?», вор спокойно ответил — «в чистку». Никто не подозревал, что вор может войти и даже «очистить» самое гнездо своего страшнейшего противника детектива, а вор, в свою очередь, по-видимому, учел, что детектив этот гроза преступников, был легкой «жертвой» у себя на дому.

Теперь число этих воров и воришек на улицах Шанхая увеличивалось с каждым днем и бороться с ними становилось все труднее и труднее.

В ноябре месяце 1942-го года японцы, по-видимому, уже чувствовали, что они «начинают задыхаться» в военной борьбе, так-как их военная промышленность далеко отставала от американской: они начали готовиться к контр-атаке врага. В городе были объявлены и строго проводились в жизнь распоряжения военных властей по «затемнению на случай налета вражеской авиации». Казарма Отряда на Рейс-Корсе, согласно этого приказа, была немедленно оборудована специальными свето-непроницаемыми шторами на окнах, абажурами на лампах, а в программу занятий введено было обязательное изучение инструкций «по затемнению». Довольно часто устраивались «ложные» учебные тревоги, нарушавшие отдых людей и создававшие большие неудобства в казарменной жизни, так-как двигаться и работать приходилось в почти совершенной темноте.

По сигналу сирены «налет» весь город моментально погружался в полную темноту, и в темные безлунные ночи, движение по улицам в такие минуты бывало чрезвычайно опасным, а ведь жизнь города продолжала течь своим обычным порядком, несмотря на «затемнение». Эти периоды «затемнения» давали возможность ворам и грабителям успешно и безнаказанно проводить свои «дела». Воровство и грабежи значительно усилились и полиция была почти бессильна бороться с ними, так-как не могла видеть даже того, что происходило в непосредственной близости к постам.

Первый полный год под властью японцев подходил к концу.

К концу этого года Отряд потерял свой блестящий

воинский вид и строгую дисциплину и сделался только лишь «по необходимости терпимой» властями полицейской частью, не заслуживавшей особого доверия этих властей.

Нужно благодарить Бога за то, что с 22-го февраля 1942-го года Отряд был дан под общее командование и управление одному из старших помощников начальника полиции, г-ну Суказаки, который хорошо знал Отряд по его прежней службе в Ш.В.К. и Ш.М.П., ценил его и заботился о нем как мог, всячески помогая Начальнику Отряда, майору Иванову, в тяжелых случаях своим заступничеством, ходатайством или добрым советом.

Суказаки был одним из инспекторов Японского отдела Шанхайской Муниципальной Полиции. Много лет прослужил он с англичанами и под их командованием, поэтому он «научился их понимать», сжился с ними и, оставаясь японцем, в продолжение всей войны, не обращался с ними как с врагами, а лишь как с друзьями, оказавшимися в силу стихийных обстоятельств, на положении военных противников. Суказаки был японец-патриот (как и все они), но он не видел надобности «воевать с безоружным врагом» или необходимости разрушать то хорошее, что было создано этим врагом. Он старался только «приспособить» это «про-английское» к своим «японским требованиям». С этой точки зрения он, как нельзя лучше, подходил к Русскому Отряду. Время показало, что Суказаки был «джентльменом», прекрасным работником, хорошим человеком и очень заботливым начальником.

Он занял место г-на Роберсона, который до прихода к власти японцев командовал всеми резервами Шанхайской Муниципальной Полиции, ее индусским отделом, всеми тренировочными полицейскими депо и Русским Отрядом. С переходом власти в руки японцев, Робертсон, как один из самых старших полицейских офицеров Ш.М.П., был, по-видимому, признан опасным для новых властей и поэтому отстранен от занимаемой им должности. Вступивший на его место, Суказаки получил «в наследство» от Робертсона Чиф-Инспектора Ф. Тэтстолл, который занимал должность «офицера связи» между Отрядом и Штабом Полиции.

Суказаки оставил Тэтстола на прежней должности, и таким образом, Отряд не имел в своей казарме постоянно ни одного японца, а связь Отряда со Штабом

по-прежнему поддерживалась через Тэтстолла, который проводил в Отряде целые дни. Суказаки и Тэтстолл между собой были в хороших дружеских отношениях еще по прежней службе в Ш.М.П., и эта комбинация «Суказаки—Тэтстолл» много облегчала работу Начальника Отряда и благоприятно отражалась на жизни самого Отряда. Вероятно, не без участия Тэтстолла, Суказаки начал душой привязываться к Русскому Отряду, понимая его положение. Он очень ценил и уважал Начальника Отряда, майора Иванова, правильно подметив в нем заботливого, но строгого начальника и исключительно добросовестного, энергичного работника, вполне заслуживающего доверие властей. Только благодаря тому, что Суказаки доверял майору Иванову и его помощникам офицерам, Отряд постепенно начал закреплять свое положение. Так закончился 1942-й год.

— 1943 год —

Этот период истории Русского Отряда тесно связан и зависел от происходивших в то время военных событий, поэтому я считаю не лишним дать краткую сводку этих военных событий, а потом уже, на фоне их, описать жизнь и службу Русского Отряда.

Одна русская поговорка свидетельствует: «Хоть горшком назови, только в печку не ставь», смысл которой можно перевести так: можешь унижать меня и даже обижать словами и угрозами, но не претворяй свои слова в действие. За этот период 1943—1945 г.г. Русский Отряд не только оказался «горшком» для японцев и китайцев на словах, но и на деле был посажен ими в самую жаркую «духовку», из которой, по окончании войны, вышел полуживым. С Русского Отряда «новые хозяева» содрали не только «семь шкур» (что, по правилам, не полагается делать), но вместе с этими шкурами прихватили и мясо, оставив к концу войны почти голый скелет.

Начало 1942-го года еще несло военные победы японцам: 22-го января 1942-го года они взяли остров Рабол и 8-го марта высадились на Новой Гвинее, непосредственно угрожая самой Австралии, которая в то время была почти беззащитной, так-как большая часть ее, и без того малочисленной, армии действовала совместно с англичанами на Европейском или Африканском театре войны.

Японская авиация безнаказанно делала налеты на северную оконечность Австралии (порт Дарвин), а японские подводные лодки спускались далеко к югу и даже входили в Сиднейскую гавань.

По требованию Премьер-министра Австралии, указавшего на огромную и вполне очевидную опасность, угрожавшую этой стране, австралийские части были оттянуты из Африки и переброшены в Австралию.

Хотя и с большой задержкой и весьма неохотно, но

Америка согласилась послать в Австралию некоторые из своих сухопутных частей, а равно и часть своего морского и воздушного флота: этот флот нужен был в Европе, где готовились к высадке на побережье Европы с целью открытия «второго фронта».

Только очевидность угрожавшей Австралии опасности принудила англо-американцев «уделить» Австралии часть своих сил.

Назначенный Главнокомандующим соединенными войсками в Южной части Тихого океана, американский генерал МакАртур, очень энергично взялся за дело, и вскоре, совместно с Австралийским правительством, сумел организовать достаточные силы, чтобы противостоять японскому захвату Новой Гвинеи.

Уже в мае месяце 1942 года американская военная авиация начала делать налеты на Японию, бомбила Токио и другие города густо заселенной островной Империи. В ответ на это, японцы, почему-то признав это бесчеловечным, ответили жестокой расправой с захваченными в плен американскими летчиками, которые имели несчастье попасть к ним в руки в результате порчи или повреждений своих аппаратов.

4—8 мая 1942 года соединенный флот американцев, англичан и австралийцев встретил и жестоко потрепал японский военный флот и транспорты, двигавшиеся к Новой Гвинее. Произошло это в Коралловом море.

4-го июня 1942 года американская морская авиация очень удачно «разбомбила», под островом Мидвэй, японскую эскадру, двигавшуюся к Новой Гвинее. Это был поворотный пункт в войне Японии на Тихом океане.

Хотя японцы и продолжали еще свои операции по захвату Новой Гвинеи, и в июле 1942 г. подошли на расстояние около тридцати миль к порту Морэсби, но их продвижение было чрезвычайно замедленно, и в конце-концов совершенно остановлено, главным образом благодаря геройству и мужеству частей австралийской армии, поддержанных американцами.

Почти одновременно с этим, в мае 1944 г. англичане (14-я армия генерала Слим) перешла в контр-наступление и к декабрю месяцу вытеснила японцев из Бирмы.

20-го октября 1944 г. американцы захватили остров Лейте, самый большой из группы Филиппинских островов, и вскоре высадились на Филиппинах.

Установился объединенный фронт союзников, повсеместно перешедших в наступление против японцев.

1 декабря 1943 года, в Каире, Президент С.А.С.Ш., Ф. Рузвельт, и Премьер-министр Англии, Винстон Черчилль, обсуждали вопрос о будущих границах Японии, в предвидении предстоящего ее полного военного разгрома.

На этом совещании, по-видимому, с целью большого поощрения китайцев к продолжению борьбы с японцами, был разрешен вопрос и об «иностранных концессиях в Китае». В результате этого совещания, все «договорные» порты китайского побережья, находившиеся в ведении и под управлением европейских держав после неудачных войн Китая с этими европейскими странами в начале девятнадцатого столетия, были переданы Китаю. Рузвельт и Черчилль отказались от суверенных прав Америки и Англии на эти порты и иностранные концессии.

По букве этого договора, Шанхай переходил обратно во владение Китаю, и Международный Сеттлемент этого города прекращал свое существование, как независимая от Китая единица.

Этим правом, конечно, немедленно воспользовались японцы, управлявшие в это время Шанхаем: Международный Сеттлемент Шанхая, (а потом и Французская Конкессия) были немедленно переданы японцами «официальным и законным хозяевам» — «марионеточному правительству» Ван-Чин-Вея, который фактически был лишь пешкой в руках японцев.

Международного Сеттлемента не стало, не было поэтому и надобности в его особом самоуправлении.

Высадившиеся на Филиппинах американские войска, действуя совместно с англичанами и китайцами, повели наступление на японцев вглубь Китая. Американская военная авиация делала глубокие и смелые налеты, поражая тылы японцев. В орбиту действий этой авиации попал, конечно, и Шанхай, являвшийся одним из крупнейших центров, через которые шло снабжение японской армии.

В конце 1944 и начале 1945 г.г. (до окончания войны) эти американские воздушные налеты очень участились и заставили японцев прибегнуть к недозволенной военной этикой хитрости: прикрываться мирным населением, как щитом.

Дело в том, что американцы, при налетах на Шанхай, ставили себе целью разгром военных складов и установок японцев и не хотели наносить вред мирному населению (в особенности европейцам), почему и избегали бомбардировки таких целей, как Предприятия общественного пользования (Электрическая, Водопроводная и Газовая станции), обслуживавших нужды местного населения.

Отлично налаженная американская «интеллидженс» в Шанхае давала им точные сведения и о местонахождении лагерей, за проволокой которых сидели американцы и англичане. Это были «безопасные» в смысле бомбежек места, и японцы учли это обстоятельство, прикрываясь от американских воздушных бомб этими пунктами, как щитом: вплотную к Электрической, Водопроводной и Газовой станциям японцы расположили свои военные склады, считая, что ни один летчик американец не рискнет сбросить бомбу на эти склады, опасаясь возможной ошибки «в прицеле». Однако, японцы ошиблись в своих расчетах: точность стрельбы американской военной авиации была идеальна и летчики сбрасывали свои бомбы на японские военные склады, не причиняя вреда Предприятиям общественного пользования. Был лишь один случай, когда одна из сброшенных бомб упала во двор Электрической станции.

Японцы, однако, применили тогда другой способ: они стали освобождать от жильцов нижние этажи больших зданий-апартментов, занимаемых европейцами, и использовали освобожденные помещения под свои военные склады. Наличие мирного населения европейцев в верхних этажах этих зданий обеспечивало японцам хранение военных грузов, включительно до снарядов и патрон, в этих своеобразных апартментах-складах. К концу войны, например, они поставили в нижнем этаже здания Рейс-Корса, где была наша казарма, свои танки.

Концентрационные-же лагеря, в которых сидели англичане и американцы, они начали перебрасывать с места на место; по-видимому, они хотели, чтобы лагеря эти пострадали от бомб своей собственной авиации. Но этого не случилось, так-как американская агентура в Шанхае была хорошо налажена и своевременно давала знать о всех происшедших переменах.

Был, однако, один случай, который для меня и до сих пор является загадкой: весной 1945 года американ-

ские военные летчики забросали бомбами район Вэйсайда около Чао- Фунг род, где в специальном «гетто», за колючей проволокой жили евреи-беженцы из Германии, приехавшие в Шанхай еще в 1940 г., спасаясь от преследования Гитлеровских нацистов. Рядом с этим «гетто», на Чао-Фунг род был расположен большой японский военный склад. «Ошибка» летчиков (если это была ошибка) в данном случае была невероятно велика: они забросали бомбами очень большой по размерам район «гетто», в котором погибли многие сотни евреев-беженцев. Весь Русский Отряд, вызванный по тревоге немедленно после бомбардировки, в течение двух-трех дней очищал этот район, вывозя убитых и раненых и расчищая улицы, заваленные обломками строительных материалов, мебели и проч. Картина этого непонятного разгрома была ужасна.

Американские воздушные налеты, несмотря на их серьезность, невольно вызывали улыбку жалости и сострадания в отношении японцев: американцы просто играли с ними, как «кошка с мышкой». Американская авиация была неуязвима, так-как благодаря высоте ее полетов, малокалиберная японская зенитная артиллерия не могла добросить своих снарядов до цели и они рвались в небе, густо покрывая собою довольно большие площади, почти на половине дистанции. Эти снаряды, наверное, просто вызывали смех у американских летчиков.

Вслед за сиренами, подававшими сигнал о «налете», слышался обычно гул японских военных самолетов, на низком полете уходивших со своих аэродромов (Ханьчжао, Киангван и др.) куда-то в «провинцию», спасаясь от американского разгрома. Это не была, конечно, трусость японцев (позднее они доказали как-раз противоположное, создав свои «камикадз»), но они понимали, что со своей устаревшей техникой, они конечно не могли бороться в Шанхае с мощной современной американской авиацией.

С изменением военной обстановки на фронте, менялась и служба Русского Отряда, менялись требования к нему предъявляемые и, в конце-концов (после Каирского договора) — даже наружный его вид.

Чины Отряда, выходя на «уличную службу», по-

прежнему были вооружены пистолетами «Кольта» или винтовками (если несли службу на барьерах и рогатках, пересекавших улицы в особо важных пунктах), но постепенно эта служба из чисто полицейской (так сказать, «строевой полицейской») патрульной службы переходила на охрану и поддержание порядка в «рисовых очередях» и регулирование уличного трафика.

Еще до начала налетов американской авиации, все чины Отряда прошли курс «противовоздушной обороны» и даже обучали этому «искусству» чинов Пао-Чиа. Пришлось изучить также и пожарное дело, т. е. обращение с пожарными машинами, и к концу 1944 г. главным назначением Отряда, по-видимому, уже считалось помощь пострадавшим от воздушных налетов и тушение пожаров, возникших в результате этих налетов. Для этой цели в казарме Отряда всегда должны были находиться «наготове» не меньше пяти офицеров и почти половина состава людей и перевозочные средства.

Опишу вкратце жизнь и службу Отряда в этот тяжелый военный период.

К 1943-му году полиция всего «Великого Шанхая» разделялась на три «Полицейских Бюро»: 1-е Бюро — это был бывший Международный Сеттлемент (центральная часть Шанхая), 2-е Бюро — район Хонкью и Китайская часть города, прилегающая к нему в северной части города и 3-е Бюро — район Французской Концессии и западный район Сеттлемента.

Японцы стояли во главе этих Полицейских Бюро, зачастую имея своими помощниками англичан и французов, бывших служащих Муниципальной Полиции Сеттлемента и Французской Концессии.

Организация Русского Отряда оставалась прежней: три роты по четыре взвода в каждой и команда Штаба Отряда, в которую входила команда шоферов, обслуживавших собственный транспорт Отряда (около двадцати «Шевролетов»-транспортеров, один «ютилити» и пара мотоциклов с «корзинками» сбоку). Кроме того, в Отряд было выдано довольно большое число велосипедов, за которыми наблюдали чины «шоферской команды». Чины и звания остались прежними, а равно и форма Ш.М.П.

В штабе 1-го Бюро Полиции произошли некоторые изменения чисто наружного характера: наш «прямой начальник» — Суказаки, получил наименование «Кон-

тролирующего офицера Русского Вспомогательного Отряда». Чиф-Инспектор Ф. Тэтстолл, по-прежнему, оставался «офицером для связи».

Шанхай, отрезанный войной от всего мира, начал терпеть нужду положительно во всем. Особенно острый недостаток чувствовался в одежде и обуви, замены которым не было. Шанхай мог дать бумажные материалы, но сукно и резина шли из-за границы, связи с которой не было после военных неудач японцев на море. Поэтому особое внимание было обращено Начальником Отряда на бережное хранение и разумную носку казенного обмундирования, которое теперь уже не шилось заново каждому вновь поступающему, а переходило ему «по наследству» от уволившегося со службы чина Отряда, или-же получалось с полицейского склада старого обмундирования.

К 1943-му году японцы захватили в свои руки уже большую часть Китая, но они не могли чувствовать себя полными хозяевами этой огромной страны: Северная Маньчжурия (с марионеточной Империей «Маньчукуо»), находившаяся в соседстве с С.С.С.Р., потребовала от японцев огромного числа лучших по своему качеству войск, так-как японцы видели в своем соседе СССР неизбежного военного противника. Филиппины, Малая, Бирма — требовали все новых и новых подкреплений войсками. Поэтому японцы имели возможность держать лишь сравнительно малочисленные гарнизоны по большим центрам расселения внутри Китая, где почти беспрепятственно продолжали работать партизанские отряды китайской коммунистической армии, которые подходили иногда даже к предместьям Шанхая (район Путунга). Агенты этой коммунистической армии были везде. Конечно, были они и в Шанхае. Радио — этот идеальный способ сообщения, широко использовался коммунистическими агентами и поэтому японцы вынуждены были принять строгие меры, чтобы сократить до минимума (уничтожить совершенно им не удалось до самого конца войны) возможность связи Шанхая с враждебными им силами.

Японскими властями объявлена была регистрация всех радиоаппаратов, большинство из них было отобрано (без вознаграждения) и сложено в особые склады «на хранение». Только устаревшие, мало мощные аппараты, да и то лишь после соответствующих переделок, еще более ослабивших их силу, были оставлены на

руках у населения. Не зарегистрированный радиоаппарат влек за собой строжайшие преследования и аресты японской жандармерии.

Всех жителей города обязали зарегистрироваться и получить особые «резидентские карточки» — удостоверения личности. При этом, европейцам, желавшим переменить свое подданство (на китайское?!) предлагалось сделать это через «специальный отдел полиции», который следил за политической жизнью города.

Стоимость денег падала катастрофически, жалования не хватало, поэтому случаи вымогательства и взяток среди чинов полиции сильно увеличились. Японцы, по своей натуре, исключительно честный народ, они не терпят воровства и вымогательства. Недаром говорят, что в Японии еще недавно существовал обычай обрубать пальцы на руке вора, пойманного при совершении кражи.

В Шанхайской полиции, в особенности ее китайский и индусский отделы, никогда не гнушались взятками, пользуясь своей формой и положением. Налагавшиеся-же за взяточничество наказания, по-видимому, не были достаточно строги, поэтому японцы значительно усилили их и, в то-же время, ввели в практику награждение деньгами «за хорошую службу». В Русском Отряде, как и на других полицейских станциях, появились особые «наградные комиссии», которые следили за распределением денежных наград.

Скудность получаемого жалования толкала некоторых из чинов Отряда на разного рода ухищрения с целью повысить свой заработок: так например, женившийся чин Отряда получал особый аванс на жену, поэтому число браков увеличилось. Но бывали случаи, когда повенчавшийся, с ведома начальства, у адвоката, что считалось законным чин Отряда немедленно-же но уже без ведома начальства разводился у того же адвоката и продолжал получать «семейный аванс».

Случайно натолкнувшись на такой случай, Начальник Отряда вынужден был установить оригинальный способ поверки семейного положения женатых чинов Отряда, получавших семейный аванс: в начале каждые три месяца, а потом один раз в шесть месяцев, муж — чин Отряда и его жена должны были вместе являться в Штаб Отряда к Помощнику Начальника Отряда, майору Степанищеву, и подписывать особую декларацию, удостоверявшую их «семейное состояние». Эти «смотри-

ны» вызывали немало улыбок со стороны рядовой массы чинов Отряда, но имели положительный результат.

14-го апреля 1944 г. наша полковая переносная церковь, в казарме на Рейс-Корсе, была утверждена Епископом Иоанном Шанхайским, как «домовая церковь» Полка, во имя Святителя Николая Чудотворца Мирликийского и приписана к архиерейской церкви для обслуживания ее нужд. Священник Протоиерей Сергий Бородин был назначен, как постоянный священник, для обслуживания духовных нужд Отряда. Сам Владыка Иоанн, как правило, один раз в месяц обязательно посещал казарму Отряда и вел духовную беседу с чинами свободными от служебного наряда, а потом пил чай с г.г. офицерами в «оффисерс месс».

Отряд постепенно, все более и более, терял свой прежний блестящий воинский вид, и уже не было того образцового порядка, который царил в казарме Русского Полка Ш.В.К. Люди приходили из наряда всего-лишь на несколько часов отдыха и снова уходили на службу, поэтому, установленную по прежнему уставу, ежедневную «выкладку всего обмундирования и снаряжения» на постелях для осмотра и поверки начальниками, пришлось отменить, и койки стояли заправленными одеялами с утра и до вечера, иногда скрывая под собой пыль и грязь, ранее совершенно недопустимые в казарме Полка.

1-го августа 1943 года отдел полиции, которым командовал Суказаки, включавший в себя все полицейские резервы, тренировочные депо, индусский отдел и Русский Отряд, был переименован в «Общий полицейский корпус», а сам Суказаки стал именоваться «Директором» этого корпуса и Контролирующим офицером Русского Отряда.

Как отзвук военных поражений, в Шанхае японцы стремились убрать со службы, и как можно скорее запрятать в лагеря, еще остававшихся на службе англичан. Попал под эту категорию и наш Чиф-Инспектор Ф. Тэтстолл. Но и в этом случае, Суказаки много помог ему, снабдив большим количеством баночных продуктов, которые хранились потом на Отрядном складе и, по мере надобности, выдавались пасынку Тэтстолла (от его русской жены), который не попал в лагерь вместе со своими родителями.

Вместо Тэтстолла, офицером для связи со Штабом

Полиции назначен был один из русских «регулярных» полицейских Ш.М.П. — Роговенко, произведенный «для поднятия престижа» в чин Чиф-Инспектора.

Роговенко проводил в Отряде целые дни и, мне кажется, очень помогал Начальнику Отряда в эти тяжелые годы. Офицеры Отряда относились к нему очень дружески и не скрывали от него своих мыслей, говоря о происходившей в то время войне. Роговенко доверяли, считая его «белым русским», но после окончания войны оказалось, что он имел советский паспорт.

В программу полицейской службы и занятий было введено обязательное изучение японского языка, и казарму Отряда начали регулярно посещать учителя, большей частью корейцы или китайцы, хорошо говорившие по-японски. Периодически устраивались поверочные испытания, но, фактически, поверять было нечего, т. к. ученики не показывали особых успехов в этом языке.

Вскоре после заключения Каирского договора, 17 декабря 1943 года Русский Отряд был переименован в **«4-й Отряд Обще-Полицейского Корпуса»**. Началась новая эра: японцы передали Сеттлемент (а позднее, и Французскую Концессию) марионеточному китайскому правительству Ван Чин-вея, которое уполномочило Мэра Великого Шанхая взять бывший Сеттлемент под свое управление. Произошли некоторые перемены и в Штабе Полиции: Мэр города, «по совместительству», являлся теперь Начальником Полиции Шанхая. Ватари получил наименование «Главного помощника Начальника Полиции», но фактически всей полицией, как и прежде, управлял скромный на вид японский жандармский майор Гото, по-прежнему остававшийся всего лишь начальником Специального отдела этой полиции и ее Отдела преступлений.

От нового «Начальника», мэра Чен Кун-по, посыпались инструкции и распоряжения, в которых он требовал поднять престиж полиции, прекратить взяточничество и укрепить дисциплину. Приказ, конечно, остался приказом, но все шло прежним порядком.

— 1944 год —

С каждым месяцем материальное положение чинов Отряда становилось все хуже и хуже, пища делалась все беднее и скуднее. Начинался ропот.

Еще в феврале месяце, Начальник Отряда уже предвидел, что Штаб Полиции изменит систему довольствия чинов Отряда, сняв с себя «головную боль», доставляемую этим сложным в создавшейся обстановке вопросом, и перейдет на систему, практиковавшуюся в «регулярной» полиции, где холостые полицейские, жившие и столовавшиеся на станциях, получали специальный аванс на довольствие и сами организовывали свое «артельное довольствие».

По-видимому, разговоры об этом уже шли в Штабе Полиции и Роговенко рассказал об этом майору Иванову, который решил немедленно принять меры к тому, чтобы распоряжение по этому вопросу не застало его и Отряд врасплох.

Он решил заранее узнать мнение своих людей по этому вопросу и, опросом через сержант-майоров рот, выяснил, что огромное большинство чинов Отряда смотрит на это положительно. Тогда был отдан приказ о выборе Специальной Комиссии из чинов Отряда, которая разобрала-бы этот вопрос в деталях: как организовать собственное артельное довольствие в Отряде?

Будучи сам очень практическим человеком и экономистом по образованию, Начальник Отряда немало помог этой Комиссии в ее работе своими советами и разъяснениями. К началу марта месяца Комиссия закончила свою работу, а в конце марта был получен приказ Штаба Полиции о переводе Русского Отряда на самостоятельное довольствие с 1-го апреля 1944 года.

Благодаря предусмотрительности Начальника Отряда, своевременно проделанная подготовительная работа дала возможность Отряду быстро и безболезненно перейти на этот совершенно новый для Отряда способ питания людей.

С переходом на собственное артельное довольствие

ропот прекратился, так как чины Отряда «питались сами», через своих выборных артельщиков, и поэтому, в случаях неудовольствия или неудовлетворенности, могли сами исправить положение.

Семейные чины Отряда получали на руки деньги на довольствие и столовались дома, получив разрешение уходить домой для обеда и ужина (если в это время не бывали на службе) или приносить пищу с собой, но есть ее обязательно только в столовой Отряда.

Поездки семейных домой, в штатском платье, стоили очень дорого, так-как бесплатно чины полиции могли пользоваться трамваями и автобусами, только будучи в форме. Отпуска-же в форме были запрещены. Поэтому Начальник Отряда возбудил ходатайство перед Штабом полиции (через Суказаки) и получил разрешение отпускать семейных домой в форме.

К июню месяцу 1944 года японцы добились того, что правительство Ван Чин-вея получило в свои руки бывшую Французскую Концессию.

Русский Отряд на Французской Концессии, носивший в то время наименование «5-го Отряда Обще-Полицейского корпуса», получил приказание влиться в состав нашего «4-го Отряда».

Вначале этот приказ вызвал сильное «брожение умов» в бывшем Французском Отряде, так-как они еще помнили строгую дисциплину Русского Полка Ш.В.К., помнили усиленные строевые занятия, которые были обычным явлением в этой блестящей воинской части, и абсолютный порядок, требовавшийся в полковой казарме. Вспомнили они, конечно, и то, что во Французском Отряде они получали большее жалование, чем чины Полка на Сеттлементе, а служба у них была гораздо легче, чем в Полку.

Но скоро, однако, здравый смысл и обстановка убедили их, что иного выхода не было: найти службу или работу в Шанхае в то время было совершенно невозможно, 4-й же Отряд (бывший Русский Полк) имел все еще свое отлично налаженное Отрядное хозяйство, дававшее возможность его чинам не голодать и поддерживать свои семьи.

Офицерам бывшего Французского Отряда также было предложено перейти в 4-й Отряд, сохраняя свои ранги.

4-го июля 1944 года «бывшие французы» перешли в казармы нашего Отряда на Рейс-Корс. Они перешли

в составе 9 офицеров и 221 чинов, доведя общую численность нашего 4-го Отряда до 21 офицера (включая врача) и 437 прочих чинов.

Первый месяц службы для «французов» считался испытательным и они имели право, по истечении этого месяца, уволиться со службы, если она их не удовлетворяла.

К чести «бывших французов» нужно сказать, что огромное большинство из них осталось служить с нами, не убоявшись строгостей (жалкие остатки прежней дисциплины Русского Полка!!) и порядков, существовавших у нас. Из бывших-же офицеров Французского Отряда у нас на службе остались лишь трое: лейтенант И. В. Киборт, лейтенант Ведерников и лейтенант Шрейдер, прослужившие с нами почти до конца существования Отряда.

По давно заведенному Командиром Полка правилу, каждый из офицеров, помимо своих прямых служебных обязанностей, нес еще и дополнительные обязанности по заведыванию и наблюдению за одним из отделов собственного Отрядного хозяйства, и офицеры-«французы», конечно тоже были привлечены к этой работе, много способствуя успеху ведения этого хозяйства в тяжелые дни и месяцы перед окончанием войны.

С августа 1944 года налеты американской авиации сделались почти ежедневными: они прилетали и днем и ночью, и нам из нашей казармы, выходившей одной своей стороной на огромное незастроенное поле Рейс-Корса, видны были в небе их блестевшие на солнце бомбовозы и слышался гул их мощных моторов. Обычно, через несколько минут после того, как они пролетали над Рейс-Корсом, слышались взрывы, сброшенных ими бомб, а потом эскадрильи возвращались обратно, иногда выписывая на небе букву «V» («ви») дымовым следом — «виктори» (победа) было значение этой буквы. Налетчики, по-видимому, хотели дать знать европейцам, застрявшим в Шанхае, что победа над японцами уже близка.

Японцы усиленно обучали китайское население (через Пао-Чиа) мерам предохранения при воздушных налетах, оказанию медицинской помощи пострадавшим и тушению пожаров, вспыхивавших на месте взрыва бомбы. Специальная команда в составе трех офицеров и десяти чинов Отряда обучала всей этой «премудро-

сти» чинов Пао-Чиан, а они, в свою очередь, учили мирное население города.

Подвальные этажи зданий, кирпичные городские общественные уборные и другие подходящие постройки, с помощью мешков с песком, превращались в «бомбоубежища», а вдоль тротуаров улиц прорыты были узкие глубокие канавы-траншеи, в которых можно было укрыться от осколков бомб и снарядов. Население готовилось к тому, чтобы нести как можно меньше потерь в случае сильных налетов или боя под стенами и в стенах города. Об этом уже носились грозные слухи: «японцы будут драться в Шанхае до последнего солдата».

Отпуска для чинов Отряда уменьшались все больше и больше, так-как Отряд обязан был иметь постоянно наготове чуть-ли не 50% своего состава на случай вызова по тревоге к месту разрушений или пожаров. Уходившие в отпуск чины Отряда получали инструкции, в случае налета, немедленно возвращаться в свои казармы или идти на ближайшую полицейскую станцию, где поступать в распоряжение Начальника или дежурного по станции. Исключению из этого правила подлежали только лишь те, кто находился в «рест дэй», т. е. имел законный полный день отдыха.

При каждом сигнале сирены «Воздушный налет», старший из офицеров в казарме Отряда на Рейс-Корсе обязан был немедленно рапортовать по телефону в Штаб Полиции о силе наличного состава команды, готовой к вызову по тревоге. И без того тяжелая служба чинов Отряда, сделалась еще и нервной: уходя домой на обед или ужин, или в отпуск, ни один офицер или чин Отряда не имел возможности заранее располагать своим временем, и всегда был начеку, готовый к возвращению в казармы по первому сигналу сирены.

Мне не раз пришлось испытать это «удовольствие» ночью, когда, быстро одевшись в неосвещенной комнате, я должен был в полнейшей темноте ехать на велосипеде по Бабблинг Бэлл род из своей квартиры на Хардун род в расположение казармы на Рейс-Корсе. Я чувствовал, что улица «шевелилась», но, только подойдя или подъехав вплотную, можно было разобраться с кем встретился: с человеком или машиной.

Специальная повязка на рукав (белые с вышитыми на них красными трафаретами-иероглифами) давали нам офицерам Отряда право движения по улицам

даже во время налетов, в то время, как остальное население обязано было в это время сидеть по домам или в бомбоубежищах и не выходить на улицу до сигнала «отбой».

Наша казарма привыкла постепенно к этой жизни, и в ее затемненных помещениях люди мирно спали, играли в карты, шашки или шахматы, просто разговаривали, гадая «когда-же все это кончится?» и «вызовут-ли сегодня или обойдутся без нас и можно будет спокойно поспать ночью?».

— 1945 год —

Лучшим средством подтянуть обучение и дисциплину среди людей является парад или смотр. Поэтому, несмотря на тяжесть службы и тревожное положение, Отряду периодически устраивались смотры. Но это были уже не те смотры, на которых Полк отчетливо отбивал шаг под звуки духового оркестра, двигаясь за своим гордо развевавшимся полковым знаменем — национальным русским трехцветным флагом, вызывая бурные и восторженные овации со стороны многотысячной толпы зрителей, собравшихся посмотреть на «свой Русский Полк».

Сейчас, во время смотров Отряд демонстрировал свои познания по противовоздушной обороне, тушению пожаров и оказанию первой помощи пострадавшим на месте разрушений, а потом, скромно, вздвоенными рядами, проходил мимо принимавшего смотр начальника, под игру своих барабанщиков и горнистов.

Но и к этим смотрам все чины относились очень серьезно, усиленно подготавливались в строевом отношении, чинили, чистили и подглаживали свое уже сильно потрепанное обмундирование.

Кроме «начальства», принимавшего парад или делавшего смотр (иногда это бывал мэр Великого Шанхая), обыкновенно присутствовали представители японской армии и флота (в больших чинах), старшие офицеры полиции и представители Пао-Чиа. Посторонние зрители не допускались, и смотры эти происходили на поле Рейс-Корса, против нашей казармы.

Несмотря на недостаточность строевой подготовки и тяжелую службу, Отряд сумел даже в эти тяжелые военные годы заслужить славу хорошо обученной, дисциплинированной и надежной части.

В прежние годы, в приказе по полку , предварявшем какой-либо смотр или парад, обыкновенно бывала оговорка — «если позволит погода». Теперь в подобном же приказе упоминалось — «если не будет воздушного налета».

В приказах по Русскому Полку, Командир Полка, сделав оценку смотра или парада и объявив отзывы по этому поводу «начальства и присутствовавших «больших чинов», обычно выражал благодарность всем г.г. офицерам и чинам Полка за положенные труды в деле подготовки к смотру и за блестяще проведенный (все смотры Полка проходили блестяще) смотр. Теперь такой приказ звучал иначе: например, после смотра, произведенного Отряду мэром Шанхая, Чу Фу-хаем, 14-го марта 1945 года, после благодарности, Начальник Отряда, майор Иванов, объявил: «выдать в награду всем участникам смотра **по полфунта хлеба на человека к обеду**». Если прочесть этот приказ сейчас, то невольно вкрадется вопрос: «почему хлеба?». Ответ вполне ясен: в 1945-м году вопрос с довольствием в Шанхае настолько обострился, что продукты питания можно было доставать только лишь с большим трудом и за высокую плату. Рацион, получаемый по карточкам, был недостаточен, и «полфунта хлеба» — в «награду», были лучшей наградой полуголодным, но дисциплинированным и все еще хорошо обученным людям, которые находили в себе силы поддерживать престиж своей части.

Говоря сейчас об этих тяжелых месяцах 1945-го года, невольно вспоминаешь и нашу жизнь вне казармы, в своей личной семье.

В холодные зимние месяцы, когда промозглая, гнилая и холодная шанхайская погода промачивала и промораживала человека до костей, когда в Штабе Отряда, например, мы работали сидя в шинелях, фуражках и перчатках, когда в промерзшем «цементном ящике-казарме» не топилась ни одна печь и люди целые дни проводили одетыми в шинели, у семейных чинов Отряда невольно появлялась мысль: «а что сейчас делается у меня дома?». Там было не лучше, а, зачастую, много хуже.

В целях экономии топлива, японцы вынуждены были срезать нормы электрической и газовой энергии. Установленной нормы, обычно, не хватало для приготовления пищи, не говоря уже о горячей ванне... о ней просто нужно было забыть. Чугунные печурки появились в каждой квартире, но топить их, зачастую, было нечем. Изредка, по рационным карточкам, выдавался каменный уголь, но это был, скорее, «камень», но не уголь, да и выдавался он в очень небольшом количест-

ве. «На вольном рынке» можно было купить «брикет», но изобретательные торговцы китайцы делали этот брикет почти из чистой золы и глины лишь с небольшой примесью угольной пыли, и он поэтому не горел.

Чины полиции изредка получали, через Штаб Полиции, рис и брикет, который уносился ими домой, и это считалось большой привилегией для служащих городского управления. Покупка мяса на базарах «полуфунтами» (а не фунтами) являлась вполне нормальным явлением. Хлеба было мало, выдавался он по рационным карточкам и был плохого качества. Бутылка свежего молока для ребенка являлась большой роскошью. Коровьего масла не видели уже в течение многих месяцев, и пищу готовили на вонючем китайском бобовом масле очень плохой очистки.

Шанхай мерз и голодал, но старался жить нормальной жизнью: такова-уж, по-видимому, натура человека! Ходили друг к другу с визитом, в гости, на именины. Только раньше, бывало, идя на именины, мы несли «герою дня» богатые и разнообразные подарки, не задавая себе вопроса — «а что подарят ему другие?», «не будет-ли дублирования?». Теперь-же, отправляясь на именины, просто по привычке «жить», мы, обычно, сговаривались между собой, что подарить имениннику или имениннице. «Осьмушка» кофе, маленькая шестиунцовая баночка консервированного молока, полфунта сахара — это были подарки, которые украшали именинный стол чашкой горячего кофе, который мы сами не видели уже в течение многих месяцев. Ирония судьбы! — этот-же кофе с баночным молоком свободно распивали рикши, которые иногда зарабатывали больше, чем чины Отряда, стоявшие на охране порядка и закона в городе.

Болезни, главным образом в результате недоедания и холода, развивались стихийно, и Дженерал Госпиталь перестал принимать больных. Отряд создал свой лазарет, в котором проходили лечение чины Отряда, и только в самых тяжелых случаях больные отправлялись в госпиталь.

6-го августа 1945 года была взорвана первая атомная бомба в Японии, над городом Хиросима, а 9-го августа — вторая бомба над Нагасаки.

Этим ужасным и бесчеловечным способом Америка ускоряла военную борьбу на Тихом океане, факти-

чески ими уже выигранную. Приблизив конец войны, атомная бомба спасла от смерти и увечий тысячи солдатских жизней, но зато убила и искалечила десятки тысяч мирного населения, стариков, женщин и детей, и разрушила их жилища. Такой способ войны едва ли оправдывался обстановкой данного момента.

Война закончилась. Все еще стойко сопротивлявшиеся на фронтах японские армии получили приказ Микадо сложить оружие и сдаться на волю победителей.

Превосходство американцев в военной технике, в особенности в авиации, обещало еще не одну такую атомную бомбу, которая могла-бы стереть с лица земли всю Японию, и Император Японии приказал прекратить сопротивление на фронте.

9-го августа 1945 года японцы приняли американские условия о сдаче, и война на Тихое океане прекратилась, но она продолжалась еще некоторое время в Северной Маньчжурии, где советские войска коварно напали на японцев, объявив им войну 8-го августа, т. е. через два дня после «Хиросимы» и за день до «Нагасаки». До этого, трусливо выжидавший советский шакал теперь коварно напал на уже полумертвого японского тигра и начал его рвать на части.

Весть об окончании войны в Шанхае распространилась почти немедленно. Высадка американских представителей, которые сбросили где-то в районе Ханьчжао «джип» и приехали на нем в Хамилтон Отель (в центре Сеттлемента, против здания Муниципалитета), где и обосновали свой Штаб.

По лицам японцев было видно, что они морально убиты происшедшим, но по виду ничто не изменилось: на улицах города поддерживался прежний порядок и жизнь населения текла своим чередом.

В дальнейшем события менялись как в калейдоскопе: японцы свозили на поле Рейс-Корса свои танки, танкетки и грузовики, готовя их к сдаче американцам.

Японцы уже безоружны. Они сознательно портят свои машины, обращаясь с ними исключительно небрежно. На улицах города появляются американские военные машины. В назначенный день (не помню даты) в город «официально» вступают союзники: первыми проходят китайские войска, восторженно встречаемые китайской толпой, за ними появляются американцы.

В городе бесчисленные демонстрации «победы». Одна из этих демонстраций проходила мимо нашей казармы по Мохуак род. В голове этой демонстрирующей толпы, окруженный китайскими, американскими и английскими флагами, с советским флагом в руке шел Жиганов — бывший капитан и редактор-издатель альбома «Русский в Австралии». Еще совсем недавно он считался — «ярым белым эмигрантом». С ним шла кучка советской молодежи, которая что-то орала, показывая на окна нашей казармы.

Отряд продолжал нести свою обычную службу на улицах и чины его, по-прежнему, выходили на службу вооруженные пистолетами «Кольта .38».

Сразу-же после вступления в город союзников были открыты ворота лагерей, в которых сидели интернированные англичане и американцы.

Почти в первый-же вечер в нашей казарме оказался Робертсон (наш прежний старший начальник), Чиф-Инспектор Тетстолл и еще кое-кто из бывших служащих Муниципальной Полиции. С ними был какой-то офицер-кавалерист. Слишком скромно (так-как мы сами ничего не имели), но очень радушно угощали мы дорогих гостей в нашем оффисерс месс. Все были рады окончанию войны, но в наши души невольно закрадывалась мысль: «а что будет с нами теперь? Ведь Международного Сеттлемента уже больше нет. Захочет-ли новая китайская администрация держать нас у себя на службе?».

Робертсон заверял нас, что мы будем продолжать службу, так-как китайцы пригласили его «Советником» по полицейским делам на территории бывшего Сеттлемента, и он будет отстаивать «свой Отряд».

Визиты англичан в наш «оффисерс месс» не прекращались. В один из таких визитов Робертсон, спускаясь по ступенькам трибун к ожидавшей его машине оступился, упал и сломал себе ключицу. После оказания ему первой медицинской помощи в нашем Отрядном околодке, мы перевезли его в Дженерал Госпиталь, где ему наложена была гипсовая повязка. Робертсон «вышел из строя», по крайней мере, на пять-шесть недель, и, конечно, не мог уже думать о какой-либо службе. События-же в то время развивались чрезвычайно быстро: в городе должна была быть какая-то полиция. Новая администрация Шанхая, ознакомившись со службой и поведением Командира, офицеров и всех чинов

Отряда во время войны, объявила, что Русский Отряд остается у них на службе.

Приезжал какой-то «большой представитель» нового городского управления, «осматривал» отряд, «делал строгие глаза», ругал японцев и марионеточное правительство Ван Чин-вея, пел дифирамбы Чжан Кайшеку и, обойдя строй Отряда, заявил, что новая администрация вполне удовлетворена службой и поведением всех офицеров и чинов Отряда и поэтому оставляет весь Отряд у себя на службе, но желающие могут уволиться, если их условия службы не удовлетворят.

Только очень небольшое число чинов Отряда воспользовались предложением и уволились со службы.

Отряд получил новую кокарду на свои фуражки: позолоченная «жестянка» с синей гоминдановской звездой на белом фоне в центре, окруженной колосьями риса. С полицейского склада получили китайское полицейское обмундирование, уже достаточно поношенное. В казарме Отряда появился новый «Контролирующий офицер» Отряда — китаец (забыл его фамилию). Это был один из бывших старших офицеров китайского отдела Ш.М.П., а при японцах он занимал пост начальника полицейской станции Лауза (самая важная по своему значению, расположенная в центре Сеттлемента). Он знал Отряд еще по прежней его службе при англичанах и поэтому относился к нам очень хорошо.

Японцы продолжали сдавать свое военное имущество китайцам. Среди этого «имущества» оказалось большое число строевых и обозных лошадей. Несчастные животные, забытые побежденными и победителями, в течение нескольких дней, стояли без водопоя и голодными у своих коновязей, где-то в районе Янцепу. От них остались одни скелеты обтянутые кожей.

Новым Начальником Полиции бывшего Сеттлемента и Французской Концессии назначен был какой-то китайский генерал, служивший в кавалерии. Узнав об этих лошадях, он немедленно решил использовать их, создав конную полицейскую часть: будет и красиво, и без особых расходов, и полезно, так-как конные полицейские могли патрулировать даже самые отдаленные районы города.

Но где-же набрать такое число полицейских, умеющих ездить верхом и обходиться с лошадью?! На этот естественный вопрос появился столь-же естественный ответ: конечно, в Русском Отряде, который в течение

своей многолетней службы на Сеттлементе вынужден был не раз менять свое назначение, и всегда очень успешно справлялся с выпавшей на его долю новой задачей. Чин этого Отряда был то солдатом, то полицейским, то пожарным, то санитаром и всегда выполнял свои обязанности очень похвально.

Начальник Отряда, майор Иванов, получил предписание выяснить, сколько человек может дать его Отряд для конной полиции, а остальных перевести в специальный резерв полиции для службы пешком, на велосипедах и для выезда по тревоге на наших грузовиках транспортерах.

Конная часть оставалась на Рейс-Корсе, а подвижной резерв должен был перейти на Гордон род и занять там помещения полицейского депо.

«Конных» оказалось свыше ста человек, и из них были сформированы 3 взвода: 1-й под командой майора Степанищева с младшим офицером лейтенантом Кротовым, 2-й под командой капитана Красноусова, с младшим офицером лейтенантом Давыдзик и 3-й взвод — под командой капитана Гапанович, с младшим офицером лейтенантом Киборт.

Эта конная часть находилась в непосредственном подчинении самого Начальника Отряда, майора Иванова, при ней-же был оставлен и Заведующий Хозяйством Отряда, капитан Шимордов.

Все остальные чины Отряда, под командой капитанов Поронник и Лобанова, перешли на Гордон род.

Отряд разделился на две, почти равные по своему составу, части и почти потерял взаимную связь, таккак не только довольствие, но и служба этих двух половин Отряда были совершенно различными. Майор Иванов оставался Начальником всего Отряда, фактически, лишь на бумаге.

В нашу конную часть назначили какого-то молодого офицера китайца, как «офицера для связи» и, по-видимому... для наблюдения за нами (комиссар?!). Он не говорил по-английски, но был весьма общителен. Разговаривали мы с ним через китайца-переводчика, которого тоже прикомандировали к нам из Штаба Полиции.

Первой задачей, выпавшей на долю майора Иванова, был перевод лошадей с Янцепу на Рейс-Корс, не дав им рассыпаться, так-как они были полуживыми. Задача была очень трудной, но, как обычно, с прису-

щей ему тщательностью и предусмотрительностью, майор Иванов выполнил эту задачу, хотя этот «переход» (приблизительно 5-6 миль) занял почти целый день. Кони немедленно были выпущены на поле Рейс-Корса, где была прекрасная трава, и оставались «в табуне», под наблюдением особых дневальных от Отряда в течение почти трех недель, нагуливая тело. Их ловили только лишь для водопоя и потом опять отпускали в «табун».

Приблизительно через три недели их перевели в прекрасные каменные рейс-корсные конюшни, назначив на каждых двух лошадей по одному китайцу-«мафу» для ухода за ними. Чины Отряда являлись на все «уборки» лошадей, наблюдая за этими китайцами-мафу. Постепенно втянули лошадей в овес, начали их мыть и чистить. Через месяц животных нельзя было узнать: это были прекрасные, рослые и сильные кони, готовые к строевой службе.

За этот период времени уже произошла разбивка лошадей по взводам: 1-й взвод получил вороных, мой 2-й взвод-гнедых, а 3-й взвод — рыжих. Подбирать взводы по мастям было легко, так-как Отряд получил почти триста лошадей, почему на каждого человека приходилось почти по три лошади. Лечил лошадей ветеринар-японец, приходивший в конюшни каждое утро и вечером в сопровождении и под наблюдением фельдшеров-китайцев.

Получили японские кавалерийские седла. Началась езда, отдельно в каждом взводе. Занимались на поле Рейс-Корса, разрешалось пользоваться и «зеленой» (скаковой) дорожкой, однако не злоупотребляя этим.

Помимо занятий, каждому чину Отряда приходилось по утрам, а иногда и вечерами, «прорабатывать» заручных лошадей, не состоявших непосредственно на каком-либо чине Отряда, а являвшихся отрядным конским резервом. Это была очень утомительная работа: застоявшиеся кони доставляли своим всадникам немало неприятностей.

Во время одной из таких проездок, майор Иванов решил сам проработать одного особенно строптивого коня. Окончилось это весьма печально: конь отчаянно бил задом, стараясь сбросить своего седока, вставая на дыбы, бросался в карьер, потом неожиданно останавливался и, наконец, упал на землю, придавив под себя

майора Иванова. У Начальника Отряда оказалась сломанной ключица и его положили в госпиталь. Нашего «комиссара» китайца тоже разбила лошадь, и его принесли на руках в Отрядной околодок с окровавленным лицом, но переломов не было. К чести этого офицера китайца нужно сказать, что уже через два-три дня, все еще с повязкой на лице, он ездил на своем коне вместе с нами во время утренних занятий и проездок.

Большое «начальство» устраивало даже «смотр» своей конной полиции, на «зеленой дорожке» Рейс-Корса. Командовать этим «парадом» пришлось мне, так-как майор Степанищев, оставшийся за Начальника Отряда, во время его пребывания в госпитале, был чем-то занят в Штабе Отряда. На этом смотру мы, конечно, не показали еще особого искусства, но все прошло благополучно: начальство благодарило, никто из всадников не упал с коня и кони слушались своих ездоков.

Была одна длинная проездка всем составом по улицам города — «демонстрация силы», во время которой наш Контролирующий офицер, вероятно никогда до этого не сидевший на коне, вынужден был уступить мне свое место в голове колонны, так-как его конь не хотел слушаться всадника и не шел вперед, но охотно пошел «вторым номером» за мной.

Ежедневно мы высылали несколько конных патрулей в составе 6-8 всадников в отдаленные районы города: на Янцепу, в район Путу, к Ханьчжао и на Французскую Концессию. Во время одной из таких поездок с патрулем в районе Ханьжао я имел возможность убедиться в том, что японцы действительно готовились к упорной обороне Шанхая. В этом районе были построены окопы, блиндажи и огромные противотанковые ловушки-рвы.

Маршруты для этих патрулей мы ежедневно разрабатывали в Штабе с нашим «комиссаром», с таким расчетом, чтобы патруль не занимал больше четырех часов времени. Во время патрулирования, начальник патруля заезжал на все полицейские станции по пути своего следования, где рапортовал о происшествиях и получал инструкции Штаба Полиции, если таковые бывали.

Бывали вызовы по тревоге, так-как китайские массы, пережив первые упоительные моменты победы над японцами, опять начали жить «по старому», т. е.

бунтовать и устраивать забастовки на фабриках и заводах и собираться для уличных демонстраций. Главными подстрекателями всегда бывали студенты местных университетов.

В таких случаях, в зависимости от серьезности демонстрации, высылались обыкновенно одно или два отделения под командой одного из офицеров.

Появление конных полицейских всегда действовало на толпу отрезвляюще. В один из воскресных дней в Отряд неожиданно явился Контролирующий офицер и приказал приготовить сразу два взвода: мой и капитана Гапановича. По его объяснению, студенты и толпа устраивали какие-то демонстрации на площади около здания китайского YMCA.

Толпа была очень многочисленной и настроена она была очень бурно. В то время, когда мы подходили к этой площади, «пешая полиция» вела какие-то переговоры со студентами главарями демонстрантов. Не спешиваясь, мы стояли почти вплотную к толпе и следили за ходом переговоров, ожидая приказания начальства двигаться на эту толпу или-же возвращаться в свои казармы.

Не привыкшие стоять на одном месте, кони волновались и скользили на цементе мостовой улицы. Я был почти уверен в том, что в случае приказания двигаться на толпу, мы ее конечно разгоним, но понесем при этом потери, так-как рев толпы легко мог испугать лошадь и она, сделав порывистое, неосторожное движение, легко могла поскользнуться и упасть. По счастью, все окончилось благополучно: полицейское начальство «договорилось» с демонстрантами и толпа начала постепенно расходиться, «подталкиваемая» пешими полицейскими патрулями. Продвинувшись немного вперед за этой расходившейся толпой, мы получили приказание вернуться в казармы.

В связи с «постоянным» разделом Отряда на две части (пешую и конную) и ввиду усилившегося стремления чинов Отряда уволиться со службы (новых рекрутов, взамен уволившихся, не принимали), встал вопрос о ликвидации собственного Отрядного хозяйства, теперь уже не нужного Отряду. Начальник Отряда, майор Иванов, все еще лежал в госпитале, залечивая

сломанную ключицу, но давал свои указания и инструкции с госпитальной койки.

С разрешения Штаба Полиции, была назначена Особая ликвидационная Комиссия под председательством одного из Офицеров Отряда, в которую вошли выборные от чинов Отряда представители, как конной, так и пешей его частей.

Этой Комиссии приказано было ликвидировать собственное Отрядное хозяйство путем публичного аукциона. Аукцион состоялся в кантине при казарме на Рейс-Корсе: ушли с молотка наша прекрасная, очень ценная библиотека, спортивное оборудование, товары и посуда кантина и проч. Деньги, вырученные от продажи, Комиссия разделила между всеми чинами Отряда, имевшими право на их получение, сообразно продолжительности срока службы в Отряде.

В один день (даже в полдня!) Полк лишился всего того, что собиралось и создавалось в течение многих лет службы в Шанхае. Все ушло, конечно, за бесценок, так-как, пользуясь случаем, скупщики, сговорившись между собой, сбивали цены и покупали вещи за бесценок.

Я уже давно чувствовал себя нездоровым: по-видимому, окончательно «сдали нервы», да и надоело жить с семьей впроголодь, поэтому, когда мне предложено было бывшим Чиф-Инспектором Ф. Тэтстолл и Суперинтендантом полиции Виддоусон поступить на должность младшего офицера, в чине 2-го лейтенанта, в Роту (потом она развернулась в батальон) американской вспомогательной военной полиции, в которой оба эти бывшие чины Ш.М.П. занимали уже офицерские должности, я решил оставить службу в Отряде.

16-го декабря 1945 года я подал рапорт об увольнении и ушел со службы в Отряде.

Так закончилась моя служба в Русском Полку Ш.В.К., называвшемся в то время Отрядом. В это время Отряд быстро таял в своем составе, но продолжал еще существовать в течение почти 2-х лет, однако потеряв уже свою самостоятельность.

Начальник Отряда, майор Иванов, остался служить до конца, с ним продолжали служить только лишь отдельные чины «конной части», и он нес с ними службу, живя в общежитии с китайскими полицейски-

ми, которые заменили уволившихся русских «конников», в полицейской казарме на Синза род. Я не раз посещал его там и, наблюдая его тяжелую жизнь, невольно удивлялся крепости его духа, его лояльности к своим подчиненным и чувству долга.

Кто-то другой, по-видимому, добавит к этой моей «Истории» описание службы «подвижного резерва» на Гордон род, а сам Начальник Отряда, вероятно, не откажется добавить о службе «конной» части в последний период ее существования, уже после моего увольнения со службы. Иначе эта история не будет вполне законченной.

Честь, хвала и слава Начальнику Отряда, майору Иванову, г.г. офицерам, унтер-офицерам и всем чинам Русского Полка, которые, оставаясь «бесправными» белыми русскими эмигрантами, сумели создать Национальную Русскую Воинскую часть, служба в которой считалась почетной и слава о которой разнеслась далеко за пределы Международного Шанхая!! Своей примерной доблестной службой они заслужили для Полка СВОЕ Национальное Русское знамя, а также и право вывешивать ежедневно на своих казармах Трехцветный Национальный Русский флаг!! Это они создали образцовую во всех отношениях воинскую часть, пользовавшуюся отличной репутацией, как самая надежная и дисциплинированная часть постоянного шанхайского военного гарнизона, в верхах английского командования в Китае и в Муниципальном Совете, а равно и заслужили для Полка глубокое уважение и даже любовь гражданского населения, охранять и защищать которое они были призваны.

Командный состав и чины Полка честно выполнили свой долг перед Родиной и, создав «Русский Полк», вплели новую лавровую ветвь в венок славы Национальной России и Ее Армии в период советской смуты и безвременья. Честь им и хвала!

Даже после того, как Полк (Отряд) перестал уже фактически существовать, и только сам майор Иванов с очень небольшим числом из своих подчиненных еще

продолжал нести полицейскую службу наравне с китайцами, даже в это исключительно тяжелое время, майор Иванов не снял с себя моральной ответственности за своих бывших подчиненных и следил за их судьбой. А когда в этом появлялась необходимость, то он немедленно приходил к ним на помощь.

Неприятные события разыгрались в конце июня 1946-го года, когда китайскими властями были сняты со службы в «подвижном составе» на Гордон род, арестованы и посажены в китайскую тюрьму на Вард род капитан И. С. Лобанов, сержант Чумерин, констебль Черушев и констебль Лукьяновский.

Без малейшего к этому основанию, они были обвинены в каком-то преступлении связанном с охраной полком «обреченного китайского батальона» в лагере на Сингапур род, и брошены в тюрьму вместе с китайскими преступниками.

Одновременно был арестован и посажен в тюрьму бывший волонтер Полка Мещеряков, который, будучи часовым на посту в этом лагере на Сингапур род, охраняя свой пост и себя от толпы, подстрекаемой одним из заключенных в лагере солдат-китайцев, выстрелом из винтовки нечаянно убил этого солдата подстрекателя. Об этом случае я упоминал по ходу событий «Истории». В момент ареста Мещеряков уже давно не был чином Полка или Отряда.

Получив сведения об этих арестах, майор Иванов немедленно начал хлопотать об освобождении арестованных и организовал сбор средств на наем адвоката защитника невинно обвиненных чинов своего Полка.

Я помещу некоторые имеющиеся у меня письма и рапорта майора Иванова, касающиеся этого дела, а равно и отзывы местной русской печати по этому вопросу. Майор Иванов добился разрешения на свидание с этими арестованными (я сопровождал его и присутствовал при этом свидании в тюрьме на Вард род), а потом и их освобождения, за исключением Мещерякова, который присужден был китайским судом к отбыванию восьмилетнего тюремного заключения.

Так новая администрация, новая «власть» на бывшем Международном Сеттлементе, отблагодарила Русский Полк, в течение многих лет охранявший жизнь и

имущество населения этого района, состоявшего главным образом из китайцев.

На этом «благодарности» Полку не закончились: нашлись и европейцы, которые поступили с чинами Полка не лучше китайцев. Согласно условий службы (контракту) в Полку, сумма равная 10% получаемого жалования каждым чином Полка, ежемесячно отчислялась в «Суперашнюэйшен» (заштатные) фонд, который в Полку назывался «Гуд Сэрвис Бонус». Эта сумма хранилась в Гонконг-Шанхайском Банке, в его Шанхайском Отделении и давала 7,5% годовых.

К концу существования Полка (Отряда) на счету у некоторых старослужащих чинов его, в особенности его офицеров, была уже «довольно круглая» сумма денег. Однако, до сих пор, эти свои собственные деньги бывшие чины Полка не могут получить. В таком-же положении оказались и другие служащие Шанхайского Муницип. Совета, потерявшие еще более солидные суммы своих «заштатных». Однако, из их числа англичане, например, получили все-же то, что им причиталось, уже в Лондоне, в виде «релив мони» (пособия), выплаченного им Английским правительством. То-же, вероятно, сделали и правительства других стран в отношении своих подданных, служивших Шанхайскому Муниципальному Совету.

По «Каирскому соглашению», подписанному Рузвельтом, Черчиллем и Сталиным, Китай принимал обратно в свое ведение Международный Сеттлемент Шанхая со всем его имуществом и богатейшим хозяйством, но, в свою очередь, принимал на себя и все долговые обязательства Муниципального Совета в связи с ведением этого городского хозяйства. К таким долгам, безусловно, принадлежала и выплата «заштатных» бывшим служащим Ш.М.С.

После окончания войны, вышедшие из лагеря англичане — бывшие служащие Ш.М.С., создали особый комитет, которому поручили заняться разработкой этого вопроса, и даже был приглашен, на %%, специальный китайский адвокат, когда выяснилось, что правительство Чжан Кай-шека, расплатившись с китайскими служащими Ш.М.С., совсем не думает торопиться с этим в отношении европейцев.

С падением власти Чжан Кай-шека и с приходом коммунистической власти Мао Цзе-дуна вопрос о выплате заштатных бывшим служащим Ш.М.С. оконча-

тельно повис в воздухе: подавляющее большинство подлежащих оплате служащих Ш.М.С. поспешили уйти от коммунистических лап и рассеялись по всему миру.

Группа таких «претендентов на свои собственные деньги», оказавшаяся в Австралии, организовала особый комитет, которому и поручила ведение всего этого дела «о заштатных деньгах». Однако, юрист, которому Комитет поручил разобраться в этом вопросе и наметить дальнейшие пути в направлении судебного преследования «неплательщика», вынес совершенно неожиданное заключение: Муниципального Совета Международного Сеттлемента Шанхая уже не существует и поэтому «судиться не с кем», с коммунистическим-же китайским правительством, которое, только лишь с большой натяжкой, можно считать отчасти ответственным, Австралия не состоит в договорных отношениях, а само коммунистическое правительство Китая этим вопросом, по-видимому, совсем не интересуется. В конце своего заключения «мудрый юрист» рекомендовал... обратиться к главам своих государств, т. е. нам белым русским эмигрантам, по-видимому, надлежало обращаться к... товарищу Сталину!!!

Как я уже упоминал, Англия выплатила долг Шанхайского Муниципального Совета своим подданым, тоже, вероятно, сделала и Америка. Здесь, в Бризбене, в Австралии, совместно с ныне уже покойными моими сослуживцами по Полку и Ш.М.П. (лейтенантом В. Л. Кузьминым и А. Г. Доможировым) я поднял этот вопрос в своем районном отделении «Солдатского Союза», в котором мы состояли членами. Председатель и Секретарь этого союза очень сочувственно отнеслись к нашему делу. Они привлекли к работе сначала одного из членов Федерального Парламента, а потом довели это дело и до Премьер-Министра Австралии, кабинет которого не нашел возможным удовлетворить нашу просьбу. Мы получили отказ.

Но дело на этом не остановилось. Солдатский Союз довел его до очередной Конференции Премьер-Министров всего английского Коммонвэлс, собравшейся тогда в Лондоне. Это было, кажется в 1954 году. В результате... мы снова получили отказ.

Из целой груды переписи, хранящейся у меня, явствует, что мнения Премьер-министров английского Коммонвэлс были не в нашу пользу. Суммирую их вкратце:

1). Служба Шанхайскому Муниципальному Совету **являлась нашим личным делом**, как-бы деловым контрактом между двумя **частными лицами**. Международный Сеттлемент не являлся Английской Королевской Колонией, а его администрация — **были частные лица, не связанные с английским правительством.**

История Шанхая и, в частности, история Русского Полка доказывает всю нелепость умозаключения «премьеров». Чем-же объясняют тогда они приказ Английского Посланника в Китае, отданный им когда началась война, в котором он просил всех служащих Шанхайского Муниципального Совета оставаться на своих постах и продолжать нести службу на Сеттлементе, чтобы сохранить его до конца войны!! Он требовал даже от тех, кто оказался в это время в заграничном отпуску, немедленного возвращения в Шанхай!!

2). Премьер-Министр Канады даже заявил, что «канадцы, служившие в Ш.М.С. принесли-бы больше пользы, служа у себя в Канаде, и что он **не одобряет их службы в Шанхае».**

«Пилат» умыл руки и отошел в сторону!!

3). По мнению большинства «премьеров», «заштатные деньги», положенные в Гонконг-Шанхайский Банк на счет служащих Муниципального Совета, были **частным вкладом**, и что вкладывали их **частные лица** (Муниципальный Совет), и теперь потеря этих денег ничем не отличается от таковой-же потери, которую понесли многие вкладчики, имевшие деньги в заграничных банках, в связи с крахом этих банков в результате войны.

Но ведь Гонконг-Шанхайский Банк существует и по сей день!!

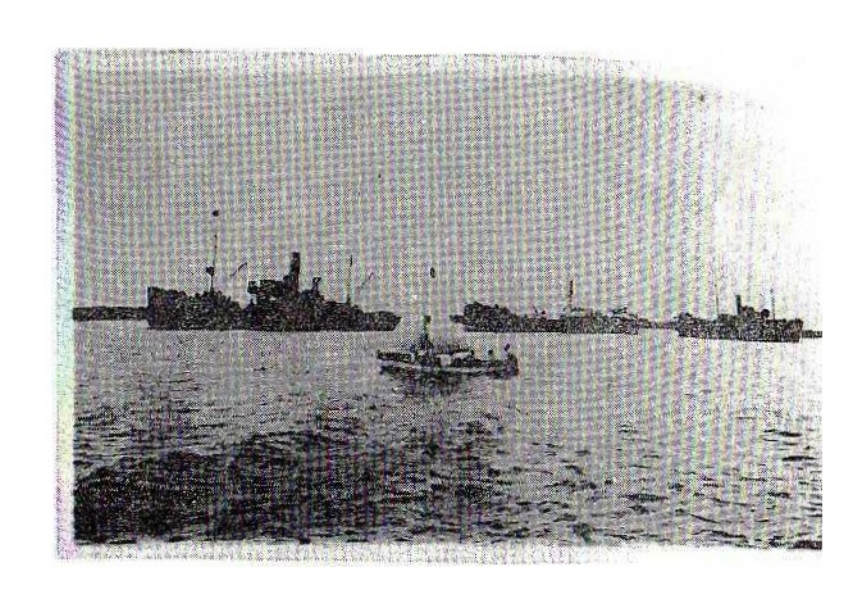
Прочтя эти доводы, я невольно подумал: «если Международный Сеттлемент Шанхая БЫЛ ЧАСТНЫМ ПРЕДПРИЯТИЕМ, то почему-же тогда Черчилль ОТДАЛ ЭТО ПРЕДПРИЯТИЕ КИТАЙЦАМ, НЕ СПРАШИВАЯ НА ТО СОГЛАСИЯ ХОЗЯЕВ ЭТОГО ПРЕДПРИЯТИЯ?!!

На этот раз отказ был полный и мы прекратили всякие дальнейшие хлопоты по этому делу.

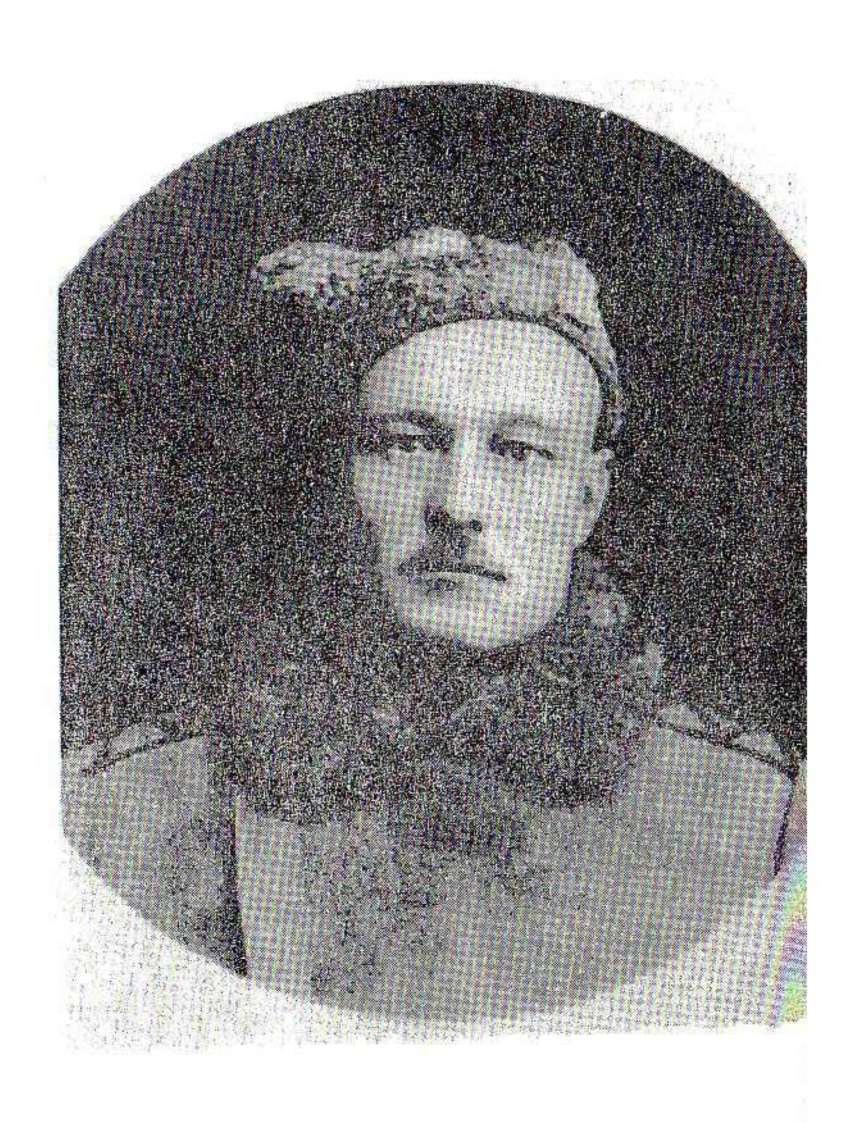
Чины Полка (Отряда), в особенности его старослужащие (в том числе почти все его офицеры) поступили на службу в 1927-28 г.г., в расцвете своих сил и здоровья, почти двадцать лет они верно и добросовестно несли свою службу, рассчитывая на то, что Муниципальный Совет оценит это и не забудет их на старости лет. Получилось, однако, совсем не то!!! Где-же справедливость! Где благодарность и награда за честную и добросовестную двадцатилетнюю службу?!!

ОГЛАВЛЕНИЕ

ФОТОГРАФИИ

Российские военные транспорты «Защитник», «Охотск», «Монгугай» на рейде Вузунга.

Командующий Дальневосточной Казачьей Группы
Ген.-лейт. Ф. Л. ГЛЕБОВ.
Группа стала основой Русского Отряда Ш.В.К.

Майор Г. Г. ТИМЕ
Командир Полка 1927 — 1933
Русской службы Полковник Л.-Гв.
Конно-Гренадерского Полка.

Майор С. Д. ИВАНОВ
Командир Полка с 1933 года.
Русской службы Полковник.

Капитан Е. М. КРАСНОУСОВ
последний Адъютант Полка.

Мраморная доска
от Российского Зарубежного Воинства
на могилу Е. И. В. Вел. Князя Николая Николаевича

Венок этот возложен от Отряда на гробницу
Е. И. В. Великого Князя Николая Николаевича
в день первой годовщины Его кончины 5 янв. 1930 г.
лично Генералом от Инфантерии Кутеповым.

Почто-телеграмма.

Полковнику Т И М Е.

Сердечно благодарю Васъ и всѣхъ чиновъ Русскаго отряда въ [illegible] за возложенный на гробницу дорогого моего Супруга, въ первую годовщину Его кончины, серебряный вѣнокъ.

Мнѣ особенно отрадно было увидѣть этотъ знакъ любви чиновъ Отряда къ памяти въ Бозѣ почившаго Великаго Князя, всегда слѣдившаго за судьбою Отряда и цѣнившаго его постоянное содѣйствіе той работѣ на спасеніе Россіи, которой до послѣдняго вздоха заняты были помыслы Почившаго.

Да пошлетъ Вамъ всѣмъ Господь Всемогущій счастье увидѣть Родину освобожденной отъ ея поработителей.

24 Дек./ 7 Янв.
1929-30г.
Антибъ.

Анастасія

Почтотелеграмма
Е. И. В. Великой Княгини Анастасии Николаевны
Командиру Полка.

Почтотелеграмма.

Полковнику ТИМЕ

Сердечно благодарю Вас и всех чинов отряда в Шанхае за возложенный на гробницу дорогого моего Супруга, в первую годовщину Его кончины, серебряный венок.

Мне особенно отрадно было увидеть этот знак любви чинов Отряда к памяти в Бозе почивающего Великого Князя, всегда следившего за судьбою Отряда и ценившего его постоянное содействие той работе на спасение России, которою до последнего вздоха заняты были все помыслы Почившего.

Да пошлет Вам всем Господь Всемогущий счастье увидеть Родину освобожденной от ее поработителей.

25 дек. / 7 янв.
1929-30 г.
АНТИБ.

(Подпись)
Анастасия.

HEADQUARTERS
SHANGHAI VOLUNTEER CORPS
17 Foochow Road
SHANGHAI

НАЧАЛЬНИКЪ
Отдѣльнаго Русскаго Отряда
Шанхайскаго Волонтерскаго
Корпуса.
12 Марта 1930 года.
№ 216.
г. Шанхай.

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО,

Я и чины ввѣреннаго мнѣ Русскаго Отряда въ Шанхаѣ несказанно обрадованны милостивымъ отношеніемъ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА.

Мы высоко чтимъ лестный для насъ отзывъ о нашей работѣ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА въ Бозѣ почившаго Великаго Князя и Верховнаго Главнокомандующаго и на вѣчныя времена сохранимъ въ сердцахъ нашихъ тѣ великіе завѣты, въ отношеніи служенія нашей Святой Родинѣ, которые завѣщалъ намъ всѣмъ нашъ незабвенный Вождь.

Повергая себя къ стопамъ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА мы остаемся всегда вѣрными и преданными слугами ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА.

Маіоръ [подпись]
/ Русской службы Полковникъ /

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ
Великой Княгинѣ АНАСТАСІИ НИКОЛАЕВНѢ.

Письмо майора Г. Тиме
Е. И. В. Вел. Княгине Анастасии Николаевне.

HEADQUARTERS
SHANGHAI VOLUNTEER CORP
17Foochow Road
Shanghai

Telegraphic Address:
Voluncorps Shanghai

Начальник
Отдельного Русского Отряда
Шанхайского Волонтерского
Корпуса.
12 марта 1930 года.
№ 216
г. Шанхай.

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО,

Я и чины вверенного мне Русского Отряда в Шанхае несказанно обрадованы милостивым отношением ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА.

Мы высоко чтим лестный для нас отзыв о нашей работе ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА в Бозе почившего Великого Князя и Верховного Главнокомандующего и на вечные времена сохраним в сердцах наших те великие заветы, в отношении служения нашей Святой Родине, которые завещал нам всем наш незабвенный Вождь.

Повергая себя к стопам ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА мы остаемся всегда верными и преданными слугами ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА.

Майор Г. Тиме
(Русской службы Полковник)

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ
Великой Княгине АНАСТАСИИ НИКОЛАЕВНЕ.

Почто - Грамма.

Полковнику Т И М Е.

Сообщаю, что, сооруженный на средства чиновъ командуемаго Вами Отряда, вѣнокъ былъ мною лично возложенъ на гробъ въ Бозѣ почившаго Великаго Князя НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА въ годовой день Его кончины.

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО Великая Княгиня АНАСТАСІЯ НИКОЛАЕВНА пришлетъ Вамъ благодарственную почто-телеграмму за своею личною подписью, но пока поручила мнѣ немедленно передать Вамъ и всѣмъ чинамъ командуемаго Вами Отряда Ея сердечную благодарность за возложенный на гробъ Ея Августѣйшаго Супруга художественно исполненный вѣнокъ.

Генералъ Кутеповъ

Января 1930 года.
г. Парижъ.

Письмо Ген. Кутепова К-ру Полка.

Почтограмма.

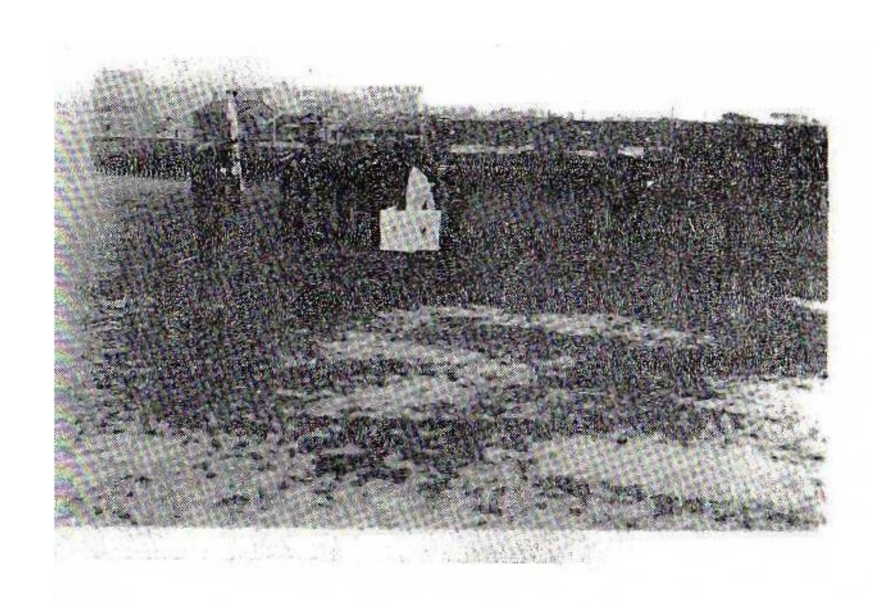
Полковнику ТИМЕ.

Сообщаю, что сооруженный на средства чинов командуемого Вами Отряда венок был мною лично возложен на гроб в БОЗЕ почивающего Великого Князя НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА в годовой день Его кончины.

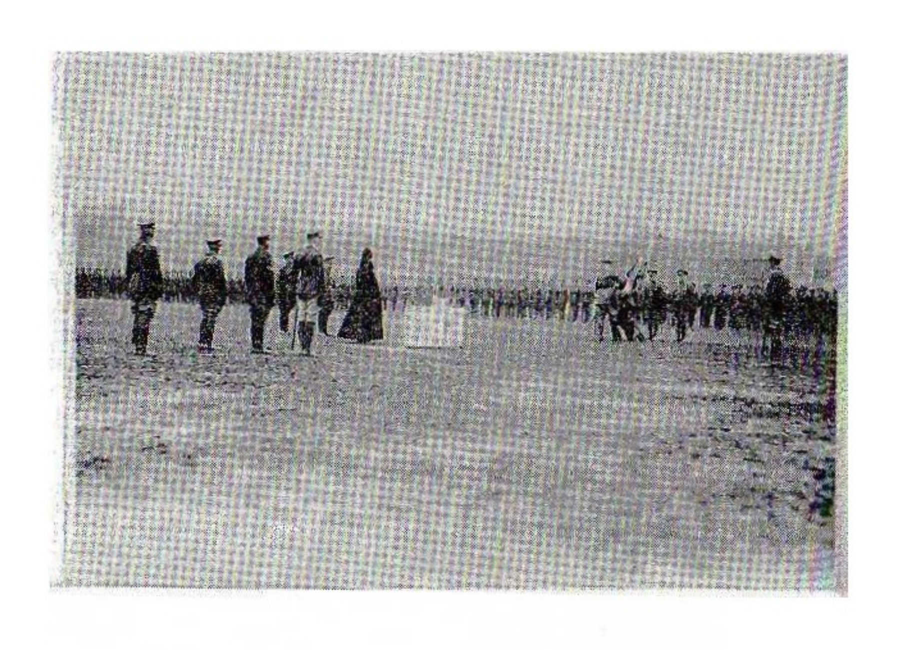
ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО Великая Княгиня АНАСТАСИЯ НИКОЛАЕВНА пришлет Вам благодарственную почтотелеграмму за своею личною подписью, но пока поручила мне немедленно передать Вам и всем чинам командуемого Вами Отряда Ея сердечную благодарность за возложенный на гроб Ея Августейшего Супруга художественно исполненный венок.

Генерал (подпись)
Кутепов.

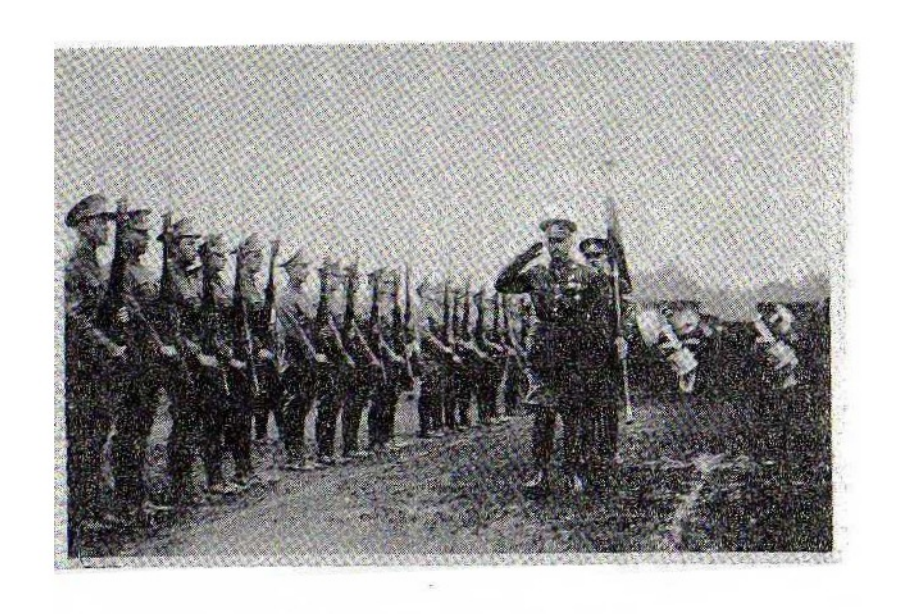
Церемония прибивки Знамени к древку.
Генерал Флеминг, генерал Макнотен, майор Тиме, полковник Томс.

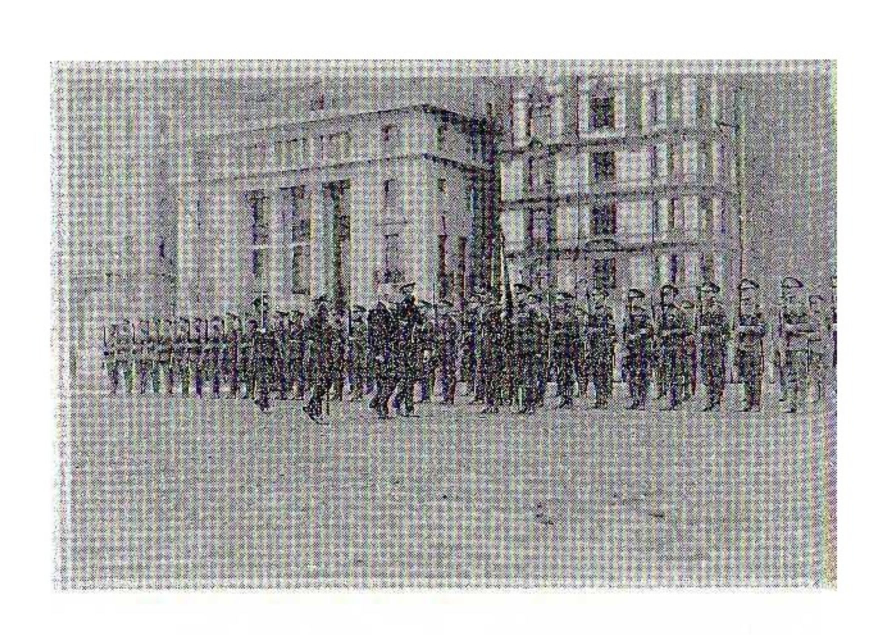
Освящение Полкового Знамени.

Командир Корпуса вручает Знамя К-ру Полка.

Обход с вновь полученным Знаменем по фронту Полка.

Смотр Полка Председателями Муниципального Совета.

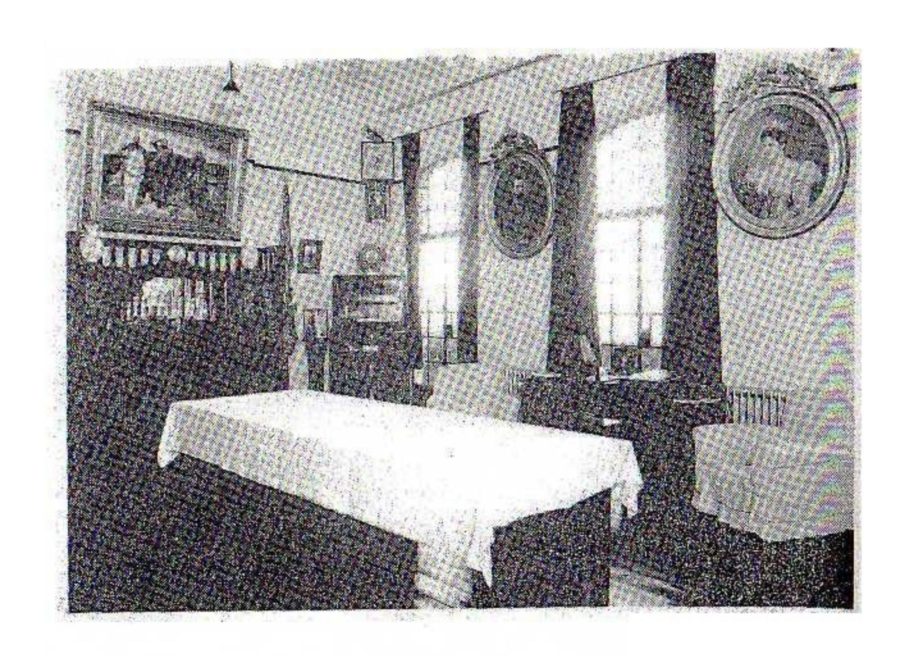
Походная церковь

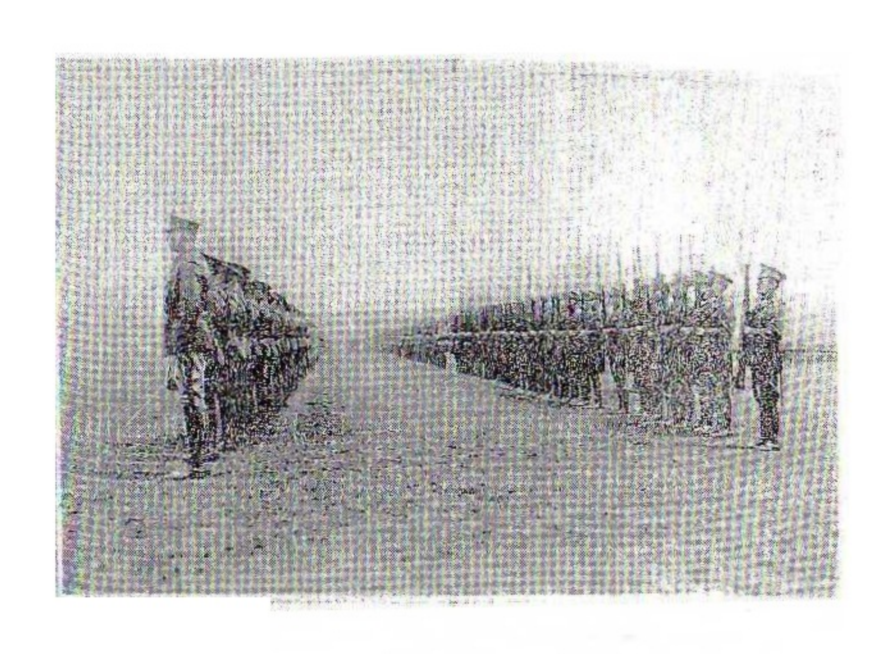
Полковой праздник. Командир Корпуса посетил волонтерскую столовую.

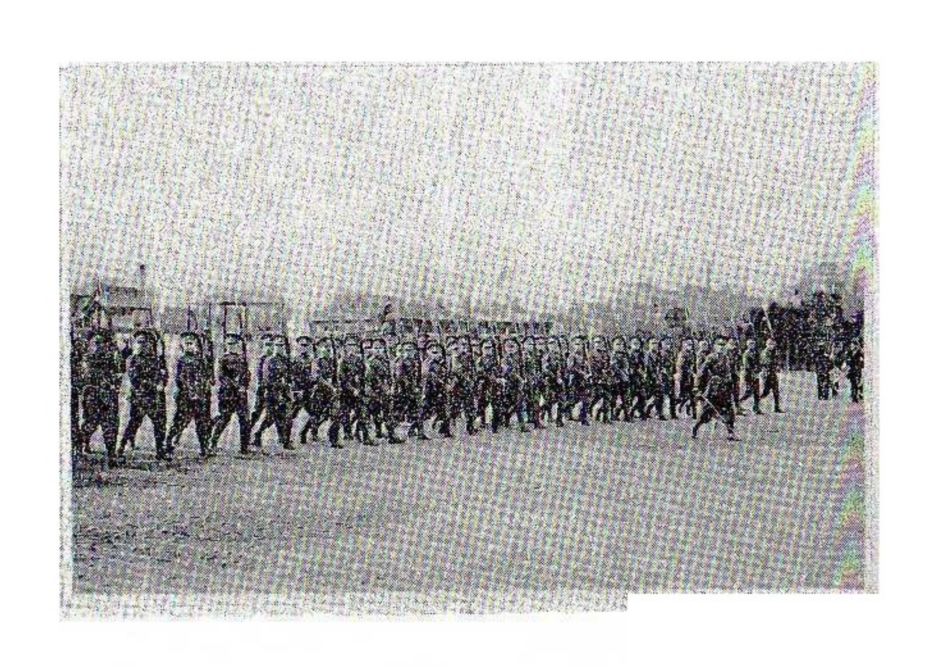
Полковой праздник. Г.г. офицеры и гости Полка в столовой.

Офицерское собрание Полка.

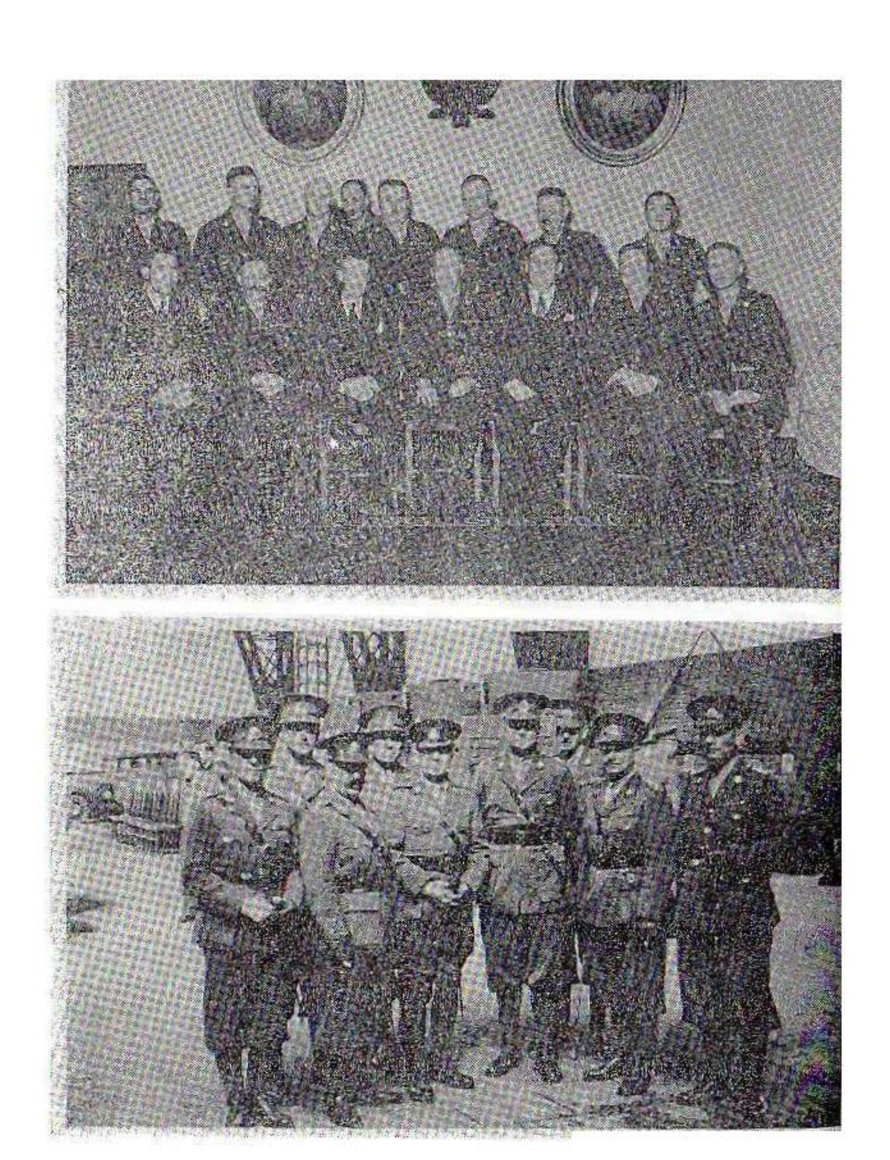
Развернутый фронт Полка.

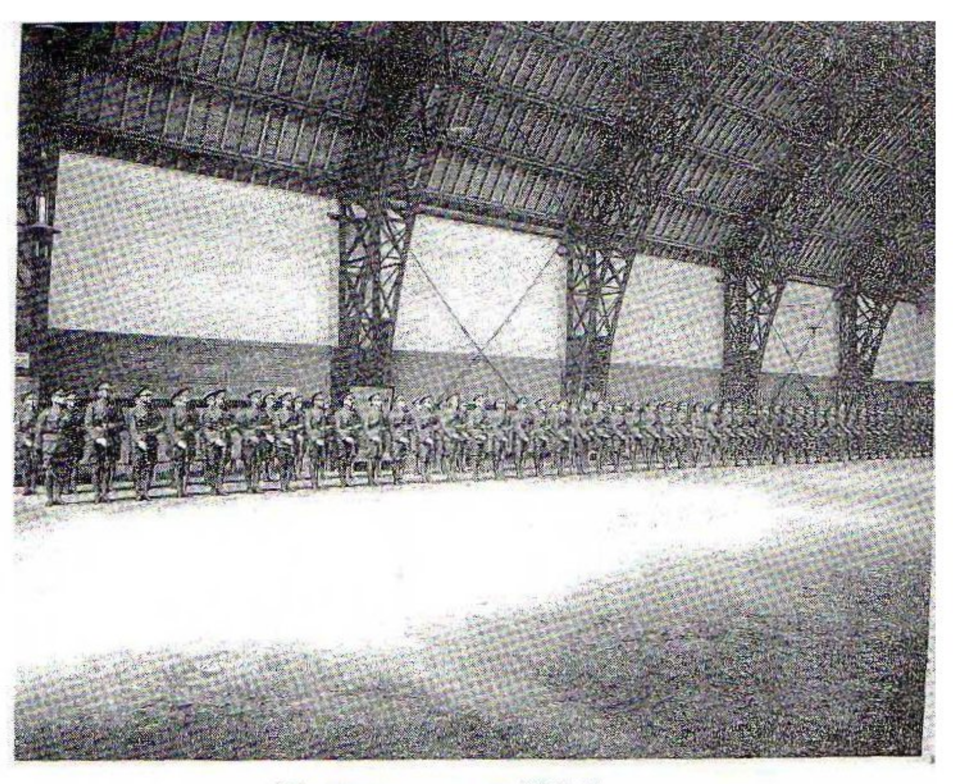
Парад развернутым фронтом.

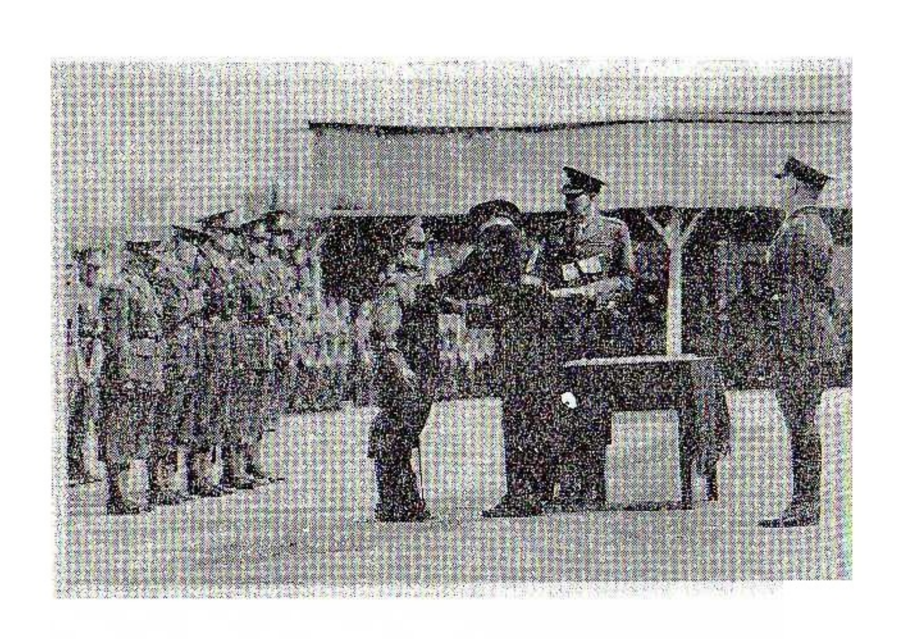
Рут марш по улицам Шанхая.

Группа офицеров Полка.

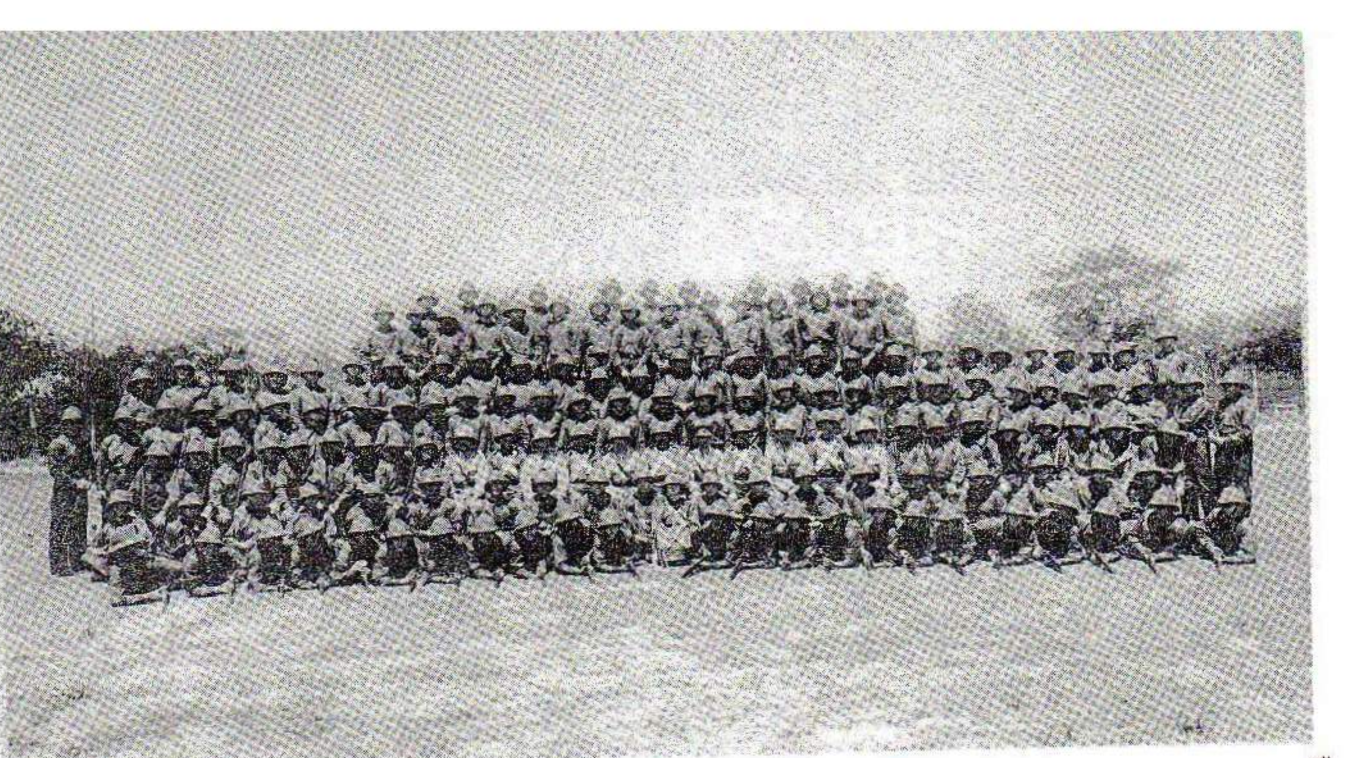
«На караул» манеж Ш.В.К.

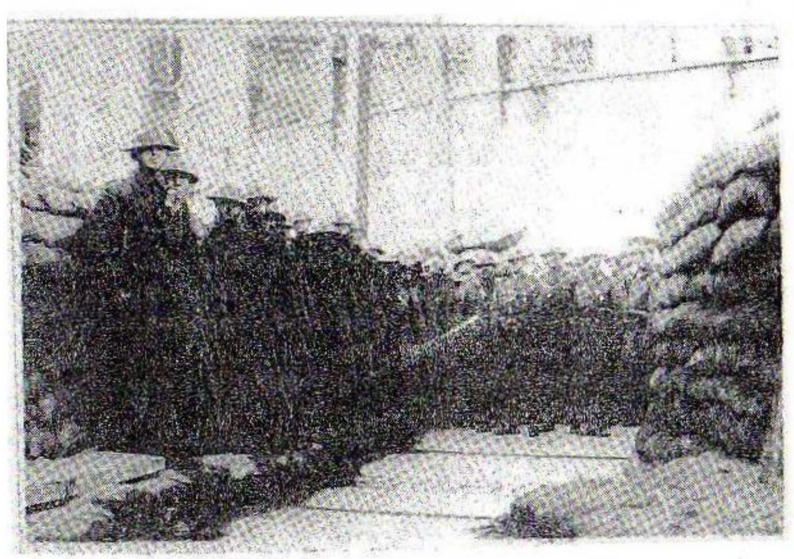
Раздача медалей за 18 лет безупречной службы.

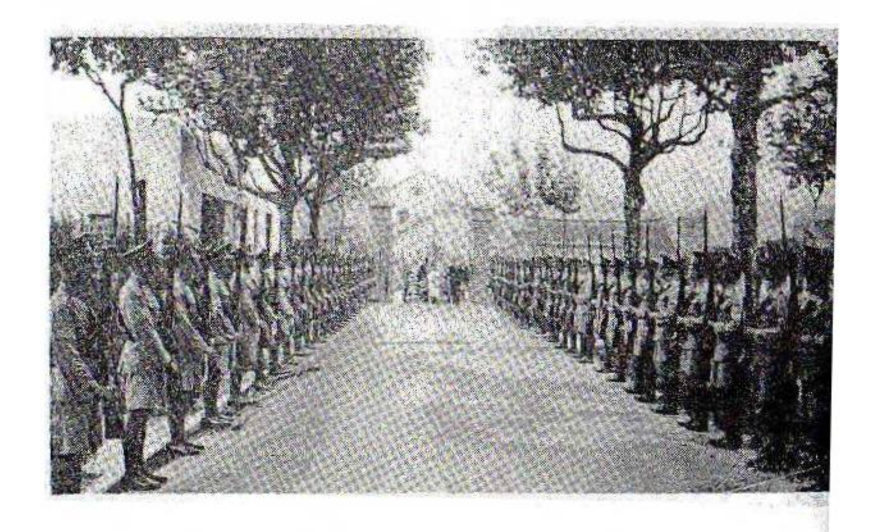
Юбилейные торжества «Татту». Заря с церемонией. 1935 г.

На маневрах 1935 г.

Полк на передовых позициях.

Похороны Командира Полка
Гв. Полковника Г. Г. Тиме.